

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «СОВА»
ИНФОРМАЦИОННО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ДЕМОС»

Демократия вертикали

Составитель:
Александр Верховский

Москва
Июнь 2006

УДК 321.7(470+571)(082.1)
ББК 66.4(2Рос)я43
Д 43

Д 43 **Демократия вертикали: (сб. статей) /** Информ.-аналит. центр «Сова», Информ.-исслед. центр «Демос»; сост.: А. Верховский. — М.: Центр «Сова», 2006. — 347 с.
ISBN 5-98418-006-5

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей подводит итог полугодового проекта Информационно-аналитического центра «СОВА» и Информационно-исследовательского центра «Демос».

В совместном проекте «СОВА» и «Демос» вели мониторинг наиболее существенных событий и тенденций, связанных с усугубляющимся кризисом демократических институтов в нашей стране.

Соответственно, сборник включает аналитические статьи о том, что происходит с такими институтами, как выборы, свободные СМИ, права собраний и ассоциаций. Конечно, нельзя пройти мимо ключевой для кризиса российской демократии проблемы Чечни. Завершается сборник стенограммой дискуссии о возможностях демократического транзита для сегодняшней России.

Одним из средств совместного мониторинга был и остается Барометр демократии — еженедельный опрос экспертов о ситуации с демократией в России. См. на веб-сайтах

Центра «СОВА» — <http://sova-center.ru>
и Центра «Демос» — <http://demos-center.ru>

Сборник составлен и выпущен при поддержке Европейского Союза.
Статьи сборника отражают мнения их авторов,
но не позицию Европейского Союза.

Составитель — А. Верховский
Редактура и корректура — В. Ахметьева
Дизайн и верстка — Н. Винник, М. Гаврилова
В оформлении обложки использован фрагмент миниатюры
из рукописи XIV в., Англия

Подписано в печать 27.06.2006. Формат 60x84^{1/16}. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 21,75. Уч.-изд. л. 20,6. Тираж 1500. Заказ .
ООО Центр «Сова». Адрес для писем: 103982, Москва, Лучников пер., д.4, под.3, к.2.
Телефон/факс: (495) 628-63-46. E-mail: mail@sova-center.ru. Веб-сайт: <http://sova-center.ru>
Типография Россельхозакадемии. 115598 Москва, ул. Ягодная, 12.

ISBN 5-98418-006-5

© Авторы, 2006
© Верховский А.М., 2006 — составление
© Винник Н.В., 2006 — оформление

Содержание

<i>Александр Верховский</i> Энтропия растет. Вместо введения	5
<i>Татьяна Локишина</i> Возвращение в позавчера	10
<i>Сергей Лукашевский</i> Демократия в России-2005: радикальная «суверенизация»	19
<i>Лев Левинсон</i> У нас нет выбора	45
<i>Светлана Ковалева</i> Власть против улицы	58
<i>Владимир Прибыловский</i> Власть и СМИ в правление Путина. Хроника	68
<i>Татьяна Локишина</i> С широко закрытыми глазами	103
<i>Татьяна Локишина</i> Чечня: «чеченизация» конфликта и «формирование демократических институтов»	108
<i>Усам Байсаев и Татьяна Локишина.</i> «Политический процесс» в Чеченской Республике: от референдума к парламентским выборам	108
Жаловаться некому. К какой жизни возвращается чеченский Феникс	122
Законы зазеркалья. Чечня накануне парламентских выборов	129
Подготовка выборов в парламент Чеченской Республики	134
«Единственная действительность в том, что, действительно, убивают людей»	146

Обманчивая тишина	154
Светлое настоящее. Чечня, весна-2006	160
<i>Александр Верховский</i>	
Религия и конструирование российской «национальной идеи» в начале нового века	165
<i>Марлен Ларюэль</i>	
«Русская диаспора» и «российские соотечественники»	185
<i>Татьяна Локшина</i>	
Переговоры с Европой	213
Загадка умеренного сепаратизма	213
Как добиться невозможного	222
Россия-ЕС: разговор в параллельных измерениях	230
Перспективы демократического транзита	236
Первая сессия (Ю. Джибладзе, Д. Потехин, Ю. Кургунюк, А. Аузан)	236
Вторая сессия (Б. Дубин, В. Римский)	269
Третья сессия (А. Бузин, Б. Надеждин, В. Прибыловский)	289
Четвертая сессия (Л. Левинсон, В. Лысенко, С. Митрохин, И. Сажин, Л. Алексеева)	312

Александр Верховский

Энтропия растет. Вместо введения

Предлагаемый вашему вниманию сборник – о продолжающемся и усугубляющемся кризисе демократии в нашей стране. Конечно, на эту тему написано уже немало, так что хотелось бы увидеть не просто еще одну книгу, но систематическое исследование, позволяющее наконец определить суть происходящих перемен и оценить хотя бы среднесрочные перспективы. Но такого исследования нет и, видимо, пока просто не может быть: противоречивые тенденции сегодняшнего дня невозможно систематически описать изнутри, требуется определенная дистанция.

Никто, кроме тех, кому это положено по должности, не спорит с тем, что путинское правление постепенно трансформируется в авторитарный режим. Спорить можно лишь о том, насколько сознательно это делается, каковы характеристики этого режима и какова их динамика. В эти споры мы и хотим внести свой вклад.

Разумеется, у авторов сборника нет какого-то единого ответа, нет и согласия между собой по целому ряду поводов. Сборник статей – не монография, да и затруднительно было бы представить себе монографию, систематически рассматривающую всю многообразную динамику сегодняшнего дня (хотя есть в книге и попытка такого систематического описания – статья об эрозии основных демократических институтов на протяжении прошедшего, 2005 года¹).

Но все-таки я как составитель вижу у большинства авторов нечто общее – это констатация фрагментарности и неопределенности происходящих процессов. Речь не о том, что все на свете развивается недостаточно последовательно. Речь о том, что по большинству направлений политика власти не является частью какой-то, пусть ограниченной, стратегии. Политика формируется преимущественно стихийно, по результирующей разнонаправленных и изменчивых волей разных групп политической элиты, все более сужающейся до номенклатуры Администрации президента, но по-прежнему достаточно пестрой и живущей не только указаниями начальства, но и собственными интересами и представлениями. Сам по себе этот плюрализм можно было бы приветствовать – на фоне постепенного вымирания иных форм плюрализма. Одна беда: личные и групповые

¹ См. статью С. Лукашевского в данном сборнике.

интересы в рамках внутриноменклатурной конкуренции принципиально не порождают никакой стратегии, их временной горизонт очень узок. Впрочем, большими сроками не мыслят не только чиновники, ими вообще почти никто в стране мыслит; план на ближайшие два года и буквально по нескольким вопросам («преемник», «степень конфронтации с Западом», «роль Газпрома», что еще?) — это максимум стратегического мышления.

Что же происходит в этом стихийном процессе? Думаю, наиболее существенное — это постепенный демонтаж институтов демократии. Не отдельные репрессии, как бы они ни пугали нас «возвращением в позавчера»², не давление на те или иные оппозиционные силы, а именно разрушение институтов. Во-первых, потому что этот ущерб — долгосрочный, во-вторых, потому что ситуация отсутствия или крайней слабости институтов демократии исключает или хотя бы делает все более проблематичной дальнейшую мирную эволюцию, а последнее соображение, видимое и власти, и оппозиции, ведет уже сегодня к все более серьезным столкновениям и репрессиям.

Насколько обсуждаемый демонтаж сознателен, а насколько он происходит стихийно? Несомненно целенаправленные усилия властей по разрушению институтов выборов и свободной прессы³, но посмотрим на их результаты.

Выборы значительно сократились в количестве и потеряли тот смысл, который им предписан Конституцией, но они по-прежнему остаются инструментом политической борьбы: только конкурируют на них не столько партии и не собственно в процессе предвыборной агитации, а номенклатурные группировки и в процессе предварительных закулисных торгов. Политическая конкуренция, которая и является альтернативой авторитарной «вертикали», не может быть так просто истреблена — она переходит в аппаратные войны. И в этих войнах, как известно из истории, могут происходить не менее драматические перемены, чем в ходе выборов.

Свободные СМИ не исчезли, хотя и переместились на обочину официальной реальности. При этом свобода слова, в принципе, сохранилась: каждый имеет возможность высказаться, и структура оставшихся свободных медиа (в первую очередь — в интернете) создает должный резонанс для заслуживающих внимания высказываний в пределах ограниченной,

² См. одноименную статью Т. Локшиной.

³ См. соответственно статьи Л. Левинсона и В. Прибыловского (а также статью Т. Локшиной «С широко закрытыми глазами»).

до отнюдь не маленькой аудитории, весьма значительно пересекающейся с совокупностью граждан, которые являются реально или потенциально социально активными. Тем самым свободное слово сохраняет свой ресурс общественного влияния, хотя он и не реализуется в ситуации стабильности, точнее, бессобытийности, или, проще говоря, «застоя».

Более того, само существование конкурентных масс-медиа в современном обществе всегда чревато сбоем в контроле. Невозможно же полностью переключить внимание граждан от сферы медиа к прямым высказываниям правящего чиновничества, что, наверное, было бы идеалом авторитарного режима. Дело не только в привычках граждан, но и в том, что правящая элита по сути наполовину состоит из пиарщиков: они не знают других эффективных инструментов, кроме пропаганды (и крайне преувеличивают ее эффективность), да и не готовы отказаться от частного приработка на пиаре. Информационных войн уже нет, но «разоружения» не произошло и, следовательно, есть риск их возобновления, если сложатся подходящие условия.

Видимо, механизмы реализации гражданских свобод, лишившись контекста целостной системы демократических институтов, перестают быть механизмами обустройства общества; они становятся механизмами борьбы элит или механизмами подготовки революционной смены таковых (под революцией, конечно, не понимается непременно кровавый переворот, но — не эволюционная перемена, разрушающая порядок функционирования системы). «Беспорядок», присущий 90-м — то, что чему путинская власть противопоставляла себя с самого начала, — не исчезает, он лишь скрывается.

Уже сейчас мы, пусть в небольших масштабах, видим это на примере реализации права на публичные собрания⁴. Закон его почти не ограничивает, но на практике оно, конечно, ограничивается, и чем дальше, тем серьезнее. Эти ограничения, неизбежные в ужесточающейся политической системе, реализуются только через произвол местных властей. Вроде бы, это максимально удобно для власти — но не срабатывает даже при незначительной реальной активизации снизу. Панический, пусть и отчасти искусственный, страх перед «оранжевой чумой» давно прошел, но решение проблемы неуправляемости улицы так и не найдено.

Проблема неустойчивости мягкого авторитарного режима может решаться двумя способами. Первый вариант — восстановление демократи-

⁴ См. статью С. Ковалевой.

ческих институтов, дающих, как известно, большую стабильность. Но это требует консолидации и решительности элит в таком повороте, а он ведь даже и не рассматривается.

Второй вариант, напрашивающийся хотя бы вследствие инерции событий — переход в режим жесткого авторитаризма, силой пресекающего любое проявление политической свободы и сводящего политический процесс исключительно к аппаратным интригам, также ограничиваемым репрессиями. Но чтобы воспользоваться этим выходом, тоже нужна сильная и консолидированная политическая воля, нужна готовность на жертвы, хотя бы в отношениях с Западом (преувеличивать роль этих отношений, конечно, не стоит, но и сбрасывать их со счетов никак нельзя⁵). Главное — нужна готовность к личному риску, неизбежно сопутствующему по-настоящему жесткой вертикальной структуре: элиты в ней страшно рискуют и в процессе внутренних конфликтов (куда больше, чем при мягком авторитаризме), и при неизбежном рано или поздно падении режима.

Но, как уже говорилось, выбор серьезной и последовательной стратегии не свойствен сегодняшней власти в России. Это видно и по тому, как решаются основные долгосрочные проблемы страны. Наиболее показательный пример — Чечня⁶. Годы войны и реализация колониальной по сути политики «чеченизации конфликта» привели к тому, к чему и должны были привести, — в республике, воспринимаемой как колония, установился жесткий и формально лояльный Москве местный режим, но при этом склонный к сепаратизму не менее дудаевского-масхадовского. Либо этот режим рухнет под тяжестью собственной жестокости (такое бывает, и нередко) и сменится на другой, менее лояльный, либо удержится надолго и при первом признаке ослабления федеральной власти снова заявит претензию на сецессию. Вряд ли этого не понимают в Кремле. Но там не готовы всерьез решать проблему, так же как оказались не готовы, например, к экономическим реформам, замышлявшимся в начале путинского правления.

Авторитарный режим, если он не намерен буквально держаться на штыках, должен предъявить народу «национальную идею» — цель, ради которой режим существует. Идея стать гарантом энергетической безопас-

⁵ Как реально работает сегодня пресловутое «давление Запада», фрагментарно, но четко показано в статье Т. Локшиной «Переговоры с Европой».

⁶ См. ее же статью «Чечня: “чеченизация” конфликта и “формирование демократических институтов”».

ности, то есть глобальным сырьевым придатком, вряд ли годится как ответ на вопросы «кто мы?» и «кем мы хотим стать?».

То, что Россия после распада СССР до сих пор не обрела ясного представления о своей новой идентичности, является общим местом политических дискуссий. И в запомнившемся многим обращении к гражданам после событий в Беслане, 4 сентября 2004 г. Путин подчеркнул, что Россия является новым государством, нуждающимся в самоопределении.

Однако ничего, кроме мобилизации, опять же — непоследовательной, против Запада, пока не предъявлено. Напрашивающаяся тема русского национализма оказалась не освоена властью. Это видно внутри страны — по истории создания и подавления «Родины», по слабости попыток выстроить православную имперскую идентичность⁷. Это видно во внешней политике — на примере важнейшей темы «русской диаспоры»⁸. Другие же темы для самоидентификации оказались еще менее востребованы.

Итак, режим неэффективен. А гражданское общество, и так слабое, им систематически ослабляется. Какой выход возможен из этой ситуации, в частности, возможен ли все-таки выход к демократии?⁹ Одно понятно — неэффективный режим, не планирующий всерьез пути своего развития, будет и далее развиваться по инерции, усугубляя свои свойства, включая ту же неэффективность, и падет в результате того или иного кризиса, причем вряд ли очень скоро. Предсказывать причины и формы кризиса невозможно, соответственно, нельзя предсказать и исход. Результатом кризисной трансформации может оказаться и довольно дикий авторитаризм имперско-националистического толка, и новый продемократический пакт элит.

Но нам стоит не гадать о принципиально непредсказуемом будущем, а строить свое поведение в настоящем, определяемом тем режимом, который есть.

⁷ См. мою статью «Религия и конструирование российской “национальной идеи” в начале нового века».

⁸ См. статью М. Ларюэль.

⁹ Весьма подробно об этом говорили участники семинара «Перспективы демократического транзита», стенограмма которого завершает наш сборник.

Татьяна Локшина

Возвращение в позавчера¹

В середине девяностых, еще в бытность в аспирантуре, я работала в архиве Андрея Сахарова. Сортировала документы, подшивала в папочки, делала описи, заполняла карточки на персоналии. И при общей неспособности к архивному делу продержалась там около двух лет — уж очень увлекательными оказались история диссидентского движения, жизнеописание его героев, позволивших себе величайшую роскошь — жить как свободные люди в мире несвободы — и плативших сполна за столь неслыханную экстравагантность.

Мои родители — обычные служащие, представители того, что называлось «советская интеллигенция», люди по-человечески глубоко порядочные, вроде бы жили в то же самое время, но как-то совсем по-другому. Мысль о том, чтобы выплеснуть внутреннюю свободу за пределы собственной кухни, не приходила им в голову. Они знали, что есть где-то рядом безумцы, которые что-то подписывают, выходят на какие-то митинги, но в подробности не вдавались и разве что пожимали плечами: зачем биться головой в каменную стену, напрашиваться на неприятности? Тем более — растут дети, требует огромных сил ежедневная борьба с бытом... А в качестве отдушины — публикации в «Новом мире», Ахматова и Гумилев в самиздате — тонкая желтоватая бумага, пятая копия, смазанная печать. Возможность собраться с друзьями и за стаканом вина поругать осточертевшую, но абсолютно незыблемую власть. Иногда — чудо из чудес — шанс выбраться на «закрытый» кинопросмотр и посмотреть какой-нибудь несоветский, «глубокий» фильм, почувствовав себя частью некоего совсем «эксклюзивного» круга, которому можно то, что простому народу никак нельзя. У такой жизни много ограничений, но она неплоха, совсем неплоха...

И когда в другую эпоху, за чаем — уже не пахнувшим венником, и даже не со слоном на упаковке, а английским, из красной жестянки — я, двадцатитрехлетняя, развлекала уже совсем немолодую маму историями из жизни диссидентов, она изумленно качала головой. «Но мама, это же все твои ровесники! Ты, правда, ничего про это не знала?» — «Не до того было.

Ты же помнишь, как я крутилась. Больница, суточные дежурства, и дальше — достать, приготовить, постирать, убраться... Но у нас была хорошая семья. А если бы мы с отцом играли в такие игры, ты можешь себе представить, как бы вы росли, что бы у вас было за детство? Да разве мы могли себе такое позволить?»

К тому времени я благополучно переросла юношеский максимализм и не спешила выступать с пламенными тирадами. В конце концов, есть боги и герои, а есть просто люди. И мои родители были просто людьми. Им хотелось нормально жить — и кто же их осудит. Но хорошо, что бывают герои... И еще лучше то, что благодаря этим героям, почти мифическим персонажам, о которых теперь можно прочесть в книжках, мое поколение не стоит перед подобным выбором. Мы просто живем как свободные люди, не замечая своей свободы и ничем за нее не расплачиваясь. И будем так жить всегда...

Оказалось — не всегда. Хотя поверить в это получилось не сразу. Помню «первую ласточку», заставившую всерьез задуматься о происходящем. Подходил к концу 2003 год. Я работала директором той самой Московской Хельсинкской группы, на которую восемь годами ранее составляла архивные справки. Ничего героического, видит Бог, в этой деятельности не было. Обычная работа гуманитария — исследования, текстописание, редактура, издательский цикл, плюс куча ненавистной «административки».

Правда, к тому времени я уже всюю ездила в Чечню. Но это — отдельный кусок жизни. Личный выбор и что-то сродни военной журналистике. Вообще, одно дело — зона вооруженного, пусть и непризнанного, конфликта, другое — вся страна. Там, конечно, опасно, но это очень понятная угроза, просчитываемый фактор риска...

А здесь в Москве — независимого телевидения уже нет, но публиковать свои материалы можно, есть газеты, интернет, возможность проводить пресс-конференции, работать с ООН и Советом Европы. Власть, безусловно, неприятная, с отчетливыми авторитарными замашками, но не людоедская, в конце концов. И главное — нет страха, люди не боятся, не понижают голоса. Можно свободно работать, говорить и писать. В общем, думалось тогда примерно так.

Но осенью арестовали Ходорковского. Еще через месяц в несколько дружественных организаций «пришли». ФСБшники, по рассказам коллег, вели себя вежливо, настаивали, что речь идет просто о разговоре. Но ведь — пришли...

Как на грех, именно в это время мне надо было дней на десять уехать за границу. Поездка была рабочая, заранее распланированная, и отка-

¹ Первоначальная версия статьи опубликована на Полит.Ру.

Здесь и далее в конце статей, выходящих на Полит.Ру, стоит дата первой онлайн-публикации.

заться от нее не представлялось возможным. Председатель Хельсинкской группы Людмила Алексеева тоже была в разъездах. Основательно помучившись мыслями о том, что наши сотрудники останутся одни встречать гостей из спецслужб, перед командировкой я собрала весь штат МХГ и стала читать лекцию на тему «Что делать, когда к нам придут». Лекция сводилась в основном к тому, чтобы никто с «пришельцами» не разговаривал, ни на какие вопросы не отвечал, ни в коем случае не соглашался зайти «куда надо» для неформальной беседы и чтобы все твердили ровно одно: начальство в командировке, вернется тогда-то и ответит на ваши вопросы, а без начальства — никак, мы тут люди подневольные, примус починаем и ничего знать не знаем... Подбираясь к концу своего монолога, я подумала, как же славно, что архивная работа дала мне возможность ознакомиться с рядом инструкций на предмет того, как вести себя с гэбистами, вот и пригодились эти познания... И даже замолчала на секунду, неожиданно совсем по-новому увидев привычную комнату для совещаний. Что же это получается? Это я говорю слова, которым место в исторических книжках и архивных папках, но не в нашей жизни, не в наше время неотъемлемой свободы? Значит, то, что было историей, в какой-то степени становится сегодняшней реальностью?

«Первую ласточку» всегда помнишь отчетливо. Последующие подобные события — размываются, смешиваются в однородный, тревожный фон.

Вот информационное пространство неудержимо сворачивается. Переключение каналов телевизора становится совершенно бессмысленным занятием — кажется, будто смотришь одну и ту же программу.

Отдельным блоком — кошмар Беслана и последовавшие за ним расуждения президента о том, что мы окружены врагами и должны объединиться перед лицом угрозы. При этом очевидно, что враги — не столько террористы, сколько Запад. Дальнейшее развитие этой идеи сотрудниками президентской администрации происходит в таком ключе: те, кто говорят, что не любят Путина, на самом деле ненавидят Россию, они — пятая колонна, они работают в интересах сил, стремящихся разрушить наше государство...

События на Украине, в Грузии, в Киргизии и охватившая Кремль паранойя «цветных» революций. Путинские слова о том, что он не допустит финансирования из-за рубежа общественных организаций, занимающихся «политической деятельностью». Что такое «политическая деятельность» — остается непроясненным, но очевидно, что это любое оппонирование власти, которое может быть для нее (или казаться ей) потенциально опасным.

Что еще?

Создание Общественной палаты как представительного органа гражданского общества, в который вошли самые достойные — в первую очередь Алла Пугачева, Зураб Церетели и Алина Кабаева, — и культивирование лояльных власти общественников: есть правильные общественные организации, они за нас и вокруг нас, а есть неправильные — они получают западные деньги и работают против России.

Закон об общественных организациях, дающий государству способы без особого труда и временных затрат прикрыть любую независимую, неудобную структуру...

И, как апофеоз, последовавший вслед за подписанием закона президентом — «шпионский скандал», якобы доказавший, что российские общественные организации финансируются иностранной (в данном случае британской) разведкой, а значит, работают именно на нее.

Можно уже подвести некоторые итоги «скандала с камнем».

На данный момент известно о 12 правозащитных организациях, живших на деньги этого специального контролируемого британскими спецслужбами Фонда глобальных возможностей. Среди них — и пресловутая Московская Хельсинкская группа, и Центр развития демократии и прав человека, и Нижегородский Комитет против пыток (это ж надо, благодаря шпионским деньгам достиг в своей провинции такого профессионализма, что только что через Европейский Суд урвал у государства российского четверть миллиона евро в пользу некоего Михеева, которого сотрудники нашей родной милиции запытали до такого состояния, что он из окошка прыгнул и на всю жизнь парализованным остался, — государство, что ли, виновато, если у некоторых нервы слабые...).

Все эти организации обещают серьезно проверить в интересах национальной безопасности. Главный ФСБшник Патрушев встречается с главным единомроссом Грызловым, и Государственная Дума вызывает к бдительности, делает заявление о неприемлемости финансирования наших гражданских структур из-за границы.

«Иностранные спецслужбы совсем обнаглели!.. На западные деньги нашего гражданского общества не построишь!.. Есть такая поговорка: “Кто платит, тот и музыку заказывает!”» — объясняет по телевидению и без того разгневанным народным массам полковник ФСБ депутат Гришанков.

Путин, со своей стороны, подчеркивает, что теперь, когда связь иностранной разведки с рядом общественных организаций налицо, совершенно очевидно, почему был так необходим новый закон, вокруг которого разворачивалась столь бурная дискуссия.

Буквально через пару дней после того, как выплыла «правда про правозащитников и шпионов», моя коллега поздним вечером ехала в такси. Водителю она явно приглянулась, и он попытался разговорить симпатичную девушку. *«А как зовут? А сколько лет, ну, если не секрет, конечно? Да, что Вы! А я думал, 25! Больше никак не дашь! А где работает такая женщина, приятная во всех отношениях?»* Услышав, что в правозащитной организации, бедняга напрягся, крепко схватился за руль, помолчал с минуту, а потом произнес: *«Вы бы, это, таких вещей-то не говорили... Ну, ладно, я — человек порядочный. А другой на моем месте мог бы из машины высадить, не посмотрел бы, что ночь на дворе! Вы бы ушли оттуда, а? Зачем это Вам? У нас этих правозащитников не любят. Вот по телевизору говорили, что они все шпионы. Эта Ваша Алексеева из Хельсинкской группы твердит, что не брала шпионских денег, но все же знают, что брала! Зачем Вам такая работа. Опасно это, нехорошо! А пока не ушли — хотя бы людям не рассказывайте, где работаете».* Коллега живо жестикулирует. Мы разводим руками, смеемся... Особенно умиляет, каким гордым выглядел водитель, когда довез-таки свою неблагонадежную пассажирку до дома — мол, другой бы на его месте, а он вот не испугался...

Шпионы, разведка, неблагонадежность... В разгар скандала вокруг правозащитников и разведчиков, отправляя по электронной почте какую-то свою старую статью политическому секретарю злосчастного британского посольства, невольно ловлю себя на мысли, чем это может отлиться моему маленькому экспертному центру, кстати, тоже живущему на западные деньги ... Смешно и стыдно. Одно едва уловимое движение пальца, нажатие на иконку «отправить сообщение» неожиданно приобретает характер чуть ли не гражданского подвига или, по крайней мере, акта реализации собственной свободы.

На той же самой неделе в Страсбурге проходила очередная сессия Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Я поехала туда на один день — послушать дискуссию по ситуации с правами человека в Чечне и встретиться с несколькими сотрудниками аппарата и членами Ассамблеи. Ну да, занималась своей обычной работой: говорила с ними, делилась информацией, что-то рекомендовала — то есть подрывала престиж своей родины на международной арене и действовала супротив национальных интересов...

Помимо прочего, меня попросили сделать очень короткое сообщение для группы по правам человека Комитета по правовым вопросам ПАСЕ о том, как может отразиться на положении российских гражданских организаций новый закон, регулирующий деятельность обществен-

ных объединений, и пресловутая шпионская сага. На все про все у меня было пять минут.

Почти сразу за мной взяла слово присутствовавшая на заседании российская парламентская дама Наталия Нарочницкая (консервативный православный публицист и член фракции «Родина»). Снисходительно улыбаясь, она поблагодарила *«гостью Комитета за информацию о том, что российские правозащитные организации обеспокоены сложившейся ситуацией»*, после чего пояснила, что для таких опасений нет оснований.

Нарочницкая говорила, что очень активно продвигала тот самый закон, а у нее, между прочим, есть своя общественная организация, которая, кстати, публикует ряд материалов «оппозиционного толка», и если бы новый закон хоть в какой-то степени угрожал неправительственным организациям, неужели она, будучи руководителем одной из них, стала бы его продвигать? Ораторша кокетливо взмахнула ресницами, развела руками: *«Можете мне поверить, организациям, которые не нарушали закон, совершенно нечего бояться».* И добавила: если какие-то правозащитные группы и проверят, что же в этом страшного для тех, кто ни в чем не виновен? Вот сама она ни к чему криминальному непричастна, и ничего, как можно видеть, не боится...

Для европейских парламентариев, членов Ассамблеи, такая аргументация, похоже, пока не звучит убедительно. И в принятой 25 января «Резолюции о нарушениях прав человека в Чечне в аспекте ответственности Комитета Министров Совета Европы перед ПАСЕ» даже появился параграф: *«Ассамблея выражает озабоченность тем, что недавно принятый закон о правовом статусе гражданских организаций не удовлетворяет стандартам Совета Европы. Ассамблея также озабочена сообщениями об административном и судебном преследовании некоторых неправительственных организаций».*

Правда, озабоченность ПАСЕ никак не повлияет на то, что с мая Россия встанет во главе Совета Европы (да, конечно, речь идет в большой степени о бюрократической ротации, но все же это является легитимацией РФ как демократического государства, уважаемого члена европейской семьи). А у нас общество легко принимает на веру утверждения о том, что настоящим, правильным, полезным общественникам ничто не угрожает. Может, со временем к этому склонятся и европейцы. Ведь, действительно, есть о чем задуматься — такая приятная дама, руководитель независимой организации, а одновременно и в российском парламенте заседает, причем в оппозиционной партии, и даже в делегацию России в ПАСЕ включена. Значит, все это возможно, а те, у

кого неприятности, наверное, отчасти сами виноваты... Но пока Ассамблея все же озабочена «преследованием некоторых неправительственных организаций»...

Когда-то, работая в архиве, я многое узнала про то, как ведутся политические процессы. И видит Бог, ни на секунду не сомневалась, что все это — часть истории, одно из многих явлений, которые моим ровесникам никогда не увидеть. Но всего через несколько дней, 3 февраля, в Нижнем Новгороде суд Советского района вынесет приговор по делу Станислава Дмитриевского, обвиняемого в возбуждении национальной вражды с использованием СМИ и своего служебного положения (главного редактора средства массовой информации). В крохотной газетенке тиражом около трех тысяч экземпляров, Дмитриевский, руководящий общественной организацией под названием «Общество российско-чеченской дружбы», опубликовал обращение Аслана Масхадова к Европарламенту и Ахмеда Закаева — к российскому народу, два достаточно «проходных» политических документа лидеров чеченских сепаратистов.

Можно по-разному относиться к идее чеченского сепаратизма, по-разному оценивать полнотекстовую публикацию заявлений Масхадова и Закаева, но вроде бы мы свободны получать информацию, думать, говорить. И то, что Дмитриевского судят за появление в его газетке этих текстов, которые клеймят российское государство, но не содержат никаких ненавистнических высказываний в отношении русских и говорят о необходимости мира (неважно, искренне или неискренне!), кажется почти нереальным.

Прокуратуре не удалось найти свидетелей, готовых подтвердить, что их национальное достоинство было унижено публикациями в газете «Право-защита». И все обвинение построено на заключении эксперта-лингвиста, усмотревшего возбуждение ненависти к русскому народу в том, что Масхадов указывает на уникальность народа чеченского, а стремление унижить русский народ — в том, что в словосочетании «путинский режим» слово «путинский» написано с маленькой буквы. Ну, наличие умысла очевидно: Дмитриевский не отрицает, что печатал эти материалы осознанно, считал необходимым ознакомить с ними российских читателей, во многом разделяет позицию сепаратистов...

Я приехала на этот процесс пару недель назад, и все было немного похоже на сон. Небольшой зальчик, заполненный преимущественно знакомыми обвиняемого из Нижнего и Москвы. Они понимают, что ничего не могут изменить, но пытаются поддержать «мученика свободы слова» в отчаянной ситуации.

Гособвинитель — молодая, яркая женщина, страстно рассуждающая про сложный климат в стране, остроту проблемы возбуждения расовой, этнической и религиозной ненависти, недавнюю резню в синагоге, про то, как сегодня особенно опасны призывы к ненависти, особенно в СМИ. Про то, что Дмитриевский превратил суд в «сцену для выражения своих политических взглядов», про то, что прокуратура не сомневается в качестве проведенной лингвистической экспертизы, а исправление нераскаявшегося Дмитриевского возможно лишь в изоляции от общества, на которое он, используя свое служебное положение, столь пагубно влияет... Когда судья отклоняет очередное ходатайство защиты, обвинительница на мгновение совсем по-детски показывает адвокатам розовый язычок — вот, как мы вас уели!

Судья Бондаренко в отглаженной мантии, импозантный пожилой мужчина с аккуратно подстриженными седеющими усами, от процесса, очевидно, устал и мечтает, чтобы этот груз свалился с него побыстрее. Он корректен, блюдет процедуру, а Дмитриевского, то и дело просящего слова, выслушивает с едва скрываемым снисходительным раздражением, как в школе слушают чрезмерно настойчивых старшеклассников. Так в конце восьмидесятых нас слушали наши учителя: «Что, деточка, ты опять хочешь выступить? Помолчал бы лучше... Ну ладно, если настаиваешь...»

Обвиняемый — лет сорока отроду, с глазами жаждущего справедливости подростка, в жизни мухи не обидевший, искренне верящий в эту самую российско-чеченскую дружбу, бросивший археологические изыскания и создавший свою маленькую, до недавних пор почти никому не известную организацию, чтобы показать чеченцам: русские — это не только военные, они разные, некоторые хотят помочь, хотят, чтобы закончилась война... Он до сих пор верит, что ему удастся что-то доказать, воззвать к совести судьи, гражданской и человеческой. К каждому заседанию он готовится часами, днями, пишет речи, подбирает неоспоримые, с его точки зрения, аргументы. Он поминутно вскакивает, шелестит бумажками, одергивает пиджак, роняет ручку, рассыпает содержимое карманов. Он радуется приезду толпы москвичей, тому, что не один, все-таки не совсем один. А большинство приехавших, говоря, что все обойдется, надеются только на одно: что срок дадут условный, ведь представить этого борца за справедливость на зоне невозможно, просто уму непостижимо.

Результат процесса предрешен, хотя нам пока и не известен. От Дмитриевского ничего не зависит. Он — просто подопытный кролик в работе государственной машины по дискредитации и уничтожению независимых общественных организаций. Его выбрали из многих потому, что такие эксперименты в провинции проводить удобнее, чем в Москве

(меньше шума, меньше публичности), а сам он в Нижнем фигура непопулярная — еще бы, «чеченолюб», даже хуже, сторонник сепаратизма! — и на его защиту мобилизуются немногие. Более уязвимой, удобной фигуры просто невозможно найти. И когда его осудят, можно будет сказать: «Правозащитники-то на западные деньги национальную вражду разжигают и сеют экстремизм». И его история может послужить неплохим уроком для слишком бойких, на его примере можно отработать определенные приемы, отследить реакцию в стране и за рубежом, внести необходимые корректировки и создать оптимальную модель для более широкого применения.

Но, сидя в зале суда, понимаешь одно: ты присутствуешь на политическом процессе. Ты оказался в ситуации, которая должна была остаться где-то в прошлом и на страницах книг, но выползла наружу и незаметно стала частью твоей жизни. И думаешь об одном: «Если этого человека сейчас посадят, что ты будешь делать?» Что мы все будем делать?

31 января 2006 г.

Сергей Лукашевский

Демократия в России-2005: радикальная «суверенизация»

*Главной политико-идеологической задачей
считаю развитие России как свободного,
демократического государства.*

(В.В. Путин. Из послания
Федеральному Собранию РФ, 2005 г.)

В 2005 году Freedom House в своем ежегодном докладе впервые включил Россию в число несвободных стран. Любой рейтинг до некоторой степени условен, однако смена окраски нашей страны на карте Freedom House точно отражает качественные изменения, произошедшие за последнее время. Для российской демократии 2004–2005 годов стали рубежными, но произошедшие качественные изменения, к сожалению, были негативными.

В докладе ПАСЕ¹ о соблюдении Россией своих обязанностей в соответствии с Уставом Совета Европы была выражена серьезная озабоченность ситуацией с демократией в России. Один из авторов доклада, Дэвид Аткинсон, представляя доклад, позволил себе отойти от дипломатического языка и прямо заявить: «Россия — не свободная страна»².

На всем протяжении посткоммунистической истории России нельзя было утверждать, что в стране существует демократия в качестве работающего политического механизма. О том, что механизм пробуксовывает, свидетельствовали и кризис сентября-октября 1993 года, и президентские выборы 1996 года (которые не только были в большой степени манипулятивными, но и несколько раз едва не отменялись). С середины 1990-х годов большинство руководителей субъектов федерации стремилось ограничить демократические свободы и политическую конкуренцию в своих регионах

¹ Доклад Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Выполнение обязанностей и обязательств Российской Федерацией» (док. 10568) подготовлен Комитетом по выполнению обязанностей и обязательств государствами — членами Совета Европы и опубликован 20 июня 2005 г. (<http://www.ip-centre.ru/rus/PASE.doc>).

² Фезер Райнхард. Расстроенный председатель // Frankfurter Allgemeine. 2006. 19 мая (цит. по: <http://www.inopressa.ru/print/faz/2006/05/19/11:26:27/pase>).

и добилось в этом успеха³. Тем не менее, разнообразие региональных политических режимов, наличие множества центров силы создавало общее впечатление живого политического развития, в котором проявлялись как негативные, так и позитивные тенденции и которое оставляло возможность развития нормально функционирующей демократии.

Президентство Владимира Путина в первый период еще сохраняло эту двойственность, хотя баланс с каждым годом все дальше смещался прочь от демократии. Самым драматическим моментом было уничтожение независимых электронных СМИ: перехват контроля над телеканалом НТВ и последовательное закрытие ТВ-6 и ТВС.

В 2005 году выстраиваемая руководством страны политическая система приобрела отчетливые очертания, и ее недемократический характер стал совершенно очевиден.

Современная западная политология выделяет следующие критерии нормально функционирующей демократии:

1. власть формируется в результате регулярных свободных выборов, на которых оппозиция имеет реальную возможность победить;
2. существует реальное разделение властей: исполнительной, законодательной, судебной;
3. существует свобода слова, различные политические силы имеют сопоставимые возможности доступа к СМИ;
4. существует свобода ассоциаций, в том числе свобода создания политических партий;
5. существует свобода предпринимательства и право собственности.
6. права и свободы являются всеобщими.

В 2005 году изменения к худшему произошли практически по всем пунктам, за исключением, пожалуй, всеобщего характера прав и свобод. Особенно «пострадали» избирательная система и свобода ассоциаций — сферы, имеющие самое прямое отношение к уровню демократии.

1. Выборы и политическая конкуренция

С 2000 года система формирования органов власти и условия участия в избирательном процессе серьезно изменились. В самом начале президентства Владимир Путин получил возможность отстранять от власти глав регионов. Было усилено влияние федеральной власти через создание си-

³ О ситуации с правами человека в регионах России см. Ежегодные общероссийские доклады Московской Хельсинкской группы (<http://www.mhg.ru/publications/13E00E5>).

стемы федеральных округов во главе с полпредами президента, которые получили серьезные контрольные функции в отношении региональных властей. Был принят закон «О политических партиях», ужесточивший требования к созданию и функционированию политических партий и увеличивший возможности контроля Центральной избирательной комиссии (ЦИК), а также Министерства юстиции (то есть исполнительной власти) за деятельностью партий. Сторонники закона, включая представителей ЦИК, не скрывали, что цель закона — уменьшение числа политических партий в стране.

В 2004–2005 годах была проведена политическая реформа, озвученная президентом после трагических событий в Беслане. В соответствии с законами, принятыми в 2004 году, главы регионов стали избираться законодательными собраниями по представительству президента.

21 декабря 2005 г. было опубликовано постановление Конституционного суда⁴, которое признавало конституционным закрепление за президентом исключительного права выдвижения кандидатур на пост руководителей субъектов федерации⁵.

Именно в 2005 году произошло радикальное изменение правил избирательного процесса⁶. Крупные партии, имеющие сегодня фракции в Государственной Думе, получили значительные преференции. Они не должны ни собирать подписи, ни вносить залог. На них работает повышение проходного барьера и запрет создания избирательных блоков, в которые могли бы объединяться менее популярные партии. В наиболее выгодном положении оказывается «Единая Россия», которая совмещает выгоды нового законодательства с неформальными привилегиями «партии власти».

Таким образом, законы работают на консервацию существующего политического расклада. Какой-либо новой политической силе пробиться к избирателю становится если не невозможно, то предельно сложно. Запрет избирательных блоков позволяет власти не опасаться нетривиальных политических конфигураций. Фактически создано подобие избирательного ценза, только не для избирателей, а для политиков. Возникновение сильной оппозиции и ее победа на выборах становится крайне маловероятной.

⁴ См. текст постановления (http://www.legis.ru/bases/doc.asp?id_document=4343).

⁵ См. подробный комментарий на это постановление (<http://www.law-help.info/modules.php?name=News&file=article&sid=494>).

⁶ Подробно о соответствующих законах — см. в статье Л. Левинсона в данном сборнике.

Введение нового законодательства, загоняющего демократические процедуры в узкие рамки принудительной «малопартийной системы», в то же время не исключает применения административно-правовых манипуляций, которые активно применялись властями разных уровней на протяжении последних десяти лет для отстранения от участия в выборах тех или иных политических сил⁷. В первую очередь это касается тех партий, которые могут добиться электорального успеха, сопоставимого с результатами главной проправительственной партии — «Единой России».

В Магаданской области в ходе избирательной кампании в областное законодательное собрание в мае 2005 года были сняты с регистрации Партия пенсионеров и блок «Наша родина — Колыма», сформированный Союзом правых сил и партией «Яблоко». И в том, и в другом случае более четверти кандидатов, внесенных в предвыборные списки, покинули их, что дает формальное основание для снятия с регистрации. При этом представители «пострадавших» партий утверждали, что высокопоставленные должностные лица оказывали давление на кандидатов в депутаты⁸.

Показательным политическим скандалом, связанным с выборами, стало снятие с регистрации партии «Родина» на выборах в Мосгордуму в конце 2005 года⁹. Добившись успеха на выборах в Государственную Думу в 2003 году (собранный непосредственно перед выборами избирательный блок получил 9 % голосов), партия в следующие годы наращивала популярность и, заявляя о поддержке президента, резко критиковала правительство и партию «Единая Россия». Переход к более радикальной оппозиционности произошел в начале 2005 года, когда ряд депутатов из партийной фракции объявили голодовку в знак протеста против правительственной реформы — так называемой монетизации льгот. После этого «Родина» стала испытывать на себе все большее давление. Московские выборы расставили точки над «i».

Партия направила на телевидение предвыборный ролик «Очистим Москву от мусора»¹⁰, апеллирующий к ксенофобским настроениям изби-

⁷ См. доклады Московской Хельсинкской группы: Доклад о нарушениях законодательства и избирательных прав граждан в ходе парламентских выборов 1999 года (<http://www.mhg.ru/publications/30A78C1>); Избирательные права граждан: Россия 2003 (<http://www.mhg.ru/publications/3709B9A>); а также ежегодные доклады о соблюдении прав человека в Российской Федерации (<http://www.mhg.ru/publications/13E00E5>).

⁸ «Единая Россия» прогнала либералов с Колымы // Газета.Ru. 2005. 4 мая (http://www.gazeta.ru/2005/05/04/kz_m156661.shtml).

⁹ Подробно о политической истории партии «Родина» см.: «Родина» и окрестности. М.: ИЦЦ «Панорама», 2006.

¹⁰ Там же.

рателей. Телеканал ТВЦ поставил ролик в эфир, однако обратился в прокуратуру в связи с его содержанием. Партию обвинили в нарушении правил агитации (разжигании межнациональной розни) и решением суда сняли с выборов. Реакцию власти можно было бы признать адекватным ответом на использование ксенофобских настроений в предвыборной агитации, если бы не детали. В частности, вторым пунктом обвинения фигурировало использование служебного положения, которое выразилось в том, что на одном из агитационных материалов партии в качестве контактного телефона был указан номер одного из депутатов Мосгордумы, члена партии.

Но главное, ситуация не выглядит столь однозначной. Тогдашний лидер партии Дмитрий Rogozin утверждал, что хотел отозвать этот материал до его выхода в эфир и направил на телеканал письменный запрос об этом. Тем не менее, запрос был проигнорирован, и ролик пустили в эфир.

Однако примечательнее то, что не только «Родина» пыталась задействовать на выборах ксенофобские настроения. ЛДПР также стремилась эксплуатировать неприязненное отношение к мигрантам. Ее агитационные материалы по своему духу ничем не отличались от тех, что распространяла «Родина». Но ролик ЛДПР тот же телеканал ТВЦ в эфир не выпустил, и факт незаконной агитации не имел места. Судебный иск, в результате которого «Родину» сняли с выборов, подала ЛДПР. «Родина» подала аналогичный встречный иск, но ЛДПР была оправдана, осталась в избирательных бюллетенях (но в Мосгордуму не прошла). В дальнейшем «Родину» сняли еще с семи региональных выборов. И лишь в одном случае — в Республике Алтай — ей удалось выиграть затеянный против нее суд, после чего она заняла второе место после «Единой России» с 10 % голосов.

Иначе говоря, ситуация с партией «Родина» демонстрирует не столько противодействие ксенофобии и национализму, сколько «обуздание» перспективной политической силы, угрожающей электоральному доминированию партии власти.

Последний штрих в новую систему формирования российской власти внес закон принятый 19 декабря 2005 г. Государственная Дума внесла изменения в законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и в закон «О политических партиях», которые позволят партии, победившей на выборах, предлагать Президенту кандидата на пост руководителя субъекта федерации. С одной стороны, на всех выборах первое место занимает и надеется — посредством выстроенной избирательной системы — занимать и дальше «Единая Россия», с другой — этот закон, пожалуй, лучше всего отражает суть «управляемой демократии». Да, партия, получившая больше всего голосов избирателей, получа-

ет право предложить Президенту кандидата, и тот может выдвинуть его для утверждения законодательным собранием — если захочет. Выбор граждан может быть принят властью, а может и быть отвергнут.

Итак, избирательные права граждан были существенно ограничены. В Государственную Думу выборы проходят только по пропорциональной системе, при этом условия создания и функционирования партий и правила регистрации на выборах партий, не имеющих представительства в Государственной Думе, серьезно ужесточены, предвыборные блоки запрещены. Барьер для получения мест в парламенте поднят. Изменения в законодательстве дополняются административно-правовыми манипуляциями в ходе конкретных избирательных кампаний. В результате граждане ограничены в своих возможностях создавать новые политические партии и участвовать в выборах, не являясь членами крупных политических партий. Избиратели ограничены в возможности выбора и прямо ограничены в своем праве участвовать в формировании органов власти через отстранение от выборов глав регионов. Все это приводит к сворачиванию политического плюрализма, к усилению контроля государственных структур (исполнительной власти и ЦИК) за ходом избирательного процесса и предельно ограничивает возможность победы существующей и потенциальной оппозиции.

2. Разделение властей

Изменения в системе формирования органов власти напрямую сказываются и на таком фундаментальном принципе демократии, как разделение властей. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в Резолюции 1455 о выполнении обязанностей и обязательств Российской Федерацией, принятой 22 июня 2005 г. по итогам рассмотрения упомянутого выше доклада, прямо указывает на то, что *«представленный президентом Путиным осенью 2004 года пакет реформ, направленных на укрепление “вертикали власти”, является причиной значительной озабоченности, поскольку во многих отношениях он подрывает систему сдержек и противовесов, необходимую для нормального функционирования любой демократии. Для надлежащего функционирования демократии власть должна не только укрепляться по вертикали, должно также иметь место и ее разделение по горизонтали»*¹¹.

¹¹ Резолюция ПАСЕ 1455 о выполнении обязанностей и обязательств Российской Федерацией (2005) // Электронная библиотека международных документов по правам человека. 2005. 23 июня (<http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=326>).

Крен в сторону исполнительной власти, изначально заложенный в Конституции 1993 года¹², был еще более усилен. Минюст и ЦИК, благодаря закону о партиях, оказывают большое влияние на функционирование партий. Повышение максимальной доли госчиновников в избиркомах с 1/3 до 1/2 состава делает последние даже формально более зависимыми от исполнительной власти. Президент, получив эксклюзивное право на представление кандидатур глав регионов, тем самым оказывает влияние и на Совет Федерации, который наполовину формируется представителями руководителей субъектов федерации.

Одна из принципиально важных функций парламента в демократическом государстве — контроль за деятельностью исполнительной власти. Одним из инструментов такого контроля является институт парламентского расследования. Соответствующий закон был принят 7 декабря 2005 г. — закон «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» (№ 196-ФЗ).

Закон был внесен Президентом, что уже само по себе показательно. Так же показательно, что первая редакция закона была встречена в штыки даже проправительственной Думой. Комитет Госдумы по безопасности, который согласно регламенту должен был дать заключение за законопроект, отказался сделать это и призвал Совет Думы возобновить консультации с Администрацией президента по доработке законопроекта. Несмотря на это, по мнению экспертов¹³, суть закона после его переработки не изменилась.

Принятый закон не столько регламентирует проведение расследования, сколько ограничивает его. Для инициирования расследования необходимы поддержка трети депутатов (в первой редакции закона было еще больше — половина). Однако решение Государственной Думы о проведении расследования должно быть поддержано Советом Федерации.

Из компетенции парламентариев исключаются вопросы, являющиеся предметом судебного разбирательства и те, по которым уже принято судебное решение. Если параллельно с парламентским расследованием проводится обычное следствие, то подозреваемые и обвиняемые не могут быть опрошены соответствующей парламентской комиссией. Не могут

¹² По Конституции Президент представляет кандидатуру премьер-министра, которая должна быть утверждена Государственной Думой, но если Дума трижды отвергнет предложенную Президентом кандидатуру, то подлежит роспуску. Это положение изначально ослабляет представительную власть по сравнению с исполнительной.

¹³ Законотворческий процесс в Государственной Думе. 2006. № 93 (<http://www.demokratia.ru/?content=archive>).

быть предметом расследования и события, имевшие место до вступления закона в силу. Между тем это не только крупные теракты 1995–2004 годов, но события всей политической истории Советского Союза и постсоветской России. Парламентское расследование не может проводиться в отношении Президента. При этом, как отмечают эксперты, президент – это не только конкретное должностное лицо, а политический институт, включающий в себя Администрацию и Управление делами президента.

Наконец, полномочия отдельного члена комиссии могут быть прекращены без каких-либо условий, что позволяет избавляться от «чрезмерно активных» участников расследования.

При этом принятый закон де-факто не столько ограничивает контрольные устремления депутатов, сколько фиксирует реальное положение вещей – отсутствие адекватного парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти. В конце 2005 года комиссия Федерального собрания по расследованию трагических событий в Беслане представила результаты своей работы, основные выводы которой не только идентичны версии Генеральной прокуратуры, но и местами текстуально совпадают с прокурорскими материалами¹⁴.

О дисфункциональности системы разделения властей свидетельствует и формирование нового органа – Общественной палаты. В принятом 16 марта 2005 г. федеральном законе (№ 32-ФЗ) говорится, что Общественная палата «обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления»¹⁵.

Примерно так же видят круг своих задач и гражданские организации. Однако гражданские организации представляют собой свободную реализацию гражданами права на создание ассоциаций и защиту своих прав и интересов. Общественная же палата формируется «сверху», причем вполне определенным образом. Доминирующее влияние на формирование

¹⁴ Активность правоохранительных органов, декабрь 2005 г. // Центр «Демос». 2006. 27 февраля (<http://www.demos-center.ru/reviews/9769.html>).

¹⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 4 апреля 2005 г. N 32-ФЗ Об Общественной палате Российской Федерации // Российская газета. 2005. 7 апреля.

Общественной палаты оказывает Президент. Он назначает своим указом первых 42 члена палаты, которые выбирают еще 42, чтобы вместе с ними выбрать последнюю группу из 42 человек, представляющих регионы России. При этом функции Палаты определены таким образом, что она фактически встраивается в систему государственной власти: она имеет право приглашать должностных лиц на свои заседания; государственные органы обязаны представить Палате проекты любых законов и нормативных актов, а ее заключения обязательны к рассмотрению соответствующими государственными органами, хотя и носят рекомендательный характер; наконец, члены Общественной палаты вправе принимать участие в работе государственных органов; за Палатой закреплена функция осуществления общественного контроля.

Сферы деятельности Общественной палаты и Федерального Собрания во многом совпадают: законодательство, согласование общественных интересов, контроль за органами власти. Вместо свободного взаимодействия парламентариев и активистов гражданского общества, парламентарии должны работать со специальным органом, призванным представлять интересы гражданского общества в целом, но формируемым в большой степени Президентом, который получает дополнительный рычаг влияния и на парламент, и на гражданское общество. Члены Общественной палаты, даже преследуя самые благие цели, невольно способствуют дальнейшей эрозии разделения властей и разрушению системы сдержек и противовесов.

3. Свобода слова

В соответствии с рейтингом международной организации «Репортеры без границ», по уровню свободы прессы Россия занимает 138 место из 167. Ситуация по сравнению с предыдущим годом ухудшилась.

В докладе ПАСЕ о выполнении Россией своих обязательств по соблюдению Устава Совета Европы специально отмечается, что международные наблюдатели, следившие за ходом парламентских выборов 2003 года, признали их свободными, но несправедливыми. Несправедливость выражалась прежде всего в предвзятой информационной политике СМИ.

Такое положение неудивительно. Все пять телеканалов, вещающих в метровом диапазоне и имеющих информационную составляющую, могут считаться государственными: два основных, «Первый канал» и «Россия», а также «Культура», прямо принадлежат государству, ТВЦ – московскому правительству, а НТВ – «Газпрому», который тоже контролируется государством.

При этом следует признать, что контроль государства, во всяком случае косвенный, не является сегодня определяющим фактором отсутствия независимости СМИ. Последний неофициозный телеканал, REN-TV, в 2005 году был продан формально подконтрольным государству РАО «ЕЭС России» частным компаниям — «Северстали» и «Сургутнефтегазу»¹⁶. Смена собственников привела к концу независимой информационной политики канала. Как и ранее в случае с НТВ, новая администрация телеканала начала вмешиваться в деятельность информационной службы. Ведущий обозреватель канала Ольга Романова¹⁷ и главный редактор службы информации Елена Федорова были вынуждены покинуть его. Напротив, радиостанция «Эхо Москвы», 66 % акций которой принадлежат все тому же «Газпрому», сохраняет независимую редакционную политику.

По сравнению с телевидением среди печатных изданий сохраняется более высокий уровень свободы слова — как в смысле возможности критики власти, так и с точки зрения доли независимых СМИ. Однако и здесь происходили негативные изменения.

В августе 2005 года Борис Березовский продал «Независимую газету» Елене и Константину Ремчуковым. Последний является советником министра экономики Германа Грефа.

В 2005 году сменили владельца и «Московские новости» — одна из легендарных либеральных газет периода «перестройки». В 2003 году газету приобрела группа «МЕНАТЕП» в разгар своего противостояния с российскими властями вокруг ЮКОСа. Однако внутриредакционный конфликт вынудил владельцев продать издание. В итоге новым собственником газеты стал Аркадий Гайдамак, который назначил главным редактором Виталия Третьякова, придерживающегося проправительственных взглядов.

В 2004 году Альфа-банк обвинил одну из крупнейших независимых газет России — «Коммерсант» — в том, что публикация этого издания, которую банк посчитал недобросовестной, привела к серьезным финансовым убыткам. По первоначальному решению суда, газета была обязана выплатить истцу более 300 млн рублей, что составляло 70 % стоимости всего издательского дома «Коммерсант». Это решение было расценено как оказание давления на свободу слова. В частности, такая оценка содер-

¹⁶ РАО ЕЭС продало принадлежавшие ему 70 % акций телекомпании. Основатели телеканала — Ирена и Дмитрий Лесневские — продали свой пакет (30 % акций) германской RTL Group.

¹⁷ Подробнее см. раздел «Ольгу Романову отстранили от эфира REN TV» в: Барометр демократии: 21–27 ноября // Центр «Демос». 2005. 2 декабря (<http://www.demos-center.ru/reviews/7972.html>).

жалась в упомянутом выше докладе ПАСЕ. В 2005 году кассационная инстанция снизила сумму выплат почти в 10 раз — до 40,5 млн.

Ситуация в Чечне является одной из самых болезненных информационных тем для российских властей.

В 2005 году в СМИ попал документ со списком «правильных» терминов, которые должны употреблять журналисты при освещении ситуации в Чечне¹⁸. Этот «словарь терминов», в частности, предполагает не только отказ от использования таких специфических понятий, как «джамаат» (должно быть «террористическая организация», «банда») или «амир» (должно быть «полевой командир»), но и запрет на использование термина «сепаратист» (должно быть «террорист», «боевик»), а любые вооруженные акции следует называть исключительно террористическими, — то есть СМИ вменяется однозначная идеологическая интерпретация чеченского сопротивления.

Но наиболее одиозным стало дело нижегородской газеты «Право-защита», выпуск которой осуществляется «Обществом российско-чеченской дружбы» (ОРЧД), и ее главного редактора Станислава Дмитриевского.

11 января 2005 г. прокуратура Нижегородской области возбудила уголовное дело по ст. 280 УК РФ в связи с публикацией в газете обращения Аслана Масхадова к Европарламенту с призывом содействовать мирному урегулированию чеченского конфликта и призыва Ахмеда Закаева к гражданам России не голосовать за В. Путина на президентских выборах 2004 года.

2 сентября 2005 г. Дмитриевскому было предъявлено обвинение, но уже по ст. 282 УК РФ. Доводы обвинения базировались на заключении эксперта Приволжского регионального центра судебной экспертизы Ларисы Тесленко. В экспертизе утверждалось, что словосочетания «святая чеченская земля» и «генофонд уникального и самобытного чеченского народа» являются пропагандой национальной исключительности, написание слов «путинский режим» со строчной буквы указывает на презрение к российскому народу, а утверждение «пока они (нынешние правители — С.Л. в Кремле, в Чечне и России будет литься кровь) является угрозой».

Процесс закончился в феврале 2006 года. Суд приговорил Дмитриевского к двум годам условного наказания с четырехлетним испытательным сроком¹⁹.

¹⁸ Кремль ввел чеченские «темники» // Подробности. UA. 2005. 3 ноября (<http://www.podrobnosti.ua/society/2005/11/03/258495.html>).

¹⁹ См. также статью В. Прибыловского в данном сборнике.

Завершился 2005 год наделением Общественной палаты правом вынесения рекомендаций о соблюдении свободы слова в СМИ²⁰, в частности, в части доступа к СМИ различных политических сил. В принципе, этот механизм может как послужить некоторому улучшению ситуации, так и использоваться для легитимации правительственной политики (учитывая специфический государственно-общественный статус Палаты) и даже выступить как средство давления на независимые СМИ.

4. Свобода ассоциаций

Нормальное функционирование демократических механизмов опирается не только на свободу слова, но и на свободную активность политических и гражданских ассоциаций. События 2005 года свидетельствовали о серьезных трудностях и ограничениях, с которыми сталкиваются независимые ассоциации в России.

По официальной версии, изменения избирательного законодательства направлены, в частности, на усиление роли партий. При этом законодательство ставит высокие барьеры на пути создания новых партий. В конце 2004 года они были дополнительно усилены. В рамках политической реформы, запущенной после трагических событий в Беслане, по предложению президента минимальная общая численность партий возросла до 50 тысяч членов (вместо трех тысяч до принятия закона «О политических партиях» и 10 тысяч по прежней версии этого закона), регионального отделения — до 500 членов (вместо 100 по прежней версии закона) не менее чем в 45 субъектах Федерации. Нарушение этих требований (а о своей численности, в целом и по всем региональным отделениям, партии должны отчитываться ежегодно) ведет к ликвидации партии.

Конституционный суд своим решением от 1 февраля 2005 г.²¹ признал конституционным высокий уровень ограничений на создание и функционирование политических партий.

При этом даже сравнительно крупным партиям, за исключением «партии власти», выжить оказывается непросто. Действующие партии,

²⁰ Госдума отдала Общественной палате контроль над свободой слова // Лента.Ru. 2005. 9 декабря (<http://lenta.ru/news/2005/12/09/palata/>).

²¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» город Москва 1 февраля 2005 года № 1-П // Европейская правовая комиссия (<http://www.eurolawco.ru/publ/ccrf40.html>).

в частности электорально успешные, сталкиваются с противодействиями властей, а внутри партийных организаций возникают конфликты. В условиях, когда политическая жизнь становится все менее публичной, многие «официальные» события представляют собой только вершину айсберга, в то время как породившие эти кризисы процессы, в первую очередь вмешательство со стороны властей, остаются «под водой», а просачивающиеся в прессу сведения чаще всего не могут быть проверены.

Ситуацию иллюстрируют события, разворачивавшиеся в 2005 году вокруг ряда политических партий и политиков.

Российская партия пенсионеров (РПП)²², созданная в 1997 году, с осени 2004 года начала стремительно набирать популярность. Лучших результатов она добилась через год, получив 20 % голосов на выборах в законодательное собрание Магаданской области и 19,5 % на выборах в городскую думу Томска. В это же самое время партию стали раз за разом отстранять от участия в избирательных кампаниях (в Костромской, Новосибирской, Челябинской областях, Москве и др.).

Развитие событий описано в журнале «Русский Newsweek»²³ следующим образом: *«В январе начались протесты против неумело проведенной монетизации льгот, и замглавы администрации президента Владислав Сурков пригласил к себе депутата Валерия Гартунга. Молодой популист Гартунг возглавлял тогда партию пенсионеров (РПП). РПП проводила одну успешную кампанию за другой. По словам Гартунга, ему сказали, что что-то он “чересчур активничает”, и вообще монетизацию надо поддержать. Гартунг не прислушался, а в апреле пенсионеры чуть не обошли «Единую Россию» на выборах в Магаданской области. Суды и избиркомы, следуя указаниям из Кремля, стали снимать РПП со всех выборов подряд²⁴...»*

В довершение суд признал проведение съезда, избравшего лидера РПП Валерия Гартунга лидером партии, незаконным.

На очередной съезд партии, состоявшийся 16 декабря 2005 г., Валерий Гартунг не был допущен. Его сместили с поста лидера партии, а новым председателем был избран вице-губернатор Тульской области, руководитель местного отделения партии Игорь Зотов.

²² По своей идеологии партия была социал-популистской и в ходе думских выборов 2003 года рассматривалась как проправительственная (Черкасов Глеб. Россия накануне думских выборов 1999 года // Московский Центр Карнеги. Б.д. (<http://www.carnegie.ru/ru/print/36424-print.htm>))

²³ Фишман Михаил. Владимирский централ // Русский Newsweek. 2005. № 49.

²⁴ РПП была снята с шести региональных выборов: в Костромской, Новосибирской областях, в Москве и др.

Примерно по такому же сценарию разворачивалась и судьба партии «Родина». Левонационалистический избирательный блок, получивший неофициальную поддержку федеральной власти²⁵, успешно выступил на думских выборах 2003 года. Лидеры блока, преобразовав его в одноименную партию, которая добивалась хороших результатов на региональных выборах²⁶, с начала 2005 года начали резко критиковать власти за социальную политику (все ту же «монетизацию льгот»), коррупцию, миграционную политику и т.д. Вслед за этим «Родину», так же как РПП, стали отстранять от участия в региональных выборах — сначала в Москве, а затем в начале 2006 года и в других регионах²⁷.

В конце 2004 года бывший премьер-министр Михаил Касьянов выступил в США с серией лекций, в которых подверг критике политику Президента и его администрации.

24 февраля 2005 г. Касьянов официально объявил о своем возвращении в политическую жизнь. Несмотря на отсутствие популярности, положение экс-премьера, отправленного в отставку без убедительных причин, вызывало неизбежные ассоциации с Виктором Ющенко и «оранжевой революцией».

10 июля 2005 г. Генеральная прокуратура возбудила дело о незаконной покупке правительственных дач, одна из которых была приобретена Касьяновым. До настоящего времени никаких обвинений лично Касьянову предъявлено не было. Одни СМИ преподносили это дело как громкий коррупционный скандал, другие рассматривали его как предупреждение, которое должно было заставить экс-премьера уйти из политики.

После того, как Касьянову не удалось заручиться поддержкой ни одной сравнительно крупной демократической партии, он попытался сделать своей политической площадкой Демократическую партию России (ДПР). ДПР была активной политической силой в конце 1980-х — начале 1990-х гг., но позднее стала почти незаметной.

В середине 2005 года исполком партии возглавил Александр Половинкин, бывший помощник Касьянова в Правительстве. В декабре 2005 года было публично объявлено, что на предстоящем съезде лидером партии готовится стать Касьянов. Однако этого не произошло.

²⁵ Петров Николай. Власть и общество: испытание выборами // Грани.Ру. 2003. 27 ноября (цит. по: <http://www.carnegie.ru/ru/print/69111-print.htm>).

²⁶ Вплоть до тех же 20 % в Воронежской области.

²⁷ Подробно о политической истории партии «Родина» см.: «Родина» и окрестности.

За два дня до съезда представители исполкома партии стали жаловаться корреспонденту «Газеты.Ру», что «депутаты Госдумы «Единой России» Александр Хинштейн (лютый враг экс-премьера, инициатор «дачного дела») и Франц Клинецвич пытаются перевербовать членов партии» в пользу руководителя ЦК партии Андрея Богданова. Эти уговоры продолжались и прямо накануне съезда. По словам главы отделения ДПР в Республике Алтай Михаила Каратунова, «*На заседание ЦК приходил генерал Клинецвич, я с ним беседовал лично, он сказал, что если лидером партии будет Богданов, то она получит зеленую улицу к регистрации и СМИ, а помощник Богданова предлагал \$10 тыс. за поддержку председателя ЦК*». «*Десять тысяч лично мне предлагал Богданов, но я его послал туда, куда обычно посылают в России*», — добавил делегат из Алтайского края Джамбул Абесадзе». Впрочем, Хинштейн в ответ обвинял в подкупе делегатов самого Касьянова²⁸.

17 декабря Касьянова и его сторонников даже не пустили в зал, где проходил съезд (точно так же, как и Виталия Гартунга в случае с РПП). На съезде лидером партии был избран Андрей Богданов.

Еще более драматично складывается политическая судьба радикальных молодежных политических организаций. В наиболее жестком противостоянии с властями находится Национал-большевистская партия (НБП).

Партия возникла в 1993 году. Идеологически НБП первоначально представляла собой попытку сращивания идей сталинизма и так называемых европейских новых правых и даже фашистов (в духе итальянского фашизма и испанского фалангистского движения), в то же время эстетика и политическая практика во многом роднит ее с леворадикальными группами.

До 2001 года партия была молодежной группой внутри левопатриотической оппозиции. Но после освобождения лидера партии Эдуарда Лимонова из лагеря летом 2003 года в его выступлениях и вообще в риторике НБП все большее место начинают занимать требования восстановления политических свобод и справедливого правосудия. Акции «прямого действия», которые ранее проводились в основном в Украине и Латвии, теперь стали осуществляться в России. В результате НБП оказывается под едва ли не самым жестким на сегодняшний день давлением власти. В ответ на акции, которые, по мнению адвокатов, могут быть квалифицированы максимум как административное нарушение, власти применяют к активистам партии уголовные репрессии.

²⁸ Тирмастэ Мария-Луиза. Процесс разъединения демократов // Коммерсантъ. 2005. 19 декабря (цит. по: <http://www.demos-center.ru/publications/8424.html>).

В 2005 году события продолжали развиваться предельно драматично.

14 декабря 2004 г. НБП осуществила свою самую громкую акцию: сорок «лимоновцев» вошли в кабинет в здании приемной администрации президента (ул. Ильинка, 23) и отказались покинуть его, потребовав встречи с Президентом (выставив при этом в окно транспарант «Путин, уйди сам!»).

Через несколько часов ОМОН силой очистил помещение, участники акции были задержаны. Первоначально уголовное дело было возбуждено против активистов НБП по ст. 278 УК РФ («насильственный захват власти», до 20 лет лишения свободы). Потребовалось два месяца, чтобы градус абсурда хотя бы отчасти упал, и обвинение было переквалифицировано на ст. 212 УК («массовые беспорядки», наказание до 10 лет лишения свободы).

8 декабря 2005 г. все 40 подсудимых были признаны виновными по ст. 212 УК РФ («массовые беспорядки»). Их приговорили к срокам от 1,5 до 3,5 лет лишения свободы. 31 человек получил условное наказание, 8 осужденных отправились отбывать срок в колонии общего режима. Сороковой подсудимый освобожден от наказания как несовершеннолетний.

По мнению защиты, обвинение в «массовых беспорядках» было абсолютно бездоказательным, так как массовые беспорядки происходят на сравнительно большом пространстве и с участием сравнительно большого скопления людей, а не в одном кабинете. Кроме того, обвинение не было конкретизировано. Всем 40 обвиняемым вменялись сразу все деяния, включая поломку стула и металлодетектора.

По сообщениям пресс-службы НБП, во многих регионах активисты партии подвергаются запугиванию, избиениям, необоснованным обыскам и задержаниям; в Москве власти планомерно выдавливают НБП из очередного арендованного для штаба помещения.

С августа 2001 года тянулся инициированный властями процесс юридической ликвидации партии. Партия была зарегистрирована как общественное объединение под названием «Национал-большевистская партия». В октябре 2003 года Минюст отказался регистрировать НБП как партию в юридическом смысле слова. В мае 2004 года Московская областная прокуратура потребовала²⁹ ликвидировать НБП в связи с нарушением закона о политических партиях (в иске было указано, что НБП не имеет права использовать в названии слово «партия»), а Минюст отказы-

²⁹ Лимоновцы придумали способ избежать ликвидации НБП // Лента.Ru. 2004. 13 мая (<http://lenta.ru/russia/2004/05/13/nbp>).

вался³⁰ зарегистрировать изменения в уставе НБП (переименоваться в «Национал-большевистский порядок»), мотивируя это тем, что в документах на перерегистрацию были представлены недостоверные сведения. Окончательно НБП была ликвидирована 15 ноября 2005 г., когда это решение утвердил Верховный суд РФ.

Власти скорее всего не допустят регистрации НБП в каком бы то ни было виде. 1 декабря 2005 г. милиция захватила квартиру юриста НБП Максима Гасовича, в которой хранились 50 тыс. подписей и другие документы, предназначенные для регистрации НБП в Минюсте. При этом было задержано около 20 национал-большевиков, корреспонденты RENTV, «Коммерсанта» и адвокат Джалиль Сирожидинов. Некоторые из задержанных были избиты, а документы, подготовленные для регистрации, изъяты. Впрочем это «налет» мог быть организован и для того, чтобы просто поучить сведения о 50 тысячах членах НБП.

Не оставались без внимания власти и неправительственные организации, в первую очередь независимые гражданские организации, оппонировавшие властям по целому спектру вопросов внутренней политики.

Идеологический вектор задал президент Путин. В феврале 2005 года Путин публично высказался о своем отношении к правозащитникам. Из президентского послания Федеральному Собранию стало известно, что зарубежная поддержка российских правозащитников через правительственные и независимые западные фонды, мешает им замечать «острейшие проблемы граждан» и критиковать своих доноров. В ходе встречи с Верховным комиссаром ООН по правам человека Луиз Арбур президент конкретизировал свое видение рамок правозащитной деятельности: *«Единственное, что является неприемлемым для нас, это использование правозащитной тематики кем бы то ни было для достижения политических, а иногда, и экономических целей»*³¹.

«Политические цели» — нечеткое определение, но его использование неслучайно. Политика для российских властей — это, по сути, любая проблема, по которой у властей есть принципиальная позиция.

В случае нарушения НПО этой навязываемой властями конвенции против них применяются уже привычный для последних лет набор средств. В первую очередь это проверки со стороны контрольных органов.

³⁰ Национал-большевикам отказали в перерегистрации партии // Лента.Ru. 2004. 28 мая (<http://lenta.ru/russia/2004/05/28/nbp>).

³¹ Россия придерживается общепринятых стандартов в области прав человека // Страна.Ру. 2005. 10 февраля (<http://www.strana.ru/stories/01/09/18/1570/240143.html>).

Примером может служить ситуация вокруг Союза Комитетов солдатских матерей. В феврале 2005 года Союз провел в Великобритании переговоры с зарубежным представителем чеченских сепаратистов Ахмедом Закаевым о возможных усилиях по достижению мира в Чечне. По возвращении Союз получил уведомление о проведении проверки целевого использования денежных средств налоговыми органами. При этом проверка, проводившаяся в 2004 году, никаких нарушений не выявила.

В конце 2005 года политический вектор, сформулированный президентом, был оформлен в виде закона. Разработка соответствующего законопроекта проходила в тайне. Общество смогло ознакомиться с ним только в конце октября. 24 ноября законопроект был принят в первом чтении³².

Депутаты отказались³³ от обсуждения законопроекта с представителями заинтересованных общественных организаций³⁴, не был приглашен³⁵ для участия в обсуждении законопроекта даже Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин, обратившийся с письмом к председателю Госдумы Борису Грызлову, где предложил перенести рассмотрение законопроекта, с тем чтобы подключить к его обсуждению круг общественных организаций, а также Общественную палату, которая, собственно, и была создана в том числе и для экспертизы законопроектов.

Законопроект вызвал активный протест как в России, так и за рубежом. За несколько дней под заявлением российских НПО³⁶ «Нет — ужесточению контроля над гражданским обществом» подписалось более 5 тысяч человек. Появился целый ряд независимых экспертиз³⁷ законопроекта, все они были резко критическими.

Элла Памфилова, председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека,

³² Госдума значительно осложнила жизнь правозащитникам // NEWSru.com. 2005ю 24 ноября (<http://www.newsru.com/russia/24nov2005/gosduma.html>).

³³ Барометр демократии 7—13 ноября // Центр «Демос». 2005. 17 ноября (<http://www.demos-center.ru/reviews/7605.html>).

³⁴ Барометр демократии: 13—20 ноября // Центр «Демос». 2005. 24 ноября (<http://www.demos-center.ru/reviews/7754.html>).

³⁵ Запрещать разрешено. Парламентарии вводят новые правила игры для общественных организаций // Пильдия издателей периодической печати. 2005. 25 ноября (<http://www.gipp.ru/print.php?id=9913>).

³⁶ Нет — ужесточению контроля над гражданским обществом // Права человека в России. 2005. 10 ноября (<http://www.hro.org/ngo/about/2005/11/10-2.php>).

³⁷ Левинсон Лев. Заключение на проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Права человека в России. 2005. 28 октября (<http://www.hro.org/docs/expert/2005/10/28.php>).

встречалась по этому поводу³⁸ с президентом Путиным. Против законопроекта выступили Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин³⁹.

Озабоченность принятием законопроекта выразили «Международная амнистия»⁴⁰, Фонд Макартуров⁴¹, депутаты Бундестага⁴², Комиссия правительства США по безопасности и сотрудничеству в Европе⁴³, заместитель госсекретаря США.

Законопроект посвятила свое первое обращение к Госдуме Общественная палата. 15 ноября такое обращение подписали 21 член Палаты из тогдашних 42-х, а 3 декабря Палата в составе 84 человек единогласно приняла⁴⁴ новое обращение к Госдуме с требованием отложить принятие законопроекта до завершения формирования Общественной палаты, которая собиралась провести его экспертизу.

Параллельно представители государства конкретизировали свои претензии к НПО. О своем видении задач, которые должен решать закон о НПО, на конференции в МГИМО 1 декабря говорили первый заместитель министра внутренних дел Александр Чекалин, заместитель директора ФСБ Виктор Комогоров и глава Совета безопасности Игорь Иванов. «В половине случаев российские НПО возникали не по инициативе наших граждан, а по воле наших зарубежных партнеров, главное — за их деньги», — сказал Комогоров⁴⁵. По его словам, некоторые НПО «являются средством мониторинга ситуации в стране и воздействия на общественное мнение». «Характер деятельности в России многих НПО вызывает как минимум непонимание», — сказал он и отметил среди этих организаций представительство

³⁸ Законопроект против НПО: Элла Памфилова встретила с президентом // Права человека в России. 2005. 24 ноября (<http://hro.org/ngo/about/2005/11/24-1.php>)

³⁹ Госдума вновь проигнорировала Уполномоченного по правам человека // ИА REGNUM. 2005. 23 ноября (<http://www.regnum.ru/news/548881.html>).

⁴⁰ «Международная Амнистия» о законопроекте против НПО // Права человека в России. 2005. 25 ноября (<http://www.hro.org/ngo/about/2005/11/25-1.php>).

⁴¹ Фонд Макартуров о законопроекте против НПО // Права человека в России. 2005. 29 ноября (<http://www.hro.org/ngo/fundr/2005/11/29.php>).

⁴² Бундестаг в защиту российских НПО // Права человека в России. 2005. 30 ноября (<http://www.hro.org/editions/2005/11/30.php>).

⁴³ О принятии законодательства о неправительственных организациях // РИА-Новости. 2005. 2 декабря (<http://www.rian.ru/politics/russia/20051202/42295896.html>).

⁴⁴ Общественная палата требует от Думы не принимать закон о неправительственных организациях // NEWSru.com. 2005. 3 декабря (<http://www.newsru.com/russia/03dec2005/plal.html>).

⁴⁵ Костенко Наталья. ФСБ обнаружила агентов США // Независимая газета. 2005. 2 декабря.

американского Агентства по международному развитию (USAID), почему-то причисляя его к НПО: *«Американское НПО, представительство Агентства по международному развитию приступило к реализации программ, ориентированных ни много ни мало на трансформацию государственного строя России и установление контроля за российским информационным пространством»*. Он также подчеркнул, что действующие в России общественные организации взаимодействуют с зарубежными структурами, получают от них финансовую помощь и являются *«проводниками их политических интересов»*. Представитель ФСБ выразил убежденность, что законопроект, принятый в первом чтении Госдумой, должен нормализовать ситуацию в сфере системы НПО, действующих в России. Он, по словам Комогорова, *«направлен в нужном направлении»*, — писала «Независимая газета». А директор Службы внешней разведки Сергей Лебедев в интервью «Российской газете» заявил, что *«гуманитарные миссии, неправительственные организации — очень привлекательны для всех разведок мира. Разведчику необходимо прикрытие, маска, ширма»*⁴⁶.

3 декабря к ним присоединился и сам Президент. Владимир Путин на совещании с постоянными членами Совета безопасности еще раз повторил, что ситуация, при которой некоторые организации финансируются из-за рубежа и фактически занимаются политической деятельностью, недопустима⁴⁷.

При этом он одновременно высказал надежду, что закон не нанесет ущерба взаимодействию неправительственных российских организаций с их коллегами за рубежом. Вслед за этим, 9 декабря, было опубликовано президентское Заключение⁴⁸ на законопроект с предложениями по его смягчению.

21 декабря Госдума приняла законопроект во втором чтении, а 23 декабря — в третьем, окончательном чтении⁴⁹.

В окончательном варианте закон резко ограничивает свободу независимых ассоциаций. Основные новации закона выглядят следующим образом.

⁴⁶ Директор СВР: неправительственные организации — прекрасная ширма для иностранных разведок // NEWSru.com. 2005. 7 декабря (<http://www.newsru.com/arch/russia/07dec2005/svtrngo.html>).

⁴⁷ Вопрос об общественных организациях обсуждал Совет Безопасности РФ // Права человека в России. 2005. 5 декабря (<http://hrgo.org/ngo/about/2005/12/05-3.php>).

⁴⁸ Директор СВР: неправительственные организации...

⁴⁹ Госдума приняла закон об НКО // Грани.Ру. 2005. 23 декабря (<http://grani.ru/Politics/Russia/Parliament/Duma/m.100027.html>).

Все некоммерческие организации должны регистрироваться при создании и регистрировать все изменения в уставных документах в Росрегистрации. Ранее это требование распространялось только на общественные объединения, а фонды, автономные некоммерческие организации и др. регистрировались только в налоговых органах. Соответственно, Росрегистрация получила право контроля деятельности всех НПО в части соответствия законодательству РФ, получая отчеты о деятельности и расходовании средств. На основании анализа отчетов Росрегистрация получает право проводить один раз в год по своему усмотрению проверки НПО.

Выявленные нарушения закона (одно грубое или неоднократные мелкие) запускают процедуру ликвидации НПО.

Новый закон запрещает лицам, содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда не только учреждение, но и членство, и участие в общественном объединении. Учредителями и членами НПО также не могут быть лица (как физические, так и юридические), в отношении которых вступило в силу судебное решение по делу об экстремистской деятельности. То же самое касается лиц, включенных в перечень в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Такой запрет введен в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, кроме тех, кто законно находится на территории РФ⁵⁰.

Вводятся повышенные меры контроля над поступлением финансовых средств от иностранных граждан и организаций.

Филиалам и представителям иностранных НПО может быть отказано в разрешении функционировать на территории РФ, если их деятельность создает *«угрозу суверенитету, политической независимости, территориальной неприкосновенности, национальному единству и самобытности, культурному наследию и национальным интересам РФ»*⁵¹. Кроме того, зарубежные НПО должны представлять свои программы на утверждение в Росрегистрацию, которая может быть запретить их реализацию. Наконец та же Росрегистрация *«вправе вынести структурному подразделению иностранной некоммерческой неправительственной организации в письменной форме мотивированное решение о запрете направления финансовых средств определенным получателям указанных средств»*⁵².

⁵⁰ В момент отъезда из России иностранец перестает считаться членом НПО.

⁵¹ Статья 13² закона «О некоммерческих организациях».

⁵² Статья 32 закона «О некоммерческих организациях».

27 декабря Совет Федерации одобрил закон⁵³ об НПО при одном голосе против и одном воздержавшемся. 10 января 2006 г. президент Путин подписал закон⁵⁴.

Принятые поправки не только кардинально делиберализуют третий сектор в России, но и являются знаковыми для общественно-политического устройства в целом.

По мнению Льва Левинсона: *«Доселе усилия власти в области политического законодательства были направлены, в основном, на выстраивание собственных бастионов — подавление федерализма, оптимизацию избирательной системы, ослабление парламентаризма, огосударствление политических партий и местного самоуправления (хотя партии и МСУ — зоны, по определению внешние государству). Каждым из этих шагов расширялись площади государственного регулирования, сокращалось поле общественной самостоятельности — пространство гражданского общества... И вот власть вплотную приступила к телу частной жизни, к общественному организму — ассоциациям граждан, чтобы поставить и их под свое управление»⁵⁵.*

6. Свобода предпринимательства

Не только политическая свобода и свобода слова, но и экономическая свобода также имеет свой рейтинг, который регулярно публикует «Heritage Foundation»⁵⁶. Россия в нем стабильно находится ближе к концу списка. В рейтинге, составленном в начале 2006 года, она занимает 122 место из 157, входя в число стран, обозначенных как «в основном несвободные». За последний год общий показатель России улучшились на 0,11 пункта. При этом худшие значения Россия демонстрирует, в частности, по таким показателям, как законодательство, регулирующее коммерческую деятельность, и защита частной собственности.

В предисловии к статье, посвященной России, на сайте «Heritage Foundation» специально отмечается предъявление налоговых претензий к ТНК-ВР и, конечно, дело ЮКОСа.

⁵³ Совет Федерации одобрил закон об НПО // Вести.Ru. 2005. 27 декабря (<http://www.vesti.ru/news.html?id=83959>).

⁵⁴ Путин тайно подписал закон о неправительственных организациях в России. Первые «жертвы» // NEWSru.com. 2006. 17 января (<http://www.newsru.com/arch/russia/17jan2006/npo.html>).

⁵⁵ Законотворческий процесс в Государственной Думе. 2006. № 92 (<http://www.demokratia.ru/?content=archive>).

⁵⁶ Index of Economic Freedom 2006 — Countries (<http://www.heritage.org/research/features/index/countries.cfm>).

Дело ЮКОСа явилось вопиющим примером избирательного применения закона. Причем политическая мотивация избирательности была очевидна — ни одна другая компания не подверглась таким налоговым доначислениям и принудительному отчуждению собственности, хотя схемы снижения налогов, подобные тем, которые вменялись руководителям ЮКОСа, применялись очень широко. Следствие велось с многочисленными процессуальными нарушениями, включая обыски и допросы адвокатов.

По оценке адвоката Юрия Шмидта, в ходе процесса над Ходорковским *«самое серьезное, самое глобальное нарушение — перевод оценки гражданско-правовой деятельности в уголовно-правовую сферу, к тому же сделанное задним числом. Гражданскую деятельность восьми-, девяти-, а то и десятилетней давности, проходившую еще в то время все необходимые проверки, в том числе и налоговые, вдруг интерпретировали как уголовно наказуемую и преступную»⁵⁷.*

В ходе судебного процесса над Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым, ставшего едва ли не самым громким политическим событием 2005 года, суд практически полностью поддержал обвинение, а почти все ходатайства защиты были отклонены. Длительные сроки заключения, которые получили обвиняемые⁵⁸, стали наглядной демонстрацией силы и недвусмысленным посланием всем бизнесменам, которые могли бы рискнуть занять независимую позицию и вступать в спор с властями⁵⁹.

Кроме того, дело ЮКОСа сделало невозможным свободный диалог между бизнесом и властью, поставило бизнес в крайне зависимое положение. Каждый руководитель крупной компании теперь должен помнить, что конфликт даже не с государством, а с отдельными влиятельными людьми в государстве означает для него не только потерю поддержки или экономические трудности, но прямую угрозу свободе, причем не только для него лично, но и для десятков сотрудников его компании.

⁵⁷ Механика репрессий // Политзеки.Ру (http://politzeiki.mypeople.ru/users/politzeiki/wiki/miekhhanika_giepriessii).

⁵⁸ Суд приговорил Ходорковского и Лебедева к 9 года заключения, кассационная инстанция снизила сроки до 8 лет.

⁵⁹ Подробнее о деле ЮКОСа и суде над М. Ходорковским и П. Лебедевым см: Анализ обвинений в уголовных преступлениях и судебного процесса в отношении Михаила Ходорковского и Платона Лебедева (www.khodorkovsky.ru/docs/2620__2620_analysis_ExecutiveSummaryMay-ru.doc), а также Резолюцию ПАСЕ № 1418 по делу ЮКОСа (www.khodorkovsky.ru/docs/2620__2620_analysis_ExecutiveSummaryMay-ru.doc).

Действия правоохранительных и судебных органов, осуществившиеся при одобрении верховной власти, нанесли российской демократии едва ли не больший урон, чем сам факт уничтожения правящей группировкой альтернативных центров влияния или огосударствление экономики. Прокуратура предстала в этом деле в виде репрессивной машины, а суды продемонстрировали отсутствие какой бы то ни было независимости при рассмотрении дел, имеющих политическое значение.

Концентрация бизнеса в руках нескольких десятков магнатов⁶⁰ не способствует свободе предпринимательства, но избирательное уголовное преследование вместо изменения правил игры оказывает еще худшее воздействие. Аукцион по продаже за налоговые долги основного добывающего подразделения ЮКОСа — «Юганскнефтегаза», по оценке экспертов, был проведен по сценарию печально известных залоговых аукционов, в результате которых и возникли современные российские бизнес-магнаты: *«заниженная цена, определенная чиновниками на непонятных основаниях, формальная видимость законности происходящего и никому не известные компании-победители, выигравшие де-факто безальтернативные аукционы»*⁶¹.

Аукцион по «Юганскнефтегазу» еще продемонстрировал, что антиолигархическая кампания российских властей только отдаляет формирование прозрачных, правовых, единых для всех правил в экономике и политике.

Однако политика государства в отношении бизнеса формируется не только через демонстративный разгром крупнейших компаний. Политика власти в отношении бизнеса характеризуется тем, что если в одной сфере защита предпринимателей усиливается, то в другой репрессивные возможности государства увеличиваются.

21 июля 2005 г. был принят закон «О внесении изменения в статью 181 Гражданского кодекса Российской Федерации», который уменьшал срок давности для оспаривания по недействительным сделкам с 10 до 3 лет. Эта поправка имеет амбивалентный характер, играя на стороне выгодоприобретателей и, соответственно, против тех, кто считает свои законные интересы ущемленными. Но объективно уменьшение срока давности способствует стабильности прав собственности и, в целом, климата ведения бизнеса.

⁶⁰ Составители упомянутого выше рейтинга указывают в качестве негативного фактора и на то, что 100 компаний контролируют около 90 % национального богатства.

⁶¹ Продажа Юганскнефтегаза напомнила наблюдателям залоговые аукционы. Налоговые аукционы честнее залоговых? // ОPEC.RU. 20 декабря (http://www.opec.ru/news_doc.asp?d_no=54167).

При этом, почти одновременно, 14 июля того же года Конституционный Суд фактически отменил срок давности по налоговым нарушениям⁶². То есть сам трехлетний срок отменен не был, но налоговые органы могут его не соблюдать, если налогоплательщик своими неправомерными действиями препятствовал «нормальному ходу контрольных мероприятий». Более того, в чем заключается препятствование, будут решать сами государственные органы.

В итоге защита одних граждан несколько укрепилась за счет других (возможно, с положительным результатом для общества в целом), но репрессивные возможности власти не пострадали, поскольку, как показывает все то же дело ЮКОСа, власти предпочитают не оспаривать право собственности, а предъявлять налоговые претензии.

Заключение

Безусловно, развитие демократии определяется не только компонентами, рассмотренными выше. Огромное значение имеет состояние судебной системы, от которого зависит возможность как граждан, так и политических партий и других коллективных субъектов отстаивать свои права. Делиберализация избирательного законодательства или законодательства об НПО потеряла бы половину своего негативного эффекта, если бы обращение в суд было эффективным инструментом защиты. Роль судов в обеспечении демократии может быть наглядно проиллюстрирована теми судебными процессами, которые упоминались выше. Так или иначе, суды везде принимали решения, соответствующие устремлениям властей. Единственное эпизодическое исключение — отмена Верховным судом первого приговора о ликвидации НБП⁶³, но и это решение было опротестовано прокуратурой и отменено Президиумом Верховного суда для того, чтобы через месяц тот же Верховный суд утвердил новое судебное решение о ликвидации НБП. Об остальных судебных процессах и говорить нечего.

Среди прочих негативных факторов можно назвать и произвол правоохранительных органов, и ситуацию в Чечне вкупе с борьбой с терроризмом. Ситуация на Северном Кавказе и политика федерального цент-

⁶² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. N 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа» // Европейская правовая компания (<http://www.eurolawco.ru/publ/cerf49.html>).

⁶³ Верховный суд разрешил НБП // Сцилла.Ру. 2005. 16 августа (<http://www.scilla.ru/news.php?ChapterID=10&NewsID=1101>).

ра в этом регионе и ее последствия вообще явились катализатором анти-демократических тенденций во всей России.

Не способствует становлению демократии и рост национализма, ксенофобии и постимперской ностальгии, которые отмечают эксперты все последние годы.

И все же процедуры и институты, непосредственно определяющие функционирование демократии — выборы, функционирование политических партий, их свободная конкуренция в ходе избирательного процесса, равный доступ и возможность свободного обсуждения актуальных общественно-политических проблем в СМИ, разделение властей, участие второго (бизнес) и третьего (НПО) секторов в общественно-политической жизни — имеют первостепенное значение.

Именно в этих сферах в 2005 году наблюдалась очевидная деградация. Изменения избирательного законодательства, законодательства о партиях и НПО, дело ЮКОСа и уголовное преследование молодых радикалов за уличные акции были нацелены на установление контроля за любой независимой активностью, общественной или политической, и консервацию существующего политического режима, то есть на ликвидацию демократии.

Идеологи нынешней российской власти называют формируемый ими политический режим «суверенной демократией», подразумевая при этом, что Россия строит свою самобытную демократию вне зависимости от указаний или советов извне. Можно, конечно, не принимать советов и тем более указаний, но вот искомная самобытность все равно получается не слишком убедительной. Сравнение российской политической системы с прежней или нынешней ситуацией в целом ряде стран Азии, Латинской Америки и даже Африки, то выясняется, что ничего принципиального самобытного в отечественных политических порядках нет. Предложение нового политологического, а скорее пропагандистского, термина — «суверенная» демократия вместо «управляемой»⁶⁴ — конечно, требует творческих усилий, но едва ли достойно особого внимания.

Если обратиться от пропагандистских манипуляций к судьбе российской демократии, то приходится констатировать, что хотя некоторые ее элементы, как и гражданских прав и свобод, сохраняются, они не гарантированы и не защищены. Созданная система нацелена на то, чтобы исключить появление независимой общественной силы. А, следовательно, демократизация снизу, в рамках законных процедур становится почти невозможной.

⁶⁴ Об «управляемой демократии» см.: Папп Анатолий. Управляемая демократия // Сайт Центра «Демос». 2005. 1 апреля (<http://www.demos-center.ru/reviews/986.html>).

Лев Левинсон

У нас нет выбора¹

Если начать с выводов, они на поверхности: в сегодняшней России нет политики. Уместно уточнить (так как под политикой понимается все что угодно): в России нет политики в том смысле, в котором о политике говорится в Конституции.

Слово «политика» употребляется в главе 1 Конституции, устанавливающей основы конституционного строя, лишь однажды — применительно к социальному государству, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Государство же, по Конституции, должно устроиться на основе народовластия, то есть непосредственного осуществления народом присущей ему власти, высшим непосредственным выражением которой являются референдум и свободные выборы.

Из этого следует — не столько в формально-юридических взаимосвязях, сколько в наблюдаемой жизни, — что когда народовластие упраздняется, а взамен его происходит захват власти и присвоение властных полномочий некими «элитами» (а если обойтись без кавычек — преступными группировками, ибо совершение таких действий должно, по Конституции, преследоваться), когда референдум становится недостижимым, а выборы — имитационными, то и единственно возможной конституционной политики, направленной на благо людей, быть не может. И хотя отнюдь не всегда реальные выборы приводят к власти социально ответственных политиков, в отсутствие свободных выборов такие политики не возникают никогда.

В Украине, к примеру, народ не отчужден от политики. На выборах в Верховную Раду там применяется не 7-процентный, как в России, а 3-процентный барьер. И поэтому, в частности, премьер-министр Украи-

¹ При работе над этой статьей использованы ранее подготовленный анализ законов и законопроектов, публиковавшийся в бюллетене «Законотворческий процесс в Государственной Думе» (№№ 77, 80, 86, 87). Все бюллетени доступны на сайте Центра развития демократии и прав человека (<http://demokratia.ru/?content=archive>).

Использованы также материалы автора, вошедшие в сборник: Не место для дискуссий. Демократический аудит деятельности Государственной Думы и Совета Федерации с декабря 2003 года по июль 2005 года. М.: Институт «Общественная экспертиза», 2005.

ны неожиданно для президента может быть отправлен парламентом в отставку. Такое положение, в силу хорошо известных выгод разделения властей, сдержек и противовесов, в целом позитивно влияет на общественные и государственные дела, на климат в стране, самочувствие общества.

Политика есть напряжение между страной и государством, связующее их силовое поле. Когда политики нет, страна и государство не соприкасаются, существуют автономно. Отчужденное от страны государство становится вещью в себе. Государственные окна на улицу, которые призван держать распахнутыми парламент, оказываются оконцами власти в собственный двор, кремлевский дворик, где обретается дворня, именуемая депутатами. А окна на площадь оборачиваются зеркалами, в которые Кремль видит свое отражение — Общественную палату.

Народ превращается — превращен — в электоральное прилагательное к самодостаточной власти. Люди не верят, что могут как-то содержательно повлиять на власть. Разочарованные в демократии, они, участвуя в карнавальных выборах, голосуют против нее. Речь не о партиях, называющих себя демократическими, — бог с ними! Голосуя за Путина и «Единую Россию», люди голосуют против выборов, против собственного избирательного права, равно как вообще против своих политических прав. Если в СССР выборы были откровенно профанными — профанным было не только их содержание, но и внешность, то в современной РФ куклу выборов заводят, якобы она сама, по собственной воле, двигает руками, ногами, поводит головой, изображает нечто настоящее, будучи игрушечной насквозь. В Союзе было честнее: выбирали из одного.

В России здание власти приватизировано наряду с землями и заводами. Но так как собственность на власть, в отличие от всего прочего, оформить, находясь в конституционном поле, невозможно, предлагается форма фиктивного договора — ничтожная, по сути своей, сделка. Договор, признаваемый в цивилистике кабальным: сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем воспользовалась другая сторона. Этот договор называется «выборами». В них играют с народом на условиях, при которых всегда выигрывающая у него сторона может заранее праздновать победу.

Мысля себе тройственную родословную — от КПСС—КГБ, компрадорской буржуазии и самодержавия — нынешний режим надеется найти точку равновесия и утвердиться на этих гнилых подпорках. Какое-то время это у него, окруженного шитами ОМОНа, может получаться. До тех пор, пока политика не вернется вновь — или «сверху», от государства, если

в нем сработает рефлекс самосохранения, или от страны, революционно меняющей себе государство.

Нижеследующее обозрение призвано продемонстрировать завершающий этап деформации российского избирательного законодательства, достигшего к 2006 году максимального несоответствия общественным интересам, — избирательного законодательства, призванного, по идее, стимулировать политическую жизнь, но вместо того ее уничтожающего.

Изменение избирательных законов, переписывавшихся на протяжении последних девяти лет регулярно под каждые федеральные выборы, вызывает возражения само по себе. Оно свидетельствует об отсутствии в России правовых гарантий защиты демократического строя и правового государства.

Подгонка избирательных законов под потребности режима происходила ступенчато, с 2000 года, хотя и на основе более ранних наработок. Этот процесс был строго ориентирован на основную цель — создание условий для консервации режима. Отсюда — подконтрольность политического поля, принудительная «партизация» выборов, создание крайне невыгодных и неравных условий для новых игроков, умаление гражданского активизма. Выборам приказано быть предсказуемыми — на что и направлены усилия как законодателя, так и управленческой избиркомовской вертикали, возглавляемой верным г-ном Вешняковым.

2000 год

Измененный порядок формирования Совета Федерации превратил верхнюю палату в бюрократический орган, половина которого «в чистом виде» назначается исполнительной властью.

Установлена возможность административного отстранения от должности избранных губернаторов и глав муниципальных образований.

2001 год

Закон «О политических партиях» обозначил их огосударствление, фактически исключил возможность естественного партстроительства (для чего, в частности, запрещены региональные партии). При завышенных требованиях по числу членов и отведенных на организационно-регистрационные мероприятия сжатых сроках, а также широких полномочиях госорганов по отказу в регистрации и контролю деятельности партий доступ в политику новых и нежелательных игроков существенно затруднен.

2002 год

Дамокловым мечом навис над оппозиционной политической активностью антиэкстремистский закон, разрешивший внесудебное приостановление любой неугодной общественной деятельности.

Введены (в том числе силами демократических фракций третьей Думы) ограничения на проведение референдумов в предвыборный период.

Пересмотренный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» лишил избирателей права выдвижения кандидатов, выстроил по вертикали ранее самостоятельные избирательные комиссии, ограничил свободу предвыборной агитации.

Новой редакцией закона о выборах депутатов Госдумы определены — для выборов 2007 года — неравные условия борьбы представленных и не представленных в Думе партий и поднят до 7 % пресекающий барьер для прохождения списков.

2003 год

Узаконена система ГАС-Выборы, ввод данных в которую и контроль за этим осуществляется избиркомами, контролирующими, таким образом, самих себя, что создало условия для технической корректировки результатов голосований.

Новой редакцией закона о выборах Президента, как ранее законом о выборах депутатов, закреплено неравенство кандидатов: одни — выдвинутые в порядке самовыдвижения или партиями, не прошедшими в Думу — собирают два миллиона подписей, другие — кандидаты партий, заседающих в Думе — этого не делают.

Приняты поправки, лишаящие общероссийские общественные организации и общественные движения права вступать в избирательные блоки на выборах в Государственную Думу. Блокообразование ограничено: число возможных участников блока ограничено тремя партиями.

Ужесточена ответственность, в том числе уголовная, за нарушения избирательного законодательства.

Ратифицирована Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках СНГ, предписывающая преследовать по закону за деятельность, направленную на бойкот выборов.

2004 год

Новым законом «О референдуме Российской Федерации» сведены к нулю возможности его организации по инициативе снизу. Референдум превращен в инструмент властных манипуляций.

Наконец, 2005 год. По словам председателя ЦИК А.А. Вешнякова, этим годом реформирование избирательного законодательства было в основном завершено. Сделано все возможное. Созданы самые благоприятные условия для управляемых и направляемых выборов. Осуществлено это благодаря законам, на которых имеет смысл остановиться подробнее. При этом к 2005 году отнесены здесь принятые в самом конце предыдущего года законы об отмене выборов губернаторов и повышении численного минимума политических партий.

1. Федеральный закон от 11 декабря 2004 года № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» упразднил прямые всенародные выборы высшего должностного лица субъекта РФ, наделив Президента правом не только назначать и снимать губернаторов, но и распускать избранные населением представительные органы территорий. Тем самым нарушены три основных принципа Конституции — народовластия, федерализма и разделения властей.

По введенному с тех пор порядку безальтернативная кандидатура руководителя региона представляется Президентом региональному законодательному органу, который в 14-дневный срок «оформляет решение» о наделении представленного гражданина полномочиями. Предусмотрено право Президента, в случае отклонения кандидатуры региональным парламентом, назначить временно исполняющего обязанности высшего должностного лица субъекта РФ на период до вступления в должность «оформленного» руководителя.

Президент наделен и правом отрешить высшее должностное лицо от должности в случае «утраты им доверия Президента» или ненадлежащего исполнения своих обязанностей. Получается так, что глава региона, дабы не потерять высочайшее доверие, должен прислушиваться теперь исключительно к Президенту. Находясь в милости, он может не беспокоиться о том, что думают о нем люди.

Ускорить процесс «переоформления» избранных народом в поставленных на воеводство призвана введенная в закон процедура, позволяющая ранее избранным губернаторам досрочно сложить полученную от народа власть к ногам Путина, поставив перед ним вопрос о доверии. Не успел закон вступить в силу, как губернаторы, толкаясь, заспешили заручиться доверием, рассчитывая, что сам факт «сдачи на милость» укрепит

их положение. Президент пока не обманывает ожидания тех, кто, ради чести быть назначенным, отказывается от в одночасье устаревшего мандата народного доверия.

Одновременно было продемонстрировано, что новая норма об отрешении от должности применима не только к назначенным по новой процедуре, но и к главам, избранным населением до вступления этого закона в силу. Ссылаясь на новые правила, 9 марта 2005 года Президент издал указ об отрешении от должности избранного губернатора Корякского автономного округа Владимира Логинова, что было актом произвола, поскольку на момент избрания Логинова действовал порядок, утвержденный Федеральным законом от 29 июля 2000 г. (принятым на первом этапе вертикализации), в соответствии с которым губернатор мог быть отрешен Президентом от должности только в случае неисполнения решения суда или непринятия мер, предусмотренных указом Президента (если этот указ не был обжалован им в суде), и после предварительного, не менее чем за месяц, предупреждения.

2. Федеральным законом от 20 декабря 2004 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» обязательное минимальное число членов партий увеличено с 10 до 50 тысяч. При этом установлено, что более чем в половине субъектов РФ политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее 500 членов. В остальных региональных отделениях численность каждого из них не может составлять менее 250 членов.

Уточнена процедура проверки членства. Предусмотрено, что при регистрации региональной организации списки членов в обязательном порядке представляются в орган юстиции. Первоначальная редакция закона предполагала некую презумпцию добросовестности создателей партии, требуя при регистрации предоставления только копии протокола конференции или общего собрания с указанием численности членов отделения, заверенной уполномоченными лицами регионального отделения партии.

В переходных положениях закреплена обязанность партий до 1 января 2006 г. привести свою численность в соответствие с новыми указаниями. Партии, не набравшие в установленный срок 50 тысяч членов, обязаны не позднее 1 января 2007 г. преобразоваться в общественное объединение иной организационно-правовой формы либо ликвидироваться. За 2004–2005 годы, еще до повышения численной планки, прекратили существование 25 политических партий. На начало 2006 года в России со-

хранилось 35 партий². К выборам 2007 года останется чуть более полутора десятков партий: председатель ЦИК говорит о примерно 20³, ряд экспертов — о 10–12⁴. О предстоящем сокращении числа партий говорит и руководитель Росрегистрации Сергей Мовчан⁵. До начала сворачивания в России политической жизни, то есть до 2001 года, в России действовало более 190 политических объединений и партий⁶.

Очевидно, что эти изменения в еще большей степени ограничивают участие россиян в управлении делами государства, служат искусственному сдерживанию политического разнообразия.

3. Укрупнение партий (то есть воспрепятствование их прорастанию снизу) явилось последним подготовительным штрихом к пересмотру всей избирательной системы. Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» действительно (и здесь трудно не согласиться с Вешняковым) знаменовал завершающий этап приватизации власти консолидированными элитами.

По словам беспартийного депутата Олега Смолина (фракция КПРФ), суть новой государственной идеологии «*предельно проста — всех выстроить в шеренги и колонны: власть — в колонну по вертикали, народ — в шеренгу по горизонтали, и после этого вертикаль по горизонтали топчется как хочет и сколько может. Для этого нужно закрыть все отдушины политической свободы, в том числе и такую отдушину, как одномандатные избирательные округа. Через них в политику могли попадать новые яркие личности, которые не хотят, чтобы их заставляли маршировать в колоннах и шеренгах*»⁷.

При справедливости этих оценок, основной удар по политическим свободам, нанесенный новым законом, даже не в ликвидации мажори-

² Перечень политических партий // Сайт Росрегистрации (<http://www.rosregistr.ru/index.php?menu=3010000000>).

³ Глава ЦИКа Александр Вешняков: К 2007 году партий в России станет меньше // ИА REGNUM. 2006. 10 марта (<http://www.regnum.ru/news/603523.html>).

⁴ Более десятка партий не могут ответить, кто их финансирует // Сайт партии «Единая Россия». 2006. 1 февраля (<http://www.edinros.ru/news.html?rid=43&id=110538>).

⁵ Левченко Алексей. Партии под снос // Газета.Ру. 2005. 29 сентября (http://www.gazeta.ru/2005/09/29/oa_172453.shtml).

⁶ Воробьев Владислав. Демократия стоит денег. Председатель Центральной избирательной комиссии РФ Александр Вешняков — о реформе избирательной системы // Российская газета. 2003. 8 апреля.

⁷ Стенограмма заседания Государственной Думы 24 декабря 2004 г. Здесь и далее используется официальный сайт (<http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe>).

тарной половины Думы, а в запрете избирательных блоков. Расчет кремлевской администрации прост. Коль скоро на фоне роста протестных настроений любая антивластная риторика может быть поддержана значительной частью электората, создание двух мощных блоков, объединяющих оппозиционные партии, могло бы быть единственно возможным реальным противовесом партии власти. При расколоте же, партийной пестроте, относительной привлекательности многих разрекламированных в ТВ-шоу лидеров неизбежно рассредоточение избирателей между политически близкими партиями и проигрыш – при условии 7-процентного ценза – большинства оппозиционных сил. Тем самым значительная часть населения лишается представительства, отдает свои голоса чуждым им партиям-победителям.

В принципе можно было бы не цепляться за одномандатные округа и даже за блоки, если бы полученные федеральными списками голоса распределялись без барьера, 5- или 7-процентного. Волеизъявление граждан искажается именно совокупностью новаций: полностью пропорциональной системой при запрете блоков и одном из самых высоких в мире заградительном барьере. В странах, применяющих пропорциональную систему, редко существует барьер, превышающий 5 % (в Европе только в Лихтенштейне – 8 %, тогда как в Дании 2 %, Швеции – 4 %, Германии – 5 %). А в Конституции Португалии и вовсе содержится положение, запрещающее устанавливать на выборах какие-либо заградительные барьеры.

Как говорил еще в 2002 году бывший тогда депутатом Госдумы Сергей Митрохин («Яблоко»), *«предложение по 7-процентному барьеру отсекает общество от власти. Отсекаются не партии, партии не так уж и жалко, отсекаются избиратели. Вы им не даете возможности выбирать, вы их заставляете выбирать только между теми, кто с использованием всевозможных ресурсов, административных и не административных, приходит, и утверждается, и хочет сохранить свое монопольное положение навсегда, не давая никаких шансов тем силам общества, которые хотят предложить альтернативу»*⁸.

4. Следом за новой версией закона о выборах в Госдуму принят Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации». Этим законом произведена ревизия избирательных прав уже не только на федеральном, но и на всех уровнях формирования публичной власти.

⁸ Стенограмма заседания Государственной Думы 25 октября 2002 г.

*Сравнительная таблица
основных положений федеральных законов
«О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации»*

	Основные положения закона	от 20 декабря 2002 года № 175	от 18 мая 2005 года № 51
1	избирательная система	смешанная	пропорциональная
2	выдвижение федерального списка кандидатов	политическими партиями и избирательными блоками	только политическими партиями
3	заградительный барьер	5 % (для выборов 2003 года)	7 %
4	обязательность сбора подписей или внесения избирательного залога	для всех участников выборов (для выборов 2003 года)	партии, представленные в действующей Думе, освобождаются от сбора подписей или внесения избирательного залога
5	альтернативность сбора подписей или внесения избирательного залога	в случае сдачи подписей залог возвращается	внесение залога исключает возможность последующей сдачи подписей
6	допустимое превышение необходимого количества подписей при их представлении в ЦИК	25 %	5 %
7	процент недействительных подписей, влекущий отказ в регистрации	25 %	5 %
8	размер избирательного залога	37 млн руб.	60 млн руб.
9	возврат избирательного залога по результатам выборов	в случае преодоления партией или блоком 3-процентного барьера	в случае преодоления партией 4-процентного барьера
10	право Уполномоченного по правам человека в РФ приглашать международных наблюдателей	имелось	отменено

По уже укоренившемуся обычаю «в одном флаконе» вновь проведены изменения в целый список законов, хотя и связанных между собой, но регулирующих различные правовые институты: выборы, политические партии, статус парламентариев, средства массовой информации, уголовную и административную ответственность за нарушения избирательных прав, гражданский процесс. *«Если сравнить этот законопроект с чем-то, — сказал в прениях внефракционный депутат Владимир Рыжков, имея в виду масштабы ревизии, — то, пожалуй, самое подходящее сравнение с законом о монетизации, только в данном случае это политическая монетизация»*⁹.

Изменения разной степени важности внесены в 13 законов. Федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и «О выборах Президента Российской Федерации» подверглись наиболее существенной и объемной переделке — по сути, переписаны заново.

Существование избирательных блоков стало невозможным на выборах всех уровней. Определен как максимально допустимый 7-процентный барьер. Хотя формально субъекты РФ не ограничиваются в праве утвердить в своих законах и меньший порог проходимости, на практике появление этой нормы несомненно окажет — и уже оказывает — стимулирующее действие на регионы, в которых барьер был не столь высок. В Москве же, успевшей заблаговременно ввести 10-процентный барьер, так называемые выборы прошли в декабре 2005 года при отсечении значительной части голосов, поданных за партии, не преодолевшие заградления, с чем безуспешно пытался бороться даже не склонный к бескомпромиссности председатель ЦИК Вешняков.

Такую же стимулирующую роль играет отнесение вопроса о наличии в бюллетене графы «против всех» к усмотрению субъекта Федерации, который вправе установить, «что при проведении выборов в органы государственной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления строка «Против всех кандидатов» («Против всех списков кандидатов») в избирательном бюллетене не помещается». Как заметил по этому поводу депутат Смолин, *«как только мы скажем, что можно ограничивать демократию, значит, все поймут так, что ее нужно ограничивать»*¹⁰.

⁹ Стенограмма заседания Государственной Думы 20 мая 2005 г.

¹⁰ Стенограмма заседания Государственной Думы 29 июня 2005 г.

Заметим, что 9 июня 2006 г. Государственная Дума РФ приняла в первом чтении законопроект об исключении графы «против всех» — уже на выборах всех уровней власти — прим.ред.

Многие включенные в закон новации, касающиеся избирательных процедур, создают условия для манипулирования выборами, ограничивают конкуренцию и препятствуют живой политической борьбе.

В установлении единых дней голосования для выборов любых уровней (второе воскресенье марта и/или второе воскресенье октября) также нет ничего хорошего. Разработчики закона сочли, что, помимо экономии средств (что несомненно), привязка выборов к конкретному временному периоду способна повысить явку и приучить людей к периодическим ритуальным посещениям избирательных участков (и это не исключено). Но если с одновременными выборами федеральных и региональных органов власти еще можно было бы согласиться, то императивное сведение воедино выборов государственных органов и местного самоуправления есть, по сути, понуждение граждан участвовать в выборах всех уровней, в том числе в случаях большей заинтересованности населения именно в местных выборах. Придя голосовать за местное, приближенное к ним, самоуправление, избиратели вряд ли откажутся заполнить и прочие прилагаемые бюллетени, обеспечивая таким образом явку на все выборы сразу (или наоборот, что характерно, например, для Москвы, где в дни федеральных голосований явка выше, чем на местных выборах). Но местное самоуправление, по Конституции, внеположно государственной власти. Объединение, смешение процедуры формирования этих совершенно различных по своей природе уровней публичного управления (государственного и самостоятельного) концептуально неправильно.

В результате появления единых дней переносятся на более поздний или, наоборот, ранний срок выборы органов или депутатов действующих созывов. Сроки их полномочий продлеваются или, что недопустимо, сокращаются. Новые нормы не должны, по общему правилу, распространяться на тех, кто был избран на срок, определенный другими нормами. Правила не меняют во время игры. Сокращение полномочий нарушает права избранных лиц и срочные договорные обязательства между ними и избирателями.

Общее правило о праве назначения наблюдателей на выборах общественными объединениями (зарегистрированными на уровне, соответствующем уровню выборов, или более высоком) заменено отсылочной нормой о возможности их назначения только в тех случаях, которые будут специально предусмотрены иными законами, в том числе законами субъектов Федерации — в отношении региональных и муниципальных выборов. Скорее всего, это приведет к полному исчезновению наблюдателей, представляющих не партии, а другие НПО. Законом «О выборах депутатов Государственной Думы...» от 18 мая 2005 г. право назначения

наблюдателей общероссийскими общественными объединениями уже исключено. Обновленная версия Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» исключает выдвижение наблюдателей общественными объединениями и для президентских выборов. Между тем такое право еще предусматривалось аналогичными законами от 20 декабря 2002 г. и от 10 января 2003 г., принятыми отнюдь не в эпоху «розовой демократии». Сокращение прав происходит, как уже отмечено выше, ступенчато.

Появилось в законе и антиконституционное ограничение, лишаящее членов инициативной группы референдума права в течение двух лет выступать с повторной инициативой «по вопросу, имеющему такую же по смыслу или содержанию формулировку», если избирательной комиссией принято решение об отказе в его проведении. При этом отказ избиркома может основываться не на содержании вопроса, а лишь на несоблюдении инициаторами формальных предписаний.

Если в начале 90-х, в период формирования российского избирательного права, избирательные комиссии воспринимались как государственно-общественные образования особого типа с преобладанием межпартийного и общественного начал, то чем дальше, тем больше они превращаются в органы государственного управления, приобретают распорядительные полномочия. Новый закон завершил процесс бюрократизации избиркомов. Действовавшей ранее редакцией определялось, что государственные и муниципальные служащие не могут составлять более одной трети от общего числа членов избирательной комиссии субъекта РФ и иных нижестоящих комиссий. Теперь допустимая доля чиновников в них повышена до половины.

Из дополнений, внесенных в Кодекс РФ об административных правонарушениях, обращает на себя внимание введение ответственности за размещение печатных агитационных материалов в помещениях, зданиях, на сооружениях и иных объектах без разрешения собственников или владельцев указанных объектов, влекущее штраф для граждан от 5 до 10 МРОТ, должностных лиц — от 15 до 20 МРОТ, юридических лиц — от 200 до 300 МРОТ. Направлена эта норма не на защиту девственности столбов и заборов (расклейка иных, не относящихся к выборам, материалов не влечет таких санкций), а на создание условий для выборочной очистки города от агитации «неправильных» кандидатов.

Официозные ораторы рассуждают о стимулировании такими законами партстроительства, о желательности и чуть ли ни неизбежности двухпартийной системы. Говорят, что «сильные» партии присущи любому

демократическому обществу. Но на чем основана уверенность, что только преодолевающие, причем сходу, не менее чем 7-процентный барьер партии — благо для людей? Чем плохо было для общества многообразие середины 90-х, допускавшее в соревнование самые разные формы политической активности — политические движения, политические организации, блоки, партии, инициативные группы любой конфигурации?

Действуя по принципу «вся власть — власти», существующий режим заинтересован в расширении пропасти между политическими партиями и гражданским обществом, превращении партий в запруды для выращивания жирных номенклатурных карпов. Партии последовательно отделяются от иных общественных объединений — и от общества. В результате россияне имеют монополизацию выборов партиями, прошедшими фейсконтроль в кремлевской приемной: полную — на федеральном уровне, и почти полную — на региональном.

Даже если не касаться всего, связанного с выборами кукловодства, а говорить лишь о том, о чем выше и говорилось, — о законодательстве, представляется, что общественным интересам, открытости политики, целям народовластия и общественного контроля куда более отвечала бы система, существовавшая в России десять лет назад, на выборах 1995 года, к участию в которых допускались списки любых зарегистрированных общественных объединений, если участие в выборах не противоречило их уставам.

Светлана Ковалева

Власть против улицы¹

Начатое 10 января 2005 г. протестное движение против монетизации льгот по масштабности и количеству принявших в нем участие не знало равных за последние годы. И хотя выполнения своих требований митингующие не добились, они запустили новые механизмы протестной активности и, соответственно, противодействия этой активности со стороны властей.

При том, что власти на момент начала стихийных акций имели все рычаги подавления неугодных митингов и пикетов (в том числе и законодательно оформленные), они оказались не готовыми к такого рода всплеску протестной активности граждан. На это указывает, в первую очередь, то, что в некоторых случаях местные власти «прощали» пенсионерам несанкционированные шествия и даже перекрывание трасс, а в некоторых случаях региональные власти, оказавшись под эмоциональным давлением митингов, выполняли требования митингующих, изыскав средства из местных бюджетов (хотя денег на эти нужды в них заложено не было).

Единственная серьезная попытка дискредитации протестов против монетизации льгот, — это распространение мнения, будто эти протесты организованы политическими популистами, стремящимися завоевать симпатии электората посредством апелляции к актуальной теме (позднее этот метод будет очень широко использоваться: приписывание организации протестных выступлений неким заинтересованным лицам «извне»).

Провалились попытки организовать конкурентоспособные контрмитинги (что произошло сразу после появления в протестных лозунгах имени Путина) из людей, чей протест оплачен или чье участие в данном мероприятии вынужденно. Впоследствии не раз примененная, эта тактика нигде не имела успеха: завезенные «протестанты» были крайне безынициативны и невыразительны.

Однако, оттачивая иные техники противодействия митингующим, власти со временем добились достаточно внушительных успехов. И если против пенсионеров — бывших льготников растерянные власти, смущенные социальным статусом протестующих, почти не применяли эти техники, то в последующем они уже использовали их в полной мере.

¹ Статья основана на ежемесячных обзорах протестной активности граждан, которые публикуются на сайте Центра «Демос» (<http://demos-center.ru>).

Запретить

Один из наиболее простых способов заранее заблокировать протестное выступление — отказать в выдаче разрешения на его проведение тем законопослушным гражданам, которые в соответствии с действующим законодательством своевременно подали заявку.

Официальные отказы при этом никогда не политизированы, да это и не допускается законом, поэтому причины отказа носят явно формальный характер и довольно разнообразны — от заботы о безопасности (известны отказы в выдаче разрешения на проведение, по крайней мере, двух протестных акций в связи с террористической угрозой) до откровенных курьезов (так, например, префектура Центрального административного округа Москвы отказала молодежному движению «Мы» в санкции на проведение в октябре 2005 года протестного шествия с заявленными лозунгами «Да здравствует диктатура» и «Back in USSR!» «по причине иронии»).

В большинстве случаев властные структуры отказывают в выдаче разрешения, пуская в ход всевозможные бюрократические придирки («переставлены местами имя и отчество одного из организаторов», «можно, но в другой день», «можно, но в другом месте»).

Именно потому, что граждане опасаются долгих препирательств с властями, отказа в проведении митинга или опасности, что акция не будет проведена в срок из-за бюрократических проволочек, они и идут на проведение несанкционированных митингов.

Стоит отметить, что иногда власти и вовсе не церемонятся с правом граждан на выражение протеста. И если глава столичного ГУВД Владимир Пронин высказывался лишь за ограничение политической активности, а московская межведомственная антитеррористическая комиссия рекомендовала «принять меры по ограничению проведения массовых мероприятий» в связи с проведением предвыборной кампании, а также из-за «возможных провокаций», то мэр Владимира Александр Рыбаков уже вносит предложение о полном запрете политических акций на подведомственной ему территории в связи с тем, что митинги отпугивают туристов (и горсовет принимает решение о таком запрете подавляющим большинством голосов).

Предупредить «по-хорошему»

Этот способ предотвратить протестное выступление возможен только в случае, когда потенциальные протестующие — люди в той или иной степени «подневольные». Осуществляется он, например, при тесном взаимодействии властей с руководителями предприятий — когда работни-

ков неофициально уведомляют, что участие в митингах и акциях протеста грозит им потерей рабочего места. Сообщения о «предупреждениях» такого рода поступают, как правило, из регионов.

Снизить эффект

Если запретить митинг по какой-то причине нельзя, городские и региональные власти всегда имеют возможность принять контрмеры, призванные приглушить эффект нежелательных выступлений. Например, если протестующие не настаивают на проведении их акции именно там, где они хотели бы (то есть не проводят ее без санкции властей), для выражения их протеста может быть выделено место, где их услышит очень небольшое количество сограждан.

Иногда это может быть даже закреплено в виде правила. Например, 28 апреля 2006 г. администрация Томской области запретила проведение митингов «вблизи магазина “1000 мелочей” и на площади нового фонтана» после того, как там были проведены несколько оппозиционных акций.

Еще занимательнее бывает, когда изменяют не место, а время. Так, например, 1 мая 2006 г. профсоюзы Камчатки планировали провести в Петропавловске-Камчатском митинг в рамках Дня единых протестных действий. Власти дали санкцию на его проведения, но изменили дату — Первомай был перенесен на 27 апреля.

Иногда власти предпринимают попытку сорвать уже собравшийся митинг. Обычно в качестве «помехи» выступает другое мероприятие (как правило, увеселительного характера), проводящееся властями в непосредственной близости с неудобным. Так, например, в марте 2005 года во Владивостоке в день, когда должен был состояться митинг военных пенсионеров, ветеранов вооруженных сил и правоохранительных органов, на Центральной площади — заранее оговоренном месте проведение акции — городские власти спешно организовали празднование Масленицы. Кроме того, площадь заполнили фургоны, участвовавшие в рекламной кампании действующего мэра.

В редких случаях осуществляется попытка вмешаться в ход митинга или, например, «заглушить» его. Так, в марте 2005 года в Удмуртии в ходе проведения митинга против властей из динамиков театра оперы и балета Удмуртской Республики, напротив которого проходило мероприятие, транслировались монологи Михаила Жванецкого. Как стало известно репортерам региональной газеты «День», в радиорубке театра в тот момент находился министр культуры Удмуртии, который лично руководил срывом акции протеста.

Замуровать

Встречаются и довольно замысловатые способы противодействия проведению акций протеста. Так, в апреле 2005 года в Санкт-Петербурге власть попыталась отгородиться от протестующих в буквальном смысле этого слова.

Петербургских предпринимателей, которые проводили голодовку в знак протеста против решения администрации Московского района о демонтаже торговых павильонов, размещенных вдоль проезжей части улицы Типанова, 14 апреля 2005 г. замуровали в павильоне, где они проводили акцию. Торговые павильоны у станции метро «Московская» по распоряжению главы Московского района Полукеева были огорожены бетонными плитами, а все входы в торговую зону — заварены решетками. Кроме того, по периметру территории был сооружен полутораметровый металлический забор.

Игнорировать

Наиболее часто за последнее время власти игнорировали протесты заключенных и акции членов комитета «Матери Беслана» (причем вне зависимости от степени радикальности протеста).

Так, «пенитенциарные бунты», прошедшие в июне-июле 2005 года, получили огласку стараниями журналистов, однако широкой общественности так и не стали до конца известны ни масштабы, ни последствия этих акций.

Бунт в Льговской колонии, где более 300 заключенных вскрыли вены в знак протеста против пыток и избиений, прокуратура Курской области прокомментировала таким образом: *«характер ран указывает, что членовредители не собирались сводить счеты с жизнью», действия заключенных были тщательно спланированы, продиктованы “нежеланием подчиниться законным требованиям администрации колонии” и направлены на “дестабилизацию обстановки” в колонии»*. А против бунтовщиков из Омской колонии и вовсе были возбуждены уголовные дела (омское УИИ заявило, что протесты заключенных (против ненадлежащих условий содержания — С.К.) необоснованны).

«Матери Беслана» провели несколько акций (в том числе голодовок), но ни одна из них не имела ни малейшего успеха. Исключением можно считать только ультиматум, в результате объявления которого в июле 2005 года комитету удалось добиться встречи с президентом. В случае если Путин отказался бы их принять, участницы комитета грозили

прийти из Беслана в Москву пешком. Эффект от этой акции сложно было недооценить: одно дело — протестные акции в Осетии, проходящие в лучшем случае в информационном вакууме, в худшем — на фоне сообщений о том, что этот протест используют некие политические силы, а другое — бесланские женщины, идущие через всю страну пешком в Москву к президенту, который не захотел с ними встретиться.

Исключить радикалов

Еще со времен протестов против монетизации льгот, лозунги от конкретных «Верните!» стали все более перетекать в «Долой!» и оборачиваться против власти. Уже в марте 2005 года все чаще появляются плакаты с требованием отставки действующих властей (причем как регионального, так и федерального уровней). В большинстве случаев их поднимают члены молодежных радикальных организаций — участники массовых протестов против социальных несправедливостей.

Вследствие этого сотрудники правоохранительных органов, явно хорошо проинструктированные на этот счет, все чаще стараются не допускать радикалов к участию в митингах. Распространяется практика ареста активистов этих движений непосредственно перед началом той или иной акции, блокирование членов Национал-большевистской партии (НБП) и Авангарда красной молодежи (АКМ) в толпе митингующих с последующим арестом (именно в это время к активистам НБП приходит слава политзаключенных, начинаются судебные преследования участников наиболее радикальных акций, а в апреле 2005 года тема политзаключенных НБП уже становится отдельной темой митингов и пикетов).

Особенно ярко описанная тенденция проявилась в 2005 году, когда члены молодежных радикальных организаций попытались принять участие в традиционных шествиях и митингах, посвященных 1 Мая.

Провести в этот день собственный митинг членам радикальных молодежных организаций не дали. Даже в случае, когда уведомление о проведении акции было подано заблаговременно, правоохранительные органы не допускали ее проведения. Так, к примеру, произошло в г. Набережные Челны. Активист движения анархистов, который подавал уведомление о проведении пикета, был задержан. На заявленном месте проведения акции до начала пикета собралось около 40 милиционеров, которые задерживали и отправляли в РОВД всех потенциальных участников. Несовершеннолетних задержанных отпускали через 2 часа, организатору акции предъявили обвинение в проведении «несанкционированного пикета» и «распространении незарегистрированных средств массовой информации».

Поэтому в большинстве случаев радикалы попытались примкнуть к акциям, организованным КПРФ.

В Челябинске КПРФ отказалось идти в одной колонне с НБП. В результате национал-большевики организовали собственную колонну и продолжили движение, скандируя «Ре-во-лю-ци-я!», что привлекло внимание правоохранительных органов. По сообщению пресс-службы НБП Челябинска, размещенному на официальном сайте НБП: «... кинувшись на толпу два десятка омоновцев начали просто разрывать кольцо окружения нацболов, попутно избивая простых прохожих. В результате нападения было избито несколько стариков и задержано 15 нацболов». Через два часа задержанных отпустили.

Опыт Первомае заставил власти изменить тактику. Опасаясь повторения эксцессов, вдвойне нежелательных в связи с тем, что широкомасштабные празднования 60-летия Победы ничем не должны были быть омрачены, власти приняли упреждающие меры: провели превентивные задержания активистов «неблагонадежных» партий. Вследствие этого, к примеру, фактически не состоялся митинг левых движений на площади Тверской заставы. Около 150 человек — потенциальных участников акции — на несколько часов арестовывали, а затем отпускали, никак не мотивировав задержания. «Независимая газета» опубликовала комментарий, полученный корреспондентом газеты у сотрудника московского ГУВД о причинах осуществленных арестов: «Относительно ряда представителей молодежных организаций была получена оперативная информация, позволявшая усомниться в их законопослушности».

Стоит отметить, что после того, как НБП окончательно лишилась регистрации, реакция правоохранительных органов на акции, проведенные активистами партии, становится менее суровой. Так, 6 февраля 2006 г. группа национал-большевиков захватила здание военкомата Савеловского района Москвы. Участники акции требовали немедленной отставки министра обороны Сергея Иванова и перехода «от призывной армии к армии добровольцев». Оценку произошедшему ГУВД города дало в этот же день: это не захват, а лишь акция гражданского неповиновения.

Арестовать заранее

Отточенная на членах молодежных радикальных организаций, такая тактика стала впоследствии применяться и против других категорий протестующих.

В апреле 2006 года в Уфе, за несколько часов до начала митинга объединенной оппозиции против президента Башкирии Муртазы Рахимова

сотрудники УФСБ по Башкирии провели обыски в штабе и квартирах оппозиционеров и отвезли в управление для «беседы» практически всех лидеров оппозиции.

А против граждан, которые 24 апреля 2006 г. в Омске хотели собраться у здания областного правительства, чтобы выразить недоверие губернатору области, была проведена милицейская операция, в ходе которой были задержаны 120 человек. Организаторов задержали до начала акции по месту жительства. Остальные (по сути все, кто шел к заявленному месту митинга) были задержаны позже. Отпустили задержанных в тот же день, объяснив по секрету, что таков был приказ.

Разогнать

Разгон несанкционированных митингов и арест их участников осуществляется постоянно и повсеместно. Для митингующих, протест которых власти в состоянии подавить силами правоохранительных органов, обычно это не имеет никаких серьезных последствий, за исключением административных штрафов организаторам и наиболее активным участникам.

Масштаб применения силы и оперативность при разгоне прямо пропорциональны радикальности выражения протеста. Немаловажное значение имеет также географическая близость к Кремлю. Например, антипутинские акции в Москве разгоняются куда оперативней и жестче, чем, например, в Санкт-Петербурге или в целом по России (при том, что регионы «позволяют себе» куда больше).

Так, в Нижнем Новгороде в январе 2005 года на митинге против монетизации льгот повесили на дерево чучело президента Путина в футболке «Единой России», а в Санкт-Петербурге 12 июня 2005 г. на фонаре была «повешена» кукла с лицом В. Путина и табличкой с надписью «Главный чиновник» («Путин» провисел полчаса — до приезда наряда милиции). А акция участников «Оборона» в центре Москвы против визита в Россию представителей ХАМАС 3 марта 2006 г. не продлилась и минуты: милиция не дала демонстрантам развернуть плакат с цитатой из Владимира Путина: «Россия не ведет переговоры с террористами. Она их уничтожает». В отделение милиции попали шесть человек.

Кстати, «усиление» в Санкт-Петербурге, судя по информации СМИ, ожидается на период проведения саммита «Большой восьмерки». В апреле появились сообщения о подготовке местного ОМОНа к разгону возможных акций протеста — петербургский ОМОН получил в свое распоряжение мощные водометные машины.

В целом применение силы милицией и ОМОНам всегда обусловлено контингентом протестующих. За редкими исключениями, сообщения об избиениях и арестах поступают тем чаще, чем моложе протестующие.

Расстрелять

В марте 2006 года, впервые после достаточно долгого времени появилось сообщение о применении против демонстрантов огнестрельного оружия. 19 марта в Дагестане около тысячи жителей Кумторкалинского района пытались захватить здание администрации, протестуя против не правильного, по их мнению, распределения земельных участков.

«Сдерживая толпу, милиция и охрана главы администрации вынуждена была произвести предупредительные выстрелы в воздух. В результате, по предварительным данным, ранены от пяти до семи человек», — сказали в РОВД. Милиционеры пояснили, что, скорее всего, пули срикошетили от здания.

25 апреля 2006 г. спецсредства были применены снова и опять в Дагестане. Недалеко от районного центра, селения Усухчай около 700 местных жителей проводили митинг с требованием отставки главы администрации района Керимхана Абасова. При этом митинговавшие пытались перекрыть дорогу республиканского значения, ведущую в Ахтынский и Рутульский районы Дагестана.

При разблокировании дороги прибывшие на место бойцы ОМОН применили спецсредства. В частности, помимо резиновых пуль и слезоточивого газа, было использовано и огнестрельное оружие. В результате один человек погиб и четверо были госпитализированы с ранениями.

Выполнить требования

В подавляющем большинстве случаев власти не соглашаются ни на какие уступки протестующим.

Даже масштабные и получившие огласку голодовки заставляли власть идти навстречу только тогда, когда угроза жизни голодающим уже была подтверждена конкретными фактами (например, определенным количеством госпитализированных).

В некоторых случаях власти так не выполняли свои обещания, и, например, участники ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, не дождавшись обещанного, начинали новую голодовку с теми же требованиями — до получения более определенных гарантий. Так, например, в марте 2005 года голодовка ветеранов-чернобыльцев Свердловской области была

прекращена участниками после встречи с властями, поскольку их уверили, что на счет областной службы занятости поступили средства для выплаты текущих компенсаций. Однако через 15 дней председатель российского союза «Чернобыль» Владислав Гришин уведомил бывших участников акции, что проблемы с погашением долгов по компенсациям за вред, нанесенный здоровью ликвидаторов аварии, будут рассматриваться правительством России только в середине апреля. После этого было принято решение продолжить голодовку.

Больше месяца (с 23 марта по 27 апреля 2006 г.) держали голодовку работники ОАО «Ясногорский машиностроительный завод», которые требовали погасить задолженность по заработной плате. Только после того, как голодающие стали регулярно писать обращения к российским и зарубежным СМИ, а также общественным организациям, а 13 человек были госпитализированы, власти признали проблему: по факту невыплаты зарплат рабочим было возбуждено несколько уголовных дел, и расследование было передано под контроль Генеральной прокуратуры.

В противном же случае, будь то Герои Советского Союза или матери Беслана, протест воспринимался как давление, и отклика не вызывал. Группа Героев Советского Союза и Героев России начала голодовку 6 июля 2005 г. Они протестовали против рассматривавшихся Госдумой изменений в закон о статусе Героев Советского Союза, России и полных кавалеров Орденов Славы и добивались начала диалога с властями. Однако поправки были приняты Думой 6 июля и утверждены Советом Федерации 13 июля — как раз в период голодовки. Встречи с властями голодающие так и не добились.

9 февраля 2006 г. бессрочную голодовку объявили семь представителей комитета «Голос Беслана» во главе с Эллой Кесаевой. Главным требованием было назначение независимого расследования теракта с привлечением зарубежных экспертов. 19 февраля протестующие прекратили акцию протеста. Как сообщила Элла Кесаева: *«К нам приезжали представители парламента и убедили нас в том, что продолжать голодовку не имеет смысла. Все задачи и цели, которые мы для себя ставим, таким путем не решить. Мы приняли решение остановить голодовку и, набравшись сил, продолжать бороться»*.

На этом фоне успех акций автомобилистов кажется почти невероятным. Победой закончились обе общероссийские акции — против принятия законопроекта, ограничивающего ввоз в Россию автомобилей с правым рулем, и против решения суда по Олегу Щербинскому, явно неправомерно осужденному за гибель губернатора Алтайского края Михаила Евдокимова. И это при том, что протест заключался лишь в выражении со-

лидарности — одновременном размещении на автомобилях эмблем акции. Но массовость и относительная анонимность протеста, невозможность прекратить акцию силовыми методами и в то же время ее пугающая наглядность обеспечивали неизменный успех и не вызывали ни противостояния, ни последующих репрессий.

Владимир Прибыловский

Власть и СМИ в правление Путина. Хроника

Я знаю, что за кошмар мучает Путина... Понятно, что президентом Путина сделала пресса... Вот и представьте себе ночные кошмары этого человека: возникает какой-нибудь генерал Шаманов, из которого первый и второй каналы делают нового президента. Я думаю, это его мучает.

(Алексей Венедиктов, «Демократический выбор». 2002. № 8)

«Построение во фронт» средств массовой информации было приоритетной темой политики президента Путина на протяжении всего первого срока его правления, опередив по значимости и «наведение конституционного порядка» в Чечне, и ремонт федеративных отношений, и налоговую реформу, и преобразования в судебной сфере, и разговоры о военной реформе. Ни в какой другой области администрация Путина не проявляла такой последовательности, как в этой¹.

Обыск в газете «Версия» (ноябрь 2002)

После гибели в марте 2000 года Артема Боровика печатные издания холдинга «Совершенно секретно» — ежемесячная газета «Совершенно секретно» и еженедельная «Версия» — почти сразу прекратили нападки на Путина лично и сильно поумерили критичность своих публикаций о его окружении.

К тому же после избрания Путина президентом политический идеал и отчасти патрон боровиковского холдинга Евгений Примаков выбыл из колоды активных политиков и стал всячески подчеркивать свою лояльность новой власти (хотя и уклонился от вступления в путинопоклонническую «Единую Россию»). Другой политический ориентир «сов.

секретчиков», мэр Москвы Юрий Лужков, «прогнулся» еще сильнее — вплоть до присоединения к «Единой России» вместе со своим движением «Отечество».

Тем не менее, под руководством шеф-редактора Рустама Арифджанова «Версия» и «Совершенно секретно» сохраняли значительную независимость суждений. Эти газеты можно было бы упрекнуть в некоторой «желтизне», участии в междоусобице олигархических группировок (компроматные тексты о представителях «семейной» группы, инспирированные, видимо, столичной мэрией), заказном (предположительно) характере некоторых публикаций, но не в лизоблюдстве.

В сентябре 2000 года «Версия» даже подверглась налету и обыску с изъятием редакционных материалов со стороны ФСБ, когда газета готовила публикацию эксклюзивных материалов о гибели подводной лодки «Курск».

В конце октября 2002 года случился, пожалуй, самый значительный кризис третьего года путинского правления — захват чеченскими террористами более чем 800 заложников во время спектакля «Норд-Ост» в театральном центре на Дубровке, а затем гибель 129 из них от примененного при уничтожении террористов отравляющего газа.

Руководители силовых структур не понесли наказаний за проникновение террористов в Москву; основные претензии власти предъявили телевизионным журналистам, ошибки которых в ходе освещения событий якобы могли сыграть на руку террористам.

Раньше других неприятности, связанные с «Норд-Остом», обрушились именно на газету «Версия», сотрудники которой предприняли собственное расследование трагедии.

1 ноября 2002 г. оперативные работники ФСБ явились в офис «Версии», где изъяли редакционные компьютер и сервер, на несколько дней парализовав работу издания. Причиной изъятия было названо уголовное дело, возбужденное 18 октября 2002 г. по факту публикации еще в мае того же года статьи под названием «Маскировка» о неразрешенном строительстве на секретных объектах.

Истинной же причиной, как сразу предположил Р. Арифджанов, была не забытая уже всеми «Маскировка», а желание ФСБ предотвратить появление в «Версии» отчета с подробностями операции по истреблению террористов вместе с заложниками в театральном центре на Дубровке. 26 октября 2002 г. заместитель главного редактора «Версии» Андрей Солдатов был свидетелем операции по «освобождению» заложников, и его данные о погибших и пострадавших сильно отличались от официальных: многих заложников выносили из здания театрального центра уже мерт-

¹ От составителя: Эта статья является фактически развитием и продолжением статьи: Прибыловский Владимир. Война Путина со свободой слова: Хроника построения «информационной вертикали» // Россия Путина. Пристрастный взгляд. М.: Центр «Панорама», 2003. С. 173–192.

выми, и тем не менее их сразу же увезли в больницу — видимо, для того, чтобы создать впечатление, будто они погибли не во время «освобождения», а в больнице или на пути к ней.

Копии файлов А. Солдатова остались на другом компьютере, и статья все-таки вышла. У тех, кто инициировал налет на газету «Версия», видимо, были причины опасаться правды, но их опасения оказались преувеличенными: никаких смертельно опасных для чиновников и силовиков разоблачений в опубликованных материалах не оказалось.

После этого уголовное дело по «Маскировке» было закрыто, а редакционная техника вместе с файлами о «Норд-Осте» была журналистам возвращена. Формально дальнейшего продолжения инцидент не имел: и «Маскировка» была забыта прокуратурой, и разоблачения Солдатовым вранья официальных лиц по поводу «Норд-Оста» были оставлены без внимания.

Однако конфликт ФСБ с «Версией» не мог не осложнить отношения Р. Арифджанова с собственниками газеты. 14 июля 2003 г. президент группы компаний «Совершенно секретно» Вероника Боровик-Хильчевская (вдова Артема Боровика) подписала заявление об уходе Р. Арифджанова. Непосредственно уход был связан с тем, что газета проиграла в Арбитражном суде дело, которое вел холдинг «Альфа-групп» против «Версии»². Однако, как считает Р. Арифджанов, «...проигрыш в арбитраже был только повод (для отставки)». «За три года совместной работы (с Боровик-Хильчевской) мы успели хорошо поработать, но и несколько устать друг от друга»³.

² Еще в мае 2002 года «Версия» опубликовала материал Олега Лурье «Криминальное читиво по-русски» — якобы интервью с сотрудником ФБР, в котором руководители консорциума «Альфа-Групп» Петр Авен и Михаил Фридман обвинялись в торговле наркотиками и связями с криминалом. Руководство консорциума обратилось в арбитражный суд с иском о защите деловой репутации. В начале 2003 года суд обязал выплатить компенсации истцам: 3 млн рублей Авену, 3 млн рублей Фридману, а также 172 тыс. фунтов стерлингов детективному агентству Kroll, которое было нанято «Альфой» для проведения расследования. (В 2001 году аналогичная статья того же О. Лурье о «Межпромбанке» в «Новой газете» чуть было не привела к банкротству и закрытию «Новой газеты»).

В конце 2003 года О. Лурье, уклонившийся от участия в судебном процессе между «Версией» и «Альфой», обрел финансирование на издание собственного глянцевого журнала, названного им «ВВП (Валовой внутренний продукт)». Декларируемая на титульном листе «цель журнала» — «оказание содействия предприятиям и организациям в продвижении своих идей и возможностей ... в свете требований президента РФ В.В. Путина об удвоении ВВП».

³ Страна.ру. 2003. 15 июля. Цит. по: Симонов Евгений. Арифджанов Рустам Мустафаевич // Секретные материалы России (http://www.informacia.ru/facts/arifdzhanov_facts.htm).

Первая чистка на «новом» НТВ (январь-февраль 2003)

Катастрофа на Дубровке имела еще одно прямое последствие: она все-таки привела к новой смене руководства на НТВ.

Борис Йордан, назначенный гауляйтером отнятых у Гусинского телевизионных территорий, оказался оккупантом сравнительно либеральным. Йордан относился к вверенному ему телевидению как к бизнесу, который рано или поздно должен начать приносить прибыль. Телевидение, зажатое мелочной цензурой — плохой бизнес (чему пример — два первых, чисто государственных канала). От мелочной опеки Йордан журналистов избавил, что позволило сохранить им хотя бы стилистическую независимость. В течение какого-то времени это не вызывало прямых нареканий Кремля.

После «Норд-Оста» ситуация резко переменялась. В освещении этой катастрофы журналисты НТВ в полной мере проявили свойственный им профессионализм, при этом не слишком оглядываясь на возможное недовольство сверху. То, как подопечные Йордана освещали кризис, возмутило лично президента:

«...о нем [предстоящем увольнении Йордана — В.П.] говорили как о личном решении президента, взбешенного тем, что НТВ в прямом эфире показало штурм на Дубровке»⁴.

До изгнания знаковых фигур из числа журналистов дело тогда все-таки не дошло, однако Б. Йордан во второй половине января 2003 года был уволен — сначала с одного гендиректорского поста (в «Газпром-Медиа»), а затем и с другого (на НТВ).

И.о. гендиректора НТВ 22 января 2003 г. был назначен Николай Сенкевич, врач по образованию, его заместителем — телепродюсер Алексей Земсков. 6 февраля, через два дня после встречи с главой «Газпрома» Алексеем Миллером, Леонид Парфенов объявил в интервью «Эху Москвы» о прекращении выхода «Намедни» и уходе в отпуск на три месяца начиная с 10 февраля 2003 г. Кроме Л. Парфенова, недовольство и возмущение — в том числе публичное — назначением на НТВ нового руководства, не имеющего никакого отношения к профессии, выражали Татьяна Миткова и Савик Шустер. Недовольные, однако, были вынуждены смириться. 18 мая 2003 г. вернулись в эфир и «Намедни».

При Сенкевиче общественно-политическое вещание на НТВ стало уходить на второй план, уступив место развлекательным ток-шоу.

⁴ Латынина Юлия. Я сам буду вашим цензором. Телевидение — единственная отрасль экономики, которую контролирует лично президент России // Новая газета. 2003. № 4.

Разгон редакции «Новых Известий» (февраль 2003)

«Новые Известия» были одной из двух газет (наряду с «Новой газетой»), с самого начала относившихся к президенту Путину без всякого пиетета. Финансовым спонсором «Новых Известий» являлся Борис Березовский, но формальным владельцем контрольного пакета акций был бизнесмен Олег Митволь (консервная промышленность, производство зеленого горошка). За Митводем было записано 74 % акций ОАО «Информационно-издательская группа (ИИГ) «Новые Известия» (переданных ему при отъезде за границу Березовским), а за журналистским коллективом — 24 %.

Переводя свои акции на Митволя, Березовский из-за спешки не сумел юридически обезопасить себя от, говоря новорусским сленгом, «кидалова». Впрочем, первое время Митволь и не пытался Березовского «кинуть».

В редакционную политику газеты ее формальный владелец абсолютно не вмешивался и, тем более, не финансировал «Новые Известия» — это продолжал делать лондонский изгнанник. Но оформлялось все, видимо, через коммерческие структуры Митволя — скорее всего, не без выгоды для него (как плата за риск).

Однако 20 февраля 2003 г. О. Митволь предъявил руководству газеты претензии по поводу неправильного распоряжения его финансовыми влияниями, уволил с поста генерального директора ОАО «ИИГ «Новые Известия» Игоря Голембиовского и приостановил издание.

«То, что Олег Митволь говорит о финансовых махинациях, смешно, — заявил в интервью газете «Коммерсантъ» заместитель главного редактора «Новых Известий» Валерий Яков. — Ведь именно Митволь у нас за финансы отвечал. Мы считаем, что события в газете связаны с тем, что в последнее время на ее страницах выходили резкие статьи о Путине. Вот и в последнем номере была большая публикация «...Плюс путинизация всей страны»⁵.

Сходное мнение высказал Б. Березовский в интервью сетевому изданию «Газета.Ру»:

«...Вчера, например, вышел материал о возрождении культа личности Путина, который, видимо, в Кремле не понравился. Я думаю, что

⁵ Коммерсантъ. 2003. 21 февраля. (Автор статьи в «Новых Известиях» — Владимир Прибыловский. В более полном виде ее текст опубликован в издании: Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Россия Путина. Пристрастный взгляд. М.: РОО «Центр «Панорама», 2003. С. 193–204; глава «Путинославие: Хроника прославлений Путина Владимира Владимировича».)

Митволь получил отмашку от Кремля, потому что сам он человек трусоватый»⁶.

Увольнением И. Голембиовского Митволь не ограничился, обратившись с заявлением в прокуратуру о том, что Голембиовский и его заместитель Сергей Агафонов в течение нескольких лет якобы занимались криминальным выведением активов из «Новых Известий».

Через два месяца часть бывших сотрудников «Новых Известий» во главе с И. Голембиовским и С. Агафоновым основала газету «Русский курьер», а группа во главе с Валерием Яковым возобновила выпуск «Новых Известий».

Один из политологов-путинопоклонников съязвил по этому поводу в «Moscow Times»: вот, дескать, какой у Путина страшный авторитарный режим — только одна оппозиционная газета закрылась, как сразу нашлись спонсоры для издания вместо нее целых двух⁷.

На самом деле «новые» «Новые Известия» В. Якова — скорее нейтральное издание, чем оппозиционное. Что касается «Русского курьера», то он в качестве оппозиционного издания (хотя и заметно более осторожного, чем «старые» «Новые Известия») просуществовал неполные два года (по февраль 2005 года).

Видимых репрессий против руководителей «Русского курьера» за их политическую позицию и прежнее сотрудничество с Березовским власти не производили, но уголовное дело в отношении Голембиовского и Агафопова постепенно раскручивалось. Сами Голембиовский и Агафонов на допросах заявляли, что считают себя полностью невиновными, а все инкриминируемые им сделки с редакционным имуществом объясняли редакционной необходимостью.

Дело Голембиовского—Агафопова было классическим образцом «выборочного правосудия»: все коммерческие структуры, в том числе редакционно-издательские, используют дырки и противоречия в законодательстве с целью минимизировать свои расходы, но наказывают за это только тех, кто чем-то прогневил власть, какой-нибудь из властных кланов или конкретного чиновника.

18 июня 2004 г. Следственный комитет (СК) при МВД РФ закончил расследование уголовного дела в отношении главного редактора газеты «Рус-

⁶ Ростова Наталия. «Новые Известия» больше не выйдут // Газета.Ru. 2003. 10 февраля (<http://www.gazeta.ru/2003/02/20/novyeizvesti.shtml>).

⁷ Панкин Алексей. «Известия» — «Новые известия» — новые «Новые известия» — «Резонанс» — далее везде. Русский ответ американскому госдепу // The Moscow Times. 2003. Apr. 8.

ский курьер» и бывшего главного редактора «Новых Известий» И. Голембиовского и его заместителя С. Агафонова. СК пришел к выводу, что Голембиовский и Агафонов, руководя «Новыми Известиями», намеренно банкротили издание и выводили из него активы. Было объявлено, что после изучения обвиняемыми 22 томов уголовного дела его материалы будут переданы в суд⁸. 16 августа 2004 г. это действительно произошло — прокуратура передала дело в суд, после чего, правда, оно было возвращено на доследование, а затем заглохло.

Агония и смерть ТВС (апрель-июнь 2003)

Когда в марте 2002 года «шестая кнопка» (бывшего ТВ-6) была по итогам конкурса присуждена некоммерческому партнерству «Медиаасоциум», созданному при участии журналистского коллектива бывшего ТВ-6, это (на первый взгляд неожиданное) решение имело своей главной целью притушить недовольство западного общественного мнения предыдущими событиями и отвести критику от личности президента Путина. Ради этого президент на время даже отказался от своей идеи создать «национальный спортивный канал».

Западу итогами конкурса демонстрировали: нет никакой государственной политики зажима свободы слова, есть лишь «споры хозяйствующих субъектов». Государство же выступает в качестве незаинтересованного арбитра — вот и конкурс на «шестую кнопку» провел объективно и справедливо, в пользу только что пострадавших журналистов. Журналисты же, по замыслу Кремля, должны были понимать обратное: государственная политика есть, и им ее лучше принимать во внимание.

В качестве спонсоров и инвесторов нового телеканала стал выступать консорциум магнатов бизнеса ЗАО «Шестой канал», которому Кремль фактически поручил кураторство ТВС.

Помимо финансового контроля со стороны зависимых от исполнительной власти бизнесменов, был создан еще один запасной ограничитель: существование ТВС было «подвешено» судебным вердиктом. Уже 17 мая 2002 г. Химкинский городской суд признал *«незаконными, нарушающими конституционное право телезрителей на свободное получение информации»* действия Московской независимой вещательной корпорации (МНВК) по прекращению вещания ТВ-6, обязав МНВК возобновить вещание.

⁸ Шварев Александр. Руководителя «Русского курьера» готовят к суду // Время новостей. 2004. 21 июня.

«Возобновить вещание» было на самом деле некому, так как МНВК после исполнения прежних судебных решений (о закрытии ТВ-6) фактически уже не существовала. В то же время у Министерства по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (МПТР) образовалась возможность в любой момент дать ход решению Химкинского горсуда и лишить ТВС «шестой кнопки» (как в конечном счете и произошло).

Весь период существования канала ТВС две конкурирующие группы совладельцев телевизионного консорциума (во главе с Анатолием Чубайсом и Олегом Дерипаской соответственно) стремились, во-первых, установить полный контроль своей группы над каналом, а во-вторых, заставить журналистов выработать приемлемые для администрации президента правила самоцензуры. Второе получалось не очень хорошо (или даже плохо — если смотреть из Кремля), а первое не получалось совсем.

Никакой коммерческой или околокоммерческой пользы из существования телеканала ни группа Чубайса, ни группа Дерипаски извлечь не смогли. В Кремле же постоянно проявляли недовольство продолжающимся фрондерством «команды Киселева», обвиняя в провале эксперимента именно совладельцев, которые не справились с поставленной перед ними задачей.

Просуществовавший ровно год — с июня 2002 по июнь 2003 г. — ТВС значительно отличался от «старого» НТВ и ТВ-6. Здесь стали выходить невозможные на «старом» НТВ и ТВ-6 материалы — такие как исламофобский сериал «Мужская работа» (героическая борьба агентов ФСБ против чеченских бандитов; журналист-предатель, в котором легко угадывается корреспондент радио «Свобода» в Чечне Андрей Бабицкий) или апологетическое «расследование» дела полковника Юрия Буданова, задушившего во время «допроса» 18-летнюю чеченскую девушку. Уже ТВ-6 предпринял попытку привлечь к себе нового зрителя (и новых рекламодателей) принципиально неполитическими «реалити-шоу» (типа примитивного и сомнительного с этической точки зрения «За стеклом»). На ТВС эта попытка была продолжена показом реалити-шоу «За стеклом. Теперь ты в армии» — столь же низкопробного, но еще и с претензиями на пропаганду военно-патриотических ценностей.

Сам Е. Киселев стал настолько осторожнее в своих «Итогах», что иногда казалось, что спокойно-ироничный Л. Парфенов на «новом» НТВ позволяет себе больше. Однако блестящий «Бесплатный сыр» Виктора Шендеровича и «Назло!» Андрея Черкизова в полной мере следовали традициям «старого» НТВ. Политической остротой и талантом отличались

покупаемые каналом программы студии «Пилот ТВ» Александра Татарского и Владимира Неклюдова «Кремлевский концерт» и «Тушите свет!».

Печальный итог существования ТВС был предreshен еще и тем фактом, что вторая половина 2003 года и первая половина 2004-го — это две федеральные избирательные кампании, парламентская и президентская. Было совершенно не представимо, что «Бесплатный сыр», «Назло!», «Кремлевский концерт» и «Тушите свет» могут продержаться до выборов.

Уже к весне 2003 года в Кремле пришли к выводу о необходимости заканчивать эксперимент, и в конце апреля бизнесмены — совладельцы консорциума фактически прекратили финансирование ТВС.

Передачи студии «Пилот ТВ» «Тушите свет» и «Кремлевский концерт» с середины мая 2003 года перестали выходить из-за невозможности оплатить их работу.

Принадлежащее столичным властям ОАО «Мостелеком», не получавшее платы за сигнал, с начала июня 2003 года стало отключать вещание канала в Москве район за районом.

И тогда Минпечати, воспользовавшись прошлогодним решением Химкинского горсуда о незаконности прекращения вещания ТВ-6, объявило 22 июня 2003 г. о прекращении вещания ТВС.

Разумеется, «шестая кнопка» не была возвращена парализованной МНВК Березовского — хотя именно это формально следовало из решения Химкинского горсуда от 17 мая 2002 г. Частоту занял новый канал «Спорт» — исполнилась мечта президента Путина о «национальном спортивном телеканале».

Несмотря на неоспоримую любовь россиян к спортивным зрелищам, канал «Спорт» оказался экономически неэффективным. Дотации на его содержание исчисляются миллионами долларов (формально средства выделяются государственной компании ВГТРК, управляющей каналом «Россия», но фактически идут на содержание канала «Спорт»). По словам директора Национального исследовательского центра телевидения и радио Алексея Самохвалова, *«международные партнеры ВГТРК и не подозревают, что их программы незаконно использует другой канал»*. Трансляция чемпионата Европы по футболу стоила государственной казне 10 млн долларов, Кубка Америки по хоккею — 4 млн долларов, зимней Олимпиады — около 7,5 млн долларов⁹.

⁹ Латухина Кира. «Шестая кнопка» взбунтовалась. Интервью «НГ» директора Национального исследовательского центра телевидения и радио разозлило лоббистов спортивного канала // Независимая газета. 2004. 4 августа.

Заккрытие ТВС не означало, что кремлевский эксперимент провалился. Главную задачу — «запудрить мозги» западному общественному мнению, хотя бы на время вывести российского президента из-под критики за преследование СМИ — эту задачу эксперимент выполнил. Но Путин предпочел за лучшее прекратить «запудривание мозгов», нежели поставить под вопрос запланированные на декабрь 2003 — март 2004 года электоральные триумфы.

Смерть Юрия Щекочихина (июль 2003)

3 июля 2003 г., после нескольких дней таинственной болезни, умер Юрий Щекочихин — звезда российской журналистики еще с советских времен, заместитель главного редактора антипутинской «Новой газеты», депутат Государственной Думы от «Яблока», заместитель председателя Комитета Госдумы по безопасности. Официально причиной смерти была названа редкая болезнь «синдром Лайела», вызванная «неизвестным агентом» — то есть ядом неизвестной природы. Как попал «неизвестный агент» в организм жертвы, также осталось неизвестным. Доказательства того, что отравление было не случайным, отсутствуют — впрочем, как и доказательства обратного.

Среди тех, у кого были основания считать Щекочихина своим врагом, были заместитель генерального прокурора Юрий Бирюков и тогдашний заместитель директора ФСБ Юрий Заостровцев, да и сами генпрокурор (Владимир Устинов) и директор ФСБ (Николай Патрушев) вряд ли были довольны журналистскими расследованиями Щекочихина.

Щекочихин умер накануне планировавшейся поездки в США в связи с его расследованием по «делу фирмы “Три кита”», которое выявило фактическое «крышевание» этой коммерческой структуры (а также родственной ей фирмы «Гранд») со стороны высокопоставленных сотрудников Генпрокуратуры и ФСБ.

Использование секретных ядов было давней традицией советского КГБ, который применял его в том числе в «работе» с писателями-диссидентами (наиболее известные случаи — с Александром Солженицыным и Владимиром Войновичем). После распада СССР и расчленения КГБ секретные яды перестали быть монополией органов безопасности. Одним из таких ядов был в августе 1995 года отравлен Иван Кивелиди — бизнесмен и лидер Партии свободного труда (ПСТ); преступники не были выявлены.

Известны случаи смертей от отравлений в нынешних российских тюрьмах — в частности, так умер приговоренный к 9 годам лишения сво-

боды чеченский боевик Лечи Исламов. Самое знаменитое применение нынешними российскими спецслужбами отравляющих веществ — смертельное усыпление трех десятков чеченских террористов и 130 заложников в театральном центре на Дубровке в октябре 2002 года.

Результаты вскрытия и история болезни Щекочихина были засекречены под предлогом «врачебной тайны» — в том числе они были скрыты и от семьи журналиста¹⁰.

Явно не случайное отравление (по счастью, не до смерти) в начале сентября 2004 года журналистки той же «Новой газеты» Анны Политковской, применение в те же дни неизвестного психотропного яда при допросе в ФСБ грузинской журналистки Наны Лежава, странное «заболевание» антироссийского кандидата на пост президента Украины Виктора Ющенко (тоже в сентябре 2004 года) — все это не может не вызвать дополнительных подозрений и в отношении смерти Щекочихина.

Вероятность того, что отравление Щекочихина не было бытовым и случайным, довольно велика. Отношение же Генпрокуратуры к расследованию выглядит, по крайней мере, как странное бездействие.

Осуждение Германа Галкина (август 2003)

В июне 2003 года первый вице-губернатор Челябинской области Андрей Косилов в своем заявлении в правоохранительные органы обвинил журналиста Германа Галкина в том, что в издаваемой им «Рабочей газете» содержатся клеветнические заявления в адрес губернатора Петра Сумина и двух его заместителей — Константина Бочкарева и самого Андрея Косилова.

Г. Галкин — заместитель главного редактора газеты «Вечерний Челябинск», издатель «Рабочей газеты» и сопредседатель регионального отделения партии «Либеральная Россия», был в то время еще и помощником депутата Государственной Думы, одного из лидеров партии «Либеральная Россия» Владимира Головлева (в августе 2002 года убитого в Москве).

В «Рабочей газете» Галкин опубликовал ряд материалов о нерациональных тратах бюджетных средств сотрудниками администрации Челябинской области. В одной из статей были неосторожные слова «к управделами привозят мальчиков из бедных семей», которые вице-губернатор

¹⁰ Соколов Сергей. Врачебная тайна. Обстоятельства, которые не могут не вызвать вопросов // Новая газета. 2004. № 46.

(он же управделами) К. Бочкарев счел утверждением о его, Бочкарева, склонности к педофилии.

Усилиями двух вице-губернаторов было возбуждено уголовное дело. Постановление о привлечении журналиста в качестве обвиняемого начиналось словами, выдававшими политическую подоплеку дела:

«Герман Галкин, не разделяя проводимую исполнительной властью Челябинской области социально-экономическую политику...»

Слушания проходили в закрытом режиме, поскольку два вице-губернатора не захотели, чтобы «факты, касающиеся их частной жизни», рассматривались в ходе открытого судебного разбирательства.

15 августа 2003 г. решением мирового судьи Калининского районного суда Светланы Рябковой Г. Галкин был признан виновным в клевете и приговорен к году заключения в исправительной колонии. Судебное заседание, в ходе которого выносился приговор, было закрытым.

140 депутатов Государственной Думы подписали письмо в Верховный Суд с просьбой пересмотреть дело. 13 ноября 2003 г. Челябинский областной суд заменил наказание на условное.

Приговор Г. Галкину стал первым за последние годы случаем осуждения журналиста на реальный срок за его публикации. Однако обвинительные приговоры журналистам с осуждением на условный срок при Путине стали уже довольно распространенным явлением.

Оправдание Бахарева и Стерледева (сентябрь 2003)

Еще в 2001 году в пермской газете «Звезда» была опубликована статья Константина Бахарева и Константина Стерледева «Суперагент по кличке Артем». Журналисты заинтересовались, почему местный наркодилер, некто Дудкин, после разоблачения не только не сел, но и продолжает свою деятельность. Выяснилось, что Дудкин является платным осведомителем ФСБ, а к тому же двойным и даже тройным агентом — работает по совместительству на таджикскую и израильскую разведки (очевидно, с ведома ФСБ).

В феврале 2002 года К. Бахареву и К. Стерледеву было предъявлено обвинение в разглашении государственной тайны.

Новизна дела состояла в том, что по закону разглашением государственной тайны может считаться публикация секретных материалов лицом, имеющим к ним доступ по службе (например, тем офицером ФСБ, который завербовал наркодилера), но никак не публикация данных журналистского расследования, пусть даже с точки зрения органов они являются совершенно секретными. Например, военный журналист и эколог

Григорий Пасько, сколь бы надуманным ни было его «шпионское» дело, обвинялся все-таки в разглашении сведений, доступных ему именно благодаря прошлому служебному положению¹¹.

Несмотря на это, беспочвенное уголовное дело, пока еще невозможное в столицах, в Перми тянулось целый год, препятствуя нормальной работе газеты. В ноябре 2002 года пермские фээсбешники даже подвергли редакцию газеты «Звезда» обыску.

Только в сентябре 2003 года суд — которого по закону вообще не должно было быть — оправдал журналистов. Интересы Бахарева и Стерледева во время следствия и в суде защищал известный петербургский юрист и правозащитник Юрий Шмидт — и вполне возможно, что если бы не он, то пугливый провинциальный суд мог и не устоять перед давлением обнаглевших бывших сослуживцев главы государства.

Запрещение «кремлевского диггера» (ноябрь 2003)

Осенью 2003 года журналистка Елена Трегубова опубликовала скандальную книгу «Байки кремлевского диггера», посвященную быту и нравам Кремля времен Бориса Ельцина. Среди придворных «Царя Бориса» — героев книги фигурирует и директор ФСБ Владимир Путин. Судя по описанию журналистки, Путин то ли хотел завести с ней любовную интрижку, то ли завербовать в агенты — она и сама до конца не разобралась.

15 ноября 2003 г. на НТВ был анонсирован сюжет программы Леонида Парфенова «Намедни», посвященный этой книге.

Однако 16 ноября 2003 г. по указанию гендиректора НТВ Николая Сенкевича сюжет был снят с эфира.

Трех-с-половиной-минутный сюжет включал интервью с самой Трегубовой, а также интервью с кремлевскими чиновниками Михаилом Маргеловым и Алексеем Волиным, которые также являлись героями книги. Кроме того, в студии Парфенова была как бы воссоздана одна из сцен книги — обед в японском ресторане «Изуми», куда директор ФСБ Путин пригласил в декабре 1998 года журналистку Трегубову.

По словам Парфенова, ему позвонил Сенкевич и категорически запретил показ сюжета.

Сам Сенкевич в интервью «Эху Москвы» заявил, что сюжет не вышел в эфир из-за уважения канала к зрителям:

¹¹ Пасько Григорий. Юрий Шмидт: Стукачей надо беречь и данные о них хранить в тайне // Новая газета. 2003. № 72.

«НТВ — не отхожее место, где есть место хамству и пошлости. Считаю, что и наш канал, и столь уважаемая программа Леонида Геннадьевича — слишком изысканна и всегда слишком взвешена, чтобы нам скатываться до такой пошлости. НТВ нельзя упрекнуть в том, что в сюжетах телеканала мало остроты, и особенно в этом нельзя упрекнуть программу «Намедни». От снятия этого сюжета острота сегодняшнего выпуска «Намедни» нисколько не уменьшилась. Есть свобода слова, а есть словоблудство, хамство и пошлость. Это две большие разницы. Впредь подобные вещи я буду снимать»¹².

2 февраля 2004 г. в коридоре под дверь съемной квартиры Е. Трегубовой на Никитском бульваре взорвалась бомба. Неизвестные террористы прослушивали ее телефон и привели бомбу в действие, когда, собираясь выйти к заказанному такси, она по телефону сообщила, что уже выходит из квартиры. Журналистку спасло только то, что она на несколько секунд задержалась перед зеркалом.

Квартирный вопрос «Нового времени» (сентябрь 2003 — февраль 2004)

17 сентября 2003 г. в Москве произошел очередной «спор хозяйствующих субъектов»: представители малоизвестной коммерческой фирмы ООО «Примекс» выгнали вахтеров журнала «Новое время» из здания в Малом Путинковском переулке на Пушкинской площади, а четыре дня спустя, в воскресный вечер, попытались выгнать и журналистов. Однако двум сотрудникам редакции удалось забаррикадироваться в приемной и оттуда дозвониться до «Эха Москвы» и телеканала «Россия». Об инциденте узнали депутаты Госдумы Владимир Лукин и Николай Гончар, благодаря которым в конфликт вмешалась милиция, получившая от министра внутренних дел распоряжение «разобраться»¹³.

Однако «разобравшись», милиция предпочла нейтралитет.

19 февраля 2004 г. фирма «Примекс» силами двух десятков «качков» захватила помещения журнала «Новое время» в Малом Путинковском переулке. Журналистам закрутили руки за спину и повышвыривали на улицу. Компьютеры, шкафы с архивами, столы с материалами и личными вещами, библиотеку захватчики сгребли в кучу, после чего приступили к

¹² Руководство НТВ сняло с эфира сюжет о книге «Байки кремлевского диггера» // Лента.Ru. 2003. 16 ноября (<http://lenta.ru/most/2003/11/16/digger/>).

¹³ Редакция «НВ». Среда бела дня. Злоключения редакции. Ограбление как бизнес-проект. Анатомия бандитского капитализма // Новое время. 2004. № 24.

капитальному ремонту – стали крушить внутреннюю облицовку стен и несущие конструкции¹⁴.

У захвата редакции была некоторая предыстория.

1 апреля 2003 г. финансовый директор «Нового времени» Дмитрий Минаков подписал договор о продаже здания некоей коммерческой фирме, ООО «Концепт», после чего уволился из «Нового времени». По уставу ООО «Редакция “Новое время”» он не имел на это права и договор не имел никакой юридической силы. Однако «Концепт» продал здание другой фирме – ООО «Примекс», которая стала, таким образом, с точки зрения закона, «добросовестным приобретателем» (хотя в учредительных документах «Концепта» и «Примекса» – один и тот же контактный телефон). «Примекс», в свою очередь, продал здание фирме «Эффект», которая стала бы еще более «добросовестным» приобретателем, но третья сделка не была официально зарегистрирована и не вступила в законную силу.

По мнению редакции «Нового времени», за всеми тремя фирмами стоят бизнесмены Евгений Антимоний (сеть пивных ресторанов «Кружка») и Владимир Палихата (ОАО «Гипрохим»)¹⁵.

Редакция «Нового времени» так объясняет свое поражение в «споре хозяйствующих субъектов»:

«Для того чтобы занять здание, мало иметь свидетельство о собственности, нужно получить отдельное решение суда. Захватчики типа “Примекса” предпочитают самосуд. Они дерзко пролезают в дыру в законе. Дыра называется “Захватчика не судят”. Трудно отрицать, что когда угрюмые качки силой захватывают здание, закон нарушается самым очевидным и грубым образом. Но уже в следующее мгновение закон теряется: интервент гордо предъявляет документ на право собственности. Оспорить его можно только через суд. А суды могут тянуться годами – в том числе и суд по поводу незаконных действий при захвате. Без соответствующего решения суда ни один пристав изгонять захватчика не придет, и восстановить справедливость, получается, можно только тем же самым путем – силовым, что, во-первых, опять же незаконно, а во-вторых, законному владельцу обычно не по силам»¹⁶.

Скорее всего, бизнесмены Антимоний и Палихата взяли плохо лежавшую недвижимость не по заданию администрации президента, а исключительно из корыстных соображений. Однако попробовали бы они подобным образом увести здание у пропрезидентского СМИ – итог конфликта точно был бы совсем иным. «Хозяйствующий субъект» прекрасно

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

понимал, что за журнал, в котором регулярно печатаются «наезды» самой Валерии Новодворской на «самое святое», правоохранители вступаться не будут.

Сходный случай почти одновременно произошел с институтом «Открытое общество» (филиал «Фонда Сороса»), здание которого на Озерковской набережной было в конце 2003 года захвачено компанией «Спектр-1» Кантемира Карамзина. Интересно, что в январе 2004 года К. Карамзин сдал завоеванное здание в аренду избирательному штабу Ирины Хакамады.

Что касается журнала «Новое время», то его деятельность была парализована на несколько месяцев. А в захваченном здании Е. Антимоний вроде бы собирается сделать гостиницу «Пушкин».

Допрос Подрабиника (январь 2004)

В начале 2004 года ФСБ предприняло попытку уголовного преследования руководителя информационного агентства «Прима», бывшего главного редактора правозащитной газеты «Экспресс-Хроника», легендарного диссидента Александра Подрабиника. 28 января 2004 г. А. Подрабинек был вызван на допрос в качестве свидетеля в следственное управление ФСБ в Лефортовской тюрьме, где ему предложили ответить на ряд вопросов об издании и ввозе в Россию книги Александра Литвиненко и Юрия Фельштинского «ФСБ взрывает Россию». Как оказалось, по факту издания этой книги возбуждено уголовное дело – причем о «разглашении государственной тайны» (а не, скажем, о клевете).

По букве закона, из тех, кто писал и издавал книгу, фигурантом такого дела мог бы быть только бывший офицер ФСБ А. Литвиненко – поскольку ему сведения (или, если угодно, подозрения) о причастности ФСБ к взрывам домов в городах России осенью 1999 года стали известны по службе. Ни второй соавтор Фельштинский, ни издатель (считается, что спонсором издания или фактическим издателем был Борис Березовский), ни распространитель книги в России Подрабинек уголовному преследованию за разглашение этой государственной тайны не подлежат.

Несмотря на то, что книга Литвиненко и Фельштинского «ФСБ взрывает Россию» никаким российским судом не признана клеветнической или экстремистской, ФСБ препятствует ее завозу в Россию. 31 декабря 2003 г. в Москву из Риги должна была быть доставлена часть тиража. Груз успешно миновал латвийско-российскую границу, однако на 111-м километре Волоколамского шоссе фуру остановили сотрудники дорожно-постовой службы, которые изъяли книгу.

Поскольку агентство «Прима» Подрабинека было заказчиком (или представителем заказчика), предполагавшего торговать книгой, именно Подрабинека и был вызван на допрос ФСБ.

Несмотря на то, что ему, как это обычно делается в российских правоохранительных органах, угрожали переводом из свидетелей в обвиняемые, Подрабинека, в духе старинных диссидентских принципов, отвечать на вопросы следователя отказался.

Видимых последствий инцидент не имел.

В каком-то количестве экземпляров книга проникла в Россию, но книготорговцы, опасаясь неприятностей от ФСБ, не берут ее на реализацию. Впрочем, книга вполне доступна в интернете, в частности, на сайтах «Библиотека Мошкова» и «Компромат.Ру».

Увольнение Парфенова (июнь 2004)

Сменивший Бориса Йордана Николай Сенкевич не сумел обеспечить той степени лояльности, которой от него желали в Кремле. Во всяком случае, в информационной политике НТВ все еще выбивается из норм единообразия, усвоенных на Первом канале и канале «Россия».

Остатки свободомыслия и неизжитый профессионализм не позволили НТВ замолчать грандиозный пожар Манежа, омрачивший вечер выборов Путина 14 марта 2004 г. и ставший грозным предзнаменованием бед и катастроф его второго правления. Нечто подобное наблюдалось и в праздничный день 9 мая 2004 г., когда на стадионе в Грозном были взорваны президент и спикер парламента Чечни и лишь чудом уцелел премьер-министр, уехавший накануне в Москву. Спецвыпуски НТВ с окровавленным Кадыровым в 11.40 и сообщением о его гибели в 12.00 слишком контрастировали с молчанием государственных каналов, не желавших «портить День Победы». Сообщивший о смерти чеченского лидера ведущий программы «Сегодня» Алексей Суханов был вырублен из эфира буквально на полуслове. Трехчасовое молчание государственных каналов завершилось в 14.00 сообщением в «Вестях» о... «ранении» Кадырова¹⁷.

На втором государственном канале, возглавляемом Олегом Добродеевым, существует даже формальный перечень «запрещенных слов». В частности, на добродеевском канале нельзя произносить в эфире выражения «замена льгот деньгами» (следует говорить «льготные выплаты»), «банковский кризис», «шахид» и даже «Чечня» (следует говорить только «Чеченская

¹⁷ Афанасьева Елена. Место Парфенова. Вместо Парфенова // Известия. 2005. 5 июня.

республика»)¹⁸. Аналогичный список «запрещенных слов» Первого канала пока не стал достоянием публики, но видно, что на канале Константина Эрнста нечто подобное тоже существует.

А вот на НТВ этого все-таки не было — по крайней мере до лета 2004 года.

Из федеральных телеканалов только на НТВ, хотя и уже дважды «зачищенном», можно было увидеть сюжеты о смерти в результате протестной голодовки участника ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, о выступлениях молодежного «Яблока» против культа Андропова и Путина, об эпатажных антипутинских акциях нацболов-лимоновцев. Во время провалившихся учений на Северном флоте только в энтэвешной программе «Страна и мир» хотя бы вскользь было упомянуто о невзлете ракет с крейсера «Новомосковск» — два первых канала многословно толковали об успехе «масштабных» учений. Основными гнездами остаточного свободомыслия были программы «Намедни» Леонида Парфенова и «Свобода слова» Савика Шустера. Информационно-аналитическая программа «Личный вклад» Александра Герасимова не затрагивала — в отличие от Парфенова — запретных тем, однако культивировала отстраненный объективизм, контрастировавший с путиноманией «Вестей» («Россия») и «Времени» (Первый канал).

(Справедливости ради следует упомянуть еще об информационно-аналитической программе «24» Ольги Романовой на канале REN-TV. Дециметровый REN-TV — канал преимущественно московский и даже в столице доступный не во всех микрорайонах — до лета 2005 года находился в совместном владении РАО ЕЭС (во главе с Анатолием Чубайсом) и менеджмента канала во главе с Иреной Лесневской. До ноября 2005 года — когда О. Романова была уволена — программа «24» позволяла себе слишком заметные вольности в информации и способах ее подачи.)

1 июня 2004 г. гендиректор НТВ Николай Сенкевич объявил о закрытии на НТВ программы «Намедни» и увольнении Леонида Парфенова. Реклама в «Намедни» была самой дорогой на НТВ: одна минута стоила 141 600 долларов (включая НДС)¹⁹. Это не остановило Сенкевича.

Увольнению Парфенова предшествовало снятие с эфира сюжета программы «Намедни», посвященного интервью с Маликой Яндарбиевой, вдовой бывшего президента Чечни-Ичкерии Зелимхана Яндарбиева, убитого агентами российского ГРУ в Катаре. Сюжет журналистки Елены Са-

¹⁸ Варшавчик Сергей. На телевидении зачищают терминологию // Независимая газета. 2004. 2 августа.

¹⁹ Кузин Евгений. Место Парфенова. Вместо Парфенова // Известия. 2004. 5 июня.

мойловой «Выйти замуж за Зелимхана» был снят из эфира на европейскую часть страны после того, как он был показан в прямом эфире на Дальний Восток, Сибирь и Урал. По словам Парфенова, Герасимов «запретил показ сюжета по просьбе спецслужб»²⁰.

По другой версии, ставшей известной корреспонденту «Коммерсанта» Арине Бородиной, непосредственно запрет на выход интервью с Маликой Яндарбиевым исходил от пресс-секретаря президента Алексея Громова²¹.

Получив указание вырезать сюжет, Парфенов затребовал от заместителя гендиректора НТВ Александра Герасимова письменное распоряжение, каковое и было ему выдано. Копию этого распоряжения телеведущий передал в газету «КоммерсантЪ», где оно и было опубликовано²². Герасимов объявил передачу его приказа в прессу «недопустимым нарушением корпоративной этики», а Н. Сенкевич именно этот поступок — а не сам сюжет — объявил причиной увольнения.

Между тем Л. Парфенов сам сократил то злосчастное интервью и вырезал из него все самые острые и неприятные Кремлю моменты. Например, был вырезан фрагмент о том, как Зелимхан Яндарбиев по собственной инициативе звонил захватившим «Норд-Ост» чеченским террористам и требовал от них, чтобы они погибли сами, но не допустили гибели ни одного заложника. Препарированный вариант интервью успели увидеть зрители Дальнего Востока — и в нем не было ничего особенного. Тем более в нем не было ничего такого, что могло бы ухудшить судьбу пойманных в Катаре грушников.

Истинной причиной увольнения Парфенова было, видимо, вовсе не это интервью. Иронизирование над президентом и его «державным стилем», ставшее весной 2004 года постоянным мотивом передач Парфенова, переполнило чашу терпения кремлевских чиновников и самого Путина. Последней же каплей стал рекламный ролик выпуска «Намедни» — того самого выпуска, в котором должно было быть и интервью с вдовой чеченского сепаратиста. «Кто такой мистер Путин?» — звучал в ролике вопрос голосом Парфенова. «Никто и ничто!» — отвечал голос Путина (далее, после паузы, шли слова Путина о том, что никто и ничто не сможет что-то там сотворить нехорошее с Россией).

²⁰ Бородина Арина. Парфенонсенс // КоммерсантЪ. 2004. 3 июня.

²¹ Там же.

²² КоммерсантЪ. 2004. 31 мая. Текст распоряжения см., например: С эфира НТВ сняли интервью с вдовой Зелимхана Яндарбиева // Новости и события. 2004. 31 мая (<http://news.flexcom.ru/russia/2004/05/31/49591/#2>).

Этот издевательский ролик в субботу перед последним воскресным «Намедни» каждый час звучал в эфире НТВ. Запрещать ролик постеснялись — вместо этого спровоцировали отвлекающий внимание конфликт вокруг чеченского интервью.

По мнению Л. Парфенова, если бы его увольнение было личным решением Н. Сенкевича, то «...Сенкевич давно бы его принял. Ему, конечно, нужна была чья-то санкция»²³. Впрочем, многие считают, что прямого вмешательства Кремля Сенкевичу могло и не понадобиться, — например Александр Рыклин из «Еженедельного журнала»: «Когда руководители канала утверждают, что уволили Парфенова самостоятельно, без какого-либо нажима сверху, верю им безоговорочно. Сегодня доверительность отношений кремлевских чиновников с нашими медиа-генералами достигла такого уровня, что необходимость в прямых инструкциях фактически отпала — все сами прекрасно понимают, какое нынче в стране должно быть телевидение. Как говорят кремлевы: «Добродеева учить — только портить»²⁴.

Непримиримый Владимир Кара-Мурза, не простивший Парфенову переход на сторону победителей в мае 2001 года, откомментировал инцидент безжалостно: «...это такая показательная порка в назидание другим сотрудникам и журналистам НТВ, чтобы не смели высовываться Таня Миткова, Миша Осокин, Савик Шустер. Бей своих, чтоб чужие боялись — такой принцип. Леонид как раз был в первых рядах газпромовских захватчиков канала в 2001 году. Он тогда заблаговременно уволился, потом в Коммерсанте написал про нас письмо в стиле доноса...»²⁵

Бывший совладелец НТВ Игорь Малашенко считает, что «...история с закрытием “Намедни” и увольнением Парфенова ... — свидетельство того, что установлена новая степень контроля. Парфенов ходил по некоей зыбкой грани и играл в кошки-мышки со своими начальниками и с правящей партией (не с “Единой Россией”, конечно, а с партией спецслужб, назовем ее так). ... если раньше достаточно было контролировать журналиста так, чтобы он снял сюжет, а дальше уж пусть рассказывает что угодно, то сегодня он должен быть контролируемым настолько, что не должен вообще и думать.

...Когда человек раз за разом идет на компромиссы, то от него неизбежно начинают требовать все большие компромиссов. И в какой-то мо-

²³ Там же.

²⁴ Рыклин Александр. «Ах, Парфенова уволили! Да как же они посмели?!»... А мы так скажем: давно пора было. Отщепенцам не место на нашем телевидении // Еженедельный журнал. 2004. № 22.

²⁵ Ребель Анна. Намедни не стало «Намедни» // Русский курьер. 2004. 3 июня.

мент он либо превращается в тряпку, об которую ноги вытирают, либо взбрыкивает — и с удивлением обнаруживает, что от него требует большего, чем три месяца назад. Это и произошло с Парфеновым»²⁶.

Продолжение чистки на НТВ (июль 2004)

Вслед за Парфеновым пришел черед Александра Герасимова и его общественно-политической программы «Личный вклад», а также программы Савика Шустера «Свобода слова».

В первых числах июля 2004 г. Н. Сенкевич был повышен, заняв пост председателя Совета директоров «Газпром-Медиа», а его место гендиректора НТВ занял перешедший с канала «Россия» Владимир Кулистиков, некогда работавший на НТВ. Уже 7 июля 2004 г. на совещании нового руководства телекомпании В. Кулистиков объявил о своем намерении закрыть все общественно-политические программы: «Свободу слова» Савика Шустера, «Личный вклад» Александра Герасимова и «Красную стрелу» производящей телекомпании «Пилот» («Красная стрела» с Хрюном Моржовым и Степаном Капустой — обезжиренный наследник программы «Тушите свет!», вышедшей некогда на ТВС).

Из программ с общественно-политическим содержанием Кулиستиков оставил в сетке вещания только информационную программу «Страна и мир» Алексея Пивоварова и ток-шоу «К барьеру!» Владимира Соловьева.

В. Кулиستиков так объяснил ликвидацию «Свободы слова»: *«Считалось, что программа была трибуной для обмена мнениями. Но далеко не всеми мнениями. Люди статусные, принимающие решения, оставались в меньшинстве либо не приходили вовсе, из-за этого программа перестала быть объективным отражением споров, идущих в обществе. ... зачастую она воспринималась как клуб «пикейных жилетов», которые в сущности доказывали один тезис: Путин — не голова»²⁷.*

Новый надзиратель над НТВ был не совсем прав: мнение, что «Путин — не голова», отнюдь не преобладало в высказываниях гостей программы Шустера — скорее наоборот. Весь 2004 год в «Свободе слова» было заметно прямо-таки засилье Дмитрия Рогозина («Родина») и Алексея Митрофанова (ЛДПР), которые в ключевых моментах российской поли-

²⁶ Малашенко Игорь. Конец пути // Еженедельный журнал. 2004. № 22.

²⁷ Бородин Арин. «НТВ нужно вернуть ореол объективности и беспристрастности». Первое интервью нового гендиректора телекомпании Владимира Кулистикова // Коммерсантъ. 2004. 19 июля.

тики (Чечня, «управляемая демократия», свобода слова, перераспределение крупной собственности) являются большими путинистами, чем сам Путин. Однако, наряду с путиноидами разных оттенков и жириновцами, в «Свободе слова» могли иногда высказаться и критики режима — как с левых позиций (коммунисты, Эдуард Лимонов), так и с либеральных (Явлинский, Немцов, Хакамада).

Хотя В. Кулиستиков имеет репутацию журналиста-«чего изволите?», к нему самому тоже был приставлен надзиратель — точнее, надзирательница — «...некая Тамара Гаврилова. Известно про нее совсем немного, но зато самое главное: Тамара Гаврилова эта — однокурсница Владимира Путина»²⁸.

После ликвидации «старого» НТВ (и закрытия ТВС в качестве последней точки этой истории) все шаги власти на телевидении — уже не решающие. Так считает даже один из наиболее пострадавших от июльской зачистки на «новом» НТВ, продюсер телепроизводящей компании «Пилот» Владимир Неклюдов: *«...единственное событие на ТВ произошло в апреле 2001 года, когда убили НТВ»²⁹.*

И все-таки практически полное упразднение общественно-политического вещания НТВ — тоже некая вежа. Если Парфенов был изгнан за то, что делал (иронизировал над путиноманией), то Герасимова попросили уйти за то, что он не делал (не восхвалял Путина).

Случай с «Чеченским обществом» (июль-август 2004)

В конце июля 2004 года была предпринята попытка прекратить издание газеты «Чеченское общество». «Чеченское общество» Тимура Алиева — отнюдь не сепаратистское издание, осуждающее, однако, нарушения прав человека в кадировской Чечне. Реально газета делается в Москве, но печаталась в 2004 году в типографии в Назрани (Ингушетия), а распространялась как в самой Чечне, так и в чеченской диаспоре в Москве и на Северном Кавказе. По устному указанию из МВД Ингушетии назранская типография отказалась печатать газету.

В Чечне в тот момент готовились выборы президента Алу Алханова, и независимая от кадировцев газета была особенно неудобна.

После выборов издателям удалось решить проблемы с типографским станком.

²⁸ Шендерович Виктор. Венеролог Басаев, однокурсница президента, а также — почему Зюганов пожаловался Путину на него самого // Новая газета. 2004. № 51.

²⁹ Плахова Вероника. Гостелерадио заказало Хрюна и Степана. Продюсер Владимир Неклюдов: «В наши дни шутов прогоняют со двора» // Новая газета. 2004. № 51.

Бесланский кризис (сентябрь 2004)

В начале сентября 2004 года Россию потряс очередной кризис, вызванный Чеченской войной и действиями северокавказских террористов — захват школы и более 1200 заложников в осетинском городе Беслане, массовая гибель детей в ходе операции по освобождению заложников.

Во время кризиса и сразу после него власти, казалось, не столько думали об освобождении детей, сколько боялись утечки правдивой информации (о количестве заложников, требованиях бандитов, поведении чиновников и силовиков).

Чтобы не допустить в Беслан некоторых журналистов, против них были предприняты откровенно криминальные действия: Анна Политковская («Новая газета») была отравлена в самолете и в тяжелом состоянии попала в больницу, Андрея Бабицкого (радио «Свобода») сначала не пустили в самолет под предлогом бомбы у него в багаже, а затем обвинили в хулиганских действиях.

6 сентября 2004 г. в Минеральных Водах был снят с самолета и задержан шеф российского бюро телеканала «Аль-Арабия», российский гражданин Амр Абр аль-Хамид (у него «найден» патрон от автомата Калашникова); в самом Беслане были на два дня задержаны грузинские тележурналисты Нана Лежава и Леван Тетвадзе (под предлогом отсутствия у них въездных виз — несмотря на их прописку в пограничном Казбегском районе Грузии, жители которого согласно российско-грузинской договоренности имеют право пересекать границу без виз и находиться на территории Северной Осетии до 10 дней).

В Северной Осетии подвергались задержанию — правда, ненадолго — Анна Горбатова и Оксана Семенова («Новые Известия»), Мадина Шавлохова («Московские новости»), Елена Милашина («Новая газета») ³⁰.

Увольнение Рафа Шакирова (сентябрь 2004)

6 сентября 2004 г. подал в отставку Раф Шакиров, главный редактор газеты «Известия». Подконтрольные на тот момент медиаконцерну «Проф-медиа» миллиардера Владимира Потанина, «Известия» ни в коей мере не являлись оппозиционным изданием — тон в газете задавали праволиберальные и правоконсервативные (в западном смысле) государственники —

³⁰ Серова Яна. Спецоперация в Беслане прошла успешно. Против журналистов. ОБСЕ заслушал отчет, вызвавший шок у мировой общественности // Новая газета. 2004. № 69.

авторы, не чуждые исламофобии, абсолютно враждебные к любым формам сепаратизма, но лояльные к умеренным формам авторитаризма (Александр Архангельский, Максим Соколов и др.). Однако авторитаризм Путина «Известия» поддерживали без лизоблюдства, позволяли себе осуждать действия отдельных ведомств и чиновников; кроме того, публиковались в газете и либеральные авторы, относящиеся критически, хотя и без крайностей, к «управляемой демократии» (в частности, Ирина Петровская, делающая еженедельные обзоры телевидения).

В интервью журналистам Р. Шакиров заявил, что издатель газеты компания «Проф-Медиа» выразила несогласие с тем, как газета освещала события в Беслане, — в первую очередь, с номером «Известий» за субботу 4 сентября, посвященным Бесланской трагедии. Восемь полос номера были посвящены сражению за школу в Беслане. На первой и последней страницах выпуска «Известий» были напечатаны полосные фотографии окровавленных детей, внутри — тоже много крупных фотографий, на нескольких — тела погибших.

По утверждению гендиректора «Проф-медиа» Рафаэля Акопова, его разногласия с Шакировым относятся не к политике, а к стилистике: «...субботный номер был излишне натуралистичен» ³¹.

Не исключено, что испуг Акопова (или самого Потанина) вызвал и более эмоциональный, чем обычно, обзор И. Петровской — о том, как государственные телеканалы лгали народу и прислуживали чиновникам во время Бесланского кризиса.

Журналисты и политологи увидели в увольнении главного редактора «Известий» признаки начала нового этапа в политике Кремля по отношению к СМИ — переход к установлению плотного контроля над бумажной прессой.

По мнению генерального директора ИД «Коммерсантъ» Андрея Васильева, «это сознательный сигнал Кремля журналистам и элитам о том, что у него дошли руки и до бумажных СМИ» ³².

В опросе среди журналистов, устроенном «Независимой газетой», прозвучали такие мнения:

Алексей Венедиктов, главный редактор радио «Эхо Москвы»: «...Думаю, в Кремле нашлись люди, которые захотели услужить президенту, обвинив “Известия” в некорректном освещении событий».

Ирина Петровская, обозреватель «Известий»: «Думаю, указания последовали из Кремля. Поводов для увольнения Рафа ни у Потанина, ни у

³¹ Воронина Анфиса. Добрались до бумаги // Ведомости. 2004. 7 сентября.

³² Там же.

«Проф-медиа» не было. Это показательный процесс, чтоб другим неповторно было».

Алексей Симонов, гендиректор Фонда защиты гласности: «Рафом занялись спецслужбы, и уволили в угоду им, в силу изменения информклимата в стране. ... Я ведь помню, как восторженно Потанин аплодировал выходу Путина на съезде РСПП».

Светлана Сорокина, телеведущая «Первого канала»: «Это решили наверху, не думаю, что Потанин пожертвовал бы Шакировым. Москвичи больше верят газетам, чем ТВ, поэтому газет в те дни нельзя было купить, они давали то, что не давало телевидение»³³.

По мнению Ирины Рыковцевой (радио «Свобода»), «...Потанин боится повторить судьбу Ходорковского. Поэтому сегодня был уволен Шакиров»³⁴.

Несмотря на эпизодические преследования и провоцирования «экономических» конфликтов, печатные издания в первый срок правления Путина не подвергались такому же систематическому контролю и давлению, как телевидение. Рационально мыслящая часть путинского окружения справедливо считает жесткий контроль над бумажной прессой избыточной мерой. К тому же Путин, который, как известно, ежедневно смотрит новостные программы по всем каналам, газет и журналов со времени своего избрания президентом не читает (а в ежедневных обзорах прессы обращает особое внимание только на то, что о нем пишут западные журналисты).

Однако и для печатных СМИ сохранение относительной свободы отнюдь не гарантировано. Цитированная выше статья в газете «Ведомости» на следующий день после увольнения Р. Шакирова назвалась «Добрались до бумаги»³⁵.

Реформа торговых точек в Москве (октябрь 2004)

Весной 2004 года Межведомственная антитеррористическая комиссия рекомендовала очистить Московский метрополитен и прилегающие территории от торговых точек. Хотя это была «рекомендация», а не указание, в Москве перестали продлеваться разрешения на торговлю газетами и журналами в метро, а также на расстоянии менее 25 метров от станций

³³ Кто уволил Рафа Шакирова? // Независимая газета. 2004. 7 сентября.

³⁴ Почему уволен главный редактор газеты «Известия»? Оценки коллег // Радио «Свобода». 2004. 7 сентября (цит. по: <http://www.compromat.ru/main/prismi/shakirovuvol.htm>).

³⁵ Воронина Анфиса. Добрались до бумаги // Ведомости. 2004. 7 сентября.

метрополитена. К началу октября 2004 года практически все переносные точки торговли печатной продукцией в станциях метро и на расстоянии ближе 25 метров от них были ликвидированы.

Предполагалось, что место переносных торговых точек в метро займут специальные автоматы по продаже газет (ассортимент которых, правда, не может не быть ограниченным), а в окрестностях станций — специализированные павильоны крупных фирм, торгующих печатной продукцией (хозяева которых, однако, далеко не всегда согласны брать на реализацию прессу не восторженного направления — как левую, так и либеральную). В результате автоматов оказалось совсем мало, и ассортимент их даже беднее, чем можно было ожидать; хотя попадает в них кое-где и оппозиционная «Новая газета». Павильонов же явно меньше, чем ларьков, цены несколько выше, а количество продаваемой политической прессы, как и предполагалось, снизилось.

Реформа привела к повышению цен практически на все газеты и журналы, но в первую очередь ударила по таким изданиям, как «Новая газета», «Независимая газета», «Русский курьер». Число мест, где эти газеты в Москве можно купить, очень заметно сократилось. Полностью изгнаны из метро и окрестностей «дикие» распространители прессы, торгующие в основном маргинальной и полумаргинальной прессой левых и правых радикалов (в том числе, впрочем, довольно популярными «Лимонкой» Эдуарда Лимонова, «Завтра» Александра Проханова и «Дуэлью» Юрия Мухина).

Дело Юрия Багрова (август-декабрь 2004)

25 августа 2004 г. сотрудники УФСБ Северной Осетии провели обыски у корреспондента радио «Свобода» Юрия Багрова — дома, в офисе, в гараже и на квартире его матери. В обысках участвовали в общей сложности около 40 сотрудников УФСБ во главе с начальником отдела контрразведки, подполковником Сергеем Леонидовым.

17 сентября 2004 г. против журналиста было заведено уголовное дело по обвинению в использовании поддельного решения суда о предоставлении ему гражданства России.

Ю. Багров в 1992 году переехал из Грузии во Владикавказ, где у него живут мать, жена, бабушка и дедушка, все имеющие российское гражданство. В 2003 году, когда истек срок действия его советского паспорта, Багров обменял паспорт на российский — причем для этого ему потребовалось решение суда. Весной 2004 года Багров опубликовал материал о причастности сотрудников ФСБ к похищениям людей в Ингушетии. После

этого за ним была установлена слежка, а из паспортного стола изъяты документы о его прописке³⁶.

Иристонский суд Владикавказа отказал защите обвиняемого в просьбе провести почерковедческую экспертизу и исследовать оттиск печати на судебном решении о предоставлении гражданства и в декабре 2004 года признал Ю. Багрова виновным в использовании заведомо поддельного документа, присудил его к штрафу в размере 15 тыс. рублей и постановил изъять у него российский паспорт. В январе 2005 года Верховный суд Северной Осетии оставил решение Иристонского суда в силе. Багров, превратившийся в лицо без гражданства (а с точки зрения правоохранительных органов — видимо, в гражданина недружественной Грузии), стал регулярно подвергаться неприятностям при исполнении им своих профессиональных обязанностей. В частности, в сентябре 2005 года он был арестован в Беслане при попытке пройти на траурные мероприятия в бывшей школе № 1 — поскольку у него не было аккредитации Министерства иностранных дел³⁷.

Казус Пивоварова (декабрь 2004)

8 декабря 2004 года гендиректор НТВ Владимир Кулистиков принял решение отстранить на 1 месяц от эфира одного из ведущих программы «Страна и мир». Причиной стал комментарий Пивоварова на назначение Леонида Парфенова главным редактором журнала «Русский Newsweek». В этом комментарии Пивоваров подпустил шпильку в адрес главы «Газпром-Медиа» Николая Сенкевича, упомянув, что *«полгода назад тогдашний гендиректор НТВ внес личный вклад в историю российского телевидения, уволив Парфенова по сокращению штатов»*³⁸.

В. Кулистиков назвал комментарий Пивоварова «сведением личных счетов» и наказал его временным отстранением от эфира.

Реформа «Русского курьера» (март 2005)

В марте 2005 года вторичному разгону подверглись бывшие «новоизвестинцы» во главе с Голембиовским и Агафоновым, взявшиеся делать

³⁶ Милашина Елена. «Свобода» не имеет гражданства. Радиожурналиста Багрова лишили конституционных прав // Новая газета. 2004. № 4.

³⁷ В Беслане задержан корреспондент радио «Свобода» // РИА «Новости». 2005. 1 сентября (доступно здесь: <http://www.vremya.ru/news/1009063.html>).

³⁸ Бородин Арина. На НТВ провели профилактическую работу // Коммерсантъ. 2005. 9 декабря.

газету «Русский курьер», собственником которой стал московский издатель Яков Соскин (холдинг «Медиапресс»).

Первоначально Соскина — как некогда Митволя — не интересовало ни содержание газеты, резко критиковавшей «управляемую демократию» и лично президента Путина, ни то, что она была убыточной. Однако в начале 2005 года Соскину пришла в голову фантазия стать сенатором от Думы Корякского автономного округа, для чего ему потребовалось сочувствие Администрации президента.

В отличие от Митволя, Соскин не стал предъявлять редколлегии какие-либо претензии, а просто закрыл газету и уволил весь журналистский коллектив (а через некоторое время стал издавать одноименный еженедельный таблоид умеренно-государственнического направления, столь же убыточный). Постоянным сотрудникам «Русского курьера» при увольнении были выплачены заработанные ими деньги, а вот гонорары внештатников издатель-миллионер зажал.

Ожидаемой благодарности от Кремля Соскин не получил: сенатором ему стать не удалось. Кремль воздержался от продавливания его кандидатуры в Совет Федерации из-за скандального эпизода пятилетней давности, о котором еще в самом начале «корякского похода» Соскина напомнила газета «Коммерсантъ»: в 2000 году супруга издателя, находясь с ним в процессе развода и дележа имущества, пыталась застрелить мужа, но нечаянно застрелилась сама³⁹. В апреле 2005 года Дума Корякского округа избрала своим представителем в СФ коммуниста Александра Суворова, которого ей не удалось избрать в январе.

Перемены в «Известиях» (июнь-ноябрь 2005)

В первых числах июня 2005 года полугосударственный холдинг «Газпром-Медиа» приобрел у издательского дома «Проф-медиа» (Владимир Потанин) 50,19 % акций ОАО «Редакция газеты «Известия»».

8 ноября 2005 г. в «Известиях» был назначен новый главный редактор — вместо Владимира Бородина (возглавлявшего газету с сентября 2004 года, после увольнения Р. Шакирова) этот пост занял Владимир Мамонтов, ранее руководивший у Потанина «Комсомольской правдой».

Гендиректор «Газпром-Медиа» Н. Сенкевич, как водится, заявил, что никакой политической подоплеки в смене главного редактора нет и редакционная политика «Известий» останется прежней. Иную точку зре-

³⁹ Коммерсантъ. 2005. 28 января.

ния выразил бывший главред «Известий» Шакиров: «Разве «Газпром» покупал “Известия”, чтоб были расхождения с линией партии? Печатные СМИ защищают основательно. ... из “Известий” хотят сделать “Правду”»⁴⁰.

Освоившись, новый главред подтвердил опасения главреда бывшего. Он изложил свое видение будущего газеты в специальном довольно просторном «Меморандум» для сотрудников. Через какое-то время «Меморандум» просочился в интернет, где его аутентичность никем не была оспорена.

Из «Меморандума» Мамонтова:

«“Известия” — не оппозиционная газета, у нас на дверях написано совершенно другое — “общенациональная”. Сегодня эта вывеска обманывает. Мы часто бываем далеки от народа. ... Да и странно нам, принадлежа практически государственной корпорации, делать вид, что мы крутые оппозиционеры. От этого противоречия можно и умом тронуться!

Тем, кого такое положение вещей не устраивает — а теперь дело будет обстоять именно так — надо искать другое место работы.

Нам предстоит стать в действительности либеральной, влиятельной, живой, уважаемой, интересной российской газетой. Никто не помышляет нам предоставлять платформу для борьбы мнений, но хорошо бы всегда оставаться в зоне здравого смысла. Предел (и лучший пример) либерализма для меня А.Б. Чубайс. Он и либеральную идею отстаивает, и Бурейскую ГЭС строит.

*Хочу заверить: с приходом нового главного редактора и тех, кто уже пришел и еще придет с ним, закончился период странной журналистской жизни вне политического и социального контента страны»*⁴¹.

Перемены на REN-TV (июнь-ноябрь 2005)

В конце июня 2005 года холдинг Алексея Мордашова «Северсталь-групп» выкупил у РАО ЕЭС почти 70-процентную долю REN-TV, в свою очередь, немецкий медиаконцерн RTL Group приобрел другие 30 % акций, которые принадлежали семье основательницы и гендиректора телеканала Ирены Лесневской. В октябре «Северсталь» продала половину своих акций REN-TV «Сургутнефтегазу».

⁴⁰ Ростова Наталья. В «Известиях» не поменяется ничего, кроме главного. Интервью с Рафом Шакировым, Владимиром Бородиным, Николаем Сенкевичем // Новая газета. 2005. № 84.

⁴¹ Письмо главреда «Известий» Мамонтова трудовому коллективу: что ждёт газету? // Ассоциация распространителей печатной продукции. 2005 (<http://www.arpp.ru/content/view/12844/2/>).

Изменения структуры собственности повлекли за собой и административные изменения: вместо Лесневской новым гендиректором стал Александр Орджоникидзе.

23 ноября А. Орджоникидзе распорядился снять из эфира программы Ольги Романовой «24 часа» два сюжета — о прекращении уголовного дела в отношении сына министра обороны Сергея Иванова (в мае сын министра насмерть сбил на автомобиле пожилую женщину) и о строительстве новой часовни на Манежной площади стоимостью 15 млн долларов по проекту Зураба Церетели. Сюжет о сыне министра О. Романова выбросила, а о часовне — все-таки оставила.

На следующий день, 24 ноября 2005 г. О. Романова должна была выйти в эфир с двумя вечерними выпусками новостей, но сотрудники частного охранного предприятия «Евразия», нанятые новым руководством канала, не пустили ее в телестудию, сославшись на распоряжение гендиректора А. Орджоникидзе.

28 ноября 2005 г. Орджоникидзе заявил, что Романова нарушила корпоративную этику и что в эфире телеканала она не появится как минимум три месяца, которые ей даются «на подготовку концепции новой программы». 5 декабря 2005 г. Романова подала заявление об уходе с канала.

Новые правила аккредитации СМИ в Мосгорсуде (сентябрь 2005)

В сентябре 2005 года председатель Мосгорсуда Ольга Егорова подписала распоряжение, согласно которому журналисты не имеют права посещать судебные заседания без специального разрешения, выданного пресс-службой суда. Кроме того, даже имея аккредитацию, журналист обязан как минимум за день уведомить суд о своем желании присутствовать на заседании⁴².

Дело Дмитриевского (октябрь 2005 — февраль 2006)

В январе 2006 года в Нижнем Новгороде предстал перед судом исполнительный директор Общества российско-чеченской дружбы (ОРЧД) и главный редактор газеты «Право-защита» Станислав Дмитриевский. За год до этого, в январе 2005 года в «Право-защите» были опубликованы обращение Ахмеда Закаева к народу России (не голосовать на выборах за Путина) и обращение Аслана Масхадова к Европарламенту. ФСБ возбудила

⁴² Петров Геннадий. «Да» против Мосгорсуда. Дочь Егора Гайдара «повязали» за свободу слова // Московский комсомолец. 2005. 19 сентября.

по этим публикациям дело по ст. 280 УК РФ («публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), однако на основании проведенной экспертизы дело было позже переквалифицировано на ст. 282 УК РФ («возбуждение ненависти или вражды») и передано в прокуратуру.

В октябре 2005 года начался судебный процесс. Прокуратура требовала приговорить Дмитриевского к четырем годам тюремного заключения. Правда, в текстах Масхадова и Закаева нигде ни слова не говорилось о русских в этническом смысле, все обвинения авторов, в том числе очень резкие, были обращены к российским властям, поэтому доказать, что эти авторы, а вместе с ними и главный редактор, возбуждали национальную (в смысле этническую) вражду к русским или к иным народам, было невозможно.

3 февраля 2006 г. суд Советского района Нижнего Новгорода приговорил Дмитриевского к двум годам лишения свободы условно с четырехлетним испытательным сроком. Согласно букве судебного решения, «национальными и расовыми группами», к которым возбуждал и разжигал «ненависть либо вражду» Дмитриевский, оказались «руководство Российской Империи», «безумный кремлевский кровавый режим», в крайнем случае — «российские оккупанты» (но не «русские оккупанты»). Суд, правда, снял вопрос Дмитриевского к эксперту обвинения Ларисе Тесленко, существует ли сейчас «руководство Российской Империи»⁴³.

Российское эхо карикатурного скандала (февраль-апрель 2006)

Так называемый карикатурный скандал — агрессивные протесты мусульман по всему миру против опубликованных в Дании карикатур на пророка Мухаммеда — вызвал совершенно неожиданное эхо в России. В России — советской, досоветской, постсоветской — многократно публиковались карикатуры на священных персонажей любых религий (достаточно вспомнить издания и переиздания таких шедевров юмористической литературы, как мировая и российская «истории» в ернических изложениях «Сатирикона»). Это не только никогда не вызывало массовых протестов, но и чаще всего просто игнорировалось самими верующими и священнослужителями конфессий. Инициаторами репрессий против СМИ за карикатуры стали функционеры правящей «Единой России».

9 февраля 2006 г. волгоградская газета «Городские вести», издаваемая мэрией, опубликовала статью «Расистам не место во власти», посвящен-

⁴³ Санникова Елена. Хроника суда // Права человека в России. 2006 (<http://www.hro.org/ngo/about/2006/02/02-5.php>).

ную подписанию местными общественными организациями и отделениями политических партий договора о совместном противодействии национализму, ксенофобии и религиозной розни. Текст был проиллюстрирован шаржевым рисунком, на котором основоположники мировых религий в дружеской беседе сетуют на творимые их последователями безобразия («А ведь мы их этому не учили»).

Руководство волгоградского отделения «Единой России», враждующее с мэром города Евгением Ивченко, между прочим членом (на тот момент) их же партии, сочло публикацию удобным поводом для атаки на мэрию.

Возбудителем скандала стал депутат областной Думы от «Единой России» Александр Щербань. Далее эстафету подхватил секретарь политсовета регионального «ЕдРа» Олег Керсанов, который написал в областную прокуратуру коллективный донос от имени группы подконтрольных «Единой России» областных общественных организаций. В Москве инициативу Щербаня—Керсанова поддержал председатель партии, спикер Госдумы Борис Грызлов.

Областной прокурор Леонид Беляк заявил о необходимости «*принять действенные меры к недопущению*», а 15 февраля Генпрокуратура (в лице замгенпрокурора по Южному федеральному округу Николая Шепеля) начала проверку по факту публикации.

В тот же день, не дожидаясь итогов проверки, и.о. мэра, вице-мэр Андрей Доронин подписал распоряжение о закрытии газеты (Е. Ищенко находился в отпуске и по поводу скандала предпочел отмолчаться).

15 февраля вологодская газета «Наш регион» опубликовала статью на тему мирового «карикатурного скандала». В тексте статьи были приведены высказывания различных экспертов — политологов, служителей церкви и независимых журналистов, а в качестве оформления использованы некоторые из карикатур — причем самые «обидные» были воспроизведены с купюрами.

Публикацию осудил губернатор Вячеслав Позгалев, а областная прокуратура возбудила против главного редактора газеты «Наш регион» Анны Смирновой уголовное дело по ст. 282 УК РФ («возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»). Председатель общества мусульман Вологодской области Равиль Мустафин тоже считал себя обиженным, правда, только после того, как его пригласили в прокуратуру и показали газету⁴⁴.

⁴⁴ Судебные тяжбы карикатурного скандала // Северинформ. 2006. Апрель (<http://www.severinform.ru/index.php?page=article&artid=148>).

Владелец газеты Михаил Смирнов (муж Анны Смирновой) сам закрыл газету, что не спасло его жену от Волгоградского городского суда, перед которым она предстала в апреле 2006 года.

Обвинение просило суд приговорить подсудимую к условному наказанию с испытательным сроком в два года. Р. Мустафин от имени всех мусульман требовал, чтобы журналистке запретили в течение пяти лет занимать руководящие должности в СМИ, а моральный ущерб оценил в миллион рублей.

Суд признал А. Смирнову виновной в разжигании национальной, расовой и религиозной вражды, приговорив ее к штрафу в 100 тысяч рублей. В компенсации морального ущерба суд все-таки Мустафину отказал. Правда, 25 мая областной суд снял со Смирновой все обвинения.

Дело Виктора Шмакова (апрель-май 2006)

29 апреля 2006 г. в Уфе был арестован издатель местной оппозиционной газеты «Провинциальные вести», лауреат всероссийской премии журналистов Виктор Шмаков.

В. Шмаков — оппозиционер со стажем: в 1989 году он учредил первую в Башкирии независимую газету «Вместе»; в 2001–2002 годах возглавлял местное отделение партии «Либеральная Россия» (после раскола партии принадлежал к крылу сторонников Бориса Березовского), в 2006 году возглавил оргкомитет по созданию в Уфе отделения Народно-демократического союза (НДС) экс-премьера Михаила Касьянова.

Поводом для ареста стала публикация в издании «Площадь Восстания» (приложение к газете «Провинциальные вести») «Инструкции по поведению участников революции во время массовых народных выступлений» и «Краткой программы чрезвычайных и первоочередных мер Башкирского революционного комитета после успешного осуществления революции».

8 мая ему было предъявлено обвинение по двум статьям: ч. 2 ст. 280 («публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и ч. 1 ст. 212 УК РФ («организация массовых беспорядков»). 15 мая Верховный суд Башкирии постановил изменить меру пресечения и освободить журналиста под подписку о невыезде.

Несвободная страна и президент — «враг прессы»

С весны 2001 года Россия регулярно фигурирует в докладах различных международных правозащитных организаций как страна с серьезными проблемами в области свободы СМИ.

3 мая 2001 г., во Всемирный день свободы печати, международный Комитет защиты журналистов (The Committee to Protect Journalists, CPJ) огласил составляемый ежегодно список «10 худших врагов прессы», в котором президент России В. Путин получил № 5 — вслед за иранским аятоллой Али Хаменеи, президентом Либерии Чарльзом Тейлором, президентом Китая Цзян Цземинем и президентом Зимбабве Робертом Мугабе. По мнению CPJ, В. Путин «возглавил тревожную кампанию по уничтожению свободы прессы в России. Во главе с Путиным, Кремль ввел цензуру в Чечне, начал судебные преследования против владельцев средств массовой информации в регионах России, и наделил службу безопасности обширными полномочиями по надзору за информацией. ... контролируемая Кремлем компания «Газпром» захватила НТВ, единственную независимую телекомпанию с аудиторией по всей стране. Это явилось очевидным подтверждением того, что режим Путина совершенно не собирается терпеть критику его политики со стороны общественности».

Международная организация «Репортеры без границ» (RSF), ежегодно составляющая свой список «врагов прессы», в мае того же 2001 года представила список «30 врагов прессы» за 2000 год, присудив Путину 22-й номер (а первые четыре места отдала Фиделю Кастро, Саддаму Хусейну, Ким Чен Иру и Александру Лукашенко). Неизменно попадал Путин и в последующие аналогичные списки RSF.

3 мая 2006 г. «Репортеры без границ» обнародовали список 37 «врагов свободы прессы» за 2005 год, в который в очередной раз попал президент России, утверждается в докладе, опубликованном на сайте RSF: «*Правительство контролирует печатные издания, радио и телестанции через мощный энергетический конгломерат “Газпром”, а Путин появляется все чаще и чаще по телевизору, в основном читая лекции своим министрам*»⁴⁵.

Наряду с Владимиром Путиным врагами свободной прессы, по версии «Репортеров без границ», являются также президент Белоруссии Александр Лукашенко, президент Туркмении Туркменбаши Сапармурат Ниязов, президент Узбекистана Ислам Каримов, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, а также Фидель Кастро, Ким Чен Ир и король Непала Гьянендра.

В феврале 2004 года «Репортеры без границ» опубликовали «Международный рейтинг свободы прессы», в котором Россия получила 140-е место из 167 (в 2002 году — 121-е место, в 2003 году — 148-е). Для сравнения: первые три места заняли Дания, Финляндия и Исландия; США по-

⁴⁵ 10 стран с самой жесткой цензурой // Комитет по защите журналистов. 2006. 2 мая (http://www.cpj.org/censored/censored_ru.pdf).

лучили 22-е место; а два последних (166-е и 167-е) заняли Куба и Северная Корея.

В мае 2004 года Freedom House опубликовал свой «Рейтинг свободы мировой прессы» в 193 странах, в котором СМИ России признаны несвободными (67 баллов «несвободы»; у «самой несвободной» Северной Кореи — 98 баллов из 100 возможных; у «самых свободных» Дании, Исландии и Швеции — по 8; у США — 13 баллов) и поделили 147-е место со СМИ Йемена и Камеруна.

А в опубликованном в конце апреля 2006 года аналогичном докладе Freedom House Россия входит в число 67 «несвободных» стран и по уровню свободы прессы занимает уже 158-е место из 194 государств — вместе с Бахрейном и Венесуэлой.

Татьяна Локшина

С широко закрытыми глазами¹

3 февраля 2006 г. суд Советского района Нижнего Новгорода, в просторечии — Советский суд, вынес приговор главному редактору газеты «Право-защита», руководителю Общества российско-чеченской дружбы Станиславу Дмитриевскому.

У здания суда на отчаянном морозе перетаптывались два пикета — «Наших» и «Молодежного правозащитного движения». Первые против Дмитриевского: «Террористов-миротворцев не бывает!», другие наоборот: «Защитим свободу слова!». И там, и там — вполне приятные молоденькие ребяташки. Только «Наших» чуток побольше, и плакаты у них покрасивше. Может быть, именно поэтому в вечерних нижегородских теленовостях показали только их?

Сначала, конечно, показали судью: тот сказал, что Дмитриевский виновен, поскольку злонамеренно разжигал национальную ненависть с использованием служебного положения.

Потом показали самого Дмитриевского, говорившего свое «последнее слово», но слышен был только голос за кадром. Голос пояснял: Дмитриевский ранее не судим, имеет на иждивении двоих детей, и поэтому дали ему два года условно и четыре года испытательного срока вместо затребованных прокуратурой полновесных четырех лет в местах не столь отдаленных.

Затем голос изложил позицию прокуратуры — та-де не удовлетворена приговором и списывает его вопиющую мягкость на то, что в Нижнем Новгороде подобное дело рассматривалось впервые, да на «тяжелые условия работы» гособвинения: *«под давлением правозащитников, международных организаций и миссий иностранных государств»*.

Кроме прокуратуры, исходом дела недовольны и «молодые гражданские активисты» — те самые «Наши». На экране на фоне цепочки «нашистов» с плакатами появился парнишка лет восемнадцати в черной куртке. Юный «комиссар» — если кто не знает, члены движения «Наши» именуют себя комиссарами — возмущенно прокричал, что приговор не соответствует тяжести преступления: ведь, публикуя заявления известных терро-

¹ Первоначальная версия статьи опубликована на Полит.Ру.

ристов, Дмитриевский помогал им делать черное дело, способствовал нарушению самого главного права человека, права на жизнь!

Затем, совершенно неожиданного, на экране появился стоящий на искрящемся белизной снегу мужчина в толстом пуховике с огромным капюшоном. И так плохо различимое из-за капюшона лицо гражданина была к тому же украшено темными очками и солидными усами повышенной пушистости. Не человек, а живая карикатура на шпиона. Титры гласили: «Клаус Винкель, Правозащитный союз (Германия)». А персонаж произнес в микрофон следующий текст на немецком языке через переводчика: *«Такие люди (как Дмитриевский — Т.Л.) не являются правозащитниками. Это бизнесмены, отрабатывающие деньги грантодателей»*. *«Даже коллеги по цеху осуждают Дмитриевского»*, — констатировал «голос за кадром».

Наконец, возможность прокомментировать ситуацию была предоставлена заместителю губернатора Нижегородской области, который, качая головой, сказал, что, мол, услышав о содеянном Дмитриевским, в первую очередь думаешь, что это-де человек с тяжелым психическим заболеванием, но *«если мы установим, что он психически здоров, тогда даже не знаю... Наверное, он это сделал за очень большие деньги...»*

Сюжет на этом завершился.

Зрители, несомненно, остались в полной уверенности, что осужденный за возбуждение национальной вражды псевдоправозащитник — либо опасный сумасшедший, либо выкормыш террористов и враг российского народа. А скорее всего — и то, и другое. И остался он на свободе только потому, что «наш советский суд — самый гуманный суд в мире».

Что же не показали нижегородцам? Очень многое.

Дмитриевский явился на оглашение приговора с заранее собранным рюкзаком, в котором вместе с «предметами первой тюремной необходимости» лежало накануне составленное и подписанное заявление о том, что в знак протеста против неправоудного лишения свободы он объявляет голодовку.

В своем «последнем слове» он говорил о цинизме гособвинения, о том, что дело по обвинению его в возбуждении вражды по национальному признаку было инициировано на основе заключения эксперта-ксенофоба Хохлышевой, помимо прочего утверждавшей, что ни чеченцы, ни евреи народами не являются в принципе, что сегодня ситуация в России во многом напоминает времена, казалось бы, давно ушедшие. И в такое время каждый человек обязательно сталкивается с необходимостью сделать выбор.

«...Я горд, что оказался в кампании таких достойных своих современников, как Михаил Трепашкин, Михаил Ходорковский, Григорий Пасько, Александр Никитин. Они выбрали свободу, и я тоже свой выбор сделал... Одним этот выбор дается просто, как глоток чистого воздуха, от других требует напряжения нравственных сил, смелости, даже самоотречения... Сегодня такой выбор встал и перед Вами, Ваша честь», — обратился Дмитриевский к судье Бондаренко, которому предстояло через несколько часов решить его судьбу (или огласить чужое, заранее принятое решение). — *«И я желаю Вам мужества»*. При этих словах судью заметно передернуло. Он объявил перерыв на полтора часа перед оглашением приговора.

К половине первого дня, когда люди снова подтянулись к суду, оказалось, по устному решению судьи в зал допускаются только родственники обвиняемого и аккредитованные журналисты. Непонятно, чем было мотивировано такое распоряжение. Ведь даже на закрытых процессах оглашение приговора всегда публично. Это известно каждому человеку, хоть немного знакомому с правом, а правовой безграмотностью судья Бондаренко страдать никак не мог.

Полчаса ситуация не сдвигалась с мертвой точки. Судья и журналисты сидели в зале. А народ во главе с самим Дмитриевским стоял перед аркой металлоискателя в «предбаннике», на первом этаже. Обвиняемого просили пройти в зал. Он отказывался наотрез, ссылаясь на то, что судебское указание незаконно.

Знакомые Дмитриевского переглядывались, переминались с ноги на ногу. Ждали, что с минуты на минуту меру пресечения подсудимому сменят на заключение под стражей и в зал суда он будет попросту доставлен в наручниках. Кто-то вызванивал столичные новостные агентства. Кто-то пытался добиться вмешательства Уполномоченного по правам человека Лукина... Секретарь суда спускалась из зала, всплескивала руками: *«Станислав Михайлович, я Вас очень прошу, не срывайте судебное заседание!»*. Тот стоит на своем.

Наконец всех попросили подняться на четвертый этаж. Еще какое-то время люди стояли возле открытых дверей зала суда, но не могли пройти внутрь. Сцена совершенно сюрреалистическая: из дверей зала суда высовывались журналисты, протягивали микрофоны, наставляли камеры на подсудимого, стоящего снаружи, и наперебой спрашивали, почему это он отказывается войти. Тот твердил про принцип публичности, про то, что зайдет в зал либо вместе со всеми собравшимися на оглашение приговора, либо если к нему применят физическую силу. На руке у Дмитриевского висела его старшая дочка — растерянная, еле сдер-

живавшая слезы девчушка лет шестнадцати. Толпящиеся рядом люди кричали в микрофоны, что все происходящее — безобразно, незаконно, непристойно.

Еще через пять минут судья «сломался» и разрешил впустить публику в зал при условии, что никто не издаст ни единого звука, не сделает ни одного фотоснимка и не запишет ни слова на диктофон.

После оглашения приговора Дмитриевского поздравляли так, будто его только что не признали виновным в преступлении экстремистского характера, а по меньшей мере объявили лауреатом Пулитцеровской премии. И он сам буквально светился изнутри, когда объяснял журналистам, что возмущен исходом дела, что не потерпит такого клейма, как этот несправедливый приговор, что будет требовать его пересмотра.

Но всего этого телезрители не видели.

И вряд ли когда-нибудь узнают.

Не узнают они и того, что «коллеги по цеху» Дмитриевского не осуждают, а поддерживают. А такая немецкая организация, как «Правозащитный союз», столь маргинальна, что сходу ее не в состоянии вспомнить ни официальный представитель посольства Германии Вольфганг Бинсел, приехавший на суд в качестве наблюдателя, ни глава немецкой секции «Международной Амнистии», ни московский офис Фонда Генриха Бёлля. А уж они, несомненно, знают всех хоть сколько-нибудь заметных деятелей немецкой правозащиты...

Сам же «немецкий общественник Клаус Винкель», якобы по чистому совпадению оказавшийся 3 февраля в Нижнем, совершенно случайно проходивший мимо здания суда сразу после оглашения приговора и наравшийся на любопытных журналистов, тоже никому не известен.

Не узнают телезрители и того, что активисты движения «Наши», мужественно стоявшие у здания суда в холодный зимний день, в большинстве своем отнюдь не нижегородцы. Многих привезли из других регионов и даже выплатили им «суточные», чтобы было ребятам на что поразвлечься. Несколько часов на морозе, безусловно, не столь высокая плата за то, чтобы погулять в свое удовольствие в таком замечательном городе, как Нижний Новгород.

Выйдя из здания суда, я какое-то время наблюдала, как Дмитриевский прямо на ступеньках отвечает на вопросы обступивших его журналистов, а потом подошла к «Нашим», выкрикивающим «Позор!». Прошла вдоль шеренги, поглядела на раздумывавшихся на морозе мальчиков и девочек в ярких куртках и разноцветных шапках. Такие с виду настоящие, искренние...

«Скажите, вы что, недовольны приговором?» — спрашиваю у ребят, весело потряхивающих плакатом памяти жертв террора. «Недовольны! Неправильное решение!» — отвечает за всех высокий, симпатичный парень. «А что, по-вашему, было бы правильно?» — «Да в Сибирь его надо укатать! На рудники! Или в карцере пусть гниет! Таким, как он, прихлебателям террористов там и место!» — оратор смотрит мне в глаза и широко улыбается. Стоящие рядом девчонки восторженно кивают. «А за что его осудили, скажи?» — «Как за что? За пособничество террористам!» — «А в чем оно заключалось? Что он сделал? Поезда под откос пускал?» — «Нет, ну что вы нас, за дураков что ли держите? Мы все знаем — там газета какая-то, и он в ней речи террористов печатал». — «Понятно. А вы сами эту газету читали? Материалы, за которые хотите человека на рудники отправить, хоть одним глазком просмотрели?»

Ребятишки мнутя, переглядываются, фыркают. Наконец, маленького роста бойкая девчонка в красной шапочке отвечает за всех: «Ну, не читали... Время еще терять...» — «Что же получается, вам стоять здесь часами на холоде времени не жалко, а разобраться, зачем стоите, времени не нашлось?» Девчонка смеется: «А зачем, нам ведь все рассказали, что там написано!» — «А ты что, всегда веришь, когда тебе что-то рассказывают?» — «Не всегда... Но когда «наши» рассказывают — верю!» Остальные с облегчением смеются.

Обвиняемый в своем «последнем слове», от которого в телевизионном сюжете не осталось и следа, говорил: «Многие даже не знают и не хотят знать о том, что происходит. Они загораживаются от правды, потому что эта правда слишком горька. Но рано или поздно для многих из нас наступает момент истины. Момент, когда жизнь ставит перед человеком выбор — будет ли он, подобно страусу, и дальше трусливо прятать голову в песок в надежде, что его самого и его детей беда не коснется никогда, или честно посмотрит этой правде в глаза».

Наверное, я сказала бы как-то по-другому — «высокий штиль» не дается даже на письме. А говорить без тени иронии я то ли давно разучилась, то ли так и не научилась. Хотя вот так — в зале суда, опираясь на вещмешок, заготовленный для путешествия в места не столь отдаленные... Не знаю. Но какова бы ни была форма, по сути утверждение Дмитриевского неоспоримо. Мы все выбираем: знать ли правду, видеть ли ее, действовать ли в соответствии с ней. И все, что было не показано и не досказано в вечерних новостях 3 февраля этого года, люди могут узнать и увидеть — если захотят.

8 февраля 2006 г.

Татьяна Локшина

Чечня: «чеченизация» конфликта и «формирование демократических институтов»

Этот блок разножанровых статей не претендует на полноценное описание того, что происходит в последние годы в Чечне. Для этого надо написать отдельную книгу, и не одну¹. Но мы отобрали несколько опубликованных в разное время статей, чтобы показать, как в экстремальных условиях Чечни функционирует сегодняшняя система власти. Особенности проводимой федеральным центром чеченской политики — это лишь отчасти реакция на нестандартную и опасную ситуацию. Это еще и поиск — возможно, стихийный — новых политических форм и методов для общероссийской политики.

«Политический процесс» в Чеченской Республике: от референдума к парламентским выборам²

(Усам Байсаев³ и Т. Локшина)

Референдум 23 марта 2003 г. по конституции и законам о выборах президента и парламента Чеченской Республики

Краеугольным камнем проводимого федеральным центром «политического процесса» в Чеченской Республике стал референдум по конституции и законам о выборах президента и парламента Чеченской Рес-

¹ Книжки, конечно, уже и выходят. Отметим: Чечня: Политический процесс в зазеркалье / Под. ред. Т. Локшиной и С. Лукашевского. М.: Московская Хельсинкская группа, 2004. (Сборник размещен в интернете: <http://www.mhg.ru/publications/38072D0>)

Недавно отдельной книгой вышел совместный доклад Правозащитного центра «Мемориал», Центра «Демос», Международной Хельсинкской федерации, Международной федерации прав человека и Норвежского Хельсинкского комитета: В атмосфере страха. М.: Звенья, 2006.

Первоначальные версии всех статей публиковались на Полит.Ру. Статьи с минимальными изменениями снабжены датой первоначальной публикации.

² Для целостного представления о «политическом процессе» в Чечне мы воспроизводим здесь статью из книги «В атмосфере страха». О парламентской кампании 2005 года речь пойдет в последующих статьях этого блока.

³ Усам Байсаев — сотрудник Правозащитного центра «Мемориал», Назрань.

публики, на котором, по официальной версии, народ Чечни почти единогласно выразил желание остаться в составе Российской Федерации. Свидетельства многочисленных независимых наблюдателей — правозащитников, журналистов и экспертов, российских и иностранных — говорят о несомненной нелегитимности референдума.

В конце 2002 года в администрации Президента РФ подготовили проекты конституции (автор — А.Р. Парамонов) и законов о выборах президента (Н.Г. Нигородова) и парламента (Н.В. Бондарева) Чеченской Республики. К этой работе не привлекались даже чиновники лояльной Кремлю администрации Чечни — им предъявили готовые тексты и дали задание организовать «широкое обсуждение» в подконтрольных средствах массовой информации.

Не претерпев в ходе «обсуждения» никаких изменений, проекты были вынесены на референдум. Большинство чеченских и российских правозащитников указывало на невозможность свободного волеизъявления в условиях боевых действий, «зачисток» населенных пунктов, похищений и убийств жителей республики.

То, что в ходе референдума неизбежны массированные фальсификации, было очевидно заранее. Так, в октябре 2002 года перепись населения выявила в республике 1 миллион 88 тысяч 816 человек. По данным правозащитных и гуманитарных организаций, эта цифра была завышена как минимум в полтора раза. Таким образом, был сформирован массив «мертвых душ», обеспечивавший «успех» всех последующих голосований на референдуме и выборах.

Чтобы референдум выглядел как «инициатива снизу», 11 декабря 2002 г., в восьмую годовщину начала первой войны, был созван «съезд чеченского народа». Делегаты не избирались — в районных администрациях были составлены списки «лояльных граждан», в основном сотрудников органов государственной власти, и переданы в республиканскую администрацию. Время, место и повестка дня «съезда» держались в секрете до последнего дня и даже часа.

Естественно, что на «съезде» идея референдума получила единогласную поддержку. Выступавший Руслан Ямадаев⁴ заявил, что общественные организации, не поддержавшие референдум, «надо запретить», а самими достойными представителями чеченского народа являются Владимир Путин и Ахмат Кадыров.

⁴ На тот момент — заместитель военного коменданта республики, ныне — депутат Государственной Думы РФ от партии «Единая Россия».

Среди населения республики был организован сбор подписей в поддержку референдума. При этом широко использовался «административный ресурс». Так, в селе Алпатово и станице Калиновская Наурского района при выдаче детских пособий и пенсий гражданам без объяснений давали подписать заявления в поддержку плебисцита. В Урус-Мартановском районе вооруженные сотрудники местных правоохранительных органов ходили по домам и настоятельно предлагали жителям расписаться. В Курчалоевском районе руководители предприятий и организаций переписывали в подписные листы паспортные данные работников и, во многих случаях, сами за них расписывались — так получили еще две тысячи подписей.

Примеров подобных махинаций множество, и из них очевидно, что власти далеко не были уверены в поддержке населением референдума. О том же свидетельствует и агитация в подконтрольных средствах массовой информации, нацеленная на запугивание возможных и реальных оппонентов.

«Вопрос о проведении референдума по принятию Конституции ЧР вызывает зубовой скрежет ястребов войны и недобитого отребья, для которых война стала привычным и очень прибыльным делом...»⁵, — таковыми объявили и правозащитников, чеченских и российских, и представителей международного сообщества. Например: «Непонятно его (лорда Фрэнка Джайда — Т.Л.) предложение о перенесении референдума на три года. ...Вообще, возникает много вопросов в связи с деятельностью ПАСЕ в целом и лорда Джайда в частности. Но ясно одно: деятельность данной комиссии не способствует урегулированию затянувшегося военного конфликта...»⁶

Положение о проведении референдума в Чеченской Республике было подписано Президентом РФ 12 декабря 2002 г. Там, в частности, сказано, что агитация на телеканалах и страницах печатных изданий должна побудить граждан поддержать инициативу по организации плебисцита или отказаться от такой поддержки, голосовать или отказаться от голосования, поддержать или отвергнуть вынесенные на него вопросы. Однако все заголовки республиканских газет были выдержаны в утверждающих тонах и/или содержали в себе элементы шантажа и запугивания: *«Референдуму — быть!»⁷; «Референдум — это будущее наших детей»⁸; «Не примем конституцию — не закончится антитеррористи-*

⁵ Наша сила — в единстве // Зама. 2003. № 13—14.

⁶ Пост-Джадовское послевкусие // Молодежная смена. 2003. № 6.

⁷ Молодежная смена. 2003. № 6.

⁸ Молодежная смена. 2003. № 11—12.

ческая операция»⁹ и т.д. Хотя согласно Положению от 12 декабря 2004 г. агитация в СМИ разрешалась только за 30 дней до референдума, то есть с 21 февраля 2003 г., эти и другие подобные публикации начались значительно раньше.

Еще одно требование Положения — запрет на проведение агитации *«федеральными органами государственной власти, органами исполнительной власти ЧР, иными государственными органами, главам администраций районов, населенных пунктов ЧР»* (ст. 22) — также повсеместно нарушалось. Например, 8 февраля в средней школе № 1 с. Курчалой, отменив занятия и распустив детей по домам, для обсуждения плана подготовки района к референдуму собрались сотрудники районного отдела образования и директора местных общеобразовательных учреждений. Присутствовали начальник правового отдела администрации ЧР, советник главы администрации по силовым структурам, заместитель министра образования республики и военный комендант района, командир дислоцированной здесь 33-й бригады внутренних войск РФ, начальники временного и постоянного отделов милиции, глава администрации района, а также сотрудники бюро специального представителя Президента РФ по соблюдению прав и свобод человека и гражданина в ЧР, представители духовенства и директора госхозов. Всем им вменялось в обязанность привести как можно больше жителей на избирательные участки. Подобные мероприятия прошли и в других учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях республики. Были организованы сходы жителей в населенных пунктах, где представители власти говорили о необходимости проведения референдума и участия в нем всех жителей, имеющих право голоса.

В ряде случаев от граждан требовали «добровольных» пожертвований в Фонд проведения референдума. Так, 18 февраля 2003 г. руководителей общеобразовательных учреждений Старопромысловского района Грозного собрали в здании местной администрации. Заместитель главы администрации района Султан Шахгиреев сообщил, что из-за явного недостатка выделенных государством средств, школам республики надлежит внести в фонд по проведению референдума по 2000 рублей. С каждого учителя директорам поручили собрать по 50 рублей. Когда некоторые из директоров усомнились в том, что их подчиненные пойдут на это добровольно, Шахгиреев распорядился предоставить ему списки отказавшихся. Он также призвал не предавать огласке сбор «благотворительной помощи» с учи-

⁹ Даймохк. 2003. № 10—11.

телей. Подобным образом на референдум выбивались «пожертвования» с работников других организаций и учреждений района¹⁰.

В преддверии объявленного на 23 марта 2003 г. референдума ПЦ «Мемориал» провел анонимное анкетирование жителей республики. Опрошены были 656 человек, проживавших на тот момент во всех районах Чечни и в палаточных лагерях в соседней Ингушетии. Респонденты имели возможность выбирать несколько вариантов ответов или не отвечать на часть вопросов. Из них 515 человек, то есть 78 %, заявили, что условия для свободного волеизъявления граждан отсутствуют: безопасность гражданам не обеспечена, те, кто выражает отличное от российских властей мнение, находятся в крайне уязвимой ситуации, отсутствует свобода передвижения и т.д.

Абсолютное большинство респондентов выразило сомнение в соблюдении необходимых процедур при подготовке референдума: 54 % опрошенных не слышали о сборе подписей в поддержку референдума в своем населенном пункте, а 29 % достоверно знали, что там он вообще не проводился. Подавляющее большинство респондентов считало, что референдум проводится по инициативе властей: федеральных (75 %) или профедеральных чеченских (21 %). И только 17 человек (менее 3 %) отметили, что идею референдума выдвинули представители чеченской общности, выражая интересы населения.

Из 646 человек, пожелавших ответить на вопрос о том, пойдут ли они голосовать, лишь 76 человек (около 12 %) намеревались участвовать в референдуме, 439 (68 %) ответили отрицательно, не определились 131 человек (20 %).

Большинство намеревавшихся участвовать в референдуме подчеркнули, что их выбор обусловлен опасением репрессий, как силовых, так и экономического характера

В день референдума, 23 марта 2003 г., многочисленные российские и иностранные правозащитники и журналисты не зафиксировали высокую активность избирателей ни на одном участке. В некоторых населенных пунктах, в том числе в Грозном, улицы опустели: большинство жителей предпочло не выходить из домов или заранее выехало за пределы республики.

¹⁰ Сбор денег «на государственные нужды» с учителей, врачей, милиционеров и других «бюджетников» продолжал вестись и после референдума. Так, только в 2005 году жители Чечни вынуждены были жертвовать свои средства на празднование дня рождения вице-преьера Рамзана Кадырова, на установку в Грозном памятника его отцу Ахмату Кадырову, празднование дня Победы и многое, многое другое.

Для получения бюллетеня на избирательном участке требовалось предъявить паспорт, однако регистрацию по месту проживания никто не проверял, поэтому голосовать можно было где угодно и сколько угодно, что ради эксперимента и было многократно проделано рядом журналистов, включая иностранных.

Несмотря на очевидно малую активность избирателей, члены избирательных комиссий в течение дня озвучивали значительные цифры якобы проголосовавших. Так, в Грозном на участке № 361 за полчаса сотрудники ПЦ «Мемориал» увидели менее 10 избирателей, но члены комиссии заявили, что на 12:00 большая часть из 831 приписанных к участку граждан успела проголосовать¹¹.

Как и ожидалось, власти объявили референдум состоявшимся. По официальной версии, голосовали около 95 % из всех избирателей, из них 95,37 % высказались за принятие новой конституции и законов о выборах. Ни ПАСЕ, ни ОБСЕ (не говоря уже о российских и чеченских правозащитных НПО) не признали референдум легитимным, и вряд ли можно считать легитимными законопроекты, которые на него выносились. Инициированный федеральным центром в Чечне «политический процесс» с самого начала был профанацией.

Президентские выборы 5 октября 2003 г.

В рамках «второго этапа политического процесса» выборы президента республики были назначены на 5 октября 2003 г. Большинство независимых наблюдателей, как и в случае референдума, сомневалось, что выборы могут быть хоть в какой-то степени свободными. Было очевидно, что на выборы не будут допущены сепаратисты, но оставалась надежда на состоятельность среди лояльных Москве кандидатов и на приход к власти человека, напрямую не связанного с совершавшимися в прошлые годы преступлениями и готового требовать их прекращения в будущем. Если бы населению Чечни позволили самостоятельно избрать президента из числа подконтрольных кандидатов, это могло бы способствовать началу реального урегулирования ситуации. В списки для голосования изначально были внесены 16 кандидатов, в основном занимавших административ-

¹¹ Следует признать, что в нескольких районах республики голосование прошло при большом стечении народа. Например, в г. Урус-Мартан и прилегающих к нему населенных пунктах. При подготовке к референдуму местные жители были запуганы слухами о неминуемых репрессиях в отношении тех, кто проигнорирует данное мероприятие. Это иногда приводило к абсурдным ситуациям: в с. Гойты, например, явка избирателей даже составила 120 % от ранее заявленного списочного состава (реальное голосование наложилось на перестраховочный вброс бюллетеней).

ные и иные посты во властных структурах, а также бизнесменов и политиков пророссийской ориентации¹². Но вскоре федеральный центр пересмотрел свои исходные намерения и отдал поддержку Ахмату Кадырова, на тот момент – главе администрации ЧР.

По итогам мониторинга¹³, проведенного правозащитными НПО¹⁴, реальная явка избирателей на выборы была очень низкой. Как и в день референдума, улицы городов и сел опустели. Во многих населенных пунктах у избирательных участков не было никого, кроме представителей российских силовых структур. Из-за низкой явки избирателей выборы фактически провалились в г. Грозный, Грозненском (сельском), Ачхой-Мартановском, Сунженском, Курчалоевском, Веденском, Шатойском районах, в некоторых селах Урус-Мартановского и других районов республики. Не поехали на голосование беженцы, проживавшие в Ингушетии¹⁵.

Низкая активность избирателей не обязательно была следствием их приверженности идее национальной независимости. Даже у тех, кто раньше считал себя убежденным сепаратистом, годы бессудных казней и похищений, непрекращающихся «зачисток» и грабежей, вызвали тягу к размеренной и спокойной жизни, а политические устремления отошли на второй план. Но в канун выборов с дистанции сошли все реальные оппоненты Ахмата Кадырова (бизнесмены М. Сайдуллаев¹⁶ и

¹² В ходе подготовки к голосованию происходили столкновения между вооруженными сторонниками различных кандидатов, нападения на их избирательные штабы и даже убийства. Так, 7 сентября 2005 г. в с. Самашки Ачхой-Мартановского района подвергся обстрелу предвыборный штаб Малика Сайдуллаева. Охранники открыли ответный огонь и убили одного из нападавших. При нем было обнаружено удостоверение сотрудника другого кандидата в президенты – Ахмата Кадырова. На следующий день была взорвана граната в другом сайдуллаевском штабе, расположенном в Грозном на улице Дагестанская. А 9 сентября в Старопромысловском районе Грозного на глазах у многочисленных свидетелей был расстрелян Бислан Хаяури. Совершив это преступление, вооруженные люди, представлявшие сотрудниками Службы Безопасности Ахмата Кадырова, блокировали и обстреляли из автоматического оружия дом, в котором проживала его семья, а затем, ворвавшись внутрь, разграбили находившееся там имущество. Убитый являлся сыном координатора штаба все того же Малика Сайдуллаева.

¹³ Не следует путать с наблюдением за выборами. Правозащитные и общественные организации, а также вовлеченные в конфликт межгосударственные политические структуры, такие как ОБСЕ и ПАСЕ, не вели официального наблюдения за ходом голосования.

¹⁴ «Мемориал», Московская Хельсинкская группа, Общество российско-чеченской дружбы и др.

¹⁵ Чечня: Политический процесс в зазеркалье.

¹⁶ М. Сайдуллаев был снят с регистрации решением Верховного Суда республики в связи с якобы большим числом недействительных подписей за выдвижение этого кандидата, затем подтвержденным в Верховном суде РФ (см.: Чечня: Политический процесс в зазеркалье).

Х. Джабраилов¹⁷, политик А. Аслаханов¹⁸), что утвердило жителей республики во мнении: от них ничего не зависит, их участие в голосовании – простая формальность и нужно только для прикрытия массированных фальсификаций. В итоге выборы игнорировали многие из тех, кто изначально принял решение в них участвовать.

Показательно, что временно исполняющий полномочия президента ЧР Анатолий Попов 4 сентября 2003 г. на выездном заседании правительства республики в с. Серноводск, где присутствовали министры внутренних дел, образования, сельского и жилищно-коммунального хозяйств, руководители и актив Сунженского, Ачхой-Мартановского и Урус-Мартановского районов, дал установку о выдвижении и поддержке «единого кандидата». Фамилия названа не была, но было очевидно: имеется в виду Ахмат Кадыров¹⁹.

В СМИ прямая и косвенная агитация велась в основном за Кадырова, агитационные материалы (плакаты, листовки и др.) также были преимущественно «кадыровские».

В день выборов, по мнению правозащитников, нарушения были всеобъемлющими и носили системный характер. В Шалинском районе подъезды к избирательным участкам перекрыли бетонными блоками и сваленными стволами деревьев, с приказом не пропускать незнакомых людей. За час до установленного времени, а в некоторых селах и раньше все участки были закрыты. Это мало отразилось на людях, желавших исполнить свой «гражданский долг»: район не отличался активностью избирателей, как и вся республика. Бюллетени с избирательных участков в сопровождении председателей избирательных комиссий, их заместителей и секретарей на российских бронетранспортерах доставлялись в блокированное силами МВД ЧР здание районной администрации, где, собственно, и размещалась окружная избирательная комиссия. Там, при закрытых дверях, их «пересчитывали» и составляли протоколы. На-

¹⁷ Х. Джабраилов в многочисленных интервью намекал, что решение о снятии своей кандидатуры он принял самостоятельно, но после соответствующей беседы с руководителем администрации президента РФ А. Володиным (см.: Чечня: Политический процесс в зазеркалье).

¹⁸ Комментируя это свое решение отказаться от участия в выборах, А. Аслаханов заявил: «Исход выборов был известен еще два месяца назад. Я не хочу участвовать в театре одного актёра». При этом показательно, что данное решение было принято Аслахановым после того, как ему была предложена должность Советника Президента РФ по вопросам Северного Кавказа (см.: Чечня: Политический процесс в зазеркалье).

¹⁹ Чечня: Политический процесс в зазеркалье.

блюдатели от кандидатов, кроме кадыровских, к этой процедуре допущены не были²⁰.

Чтобы обеспечить реальную явку хоть в некоторой степени, власти республики прибегли к ухищрениям, ранее проверенным на референдуме. Пенсии и пособия в день выборов выдавали в тех же зданиях, где располагались избирательные участки (так поступили, например, в Курчалоевском и некоторых селах Ачхой-Мартановского района). Но и здесь к урнам приходили в основном работники администраций и их родственники.

Скопление избирателей было только на тех участках, где заранее ожидали журналистов и официальных наблюдателей²¹. Например, на избирательном участке № 147 в с. Курчалой сотрудники ПЦ «Мемориал» находились в течение часа: с 10:45 до 11:45, и за это время туда пришло 105 человек. Высокая активность на участке объяснялась тем, что на тот момент там находилась съемочная бригада грозненского телевидения, а «массовой» стали многочисленные родственники заместителя главы районной администрации А. Шуаипова. Через пару часов после отъезда съемочной группы правозащитники вернулись на этот участок, но наплыва людей уже не было. По их оценкам, за весь день из 2094 избирателей голосовать пришли от силы 300 человек. Тем не менее, было объявлено, что проголосовали 62 %, или 1300 человек. Подобную картину представители Московской Хельсинкской группы наблюдали в 14:00 в с. Гехи, куда в это время на двух автобусах под охраной БТРов привезли официальный пресс-тур из российских и иностранных журналистов²².

Таким образом, федеральный центр обеспечил «впечатляющую победу» Ахмата Кадырова, который, по официальным данным, набрал около 82 % голосов при явке 85 % избирателей.

Досрочные президентские выборы 29 августа 2004 г.

Ахмат Кадыров пробыл на своем посту 7 месяцев и погиб в результате теракта 9 мая 2004 г. на грозненском стадионе «Динамо». Сама его гибель ясно указывала, что избранный российскими властями силовой курс и имитация политического процесса не принесли и не могут принести в Чечню реальную стабильность. Но никакого переосмысления ситуации,

²⁰ См. там же.

²¹ Отметим, что, как и в случае с референдумом, ОБСЕ, ПАСЕ и правительства демократических государств приняли решение наблюдателей на выборы не направлять, мотивируя это отсутствием элементарной безопасности.

²² Чечня: Политический процесс в зазеркалье.

смены курса и поиска путей подлинного политического урегулирования не последовало. Федеральный центр немедленно объявил о проведении досрочных выборов.

Российские власти нуждались в человеке, который, как и Ахмат Кадыров, был бы способен к жестким силовым действиям против своих земляков. Собственно, весь «политический процесс» в Чеченской Республике являлся легальным прикрытием «чеченизации» вооруженного конфликта. Политика «чеченизации» состоит в том, чтобы в буквальном смысле столкнуть в смертельной схватке местных жителей и тем самым перевести сепаратистский по сути конфликт в плоскость гражданской войны. Попутно решаются и пропагандистские задачи. Участие все большего числа местных жителей в конфликте на стороне федеральных сил не только позволяет отрицать сепаратистские корни конфликта, но также снимает с центральной власти ответственность за нежелание решить его путем переговоров.

Рамзан Кадыров, сын погибшего Ахмата Кадырова, еще при жизни последнего возглавлял наиболее сильную военизированную структуру республики — Службу Безопасности президента, к маю 2004 года включавшую в себя, по наиболее достоверным оценкам, около полутора тысяч «штыков». В СБ входило немало бывших боевиков, перешедших на сторону промосковской администрации в обмен на амнистию, и откровенно криминальных элементов. После смерти отца он стал наиболее могущественным человеком в республике. Организаторы «политического процесса» нуждались в Рамзане Кадырове и по той причине, что сын покойного «первого президента» был известен жестокостью, а из-за гибели отца его противостояние боевикам приобрело личную мотивацию. Федеральной власти он казался незаменимым. Но в президенты Рамзана Кадырова выдвинуть было трудно, прежде всего, по причине его молодости. Согласно конституции ЧР, руководитель республики не может быть моложе 30 лет. Менять под конкретное человека текст основного закона через год после его принятия означало для Кремля слишком существенную имиджевую потерю. Но был найден компромисс.

На пост президента был выдвинут министр внутренних дел Алу Алханов, кадровый сотрудник МВД, доказавший лояльность федеральному центру. При этом реальная власть в республике, то есть контроль над вооруженными людьми, остался за Рамзаном Кадыровым, которого назначили на должность первого вице-премьера, курирующего силовой блок. Алханов при этом в перспективе мог стать противовесом Кадырову, мало-предсказуемому человеку с чрезмерными амбициями.

Из 15 человек, выставивших свои кандидатуры на досрочных президентских выборах, до финишной прямой — дня голосования 29 августа 2004 г. — добрались только семь.

Большинство из сошедших с дистанции не смогло собрать подписи в пользу выдвижения своей кандидатуры или внести залог, поэтому отстранение от выборов не вызвало каких-либо серьезных возражений даже у них самих.

Совсем иначе складывалась ситуация вокруг Малика Сайдуллаева, единственного реального соперника кремлевского фаворита. Как и на предыдущих выборах, многие рассматривали его как альтернативу существующей в республике власти, и его участие превращало бы кампанию в подобие демократического процесса. Чтобы исключить реальную состоятельность, Избирательная комиссия ЧР, за неимением других оснований, объявила недействительным паспорт Сайдуллаева, в котором как место рождения была указана «Республика Чечня», а не Чечено-Ингушская АССР²³. Паспорт был выдан в Москве, с ним Сайдуллаев ездил по всей России, занимался бизнесом и политикой — год назад та же избирательная комиссия в том же составе не обратила никакого внимания на не совсем корректное указание места рождения. Алханову, у которого в документах были аналогичные «ошибки», паспорт поменяли накануне регистрации. Устранение единственного внятного кандидата таким абсурдным способом окончательно превратило в фарс и сами «досрочные выборы президента ЧР».

«Победа» Алханова была predetermined, а для видимости плюрализма в выборах участвовали четыре его дублера: Магомед Айдамиров, Мухмуд-Хасан Асаков, Умар Абуев и Ваха Висаев. Последние практически не вели агитацию, а в немногочисленных интервью говорили о поддержке курса «первого президента» и его соратников, в числе которых называли и своего основного «соперника».

Двум кандидатам, не являвшимся дублерами Алханова, правда, удалось дойти до дня голосования. Это были Абдулла Бугаев, бывший премьер пророссийского правительства республики, абсолютно лояльный федеральному центру, и полковник ФСБ Мовсар Хамидов, на протяжении двух лет курировавший связь с «силовиками» в должности вице-премьера правительства ЧР (на этой должности незадолго до выборов его сменил Рамзан Кадыров). Мовсар Хамидов, видимо, вел свою кампанию слишком активно по меркам «главного» кандидата. 17 августа, пока Ха-

²³ ЦИК! Малик Сайдуллаев снят с забега в президенты Чечни за «недействительный паспорт» // Новая газета. 2004. № 53.

мидов разъяснял по республиканскому телевидению свою предвыборную программу, группа «силовиков» из внутренних войск МВД РФ и ОМОН ЧР ворвалась к нему в дом, захватила его брата и трех охранников. Несанкционированному обыску подвергся и его предвыборный штаб²⁴.

В день голосования все происходило по уже отработанной схеме. Имитируя массовую явку, по одним избирательным участкам на автобусах возили одну и ту же группу зависимых от власти работников бюджетной сферы, а на других участках выплачивали пособия и пенсии. На эти участки и доставляли журналистов и наблюдателей от СНГ и Организации «Исламская конференция» — единственных, как и на прошлых выборах, международных структур, согласившихся наблюдать за ходом голосования.

Так же, как и в прошлый, и в позапрошлый раз, большинство жителей республики выборы проигнорировало.

В 11:00 представители чеченских и российских НПО побывали на избирательном участке № 369 г. Грозного. У входа скопились сотрудники силовых структур, стоял металлоискатель. По словам членов избирательной комиссии, около 8:55 утра «силовики» попытались задержать на входе подозрительного молодого человека. Он побежал к ближайшему перекрестку. Милиционеры кричали, чтобы он остановился, иначе будут стрелять на поражение — тогда молодой человек, у которого было взрывное устройство, подорвал себя. Взрыв произошел в 30 метрах от избирательного участка. При этом руководитель участковой избирательной комиссии, Абуезит Дукаев, настаивал, что, несмотря на сложную обстановку, активность избирателей высока. Точными цифрами он не располагал, но утверждал, что из 2694 человек, закрепленных за участком, проголосовали 32—35 %, а окончательная явка ожидалась не меньше 75—78 %. За те 20 минут, что там находились представители НПО, голосовать пришли только четыре немолодые женщины²⁵.

На избирательном участке № 405 в г. Грозный в 12:01 правозащитники увидели троих избирателей. Члены комиссии, однако, сообщили, что из 2907 избирателей «человек 600—700» уже проголосовали — точной цифры привести не могли и сказали, что это оценка по числу еще не использованных бюллетеней. А по подсчетам наблюдателей от Мовсара Хамидова, с момента открытия на участок пришли менее 100 человек. Кроме

²⁴ «Зачистка» в доме кандидата в президенты. И звание полковника ФСБ не помогло // Новая газета. 2004. № 61.

²⁵ См. специальный материал «Президентские выборы в Чеченской республике», размещенный 31 августа 2004 г. на сайте ПЦ «Мемориал» (<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/08/m23012.htm>).

того, по их сведениям, на избирательном участке № 406 был зафиксирован массовый вброс бюллетеней²⁶.

На этот участок правозащитники пришли в 13:15 и не застали там ни одного голосующего. Но председатель участковой комиссии сообщила, что проголосовали «около 500 человек» из 2565 избирателей. Выяснилось, впрочем, что из этого списочного числа 496 — служащие центральной военной комендатуры города. На просьбу подтвердить, что из гражданских лиц, таким образом, проголосовали всего «около четырех человек», члены комиссии ответили, что их неправильно поняли: военных проголосовало только 290, а остальные 210 человек — местные жители. По словам наблюдателя от штаба Хамидова, Аслудина Хачукаева, к часу дня на участке голосовали 33 человека. Причем в 7:30 утра вместе с другими наблюдателями он произвел осмотр урны, после чего ее заклеили. В 8:15 Хачукаев на несколько минут вышел из помещения, а когда вернулся и встряхнул урну, оказалось, что в ней уже немало бюллетеней. Он потребовал вскрыть урну, но безуспешно²⁷.

Другая группа представителей НПО в 13:00 прибыла на избирательный участок № 376 г. Грозный, который оказался безлюден — не было даже большинства членов избирательной комиссии. За полчаса на участок пришел только один избиратель — местный журналист, который голосовал в четвертый раз за день²⁸.

Примерно такая же ситуация наблюдалась и на других избирательных участках по всей республике. Но несмотря на это, президентом был объявлен Алу Алханов (73,48% голосов при явке 85,24% от общего числа избирателей)²⁹.

* * *

Ни виртуальный референдум, ни обе президентские кампании, проигнорированные абсолютным большинством жителей, не снизили уровень ожесточенности в республике. Напротив, в ходе «политического процесса» и сопровождавшей его «чеченизации» конфликт приобрел еще одно измерение — внутречеченское.

Все большую роль в республике играют легальные вооруженные формирования, сформированные из местных жителей: «кадыровцы», «ямадаевцы», «байсаровцы» и т.д.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Новый глава Чечни ждет от Масхадова извинений // Сайт «Би-Би-Си». 2004. 30 августа (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3612000/3612354.stm).

Следующий этап «политического процесса» в Чечне, который федеральный центр определяет как «завершающий», так называемые выборы в республиканский парламент, — лишь еще одно звено в той же цепи, и не могут способствовать ни реальному мирному урегулированию, ни облегчению положения гражданского населения.

Круглый стол Совета Европы по политической ситуации в Чечне

Подход межправительственных организации к «политическому процессу» в Чечне достаточно ясно отражен в Резолюции ПАСЕ № 1402, подготовленной докладчиком по политическим вопросам в Чечне Андреасом Гроссом и принятой Ассамблеей в октябре 2004 года. В ней, в частности, сказано, что хотя Ассамблея «сожалеет о том, что президентские выборы 29 августа 2004 года не соответствовали базовым требованиям в отношении демократических выборов», Совет Европы все же должен быть готов ко всяческому сотрудничеству с «Президентом Чечни и его правительством в их усилиях, направленных на укрепление прав человека, демократии и законности». Таким образом Совет Европы, не признавая легитимности состоявшихся выборов, дал понять, что, тем не менее, работать с новой властью ЧР он готов.

Одновременно, пытаясь хоть чем-то способствовать началу реального политического урегулирования в республике, ПАСЕ в рамках той же резолюции постановила: «24. Ассамблея принимает решение и далее заниматься этим вопросом и отслеживать, имеет ли место в Чеченской Республике прогресс в области прав человека, демократии и законности. С этой целью Ассамблея поручает своему Комитету по политическим делам создать Круглый Стол для организации обмена мнениями с политическими партиями и политиками из Чеченской Республики и Российскими федеральными властями». Российская Федерация согласилась на создание такой площадки для широкой дискуссии, но лишь на условиях внесения в резолюцию оговорки, что Ассамблея отдает себе отчет в том, что «никто из отказывающихся признать территориальную целостность Российской Федерации и декларирующих, что терроризм является методом для достижения определенных целей, не может быть включен в состав участников этого обмена мнениями».

Таким образом, были сформулированы «strasбургские критерии» — в переговорах о политическом процессе в Чечне могут и должны участвовать сепаратисты, но только те, кто отвергают террор и готовы «отстаивать свои убеждения в рамках действующего законодательства РФ» — то есть вести политическую борьбу, избираться в органы власти со своей сепаратистской программой и т.д. В принципе такая формула

приемлема и не зря нашла поддержку у европейцев. Но в то же время она совершенно не соотносится с реалиями сегодняшнего дня. Каждый в Чечне, кто открыто заявит, что он — сепаратист, тем самым фактически подпишет себе смертный приговор. Кроме того, и об этом члены Ассамблеи просто не были осведомлены, определенным препятствием на этом пути является и действующее российское законодательство: согласно федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности», среди прочего и любая деятельность, направленная на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, считается экстремистской и запрещена. Каким образом умеренные сепаратисты могут в рамках действующего российского законодательства отстаивать свои убеждения, не оказавшись при этом экстремистами, остается неясным.

То есть совершенно очевидно, что вольно или невольно Европа фактически согласилась организовать переговорную площадку с участием лишь одной стороны конфликта, и работа ПАСЕ по инициированию реального политического процесса в Чечне зашла в тупик, даже не начавшись. Первое заседание «круглого стола» состоялось в Страсбурге 21 марта 2005 г. без участия каких бы то ни было представителей сепаратистов, и являло собой переговоры между ведущими чеченскими чиновниками, двумя-тремя представителями федерального центра и европейскими парламентариями, которые сами по себе не бессмысленны, но к политическому урегулированию не имеют никакого отношения³⁰.

Жаловаться некому. К какой жизни возвращается чеченский Феникс

Раскаленный город утопает в пыли. В прошлый заезд — тонул в грязи. Тогда была зима. Сейчас лето. Либо пыль, либо грязь — третьего не дано.

Посреди неизменных развалин — выложенная аккуратной плиткой площадка. Заботливо политые цветущие клумбы. Яркие голубые скамейки с роскошными пластиковыми тентами. Помню, сфотографировалась на одной из диковинных лавочек года полтора назад, когда их только поставили, — так потом друзья все гадали: «Просто восьмое чудо света! Где это? Париж? Лондон?» Да нет — Грозный, ребята, Грозный...

³⁰ Более подробно о круглом столе по политической ситуации в Чеченской Республике см. главу «Загадка умеренного сепаратизма» в статье Т. Локшиной «Переговоры с Европой» в настоящем сборнике.

Присесть, что ли? Вон и тележка с мороженым. Устроиться под тентом, медленно жевать пломбир в вафельном стаканчике, глазеть по сторонам... Здесь, действительно, есть на что поглазеть. Только вот минут через пять от этой реальной галлюцинации становится не по себе. «А в чем это я уме? В своем или в Мэри-Эннином?» Сидишь в крохотном оазисе, а вокруг — нагромождение обломков.

Мимо идут два парня в модных джинсах. Вот у одного в кармане затрещал мобильник. Вытаскивает новенький блестящий телефон, улыбается. Останавливается возле полуразрушенной стены, что-то оживленно говорит в трубку... Второй переминается с ноги на ногу. Наконец, утомившись ждать, направляется куда-то за угол. Оборачивается, кричит: «Я — в Интернет пошел! Приходи!»

«Много неясного в странной стране. Можно запутаться и заблудиться...»

В этом городе не течет вода. Не работает канализация. Нет нормальной телефонной связи. Электричество — с перебоями. Половина домов в руинах, а трамваи не ходят так давно, что дети даже не знают, что это такое. Но — работают мобильники. И два интернет-кафе. А по всему центру висят огромные, броские полотнища «5 июля. Рок-фестиваль Феникс. Возрождение к жизни».

Да, именно. Рок-фестиваль. Через пару дней должны приехать известные российские группы: «Би-2», «Серьга», «Ночные снайперы», «Ва-Банк», «Воскресенье» и кто у них есть еще там... К этому празднику жизни готовились больше двух месяцев. Финансирует действие Фонд имени Ахмада Кадырова. А попросту говоря, сын покойного президента, Рамзан Кадыров. И бюджет чуть ли не 300 тысяч долларов. Зрителей должно быть под двадцать тысяч. Правда, не здесь, в Грозном, а в любезном Рамзану Гудермесе, на стадионе «Локомотив».

Их безопасность Кадыров гарантировал. То есть попытается гарантировать с помощью четырех с половиной тысяч штыков. На охрану фестиваля, похоже, мобилизованы все «кадыровцы» — и Антитеррористический Центр, и Полк специального назначения. Милицию тоже подтянут. На месте боевиков было бы странно не воспользоваться таким раскладом, занять, скажем, Грозный или сделать еще что-нибудь интересное... Но это Рамзана не останавливает.

Не приходит ему в голову и потратить такие деньги, раз уж они у него есть, на что-нибудь более насущное — водопровод, скажем, наладить, простите за прозу. Оно и понятно. Воду проводить или дома строить — неинтересно.

То ли дело — огромный красочный фестиваль, какого Чечня отродясь не видала! Семь часов играть будут лабухи! И рок-н-ролл на руинах — это

даже круче, чем просто рок-н-ролл. Отпразднуем возвращение к жизни, огненной птицей Феникс восстанем из пепла. И если нас не подорвут в процессе, авось, и возродимся куда-нибудь. А если подорвут, так под музыку и не заметим. Где уж заметить, когда ударники так зажигают!..

Рамзан Кадыров вообще любит красивое и блестящее. Один его проект грандиознее другого. Еще задолго до появления светлой идеи фестиваля «Феникс» лихой вице-премьер начал стройку века — возведение в Гудермесе аквапарка. И даже известную московскую тусовщицу, Ксюшу Собчак, пригласил на церемонию закладки фундамента, чтобы она в землю какую-то таинственную капсулу зарыла на радость благодарным потомкам. Надо сказать, заплатил ей Рамзан Ахмадович за этот подвиг ни много ни мало 50 тысяч зеленых, но хорошему человеку на хорошее дело разве ж жалко?

Впрочем, аквапарк — это все-таки плагиат. Шамиль Басаев в конце 1996 года, когда собирался в чеченские президенты, в рамках своей программы обещал народонаселению отстроить в Грозном «Диснейленд». Аквапарк, «Диснейленд» — разница невелика. А вот про рок-фестиваль даже Басаеву в голову не приходило.

Нет, пойти на гудермесское шоу просто необходимо.

Где еще такое увидишь?! Внукам потом буду рассказывать, если доживу, конечно. А ведь там точно что-то случится — такое скопление народа, страшно подумать! И Кадырова-старшего, между прочим, как раз на стадионе убили, на публичном мероприятии, заложили бомбу под трибуну... Тьфу, даже думать не буду, все равно идти придется, никуда не денешься. Потом поведаю городу и миру, как этот умник из группы «Серьга», Галанин, что *«моменты переживания были, но это общечеловеческие чувства, и нельзя сказать, что это был страх»*.

А пока нас ждут в другом месте. Пора пошевеливаться.

Машина ползет в облаке пыли. От духоты плавают мозги, стирается имя человека, с которым проговорили последние два часа. Ну и пусть стирается. Все равно это имя я не смогу назвать. Огромный немолодой мужик смотрел в сторону, складывал руки на коленях, наталкивался взглядом на незажившие шрамы на запястьях, смущенно убирал руки. Говорил тихо и все время повторял, что ничего не хочет добиваться, никуда не станет жаловаться. Бессмысленно. И страшно за семью. Зачем тогда рассказывал? Сперва из вежливости — не выставлять же приезжего на улицу. А начав говорить, уже тяжело остановиться.

История простая. Обычная для этих мест. До войны работал мужик механиком, летом на стройках шабашил. Было у него три сына. Один по-

гиб в Грозном во время бомбежек, в 1999-м. Второй еще через год: снаряд во двор попал — мальчишку убило на месте. Последний остался. Родители с него пылинки сдували. Сейчас 19 лет парню. Только вот с месяц назад его забрали «кадыровцы». Посреди ночи увезли из дома. Приволокли на какую-то базу. Три дня избивали — ногами, прикладами. Током пытали. Спрашивали про боевиков. Ничего особенного, как обычно у молодых ребят спрашивают: *«Кого из боевиков знаешь? Кто из знакомых к ним ходит? Где они оружие держат? Кто им помогает?»*. От пыток ребята ломаются. Кого-то называют. Причастного, не причастного — неважно. Только бы перестали мучить. Ведь пытаются страшно, а угрожают еще более страшными вещами...

Но этот парень крепкий был, хорошо держался. Отец тем временем искали разные ходы и выходы, собирал деньги. Выкупил сына, полуживого. «Кадыровцы» решили: чем с этим возиться, лучше кого послабее, поговорчивее взять, выбор-то широкий... В общем, родители парня подлечили и отправили на всякий случай из села: вдруг «правоохранители» передумают или решат, что мало заплатили... И, действительно, передумали. Снова пришли через пару недель. *«Где сын?» — «Нет его. Уехал. Не вернется»*. — *«Прячется? Значит, боевик. Ничего. Тебя вместо него возьмем, он быстро найдется. Старика-то не оставит»*.

Мужик попытался сопротивляться. Несколько раз ударили прикладом по голове. Забрали. Держали в каком-то вагончике. Били. Еды не давали. Даже воды не принесли ни разу. Но это, может, и к лучшему — на второй день уже почти ничего не чувствовал, почти не приходил в сознание. До сына, слава Всевышнему, новости не дошли. А отца не стали держать почем зря. Выбросили где-то возле дороги. Сейчас почти оклемался. Помочь? Чем тут можно помочь.

«Бандиты это, понимаешь? Будут каждую ночь ходить, и никто им ничего не запретит. Жаловаться? Куда? Нет, не буду. В суд подавать? Нет.. Я уже на имя прокурора заявление написал, и начальнику милиции тоже — мол, ни к кому не имею претензий... Если жаловаться начну, в один день из дома выйду, и автоматной очередью... Сына я отослал. И ладно. Деньги нужны, чтобы он там жил. Это проблема, а остальное... Что может безоружный человек против вооруженных? Они меня как заложника брали. Думаешь, я один такой? В дома приходят по наветам. Сосед настучит, сексот, и тебя берут. А он стучит, потому что ему самому страшно: авось, на другого скажу, так меня не тронут. Только его тоже тронут — в свое время. У меня три сына было — один остался, теперь бы его не потерять. Ничего нет больше. Это гудермесское хулиганье никому не подчиняется. Они сами говорили — будете права качать, хуже будет. Им теперь деньги, власть дали, они и истребляют наших ребят. Знают, им все позволено. Это

сумасшедший народ. Но они не сами по себе. У них голова — Гудермес. А Гудермес под Москвой ходит. Им с самого верха позволяют грабить, убивать. Для меня сейчас один выход — самому оружие найти, себя отстоять. Но их больше, они сильнее. Пока другая, «правая» сила не вмешается, эта «погода» не изменится. Все мы, как в летаргическом сне».

Машина, задыхаясь от пыли, въезжает в Грозный. Черноречье. Веселые мальчишки по пояс в воде. Брызги в разные стороны. Плоская, как блин, площадь. Коллега в очередной раз изумленно вертит головой: «*Слушай, это мы где?*» — «*Опять не узнал?*» — «*Что, правда, “Минутка”?*» *Никак не могу привыкнуть. Здесь так все было по-другому...*» Он-то помнит этот город и «до второй войны», и «до первой»...

Мне легче. Я никогда не видела того, что было. На «Минутке», в самом центре, водружен даже не плакат, а огромная пирамидальная красно-зеленая конструкция «5 июля. Феникс. Возвращение к жизни». Останавливаем машину. Выхожу. Пытаюсь было сфотографировать фантастическое сооружение. Ищу наиболее удачный ракурс. Из-за угла выворачивает пара БТРов. Подъезжают несколько уазиков. Озабоченный парень в камуфляже перевешивается наружу: «*Уезжайте отсюда. Быстро. Вроде, здесь фугас. Мы все — в зоне поражения*». Возвращение к жизни, будь оно неладно... Постоять, что ли, в стороне? Посмотреть, как отдельно взятый «Феникс» взлетает на воздух? Нет, к черту! Поедем домой. Пить чай и смывать грязь. Если, конечно, сегодня воду завезли... Вчера вот почему-то не привозили, и в ведре на донышке...

До «Возрождения» оставалось два дня. Но фуры с оборудованием и прочими предметами первой фестивальной необходимости наглухо застряли на административной границе Чечни и Ингушетии. «Федералы» наотрез отказались пропускать их через пост «Кавказ». Говорят, «угроза безопасности». Такое разумное решение со стороны военных в высшей степени неожиданно. Может, просто хотят насолить Рамзану. Уже давно на него, на главного союзника, зуб точат. Обвиняют во всех смертных грехах, включая свои собственные. А может, действительно, испугались, и от страха случилось временное просветление. Кадыров, правда, долдонит из телевизора, что проблему решит, фуры проедут, фестиваль пройдет по-любому. И председатель правительства Абрамов его слова подтверждает. Хотя попробовал бы он не подтвердить... Ладно, посмотрим. У нас есть другие дела.

Дорога вьется над ущельем. Здесь, в горах, есть чем дышать. Из скалы считается ледяная родниковая вода. Шатойский район. Чем тебе не Альпы? Лазить по горам... Сидеть у костра... Жарить шашлыки... Нет, никак не получается.

В селе Шатой «кадыровцы» забрали двух милиционеров. Избили чуть ли не до смерти. Один только из больницы вышел. Другой до сих пор не оклемался. На спине круглые дырки — ожоги от паяльной лампы... Жаловаться? Да какое там жаловаться?! Что могут менты против «кадыровцев»? Отпустили, и на том спасибо.

В соседнем Удр-Юхое похитили пару местных ребят. Совсем мальчишки. Забрали их, вроде «кадыровцы». Где-то в горах держали несколько дней, про боевиков расспрашивали. «*Ребята, вас били?*» Парни переглядываются. Один вроде хочет что-то сказать. Отец отводит его в сторону. Что-то объясняет, выразительно жестикулируя. Мальчишка возвращается, качает головой: «*Нет, что вы, совсем не били. Они, вообще, очень вежливые были! А когда отпустили, извинились даже. Вот и друг подтвердит! Правда?*» Друг разводит руками: «*Говоришь, значит, правда!*».

А в совсем крохотном селе Юкерч-Килой у Асламбека Ацуева, который уже пятый год в Шатойском РОВД участковым работает, забрали брата, Амхата. 24 июня как раз его день рождения отпраздновали — 32 исполнилось. И 25-го на рассвете за ним пришли.

Было около пяти часов утра, Асланбек проснулся оттого, что в голову и шею ему упиралась дула автоматов. Над ним стояли двое неизвестных мужчин в камуфляже. Сначала Асланбек подумал, что это боевики, но потом понял по речи, по манерам — «кадыровцы». Они знали, что Асланбек — милиционер. Сразу потребовали, чтоб отдал автомат и пояс с боеприпасами. Асланбек показал им на трельяж: «*Там. Берите. Хотите, и меня заберите. Хотите — всех мужчин. Только здесь не стреляйте. Дома две беременные женщины — сноха и сестра — и трое детей. Не пугайте их*». Нападавшие ответили: «*Шелохнешься — на месте уложим!*». В это время в дом вошел еще один силовик и направился в комнату, где спал брат Асланбека. Когда Асланбек увидел в дверной проем, что ствол автомата упирается в шею Амхата, он не сдержался и обматерил нападавших. В ответ те открыли огонь, стреляли в доме куда попало, гильзы разлетались во все стороны. В комнату, где под прицелом держали Асланбека, вбежали разбуженные стрельбой его сестра и мать. Женщины плакали, кричали. Когда Асланбека и Амхата стали выводить из дома, наперерез силовикам бросилась их мать, умоляя отпустить сыновей. Ей под ноги выпустили автоматную очередь, разрядив целый рожок патронов. Асланбека бросили возле ворот, а Амхата затащили в машину и повезли в сторону райцентра Шатой. Асланбек немедленно уехал в Грозный и, задействовав все свои связи в правоохранительных структурах, следующие три дня безуспешно искал брата. А на четвертый, еще до того, как Асланбеку удалось хоть что-то выяснить, полуживого Амхата вывезли в поселке Мичурина, в 200 метрах в сторону Гудермеса от россий-

кой военной базы «Ханкала»: *«Он был весь помятый, избитый, какой-то тряпкой перевязанный, босиком... Друзья его забрали, чтоб я такого зрелища не видел. Он вообще едва дышал. Я его сейчас у родственников положил. Он до сих пор еле-еле передвигается мелкими шажками. Живого места нет... Его били сначала строительными лопатами, пока четыре лопаты не сломали. Потом резиновыми шлангами били, рукояткой «стечкина»... Говорили, что о нем есть информация, что он — амир Шатойского джамаата, что он со «стечкиным» и гранатой по селу ходит, оружием торгует, тротилом. Требовали, чтобы во всем признался. Спрашивали, где он хранит оружие и сколько под ним людей... За все время только несколько глотков воды дали. Не кормили вообще. Он ничего не подписал. Сутки били непрерывно. Потом уже и не трогали — так валялся... Я хочу подлечить его сейчас, а потом отправить хоть в Россию, хоть за границу. Страшно за него — он молодой, жена молодая и второй ребенок на подходе... Я всю жизнь честно зарабатывал. Последние 5 лет — в милиции участковый. Но кого я сейчас защищу, если свою семью защитить не могу?.. Мне свою форму сейчас надевать стыдно».*

Возвращение к мирной жизни идет своим чередом. Позвякивают мобильные телефоны. Шелестят фестивальные анонсы. Со стен смотрят огромные плакаты: Президент Путин прикалывает «Героя России» на грудь Рамзана Кадырова. Кадыров скромно поясняет, что это — «оценка работы всей команды», почетная, заслуженная награда за бессмысленное, бесконтрольное насилие, за успехи в достигающей все новых уровней абсурда борьбе против собственного населения. Люди даже не жалуются. Бесплезно. Люди затаились и ждуют.

Огненный «Феникс» должен был случиться 5 июля, но Гудермес так и не взорвался рок-н-роллом. Не судьба. Застрявшие на «Кавказе» фуры не пропустили в Чечню, хотя Рамзан Кадыров и твердил, что все уладил. Теперь отмалчивается. Видать, неловко. А Абрамов, бедолага, уныло бормочет про обострившуюся ситуацию в республике и про то, что в интересах всеобщей безопасности фестиваль перенесен на сентябрь. В какой-то момент всерьез подумалось, что 19 тысяч чеченцев, которых понудили купить билеты по 300 рублей, пойдут от обиды штурмом на Гудермес. Ведь деньги-то немаленькие, и те же Кадыров с Абрамовым так настаивали, что «молодежь долго ждала» беспрецедентного шоу.. Но вроде обошлось. Народ был сильно занят. Особенно, кто помоложе. Играли кто в прятки, кто в молчанку. Поправляли здоровье...

Что ж, подождем до осени. Посмотрим, как будет развиваться операция «Феникс. возвращение к жизни».

18 июля 2005 г.

Законы зазеркалья. Чечня накануне парламентских выборов

В Назрани гостиница «Асса» — неизбежное пристанище командировочного. Когда-то лучшая гостиница Северного Кавказа, с претензией на отель международного класса — строили словаки при Аушеве, сдали в «первую войну». Ковролиновое покрытие, душевые кабинки с матовым стеклом, открывающиеся во всех плоскостях пластиковые окна и изящные деревянные столики в номерах. На втором этаже — ресторан с белыми скатертями, просторной летней террасой и толстенным меню. Правда, этот шик чем дальше, тем больше захлебывается ветхостью. Ковролин местами протерся и усеян темными пятнами самой причудливой формы. Столы поцарапаны. От душевых кабинок отваливаются дверцы и стенки. Вода из крана течет с переборами. Телефоны таинственным образом перестали принимать входящие звонки. Половина перечисленных в меню блюд и три четверти напитков — отсутствуют как класс. Последнюю бутылку белого вина в этом заведении, помнится, выпили мы с приятелями-журналистами полтора года назад. Нового до сих пор не завезли. Но, как бы то ни было, больше остановиться практически негде. И для тех, кто ездит сюда регулярно, «Асса» — дом родной.

Сидим втроем за столом в одноместном номере на пятом этаже (эти комнаты слабо отличаются от остальных, но почему-то самые дешевые) и ужинаем, чем Бог послал. То есть тем, что сами купили на рынке. Кроме общей работы нас объединяет и общее стремление бойкотировать гостиничный ресторан: там дорого, немисливо медленно, да и вообще... Копченая конина, полкруга сулугуни, кирпич хлеба, заранее припасенное вино. В углу еле слышно журчит телевизор. Волшебное устройство «фумигатор» то ли отгоняет, то ли усыпляет злобных комаров. Чем не жизнь?

Правда, разговор не ахти. Через пару месяцев в Чечне парламентские выборы. Международные организации суеются — наблюдать? не наблюдать? Дергают нас на эту тему: «А какова ваша позиция?» И понятно, что свободные выборы не светят, как не светили в августе 2004-го, и в декабре, и в октябре 2003-го, и еще раньше, в марте³¹. У людей свободно волеизъявляться на фоне убийств, похищений и других радостей местного бытия получается плоховато. Да и к реальному политическому процессу вся эта

³¹ См. в статье: «“Политический процесс” в Чеченской Республике: от референдума к парламентским выборам».

выборная эпопея никакого отношения с самого начала не имела. Сначала создали формально лояльные военизированные структуры и теперь с ними же договариваемся.

Но, в отличие от предыдущих «вех политического процесса», партии демократического толка на этот раз пытаются активничать. Для них очевидно, что большинство кресел уже поделено, но на стыке интересов различных конфликтующих структур они надеются получить хоть сколько-то мест в парламенте. И если парламент пусть в самой малой степени, но все же станет противовесом Рамзану Кадырову и силовикам — имеем ли мы право эти выборы игнорировать и даже не пытаться сделать их чуть лучше, чуть честнее? Тем более — сейчас, в ситуации, когда любые призывы к переговорам с «другой стороной» звучат крайне неубедительно: после смерти Масхадова позиции умеренного сепаратистского лагеря совсем ослабли, а диалог с Басаевым и Удуговым в принципе невозможен. А при этом...

Дискуссия набирает обороты. Голоса звучат все громче. Где-то в середине звонит телефон: проживающие двумя этажами ниже сотрудники «Международной Амнистии» выражают желание услышать, что же мы все собираемся делать в ближайшем будущем. Бормочу в трубку по-английски: «Да-да, поднимайтесь. Через 5 минут? Да, конечно, ждем».

Вот и стук в дверь. Пять минут уже пробежали. Иду открывать, на ходу заканчивая фразу. Рука уже на ручке двери, в голове формируется англоязычное приветствие. Вообще-то, здесь не стоит распахивать дверь, не поинтересовавшись предварительно, кто за ней стоит. Но я заранее знаю, кто идет, открываю не задумываясь... и оказываюсь лицом к лицу с двумя амбалами в камуфляже, черных масках, с калашниковыми наперевес. От неожиданности теряюсь и автоматически произношу по-английски: «*Excuse me?*» — аналог нашего: «*Простите, что привело вас к нам в сей поздний час?*».

Незванные гости, похоже, воспринимают мою неуместную сентенцию как особо циничное оскорбление. Один орет: «*Назад, быстро! Сесть! Документы!*» Почему-то никак не могу перестроиться на правильный язык и тон. Попросту говоря, откровенно торможу. Вооруженная туша придвигается совсем близко, толкает в плечо. Тут, наконец, прихожу в себя. Да и коллеги уже оценили ситуацию. Завязывается короткое агрессивное препирательство о том, кто же кому должен первым показывать документы, как положено входить в комнату и как разговаривать. От непривычного напора пришельцы ломаются. Оказывается, ингушский ОМОН.

Все заканчивается довольно быстро. Мы удостоверились в том, кто они такие. Они — в том, что у нас в порядке документы и нет взрывчатки

в чемодане, зато есть пара внушительных удостоверений. Тут звучат чуток запоздалые слова о проверке паспортного режима и сложной обстановке в республике. Мы остаемся. Они уходят.

Садимся допивать вино и продолжать разговор. Проехали. В смысле, мы-то проехали. Но другие живут каждый день с ожиданием таких ночных визитов. Обычные люди, неспособные заткнуть пришельцам рот четким знанием того, что должно, и официальной корочкой в придачу. А ведь Чечня живет именно так. И все в большей степени так начинает жить Ингушетия.

На следующий день — какое-то село, плачущая женщина, у которой посреди ночи забрали сына. Забирали при свидетелях — и говорили, что из РОВД, мол, проверят и отпустят. Родственники, конечно, побежали в РОВД, а там про это вроде как знать ничего не знают. Несколько дней искали парня через посредников. Не могли найти. И тут неожиданно какой-то адвокат, уроженец того же села, по делам оказался в Урус-Мартановском РУБОПе. И кто-то из сотрудников ему сказал к слову, что к ним недавно его односельчанина привели. Адвокат и решил посмотреть, что да как. Парень избитый, еле на ногах стоял. И сознался за эти пару дней во всех преступлениях, мыслимых и немыслимых: пособничество незаконным вооруженным формированиям, подрывы, хранение оружия... Адвокат, конечно, привычный, и то удивился: «*Зачем ты на себя столько всего повесил?*» А парень бормочет: «*Другого выхода не было*». Тоже понятно.

Адвокат поехал в село, рассказал родителям, какая коллизия с сыном приключилась. Родители от такой новости опомниться не успели, буквально пара часов прошло — и к ним нагрянули с обыском из того же РУБОПа. Целая кавалькада приехала: два бронетранспортера, два бронированных «Урала», два уазика и одна легковушка в придачу. Вроде русские и один чеченец с ними. Позвали понятых, весь дом перерыли — ничего не нашли. Хозяева-то не сомневались, что у них все чисто. Как только сын исчез, они сами дом обшарили от подпола до чердака — вдруг, не дай Бог, сын все-таки хранил что-то от них тайком. Взрослый парень. И если лесные люди его во что-то вовлекли, родителям не стал бы докладываться. Но нет, никакого оружия, ничего подозрительного. Да и парень у них особой смелостью не отличался — когда село бомбили, первый в подвал бежал, не разбирая дороги, от выстрелов вздрагивал. Куда ему в боевики...

В общем, знали хозяева, что все в порядке. И РУБОПовцы, казалось, отчаялись криминал обнаружить, а подкинуть при понятых не решались. Сказали, обыск закончен. Понятые в прихожую вышли, и тут один страж

порядка в спальне из-под подушки, которую до этого два раза безрезультатно переворачивал, торжественно извлек черный пакет, а в нем — взрывное устройство. А второй полез на чердак и там, среди старых тряпок, «нашел» лимонку. Понятых загнали обратно. Потребовали, чтобы подписали протоколы. Они долго уговаривали: *«Если не подпишете, парню хуже будет. Вы же мальчику только вредите»*. Они почти сломались. Но все-таки не подписали.

Что дальше? Да ничего. Будет «террорист» сидеть до суда. Вроде такая откровенная, легко доказуемая фальшивка. Но здесь такие приговоры пекут как блины. Можно попробовать поднять страшный шум, найти и оплатить сильного адвоката... Нет, родители резкие телодвижения предпринимать бояться, по крайней мере, пока. Еще бы! Парня уже успели отправить в Грозный, в изолятор временного содержания ОРБ-2, которым в Чечне по нынешним временам детей пугают. А тот самый адвокат, изначально его обнаруживший, взялся вести дело и обещал, что быстро добьется перевода своего клиента поближе к селу, в райцентр. Ну, и дальше, глядишь, удастся сговориться на минимальный срок. Посидит мальчик 2—3 года и выйдет. Стоит это недешево, но...

Адвокат знает, что говорит. И добиться перевода, и срок скостить — за соответствующую мзду возможно. И родственники, как только появляется подобная перспектива, сразу перестают жаловаться и просят их дело огласке не предавать. Наверное, при нашей работе надо настойчиво убеждать родителей «бороться за сына правовым путем». Но не отпускает мысль, что с этим самым правовым путем ему все 20 впаяют, а по-другому, может, действительно, парой лет отделается, и потом семья его отправит из Чечни подальше.

Парадокс, о который бьешься, как лбом об стену. Если не следовать правовому пути, не пытаться заставить закон работать, здесь ничего никогда не изменится. Это очевидно. Но что делать, когда настаивая на правовом подходе, ты можешь повредить, а не помочь конкретному, живому человеку?

Вечером мы уже в Грозном. Приютившая меня подруга делится новостями: *«К нам недавно приходят в дом, говорят — нужно платить коммунальные платежи. Отвечаю: “Давайте. С удовольствием заплачу. Только скажите, за что? За воду с радостью заплачу, только пустите ее сначала, мы ее в кране больше пяти лет не видели. За свет — с удовольствием, если электричество заново проведете. За отопление? Замечательно, оно нам совсем не мешает. Скажите, когда ждать”*. Ну, ушли, конечно. *Куда б они делись?»* Смеемся. Мы здесь, вообще, непрерывно смеемся.

Эта семья, мать и четверо девочек, всю войну не выезжала из Грозного. Сначала не собрались, да и не ожидали, что так жестоко будет, а потом оказалось поздно. Самое страшное время пересидели в подвалах. Одна из девочек вечером за чаем мне рассказывала, что в их подвал забежала собака с оторванной человеческой головой в зубах. Собаки, брошенные убежавшими из города людьми, бродили по улицам, обглаживали трупы, пьянели от крови. *«Так страшно было!»* — девчонка встряхивает головой и смеется.

В городе случайно сталкиваюсь с женщиной из Гудермесского района, Лизой, сестрой известного полевого командира Вахида Мурдашева. Познакомились мы прошлой зимой, через пару месяцев после того, как «кадыровцы», взяли в заложники ее мать, сестру и сноху, а родовой дом сожгли. Все, чтобы выманить брата. Тогда Лиза плакала, смотрела в сторону, говорила полупшепотом. Теперь, улыбаясь во весь рот, рассказывает, что 25 апреля ее родных отпустили. А зачем их было держать, раз Мурдашева взяли там же, где убили Масхадова? Мать каждое утро просыпается и плачет от счастья, поверить не может, что после многомесячного сидения в холодном, грязном подвале можно вот так, на чистой постели, и чтобы солнечный луч полз по подоконнику. *«Дом, оказывается, сожгли у них на глазах! А потом они думали — расстреляют. Увезли в лес. Поставили. Автоматы вскинули. И все на камеру снимали. Но не тронули. Бросили в сырую яму. Там огромные крысы бегали. Трое суток продержали. И за эти три дня к ним ни один человек не подошел. Потом перевезли, ну, сами знаете куда. И в подвале оставили. Пять месяцев они света не видели. И мыться не давали. Мать все тазик с водой просила. С них сорочки ключьями сползали. А сестра все это время прорыдала — не могла терпеть, как в других камерах люди от пыток кричат. Ну, а брата сейчас в Грозный перевели, в СИЗО. В Верховном Суде по его делу слушанья начнутся через неделю. Обращаются вроде нормально, вежливо, и передачи у меня принимают. И вообще, все хорошо. Адвоката не посоветуете? Нам сильный адвокат нужен. Ой, как же приятно Вас повстречать! Нет, ну надо же! Сейчас как раз из СИЗО иду. Мать для брата галушек сделала, ну и еще покушать. И все взяли, а судочек назад вернули»*, — Лиза сияет улыбкой, в правой руке зажато синее пластиковое ведерко.

С виду за последний год в городе стало лучше. Где-то что-то построили, где-то что-то подкрасили. Уличной рекламы все больше. Кафе на каждом углу. Жизнь. Замешанная на страхе и абсурде.

Знакомый по Москве политтехнолог, подписавшийся «окучивать» одну из демократических партий на парламентских выборах, объясняет за чашкой кофе: *«Сам парламент не решит никаких проблем, но может*

открыть хоть маленькие перспективы для маленьких побед. Если у людей появится хоть какая-то перспектива, то, может быть, со временем, постепенно... Конечно, большинство мест уже поделено, но нам дают понять, что немножко можно отхватить». Усмехается. Отводит глаза. Со стены дома напротив улыбается гигантский Рамзан Кадыров с орденом героя России на груди. Под портретом надпись: «Заслужить награду — значит добиться победы». Логика, извращенная до изумления. Мир вверх дном. Мир наизнанку. Если в нем появится парламент — хуже не будет. Что с ним, что без него — жизнь по законам зазеркалья.

7 октября 2005 г.

Подготовка выборов в парламент Чеченской Республики³²

По официальным данным, сегодня в Чечне около 600 тысяч избирателей. Согласно Конституции ЧР, принятой на референдуме в марте 2003 года, республиканский парламент должен быть двухпалатным. Нижняя палата, Народное Собрание, формируется из 40 депутатов: 20 одномандатников и 20 по партийным спискам. Верхняя палата, Совет Республики, избирается по административно-территориальным округам — всего их 21. Но на сегодняшний день 3 округа недоформированы, поэтому в Совете первого созыва только 18 мандатов (15 районов и 3 города — Грозный, Гудермес и Аргун). Нижняя палата принимает законы, верхняя — утверждает.

На каждое место в парламенте Чеченской Республики в среднем претендовали шесть человек. Всего Избирком республики зарегистрировал 367 кандидатов. Около 7 % кандидатов — женщины, их 27 человек. Как сообщает газета «Соьлжа», среди кандидатов в депутаты 117 госслужащих, 9 членов Госсовета, 27 предпринимателей, 13 представителей МВД, 15 пенсионеров. Анализ биографических данных кандидатов позволяет утверждать, что подавляющее большинство кандидатов находятся во власти или на хорошем счету у власти. Значительное число кандидатов или прямо представляют многочисленные министерства и ведомства, государственные учреждения и предприятия, а также местную администрацию и силовые структуры, или являются родственниками представителей власти.

³² Публикуется также в: «В атмосфере страха». Первая версия статьи опубликована на Полит.Ру.

Формирование парламента должно стать последней вехой «политического процесса» в Чеченской Республике, который проходит без привлечения сепаратистов и, соответственно, не имеет отношения к реальному политическому урегулированию. Правда, 10 сентября 2005 г. президент ЧР Алу Алханов заявил по радио «Эхо Москвы», что в выборах смогут принять участие и бывшие полевые командиры, и бывшие члены парламента Ичкерии: «Препятствий не будет никому, за исключением тех, кто проповедует терроризм, войну, идеи ваххабизма и экстремизма»³³. Но и сам Алханов, и все окружающие прекрасно понимают, что сторонники независимости Чечни не смогут принять участия в парламентской кампании с соответствующей программой, потому что даже мирное публичное выражение сепаратистских взглядов создает серьезную угрозу жизни и физической неприкосновенности их носителя. Не говоря уже о том, что, согласно федеральному законодательству, сепаратизм является формой экстремизма³⁴.

Основное отличие этого этапа «политического процесса» от предыдущих состоит в том, что сейчас в игру включились демократические партии. Их участие в выборах создает и у либеральной российской общественности, и в международном сообществе иллюзию того, что после парламентских выборов в Чечне может что-то измениться к лучшему, так как появятся здоровые, демократические силы, готовые называть проблемы своими именами и по мере сил содействовать началу настоящего урегулирования конфликта.

Для того чтобы понять, оправданны ли эти надежды, необходимо изучить, какие именно партии идут на выборы и с какими программами. В начале осени 2005 года и жители Чечни, и внешние эксперты утверждали, что из всех идущих на выборы партий активны и известны в республике «Единая Россия», «Родина», «Евразийский Союз», КПРФ, «Яблоко», СПС и Республиканская партия. Но последнюю мы рассматривать не будем, так как уже 20 октября ее списку отказали в регистрации: избирком обнаружил 23,6 % недействительных подписей³⁵.

³³ Алханов пригласил к участию в выборах бывших боевиков // Лента.Ру. 2005. 10 сентября (<http://lenta.ru/news/2005/09/10/invite>)

³⁴ ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Ст. 1.

³⁵ Чеченское региональное отделение Республиканской партии России (ЧРО РПР) — это зонтичная структура, формально объединяющая местных активистов «Нашего выбора» Владимира Рыжкова, Партии пенсионеров, коммунистов (ни один из опрошенных нами работников штаба не знал, каких именно) и «может быть, еще кого-то, мы не уверены, но все эти люди с 91 года отстаивали демократические идеалы». В проект программы ЧРО РПР входили и защита прав человека, и экология, экономика, и социальный блок. Основной упор делался на проблему трудоустройства.

Безусловным лидером на электоральном рынке является **«Единая Россия»**. У чеченского отделения «партии власти» 29 тысяч членов и 419 ячеек (в каждом населенном пункте работает хотя бы одна ячейка; в крупных — по две или даже по три). Такая популярность объясняется и тем, что партия платит «особо активным членам», вывозит своих членов на лечение и т.д. Молодежь демонстрирует партбилеты «Единой России» на блокпостах в качестве доказательства своей благонадежности. В республике партия прочно ассоциируется не только с Кремлем, но и с братьями Ямадаевыми, один из которых, Руслан, заседает в Государственной Думе РФ именно от «Единой России», а второй, Сулим, возглавляет армейский батальон «Восток», получивший общероссийскую известность после событий в станице Бороздиновская³⁶.

Ранее «Единая Россия» была в значительной степени подконтрольна Ахмаду Кадырову, а затем его сыну Рамзану, курирующему в Чечне силовой блок. Но сейчас отношения между Рамзаном Кадыровым и Сулимом Ямадаевым достаточно конфликтны. В любом случае, сам Рамзан Кадыров не идет на выборы ни от «Единой России», ни от какой другой партии, мотивируя это тем, что слишком загружен своими обязанностями по обеспечению безопасности в республике. Сулим Ямадаев тоже в парламент не баллотируется. Но его брат Иса Ямадаев в списке фигурирует. И партия остается в большой степени под крылом ямадаевского клана. Первой тройкой списка являются высокопоставленные госчиновники: министр сельского хозяйства ЧР Дахувах Абдурахманов, председатель Комитета по внутренне перемещенным лицам при Правительстве ЧР Цурпа Магоев и председатель Комитета по контролю за расходованием государственных средств при Правительстве ЧР Адлан Барзукоев. Телевизионная реклама единосроссов объясняет зрителю: *«Единая Россия» — продолжатель дел Ахмада-Хаджи Кадырова. Мы идем в парламент. Наше дело — это забота и ответственность. Единая Россия — народная партия власти»*.

В рамках мониторинга ситуации вокруг парламентских выборов в ЧР, в г. Грозный нами был проинтервьюирован начальник отдела по политическим вопросам «Единой России». Он, в частности, отметил: *«На этих*

Согласно Протоколу № 1 Учредительной Конференции ЧРО РПР, на 19 сентября 2005 г. зарегистрированных членов в партии было 167, и вызывает серьезные сомнения, что за столь короткое время членство серьезно выросло.

³⁶ 4 июня 2005 г. сотрудники местных силовых структур, судя по всему, бойцы ямадаевского батальона «Восток», приехали в Бороздиновскую на 15–20 машинах и двух БТРах и провели масштабную зачистку. Уничтожили четыре жилых дома, убили старика Магомедгази Магомазова, а 11 мужчин увезли в неизвестном направлении.

выборах мы, конечно, ожидаем высокую явку избирателей: 85–90 %. И по самой минимальной оценке, получим мы не меньше 80 %». На вопрос, какие партии являются основными конкурентами «Единой России», ответил: *«У “Единой России” конкурентов в Чечне нет!»*³⁷

О содержании партийной программы аппаратчик осведомлен не был, но нашел ранее опубликованную в прессе предварительную версию программы и зачитал ее по пунктам: защита окружающей среды, затем охрана материнства и детства, образование школьное, образование высшее, экономический блок и т.д.

На вопрос, не повлиял ли неутраченный скандал вокруг событий в станице Бороздиновская на рейтинг партии, начальник отдела ответил: *«То, что произошло в Бороздиновской, — откровенная провокация с целью дискредитации семьи Ямадаевых и “Единой России”. Но эта провокация не сработала. И вообще, такие случаи в Чечне происходят часто и везде. Так почему сразу «Единая Россия»?»*

После такого комментария, фактически являющегося признанием того, что произвол «силовиков», убийства и исчезновения людей стали в Чечне системой, неизбежно встает вопрос, почему эта проблема не отражена в программе партии. Впрочем, вопрос риторический, особенно в свете активности «ямадаевских» бойцов в республике.

Благодаря жесткой позиции по конфликту в Чечне, ранее неоднократно высказанной лидером **«Яблока»** Г.А. Явлинским, у партии в республике сформировался довольно высокой рейтинг поддержки. По мнению опрошенного нами лидера регионального отделения «Яблока» в Чечне Шарипа Цуроева — до 25 %. У «Яблока» в республике 15 ячеек и более 1000 членов, из них 60 % с высшим образованием. Многие — работники системы образования и транспортники.

Телевизионный ролик «Яблока» представляет собой монолог кандидата, сидящего в комнате на фоне зеленых обоев, монотонно зачитывающего по бумажке заготовленный текст. Рекламная продукция «Яблока» малозаметна. Видимо, сказывается отсутствие у партии ресурсов для проведения кампании.

«Яблочники» надеются получить в парламенте 6–7 % голосов максимум. Чтобы обеспечить себя хотя бы этот невысокий результат, они

³⁷ Следует отметить, что несколько «активных членов» великой партии в частной беседе с нами осведомлялись, нет ли возможности вывезти их за границу, потому что ходят слухи, будто *«Совету Европы отдадут на откуп наблюдение за выборами в равнинных районах Чечни, и тогда придется в этих местах считать честно, а так недолго и работу потерять...»*

считают необходимым объяснить и в Москве, и Алу Алханову, что плюралистичный парламент придаст больше легитимности и Президенту, и Правительству ЧР.

Первым пунктом в программе «Яблока» в Чечне стоит восстановление уважения к человеку и человеческого достоинства. Далее: улучшение экологической ситуации, создание рабочих мест, образование, социальный блок.

На вопрос, как что именно парламент может сделать в плане человеческого достоинства, Ш. Цуроев ответил, что «Яблоко» будет призывать людей уважать друг друга и соблюдать закон. На вопрос, не является ли, с точки зрения «Яблока», приоритетной проблемой произвол и безнаказанность «силовиков», Цуроев сказал: *«Поймите, если на каждом шагу перечислять преступления, это ни к чему не приведет. Нельзя сегодня, в этих условиях, каждому тыкать в глаза: “Ты вор, ты преступник!” Как бы это ни было трудно, мы все должны простить друг друга... Добро — выше правды»*.

Из «яблочных» кандидатов о проблемах нарушений прав человека, безнаказанности, преступлений, совершаемых сотрудниками силовых структур, открыто не говорит никто. Некоторые, правда, намекают на необходимость «усилить розыск без вести пропавших, освободить насильно удерживаемых или незаконно осужденных лиц» (Джунид Амаев) или ставят задачу укрепления «правопорядка, защиты граждан от произвола и насилия» (Султан Сугаипов), однако не называют источник этих проблем.

Хотя Г. Явлинский из Москвы многократно указывал на такие проблемы, как безнаказанность и произвол «силовиков», и публично осуждал ведущуюся в республике войну, в программе местного отделения партии эти слова даже не звучат. Несколько членов партии, с которыми удалось побеседовать неофициально, говорят: *«Если победим на выборах, то тогда уж назовем тех, кто виноват. А пока мы должны себя обезопасить»*. Но не растеряет ли «Яблоко» поддержки своих избирателей в Чечне, если будет молчать о том, что для каждого ее жителя является самым главным?

Формально у **Союза правых сил** в Чечне около 1000 членов. Но до недавнего времени активная работа не велась, а членство держится на работах Министерства промышленности и энергетики и подконтрольных ему структур: племянник министра, Мусса Душкаев, долгое время заведовал СПС в Чечне. Правда, в октябре 2005 года на посту председателя региональной парторганизации его сменила Зина Магомадова, главный врач Побединской участковой больницы в Грозненском сельском районе, но штаб СПС продолжает размещаться в помещении Министерства.

В партии состоят преимущественно руководители предприятий и бизнесмены. При этом вторым номером списка является бывший министр обороны Ичкерии Магомед Хамбиев³⁸, который перешел на сторону профедерального правительства после того, как несколько десятков его родственников, преимущественно женщин, были взяты «кадыровцами» в заложники³⁹. Хамбиев якобы обеспечивает партии определенную поддержку в горных районах. И СПС, как и «Яблоко», надеется получить 8%.

Приоритетом своей программы СПС в Чечне выдвигает противодействие диффамации чеченцев в СМИ и дискриминации в отношении чеченцев в России в целом.

СПС также намеревается отстаивать экономические свободы и нормальные условия для перевозки товаров и передвижения людей на Северном Кавказе и во всей России. Партия планирует бороться с клановой системой и коррупцией, вести широкие культурные программы (в частности, восстановить краеведческий музей).

Наконец, СПС волнует проблема неуправляемости в республике. Руководитель кампании СПС в Чечне политолог Тимур Музаев пояснил: *«Была выстроена лишь видимость вертикали власти. На самом деле, федеральные структуры потеряли контроль над спецслужбами. Мы создадим специальную парламентскую комиссию, будем слать депутатские запросы и работать с общественными организациями, чтобы уголовные дела возбуждались и доводились до конца... Проблема сейчас не в злой воле федерального центра, а в дисфункциональности исполнительной вертикали. По крайней мере, создание парламента даст возможность начать процесс восстановления первичных связей между обществом и властью...»*.

Впрочем, председатель региональной парторганизации Зина Магомадова в разговоре с правозащитниками на вопрос «Готова ли СПС в Чечне в своей предвыборной программе затрагивать проблему незаконного

³⁸ Правозащитному Центру «Мемориал» доподлинно известно, что в бытность полковым командиром Хамбиев совершил, как минимум, одно тяжкое уголовное преступление по отношению к мирному беззащитному человеку.

³⁹ Из интервью М. Хамбиева корреспонденту А. Раскину (см.: Раскин Александр. Слава — Чечне // Русский Newsweek. 2005. № 43):

«Я уже тогда подумывал и сам сложить оружие. А в феврале ко мне пришел двоюродный брат Джабраил и рассказал, что Кадыров взял в заложники моих родственников и предлагает мне с моим отрядом перейти на его сторону. Пойми, у меня же жена, пятеро дочерей тогда было, сейчас вот шестой — наследник — родился. И я это предложение принял... Именно с Рамзаном мы и собираемся строить новую свободную Чечню. У нас нет никаких разногласий».

насилия со стороны представителей государственных силовых структур?» ответила: «*На сегодня в Чечне такой проблемы нет*».

Для жителей республики, которая уже более десяти лет находится в состоянии войны, естественно, очень актуальна ностальгия по Советскому Союзу — не по советскому строю, а по временам мира и стабильности. Брежневский период, «эпоха застоя», сегодня вспоминается в Чечне как самое счастливое время. Соответственно, в своей агитации **КПРФ** апеллирует к ностальгическим чувствам избирателей, к воспоминаниям о довоенной жизни, о не разрушенном Грозном, о грандиозных стройках и заводах-гигантах коммунистической Чечено-Ингушетии. Парламентская программа партии вполне предсказуемо сосредоточена на социальных вопросах, а предвыборная стратегия укладывается в рекламный ролик на республиканском телевидении. Три немолодых кандидата, возглавляющие список КПРФ, появляются на экране со словами «*Я хорошо помню это время...*» И далее, под звуки из старого советского фильма проходят кадры с видами старого Грозного, заводов, школ, универмагов, фонтанов, музеев, женщин в коротких юбках по моде 70-х годов, военных парадов, счастливых детских лиц. На всех роликах в кадре появляется троллейбус или трамвай: для многих жителей Чечни именно они являются символами довоенного Грозного, вызывающими в памяти милые детали мирной повседневности, которой жители республики лишены почти 11 лет. «*Я сделаю все, чтобы вернуть это обратно*», — говорит кандидат. «*Коммунистическая партия России — партия будущего!*» — заканчивает незамысловатое изложение предвыборной программы КПРФ голос за кадром.

Подобранный коммунистами образный ряд дорог сердцу жителей Чечни. Узнав, что у авторов доклада есть записи ролика КПРФ, несколько семей из Грозного, теперь проживающие в Ингушетии, просили одолжить кассету «хоть на один день», чтобы переписать кадры с видами довоенного города. Возможно, некоторые избиратели на парламентских выборах проголосуют за коммунистов в знак благодарности за такой подарок.

Доктрина партии «**Евразийский союз**» основана на том, что «*народы России связаны друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной культуры и государства, населяющих независимое общее место развития — Россию-Евразию*». Сама партия на общероссийском уровне совершенно маргинальна. Представить успех в Чечне идеи евразийского единства, казалось бы, вообще невозможно, учитывая вайнахскую убежденность в своей уникальности и стремление к сохранению традиций. Но сегодня в республике про «Евразийский союз»,

безусловно, знают и говорят о нем как о серьезном участнике готовящихся выборов.

Евразийство как таковое в республике почти не известно, зато внимание граждан привлекает то, что партия идет на выборы под лозунгом Кунта-Хаджи: «*Мирите поссорившихся, война — дикость. Бог никогда не придет туда, где льется кровь. Удалитесь от всего, что напоминает войну. Ваша сила — ум, терпение и справедливость. Враг не устоит перед этой силой и рано или поздно признает свое поражение*».

Кунта-Хаджи Кишиев, современник Имама Шамиля — человек, в Чечне широко почитаемый. Под конец опустошительной кавказской войны он пришел с учением, ненасильственный смысл которого ясен из вышеприведенной цитаты. Кунта-Хаджи принадлежал к суфийскому тарикату кадири, и теперь девять из десяти чеченцев придерживаются его вирда (учения). Таким образом, выстроить предвыборную кампанию под знаменем Кунта-Хаджи — блестящая пиар-находка. Ведь избиратель не станет вдаваться в подробности евразийской философии и не выяснит, что между евразийством и учением Кунта-Хаджи нет ничего общего.

Лидер чеченских евразийцев, «ответственный работник правительства ЧР» (так он представлен на сайте партии), Саид Юсупов описывает программу своей партии в Чечне следующим образом: «*Во-первых, надо построить систему управления так, чтобы был виден неуклонный, устойчивый рост уровня жизни населения... Но самое главное: нам необходимы четкие, прозрачные законы, и их строжайшее исполнение! Мы будем бороться против беззакония и безнаказанности. Перед лицом закона не должно быть неприкасаемых. Необходим текущий, постоянный контроль над соблюдением законов. Снизу власть должно подпирать гражданское общество с помощью своих институтов. И работа этих организаций должна быть законодательно обеспечена, им должны быть созданы условия для осуществления гражданского контроля! В республике крайне болезненный вопрос — это проблема пропавших. Мы также будем добиваться поправок в закон о репрессированных народах в целях упрощения процедуры и обеспечения справедливых компенсаций. Мы планируем сосредоточиться на сфере образования. Республике необходимы обязательное среднее и бесплатное высшее образования. Не оружием надо воевать, а умом и талантом своего народа... Особое внимание мы обратим на проблемы трудоустройства... И самое главное, самое первостепенное — это безопасность! Безопасность сегодня является краеугольным камнем всего*».

Именно такие слова для современной Чечни наиболее актуальны. И именно их многие ожидали, но не услышали от демократических партий. Почему же евразийцы не боятся говорить те слова, которые не могут позволить себе демократы? Ответ прост. В списке кандидатов от «Евразий-

ского союза», кроме ряда сотрудников Правительства и Госсовета ЧР, начальника отдела ФСКН (Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков), представлены и руководство Гудермесской ДЮСШ (детско-юношеская спортивная школа, патронируемая Рамзаном Кадыровым), и директор ООО «Лидер» — охватившей всю Чечню сети автозаправок, фактически принадлежащих Рамзану Кадырову.

Вместе со списками Юсупов продемонстрировал нам сигнальный экземпляр рекламной листовки одного из кандидатов. Качеством полиграфии и дизайном (плотная глянцевая бумага, цветная печать, характерная окантовка) она не отличается от материалов Фонда имени Ахмада-Хаджи Кадырова. В верхней части листовки — приведенная выше цитата из Кунта-Хаджи. Использование имени и слов Кунта-Хаджи в сочетании с «полиграфией власти» должно оказать на избирателя сильное действие. Таких листовок на каждого кандидата печатается по 20 тысяч, а также выходит отдельная серия листовок о самой партии. Благодаря влиятельным покровителям у кампании «Евразийского союза» в Чечне солидная финансовая база.

«Родина» — национал-популистская партия, представленная в российском парламенте и сочетающая оппозиционность к Правительству РФ с лояльностью к президенту Путину. На выборы в Московскую городскую Думу, назначенные на 4 декабря 2005 г., эта партия идет под анти-мигрантскими лозунгами, а ее ведущие деятели позволяют себе жесткую дискриминационную и ксенофобную риторику, в первую очередь против выходцев с Кавказа. Таким образом, сам факт деятельности этой партии в ЧР может объясняться исключительно неинформированностью граждан. Так, 7 декабря 2003 г., осуществляя мониторинг общенациональных парламентских выборов на территории ЧР, мы услышали от нескольких избирателей, проголосовавших за «Родину», что с их точки зрения, партия с таким названием сделает все для национального возрождения в ЧР. К сожалению, в преддверии чеченских парламентских выборов встретиться с руководством этой партии в республике нам не удалось. Грозный заклеен плакатами «Родины», и на каждом из них обозначен внешне достоверный адрес в центре города — Проспект Победы, дом 4. Но по указанному адресу расположено пустое, разрушенное здание.

По результатам проведенных интервью нам очевидно, что идущие на выборы партии согласны в одном: большая часть мест в парламенте уже распределена (учтены интересы Кремля, Рамзана Кадырова, братьев Ямадаевых, членов Правительства ЧР и т.д.). Но на остаток могут претендо-

вать и «независимые» силы на условиях лояльности к правящей группировке. И эти силы при ближайшем рассмотрении производят печальное впечатление.

Проблема не только в том, что сепаратисты в этих выборах не участвуют и участвовать в принципе не могут, хотя без участия сепаратистов реальный политический процесс невозможен. Для каждого, кто провел хоть сколько-нибудь времени в Чечне, очевидно, что сегодня, в тупике многолетнего конфликта, для людей основными проблемами являются безопасность, произвол «силовиков», непрекращающееся кровопролитие. Но демократы не чувствуют себя в достаточной безопасности, чтобы говорить о чем бы то ни было, кроме человеческого достоинства, экологии и социального блока. И самые необходимые слова об обеспечении безопасности, борьбе с безнаказанностью являются прерогативой тех, кто уверен в своей защищенности, но не заинтересован в реальном урегулировании ситуации в республике.

Если бы сегодня на парламентских выборах в Чечне была представлена хоть одна политическая сила, готовая говорить правду о ситуации в республике и предпринимать реальные шаги к ее поэтапному урегулированию — бороться с безнаказанностью, отстаивать права человека, требовать настоящей амнистии (не обусловленной переходом в местные силовые структуры) для всех желающих сложить оружие и не повинных в военных преступлениях, добиваться легализации политического сепаратизма с целью реформирования конфликта из военного в политический — тогда на эти выборы следовало бы обратить пристальное внимание, сделать все возможное, чтобы у такой силы появились шансы войти в парламент. Но на сегодняшний день такой силы нет.

В этих условиях сама предвыборная кампания не заслуживает пристального внимания. Она просто незначима. Жители республики могут умиляться ролику КППРФ. Они могут обратить внимание на креативность СПС — одобрить предвыборную акцию по очистке Интернета от «античеченских» сайтов или организованный этой партией митинг памяти жертв геноцида и депортации 1944 года. Могут вдохновиться обещаниями «Евразийского союза». Но им очевидно не только то, что наибольшее число мест в парламенте получит «Единая Россия», но и то, что остальные партии — не более чем приатки властного клана. В этой связи показательно, например, что один из главных героев предвыборной гонки СПС — кандидат Адлан Темишев, президент Фонда поддержки физкультуры и спорта ЧР, в партийном рекламном ролике выступает в спортзале на фоне огромного портрета Ахмада Кадырова.

В такой ситуации неудивительно, что предвыборная кампания проходила на редкость бессобытийно. И на этот раз, в отличие от предыдущих выборов, соответствующее законодательство в основном соблюдалось. Кроме разнообразных агитационных материалов «Единой России», можно было увидеть множество плакатов КПРФ, СПС, в меньшей степени «Яблока», «Евразийского союза» и других. Республиканский телеканал «Вайнах» крутил рекламные ролики партий, предоставлял время кандидатам, которые один за другим озвучивали (а в большинстве случаев — зачитывали) свои мало чем отличающиеся друг от друга программы. Те, кто ожидал увидеть на избирательном рынке засилье «Единой России», по аналогии, скажем, с засильем «кадыровской» агитации перед президентскими выборами 2003 года, были обмануты в своих ожиданиях. В ходе кампании мы не зафиксировали серьезных нарушений предвыборной процедуры. Очевидного давления на кандидатов и партии не наблюдалось. Не зафиксировано, в отличие от предыдущих предвыборных кампаний, и случаев расправы над сотрудниками избирательных штабов. Участники избирательной гонки не использовали «грязные технологии» и «черный PR».

Представители всех партий публично высказали уверенность, что выборы будут демократическими, и намерение наблюдать за выборами на каждом участке. Однако на заданный в неформальной беседе вопрос «Значит ли это, что фальсификаций не будет?» лидер регионального отделения одной из демократических партий ответил: *«Нет, это значит, что фальсификации будут происходить с согласия всех наблюдателей».*

Фактически, отсутствие очевидных процедурных нарушений на этапе предвыборной кампании связано с тем, что ни в манипуляциях с показом агитации, ни в силовом давлении на оппонентов нет необходимости — при подготовке к парламентским выборам на борьбу нет даже намека, а ведущие фигуры в партиях СПС и «Яблоко» на федеральном уровне говорят в неофициальной обстановке, что не расценивают эти выборы как реальные, а число их мест в будущем парламенте заранее согласовано с властью. Ведь и Кремлю, и чеченскому руководству важно создать иллюзию плюралистического парламента.

Партийная агитация в принципе являлась агитацией для проформы. Настоящей же агитацией в ходе подготовки парламентских выборов являлась демонстрация мощи «кадыровского» клана, нацеленная на то, чтобы жители республике не сомневались: реальная власть в республике принадлежит Рамзану Кадырову, и парламент станет еще одним органом власти, поддерживающим выбранный курс.

В этой связи показательно, что с начала осени этого года, и особенно активно — в период предвыборной кампании, по всей республике стали

появляться новые, красочные портреты с изображениями Ахмада Кадырова, Рамзана Кадырова и отца с сыном вместе. И именно в контексте этой «параллельной агитации» был зафиксирован случай противоправных действий «силовиков».

7 ноября в селе Чири-Юрт, «кадыровцами» похищен Сугаев Адам, 19 лет, и его друзья Беслан и Магомед. «Кадыровцы» постучали в квартиру Сугаевых под предлогом проведения паспортной проверки. Проверив паспорта всех членов семьи, они шепнули Адаму: «Мы ищем тебя, не делай шума, выходи во двор». Во дворе Сугаева усадили в машину, натянули на голову мешок и увезли в неизвестном направлении. В машине уже находились Магомед и Беслан. Молодых людей доставили к месту дислокации подразделения СБ в селе Гелдаган. Оказалось, что их подозревают в поджоге портрета отца и сына Кадыровых на фоне спортивного комплекса «Рамзан» в г. Гудермесе. Портрет был установлен в селе Чири-Юрт за неделю до описываемых событий. В течение 6 часов молодых людей держали в подвале, жестоко избивали, угрожали оружием, угрожали отрезать кисти рук ножом, требуя таким образом признаться в содеянном. Несмотря на то, что Адам тяжело переносил избиения, так как болен туберкулезом, он отказался признать себя виноватым. Тогда «кадыровцы» попытались склонить молодых людей к сотрудничеству и просили помочь «силовикам» определить, кто же поджег портрет. От сотрудничества Сугаипов отказался. 9 ноября его отпустили.

Показательно и то, что главным событием предвыборного периода стало рождение первого сына Рамзана Кадырова (до этого Кадыров был отцом четырех дочерей), которого назвали в честь покойного деда — Ахмад. Рождение долгожданного сына вице-премьера праздновали в республиканском масштабе. По инициативе администраций населенных пунктов (особенно тех, где дислоцированы «кадыровцы»), районных отделов культуры и социального и экономического развития на улицах были организованы праздничные танцы. В городе Гудермес и селе Центорой был устроен салют, который неожиданно напугал жителей республики. Одна жительница Гудермеса описала это следующим образом: *«Гудермес пережил две войны, но такого еще не видел. Утром по всему городу началась стрельба из всех видов оружия, подствольников, гранатометов. Мы решили: боевики вошли в город, это третья война. Обезумевшие от страха женщины бежали в школы забирать своих детей. Дети плакали, у многих случилась истерика, одному мальчику из третьей школы стало плохо всерьез. Мой сосед откуда-то проведал, в чем дело, вышел во двор и стал кричать бегущим женщинам “Стойте! Не бойтесь! У Кадырова родился сын, потому и стреляют!” Многих успел предупредить. А ведь знае-*

те, в Курчалое люди всю ночь просидели в подвалах. Там еще ночью все началось».

К сожалению, в сознании большинства жителей Чечни «мир» все еще остается категорией из разряда желаемого, а не действительного. Доминирующей эмоцией является страх. И это само по себе свидетельствует о том, что о честных выборах в республике сегодня не может идти и речи.

12–13 октября 2005 г.

«Единственная действительность в том, что, действительно, убивают людей»

Репортаж с парламентских выборов

Сегодня, 27 ноября, в Чечне прошли парламентские выборы. То есть кремлевский «политический процесс» можно считать завершенным. Рамзан Кадыров еще в середине дня объявил выборы состоявшимися и успешными. Видимо, ждать подсчета результатов ему было неохота. Да и чего их ждать, когда все было посчитано и оговорено сильно заранее?

Рамзан со своим заявлением, может, несколько и поторопился — по формальным соображениям стоило хоть до вечера дотянуть. Но ничего неожиданного в этом не было. Скучно... Да и сам день голосования прошел невыносимо скучно. Кто б сомневался с самого начала...

Хотя, каюсь, один раз усомнилась. Вечером 25 ноября, собирая рюкзак в дорогу, поймала себя на том, что с утра минимум раз 15 в разговорах с иностранными журналистами повторила, что скучно будет до зубовного скрежета. И тут же кольнула мысль, что последний раз в отношении чеченской командировки сказала нечто подобное 8 мая 2004 г., в Грозном. Стояла на залитой утренним солнцем городской площади и лениво говорила знакомому, что раз уж ему по долгу службы положено на следующий день снимать кадыровский парад на стадионе «Динамо», то пусть уж идет, а я лучше поеду в одно горное село, куда давно собиралась. «В городе совершенно нечего ловить. Тоска». Он согласно кивал, отвечал, что тоже бы лучше в горы, но человек подневольный... На том и разошлись, договорившись 9-го встретиться ближе к вечеру. Но не довелось. Парень погиб в том же взрыве, что и Ахмад-Хаджи. 9 мая не оправдало наших общих ожиданий. Наверное, в таких местах, как Чечня, нельзя загадывать наперед...

Но в этот раз, действительно, ничего не произошло. Хотя солнце поздним ноябрьским днем сияло совсем как тогда, в первую декаду мая, и

небо было вызывающе голубым. В квартире, где мы только что устроились на ночлег после «дня голосования», не работает телевизор, но ничуть не сомневаюсь, что в новостях хотя бы один раз сказали, что «этот неожиданно для конца ноября солнечный день полностью соответствовал праздничному настроению избирателей».

С утра в Грозном было пусто. Не той тревожной, выморочной пустотой, которая запомнилась и по кадыровским, и по алхановским выборам, но по сравнению с предыдущим днем, когда в центре города, на Проспекте Победы, было просто не протолкнуться, а от нетерпеливых автомобилей гудков разламывалась голова, улицы казались почти безлюдными. В магазинчике, отпуская нам минералку, продавец недовольно бухтел, что как выборы, так за день три с половиной покупателя, и, наверное, стоит закрыться пораньше. Привык ведь народ в день голосования либо уезжать вовсе, либо по домам сидеть, а привычка — вторая натура...

В Заводском районе на 17-м участке ближе к 11 утра не происходило ровно ничего. Избирателей почти не было. Явка предсказуемо стремилась к 30 процентам. За столом скучали наблюдатели и абсолютно ни на что не жаловались. Один из них, правда, предложил подъехать к кандидату-одномандатнику Хамзату Саламову, который хотел бы в приватной обстановке перемолвиться парой слов.

Сорокавосемилетний Саламов в высокой папахе — очень представительен. До 1996 года был имамом, заместителем муфтия в местной мечети. Теперь уже несколько лет руководит Фондом по возрождению духовных ценностей, милосердия и нравственности. И оказывается, когда в самом начале «конституционного процесса в республике», в 2002 году, к президенту Путину приезжала делегация из 18 чеченских общественных и религиозных деятелей, чтобы «заронить в его сердце» мысль о том, что чеченскому народу необходима Конституция и, соответственно, референдум, Хамзат в этой делегации занимал не последнее место. И даже предложил Путину сделать 2003 год годом мира и согласия в Чеченской Республике. Тот на словах идею поддержал, но *«ничего так и не произошло, хотя референдум в марте 2003 года, конечно, прошел. А еще Путин потом обещал, что на президентских выборах, “хотя и поддерживает Ахмада Кадырова, даст чеченскому народу сделать свой свободный выбор”. Тогда мы ему поверили, а как он сдержал свое обещание — это все мы знаем»*. Здесь кандидат в депутаты сдержанно смеется и подмигивает. Группа его соратников, присутствующих при разговоре, со знанием дела улыбается и кивает.

«Понимаете, — развивает нехитрую мысль кандидат, — когда знаешь, что все уже расписано, это не дает примирения и согласия. Наоборот, это только усугубляет ситуацию. Вот и с парламентом так же. Нет-нет, фаль-

сификаций не будет. Просто пройдут люди, которые нужны. А что я? Люди меня знают, уважают, но я ведь в мечети к газавату не призывал, я с 1991 года не менялся, а у нас, оказывается, чтобы быть теперь во власти, нужно было объявить сначала газават, повоевать, и потом раскаться, измениться. Знаете, зачем я хотел в парламент? Чтобы поставить на государственном уровне вопрос, что сейчас самое главное не фабрики, заводы и рабочие места, а примирение и согласие... Но чтобы было примирение, власть должна показать, что этого хочет. Показать делом!».

На резонный вопрос, что же именно должна сделать власть с целью продемонстрировать свою готовность содействовать примирению и согласию, Хамзат отвечать отказывается наотрез: *«Я уже и так слишком много сказал. Слишком неосторожно. Мы-то все знаем, что для этого нужно сделать. И Вы, и я, и они вот знают. Но лучше об этом говорить не будем».* Сидящие рядом мужчины согласно кивают.

Сейчас, в последний день «завершающего этапа политического процесса», люди боятся еще сильнее, чем на его первой стадии, в начале 2003 года. Даже тогда говорили откровеннее. Кстати, забегая вперед, вечером 27 ноября с того же 17-го участка в Заводском районе нам сообщили, что бюллетени за кандидата «Единой России» там подбрасывали в урну пачками и совершенно открыто, а Хамзат Саламов, естественно, не прошел. Мы спросили, собирается ли он жаловаться в инстанции, но Хамзат сказал, что не хочет *«усугублять свое и без того тяжелое положение. Сделаешь что неосторожное, и просто прихлопнут».*

Вдоволь насладившись красотами Грозного в день голосования, сфотографировав море разноцветных предвыборных плакатов на пустых улицах, а заодно гордую вывеску магазина «Pierre Cardin» на одном полуразрушенном здании и кофейню «Кофетун (Coffee and Tea House)» — нет, ну совсем как в Москве, даже кофейная чашечка на эмблеме та же — в первом этаже другого не менее побитого дома, сами для себя неожиданно срываемся в горы, в Шатой. Оттуда позвонил знакомый знакомого, кандидат-одномандатник Руслан Демельханов, с криком: *«Здесь будут огромные нарушения! Приезжайте срочно и других привозите!».* И как было не поехать? Тем более, дорога хоть и тяжелая, но от красоты Аргунского ущелья просто дух захватывает, особенно в ясный день.

В райцентре Шатой возле местного избирательного участка (№ 313) районный отдел культуры устроил праздничный концерт. Гитара переключается с гармошкой. Песни распевают самые веселые. И соскучившиеся по развлечениям парни в камуфляже и девушки в ярких кофточках с энтузиазмом отплясывают лезгинку. Председатель сельского избиркома, Комета Касиева, молодая, издерганная бухгалтерша местной админист-

рации, уводит нас из тесной комнатки поговорить «в другой кабинет, чтоб не мешать голосованию». Но в кабинете обстоятельно закусьвают двое российских военнослужащих. Женщины подкладывают им еду в тарелки, подливают чай... В общем, наш с Кометой разговор в ходе чужого обеда получается отрывочным и бессодержательным. Она нервно дергает за кончики свою косынку, бубнит, что явка будет стопроцентной, как всегда, и выборы идут успешно, и *«от парламента люди ждут самого лучшего, мира, справедливости, а вообще, парламентские выборы — самые важные, решающие, потому что без парламента нет закона».* В селе всего 1503 избирателя, из них 502 — российские военнослужащие. Все военные уже, конечно, проголосовали, но и гражданские от них «не отстают». На этой ноте откланиваемся и уходим. Что толку мучить бедную Комету, то и дело переводящую взгляд с нежданных гостей на мерно жующих вояк?..

В Шатойском районе много военных. На постоянной дислокации стоит 2700 человек, считая пограничников и комендатуру. И все они голосуют. Избирателей вместе с ними всего около 10 тысяч. В общем, доля армейских голосов впечатляющая. Плюс на фоне их присутствия люди голосуют активнее. Все прозрачно. Все на виду. И села такие маленькие. Незаметно уклониться от исполнения гражданского долга, как в Грозном, нет никакой возможности. А за уклонение мало ли что будет...

Находим сорвавшего нас с места Руслана Демельханова. В начале войны он стал заместителем главы администрации Шатойского района, а потом, не поладив с начальником, ушел представлять свой район в Госсовете ЧР. Неплохая работа, но ведь как только будет сформирован Парламент, Госсовет распустят. Место в Парламенте Демельханову, вроде, было обещано. Но в последнее время позиции Госсовета сильно ослабли. Председатель этого «предпарламентарного» образования, Таус Джабраилов, который в списке Единой России должен был стоять вторым номером, вообще оказался не у дел и даже, как поговаривает вся Чечня — скорость слуха быстрее скорости звука — был бит Рамзаном Кадыровым по лицу за некоторые всплывшие несанкционированные махинации. Короче, Демельханов больше ни в чем не уверен, и на «его» место из центра активно пытаются протолкнуть Розу Исаеву, адвоката и, главное, вдову первого председателя Госсовета ЧР, Хусейна Исаева, погибшего во время взрыва Дома Правительства в 2002 году.

Демельханов возмущен сложившейся ситуацией: *«Мне фактически сказали — зря ты туда лезешь, уходи лучше. Но я этого так не оставлю! Вон Тауса из списка «Единой России» вычеркнули, а еще один наш член Госсовета, Алауди Селимгериев, сначала в список попал, а потом раз — и нет его имени. Он приходит: мол, как же так, конференция же меня утвердила, а*

ему говорят: “Слушай, ты в СПС сходи. Пусть они тебя встают”. Нет, я-то буду разбираться. Я уже и с военными встречался, и с комендантом, и с командиром пограничников, и с начальником ФСБ. Я им всем сказал — мне нужны честные выборы. Я сказал, что есть информация: когда свезут протоколы со всех участков, их подделают в территориальной комиссии. И они, кажется, поняли. Вот, кстати, смотрите, все пограничники за меня уже проголосовали... Видите, копия протокола?».

Вряд ли помощь Демельханову в достижении новых договоренностей входит в наши задачи. Он и без нас справится. А если не справится, значит — не судьба. Едем дальше по району. Помятой, Урдохой... Маленькие села с забавными названиями. Время уже к четырем. Глава общей администрации Урдохоя, Соты и Юкерчь-Килоя, Хамид Мансураев, сидит на участке № 317: *«Здесь все замечательно. Всего 182 избирателя, а 166 уже проголосовало. Мы как на референдуме включились, так во всех выборах активно участвуем. На референдуме, между прочим, первое место по району заняли, и нам за это был денежный презент. Парламент — это очень нужно. Ведь с ним и закон будет. А сейчас скажешь одному: “Что ж ты делаешь?” А он тебе: “Я только Путину подчиняюсь!” или “Я только Рамзану подчиняюсь!”... А самая популярная партия у нас — “Единая Россия”, потому что с самого начала с нами была, еще с тех пор, когда в 2000 году сюда российские войска вошли...»*

Уже затемно, вместо того чтобы возвращаться назад в город, заехали в село Улус-Керт. Живет там около 600 человек, и стоит оно совсем на отшибе. Не знаю, какая вожжа нам под хвост попала.

Когда-то, до первой войны, дороги здесь были широкие и ровные. Очень широкие и очень ровные. По ним огромные БелАЗы тянулись в горы — к Ярыш-Марды, к Дачу-Борзою, к Улус-Керту — и возвращались обратно в Чири-Юрт, груженные доломитом для Чеченского цементного комбината. Но комбинат был разрушен в мае 1995-го — его неделю «утюжила» артиллерия группировки Шаманова с противоположного берега Аргуна, — и теперь от него остался лишь силуэт. Предприятие, дававшее работу людям из Шалинского, Урус-Мартановского, Грозненского и Шатойского районов, встало. За десять лет грунтовые дороги размыло...

Впрочем, пешему достаточно тропы. Один раз здесь пытались пройти — и прошли — боевики Хаттаба. 31 марта 2000 г., пройдя через боевые порядки уничтоженной в многочасовом бою шестой роты псковских десантников, они вырвались из «мешка» в Аргунском ущелье и растворились в горах Восточной Чечни, Ичкерии. Быстрой победы не получилось. Хаттаба отравили через два года, в апреле 2002-го, а война в этой «горнолесистой местности» все продолжается...

По темным дорогам ездить небезопасно, а уж по темному бездорожью, в медвежьем углу... Но вроде накануне кто-то говорил, что неблагополучно в этом селе, не в плане выборов, а вообще — нехорошо. А не были мы там никогда раньше. И хотели, наверное, после целого дня бессмысленной чехарды поговорить не про выборы... Долго плутали, но все-таки добрались.

Глава администрации, Зулай Весингериева, совсем немолодая, плотная тетка в черном платке в недоумении посмотрела на появившихся из темноты москвичей: *«Это ж надо, и совсем в ночи! Проходите в дом!»*. В натопленной комнате на диване скрючилась крохотная древняя старуха в пестром халате. При виде гостей встрепенулась, что-то прокричала почеченски. Зулай ответила ей в самое ухо. Та закивала, прокричала еще что-то и сдвинулась на угол дивана, указывая костлявым пальцем на освободившееся место рядом с собой. Зулай улыбнулась: *«Вы вошли, она сказала — не чеченцы. Я объяснила, что с Москвы. Она говорит: “Ничего, русские не хуже чеченцев. Пускай садятся”*. Это мама моя. Она 1895 года рождения. Почти не слышит совсем и видит плохо, но в разуме и поговорить любит. Только кричит громко. Потому что сама не слышит. Вы садитесь, вон она показывает...»

110 лет. Революция, война, депортация, возвращение, война, снова война... Сколько выпало одному человеку, сколько пережила эта старуха. И — *«русские не хуже чеченцев. Пусть садятся»*...

Размещаемся на диване. Бабушка удовлетворенно кивает, снова обращается к дочери — на этот раз требует накормить гостей. Долго отказываемся, ссылаясь на позднее время и необходимость возвращаться в город. Нам бы задать всего пару вопросов...

«Вы, наверное, хотите узнать про выборы?» — кивает Зулай. — *«Давайте я сама скажу, как думаю, ладно? Сегодня для нас очень сложное время. Шесть лет войны — это не так мало. Знаете, референдум — это была большая ошибка России. Я это сейчас понимаю. А тогда мы его проводили, потому что так хотелось верить в хорошее. Меня в самом начале войны люди сами попросили встать во главе села. Они меня выдвинули. Ведь я их детей в школе учила и лечила их. Врача-то здесь нет, сама наловчилась как-то. Нужна я им. И я согласилась. Людей же надо защитить. Возглавила село. Меня спрашивали: “Зулай, нам нужно голосовать?”. И я отвечала: “Конечно, нужно!” Мне говорили: “«Мы ж не знаем, за кого голосовать, ты за нас галочку поставь!” И я объясняла, делала. А сейчас думаю: неужели мы не могли подождать эти шесть лет, посмотреть, понять, как правильно, а потом уже сделать настоящий выбор?»*

Зачем мы спешили? Ведь как все было? Глава района в администрации сел указания дает, кого надо чтобы выбрали. И мы всегда слушались. Мы за

Путина голосовали. Пусть! Лишь бы война кончилась! Потом за Аслаханова голосовали, чтоб он в Думе сидел. Да пусть сидит, какая разница! Назначили референдум. Люди вообще не знали, что это. Я и сама не знала, хотя с высшим образованием. Потом рассказали что-то, и я подумала — республике, правда, нужна Конституция. Но ведь своя была нужна, чеченская, а эта называется «Конституция Чеченской Республики», но в ней много нечеченского, понимаете? Ее не мы писали. Вот, матери моей в ее сто с чем-то лет, думаете, ей нужен референдум? Ее три раза за жизнь выселяли из Улус-Керта, и три раза она возвращалась. Что ей нужно? Чтобы дома жить. Чтобы рядом дети и внуки. Чтоб не убивали никого. Чтоб бомбы с неба не сыпались. Зачем ей референдум?.. Ладно. Тогда проголосовали. Думали, прекратятся похищения людей, убийства. А у меня сына после референдума убили, и других парней убивали...

После референдума — президентские выборы. Мы всем селом хотели за Малика Сайдуллаева голосовать. Настроились. Пусть он из Москвы, но у него бизнес, деньги, он поможет республике. Так нет, убрали Малика. Мы подумали — тогда за Абдуллу Бугаева проголосуем. Он коммунист, идеологический человек. Может, с ним будет лучше, может, все вернет на свои места... А нам говорят: “За Кадырова надо...” Проголосовали. Может, если бы ему дали дожить до этого времени, он бы что-то исправил, но увидели, что он по своему пути пошел, и его убрали. И снова выборы. А теперь — парламент. Все уже распределено по кланам, по родственникам. В моем селе от этого ничего не изменится. И я не буду больше для этого ничего делать. Нет у меня ни веры, ни желания, что что-то улучшится.

У нас в селе только за эту войну 40 ребят погибло. И мне неважно, кто боевик, “кадыровец”, “басаевец”! Это молодой парень убит, а он жить должен!

Про нас говорят — террористы, экстремисты... Да нас сделали такими. У меня в селе 104 ребенка. Что они видели кроме войны, автоматов, бомбежек! Каждую ночь с полуночи до шести утра вокруг села бомбят. А они так растут. И ничего нет. Даже школы нет.

Я вам все это говорю, потому что просто хочу, чтобы вы рассказали о нас, — это село видело столько горя.

В 1999 году мы остались в селе — не верили, что Россия с нами такое сделает. С беженцами вместе нас было 1700 человек. И 24 ноября село закрыли. Мы голодали, а нас не выпускали из Улус-Керта. Мы сидели по подвалам. Матери кормили детей кукурузными зернами...

18 января первая ракета в пять утра упала на мой дом. Погиб отец, двоюродный брат с женой (у них годовалый ребенок остался)... Я как глава села работаю с федеральной властью в Чечне, но я чеченка, и такую несправедливость невозможно видеть.

8 февраля нам дали три часа, чтобы выйти из села. До Чири-Юрта было идти 19 километров пешком, и матери с детьми бежали, двигалась колонна, а на нас летели бомбы. Когда 5 апреля мы сюда вернулись, здесь не было ни одного целого дома. Тут месиво было. Мы больше 200 голов убитого скота вывезли из села. И с тех пор от этой власти, которую мы раз за разом выбираем, мы ничего не видим.

У меня война убила отца, мужа, сына. Только один сын со мной остался, и я его из дома не выпускаю, чтобы не убили, не сожгли, не украли. Когда крадут людей, может, кто из них что-то и сделал, но ведь и невинных так много...

Я глава этой общины. За мной стоит 611 человек. И нам плохо! Может, и есть какие-то чеченцы, которым хорошо, но нам — плохо. А те, которым хорошо, живут, наверное, в Москве, и дети у них в школу ходят. А у нас кто растет? 104 бандита? Без школы, без всего! И Россия еще получит это поколение! А потом что, опять война?

Я хочу, чтобы вы все это повторили, от моего имени. Я за свое село говорю, нам плохо!

Нас называют регионом России, но ничего же нет! Если убивают чеченца, ничего не происходит. Ни суда, ни прокуратуры реально нет. И никакой помощи. Мы дорогу сами делаем — с лопатами выходим. Сами газ провели.

Если бы Россия захотела, у нас была бы другая жизнь. И никакой иностранной гуманитарной помощи было бы не нужно. Если бы Россия сказала — ну, бомбили мы вас, ну, может, ошиблись, но давайте помиримся. Давайте, мы вам поможем восстановиться, определиться. Вы наш язык знаете, культуру. Мы легко друг друга поймем. Почему России не протянуть нам руку?

Нам все равно, с кем мы будем — с Россией, с Индией, с Америкой! Мы просто хотим жить на этом клочке земли. Мы не просим, чтобы богато жить, хоромы себе строить. Нам очень мало надо — в лес ходить, от него кормиться, как раньше, держать огород, скотину... А пока единственная действительность в том, что, действительно, убивают людей».

27 ноября 2005 г. в Чечне прошли парламентские выборы. Прошли в атмосфере тотального страха. Непрекращающееся в республике насилие не оставляло никаких шансов на то, что эти выборы хоть в минимальной степени будут честными и свободными. Но организаторов «политического процесса» это не остановило. Проводимая на протяжении последних нескольких лет последовательная имитация избирательного процесса вкупе с политикой «чеченизации» конфликта не служат стабилизации ситуации, а, напротив, лишь усугубляют затяжной кризис и способствуют продолжению кровопролития.

Партии и кандидаты, сегодня оказавшиеся в свежеепеченном парламенте, замалчивали самые важные для жителей республики проблемы. Они не говорили о том, что людей похищают силовики, о том, что преступления не расследуются, о том, что в Чечне продолжают убивать, и если не остановиться, не начать поиск новых решений, еще один виток войны неизбежен. Некоторые молчали потому, что в ситуации истинного урегулирования конфликта они потеряют свои привилегии. Некоторые — потому что боялись за свою безопасность, за безопасность своих близких.

Зулай Весингериева больше не смогла молчать. Почему она заговорила именно сейчас? Может, от усталости. Может, от отчаянья. Скажу одно: она не просила у нас ничего, кроме одного, — чтобы мы передали ее слова другим и обязательно назвали ее по имени.

Такие обещания страшно выполнять, но не выполнить нельзя. Может быть, ее смелость послужит ей защитой. Сегодня, после 11 лет почти непрерывной войны, в Чечне остается все меньше людей, которые не боятся говорить правду. Но пока есть такие люди, есть и надежда, что их услышат и что-то изменится.

27 ноября 2005 г.

Обманчивая тишина

В марте 2006 года истекает мандат Альваро Хиль-Роблеса, первого Комиссара Совета Европы по правам человека, занимавшего это кресло шесть лет.

В зону ответственности Комиссара входили четыре десятка государств — членов Совета Европы, и все эти годы Роблес перемещался из страны в страну со скоростью звука, ни одну не обделив вниманием. Не в ущерб другим, но с особым интересом работал в России. А точнее — в Чечне. Впервые приехав в республику еще в 1999 году, в самом начале второй войны, Роблес буквально заболел чеченской проблемой и до самого последнего дня пытался в рамках своего мандата сделать хоть что-нибудь.

Многие правозащитники и эксперты обвиняли Комиссара в излишней склонности к компромиссам, в чрезмерных уступках российскому правительству, в неадекватной оценке ситуации, в неуместном заигрывании с Путиным. Да и сама я об этом неоднократно писала и говорила ему при встрече, и упрекала в том, что глава о Чечне в его последнем, составленном в 2005 году, докладе о ситуации с правами человека в Российской Федерации откровенно играет на руку властям. Высоченный испанец картинно разводил руками и рокотал, что такая позиция открывает ему две-

ри в кабинеты чиновников самого высокого уровня, вплоть до президента, и дает хоть какие-то возможности. И если бы не эти компромиссы, от присутствия Совета Европы в Чечне вообще бы ничего не осталось. А так он и семинары проводит, и своего представителя в Грозном посадил, и с Генеральным прокурором РФ, и с чеченским официозом по вопросу похищения людей в Чечне встречается регулярно... Он заговорщически улыбался. И хотя такого уровня компромисс продолжал мне казаться абсолютно недопустимым, неприемлемым, вредным, в искреннем желании Комиссара помочь не оставалось сомнений.

Последний раз Роблес приезжал в Чечню в самом конце февраля 2006 года, выступив в качестве проводника для своего преемника, шведа Томаса Хаммарберга, когда-то возглавлявшего «Международную Амнистию». Он знакомил Хаммарберга с чеченским президентом и правительством, вводил в курс дел. Параллельно беседовал с журналистами — от прессы никуда не денешься.

И вот тут-то и произошла странная коллизия.

В Грозном, после встречи с Алу Алхановым, Комиссар вроде бы заявил журналистам, комментируя свою позицию в отношении боевиков: *«Необходимо покончить с вооруженной борьбой, необходимо сложить оружие. Я к этому их призываю... Нужно наконец-то научиться строить мирную жизнь, строить мирное будущее своей республики... За шесть лет я много раз бывал в Чеченской республике. Первый раз я приехал сюда осенью 1999 года, когда шли военные действия. Работали пушки, орудия. Сегодня шума орудий нет. Война в Чеченской республике закончилась»*. Эта ремарка, процитированная Интерфаксом, разошлась по всем информационным агентствам.

Но буквально в том же день в интервью Радио «Свобода» все тот же Роблес сказал нечто совершенно противоположное: *«Ситуация в Чечне свидетельствует о том, что война здесь не закончилась. Руководство должно прежде всего решить проблему похищения людей»*.

Так получилось, что мне на глаза сначала попало именно последняя, растиражированная «Свободой», цитата. Помню, даже подумала мельком: «Сразу видно, Комиссар уходит», — в последние дни в должности европейские официальные лица частенько позволяют себе такую великую роскошь, как сказать то, что думают на самом деле. Стоит вспомнить, например, Фрэнка Джадда в бытность его вместе с Рогозиным руководителем комиссии Государственной Думы и Парламентской Ассамблеи Совета Европы по Чечне. Мы с коллегами до хрипоты ругали английского лорда за бесчисленные компромиссы, но, собравшись уходить, адмирал Джадд заговорил совсем по-другому. Теперь если послушать, как он

на заседаниях ПАСЕ рассуждает о Чечне, — более жесткого критика тяжело найти.

Но в тот день у меня в конторе начал буквально разрываться телефон — журналисты, иностранные коллеги звонили, чтобы обсудить утверждение Роблеса, что в Чечне больше нет войны. Я пыталась было спорить — он же сказал обратное! О чем речь? Наверное, в том, другом сообщении просто опечатка... А потом поняла: нет опечатки в сообщении Интерфакса. И на «Свободе» тоже все верно. Комиссар сказал и то, и другое. Для него и то, и другое — правда.

Собственно, все рассуждения Роблеса о Чечне последних нескольких лет, его настойчивые утверждения, что положение в республике улучшается, построены ровно на одном: **фаза активных военных действий закончена**. Больше не рвутся снаряды. Нет массированных обстрелов. И это само по себе хорошо. Любой, кто сравнит положение в республике зимой 1999—2000 годов с ситуацией нынешней, не сможет не признать — стало лучше. Или, по крайней мере, стало по-другому.

Да что там 1999—2000 годы!

Сама я в Чечню первый раз приехала в 2003-м. Грозный лежал в руинах. После захода солнца стреляли непрерывно. Ночь и тишина были понятиями настолько несовместимыми, что если в течение десяти минут не звучало ни одного выстрела, ты буквально ошестинивался ожиданием — что-то не так, что-то неладно...

Сейчас по ночам тихо. И от звука разрывающей воздух автоматной очереди иногда даже вздрагиваешь непроизвольно. Дома по большей части не восстановили, но основные завалы разгребли. И в самом центре даже отстроили несколько красивых помпезных зданий. А бульвар, что идет посреди проспекта Победы, выложили красивой плиткой и круглые фонари поставили, буквально как на Старом Арбате. В декабре прошлого года даже высадили серебристые елки (правда, не приживутся — кто же в здравом уме и трезвой памяти сажены зимой сажает?), а в пустые глазницы разрушенных домов для пушек красы стеклопакеты вставили (интересно, как же эти разбитые коробки потом восстанавливать собираются, когда стекла есть, а половины стен нет, но это отдельный вопрос...). Так или иначе, когда сегодня попадаешь в центр Грозного и вспоминаешь, как здесь было последние несколько лет, нынешние новшества, безусловно, впечатляют... Иногда ловишь себя на том, что радуешься как ребенок: ой, а здесь фасад залатали, ой, а тут светофор на перекрестке поставили...

Вот и Роблес тоже радуется, ничуть не сомневаюсь. Люди ходят, машины ездят, студенты учатся... Да и с точки зрения статистики бесслед-

ных исчезновений меньше. Не только по официальным оценкам — даже по данным независимых организаций. Таким образом, *«война в Чеченской республике закончилась»*.

Только тому же Роблесу очевидно: продолжают похищения людей, виновные не несут наказания, уровень насилия крайне высок. А значит — само с языка срывается — *«война здесь не закончилась»*. Но такое утверждение для Комиссара — редкость. Отсутствие бомбежек и наличие хоть каких-то признаков жизни для него перевешивают все остальное.

И здесь кроется основная ошибка. Роблес выбрал неверную точку отсчета. Нельзя сравнивать несравнимое. Нельзя рассматривать в одной плоскости ситуацию активных боевых действий и ситуацию партизанской войны. То, что происходит сегодня в Чечне, действительно, не есть война в обычном смысле этого слова. Но — в другом смысле — это даже нечто худшее: рутинное насилие и страх, которым не видно конца.

Хотя сегодня в Чечне стреляют меньше, люди боятся. Боятся даже больше, чем несколько лет назад. «Чеченизация» конфликта, при которой общество стало прозрачным для силовых структур (теперь уже не федеральных, а местных), сделала жителей республики более уязвимыми. За большинством похищений сейчас стоят «кадыровцы» и им подобные. И если человека похищают, его родственники, как правило, не подают жалобы в официальные инстанции. Они даже отказываются говорить о случившемся из страха, что пострадают и другие члены семьи. И потому что надеются договориться, заплатить выкуп. Коллеги из «Мемориала», работающие в Чечне с начала войны, отмечают, что теперь, когда «мемориальцы» узнают о похищении человека и выезжают на место, до трети респондентов в сельской местности и свыше двух третей в Грозном отказываются говорить о том, что произошло. А из согласившихся рассказать подавляющее большинство не идет ни в милицию, ни в прокуратуру. Боятся.

Да, бесследных исчезновений стало меньше. Но людей освобождают благодаря «договоренностям» и деньгам.

Недавно в новеньком, с иголки, чеченском парламенте я встречалась с Магомедом Хамбиевым, бывшим ичкерийским министром обороны, прошедшим в законодательное собрание Чечни от партии СПС. Сейчас он замглавы только что созданной парламентской комиссии по пропавшим без вести. На вопросы о том, как будет работать комиссия и что он планирует сделать, Хамбиев отвечал так: *«У нас нет ни одного человека, найденного через правоохранительные органы. Когда кого-то находят, это договариваются. Я тоже могу выйти, договориться по-чеченски. Я так за последние полтора года уже многих освободил. Но это же по-человечески, а не через органы... Как работать будем?.. Когда я еще там (в горах — Т.Л.)*

ходил, меня спрашивали: “Какая тактика у вашей войны?” А я отвечал: “Чтобы понять тактику чеченской войны, нужно быть чеченцем!” И здесь так же. Я буду сам работать. И как это будет, вам сейчас рассказывать не стану — не поймете все равно... И если про безопасность, про свидетелей — Парламент ничего не может обеспечить. Но я многих знаю. Есть моя личная гарантия. Могу по-чеченски приказать, чтобы конкретного человека не трогали, и его не тронут».

Трудно сказать, насколько эффективна «личная гарантия» Хамбиева. В любом случае, к правовым механизмам, к нормальной жизни все это не имеет ни малейшего отношения. И по поводу всех и каждого из похищенных не договоришься, какие бы ни были связи. Тем более, уже вполне укоренилась практика фальсификации уголовных дел. Некоторые похищенные обнаруживаются через несколько дней или недель в местах содержания под стражей, причем уже после того, как они под пытками подписали признания в преступлениях террористического характера.

В феврале этого года в Шелковском районе Чечни случайно встретились с Ибрагимом Вараевым. Парня вместе с младшим братом похитили ночью из дома. Ибрагина отпустили исключительно благодаря усилиям родных и близкому знакомству с начальником милиции района. Только вот его брату, Тимуру, повезло значительно меньше. Он был признан соучастником обстрела Шелковского РОВД и осужден на 11 лет. Обстрел осуществила некая группа вооруженных людей еще 30 августа 2003 г. А почти годом позже, 6 августа 2004 г., незадолго до алхановских выборов, в Шелковском районе по этому делу, кроме братьев Вараевых, было задержано еще шесть человек: Раджи Бечеркаев, Хан-Паша Аминхаджиев, Хан-Паша Джонховатов, Ахмед Асхабов, Семен Уманцев и Руслан Эльмурзаев. Их доставили в изолятор ОРБ-2 в Грозном и жестоко пытали.

ОРБ, Оперативно-розыскное бюро (оно же — РУБОП, оно же — «шестой отдел») — очень странное заведение, и изолятора временного содержания по закону там быть не должно. В ОРБ задержанные находятся в полной власти оперативников. Против этого выступали и правозащитники, и чиновники, вплоть до того же Роблеса — но в итоге это незаконное место содержания людей лишь постарались узаконить на бумаге.

В ОРБ-2 от всех требовали одного: признания в совершении нападения на Шелковской РОВД. Через сутки Ибрагима Вараева и Ахмеда Асхабова, по выражению Ибрагима, «погрузили в машину, а потом выкинули, как барашков». Остальные шестеро 19 декабря 2006 г. в Грозном 11 годам заключения.

Ибрагим — один из немногих, кто сегодня в Чечне осмеливается говорить. Наверное, потому, что не видит для себя другого выхода, ведь

он «легко отделался», а брата посадили, и вряд ли тот когда-нибудь выйдет живым: «Они все делали. Били, ток пускали, сигаретами жгли. У меня до сих пор шрамы остались. Мне говорили: “«Две статьи на себя возьми. Легче будет. Все равно вы все от 10 до 15 лет получите». Палец клещами зажимали, говорили, что отрежут и спишут на огнестрел. Они орал: “«Путин нам не закон! Подписывайте, давайте!”». А я ничего не подписал. Отказался. И на следующий день нас с Ахмедом выбросили... Оказывается, начальник РОВД наш очень помог. Перед тем, как в машину погрузить, мне контракт подсунили, что вечно буду с ними сотрудничать. Но я и его не подписал. Вечно, говорю, не бывает. И что мне с вами сотрудничать? Чем я вам обязан? Все равно выкинули. Только сказали: “«Будешь болтать о том, что здесь было, по-любому найдем и свои 15 лет получишь!»... Я за брата ручаюсь. Он не имел к этому отношения. И другие... На суд свидетелями приходили сотрудники уголовного розыска и говорили — это не они, другие нападали. Хамзат Акбулатов из УГРО, а он сам потерпевший, у него табельное оружие забрали, сказал: “Точно не они. Я этих ребят ростом выше, а те — здоровее меня были”... И все равно! Целый месяц парни в ОРБ сидели. Им ни еды, ни питья не давали, но иногда — конфеты и печенье, потому что от глюкозы и если без жидкости синяки лучше сходят. Брат и остальные сейчас в тюрьме Чернокозово. Я писал в аппарат президента, везде. Но это как крик — в эхо, в темноту, и все».

Сейчас в Чечне не так много стреляют. И Грозный хоть и страшен, но не так, как пару лет назад. Но то, что происходит сейчас, тоже чудовищно и тоже невыносимо. Только — по-другому. Ужас боевых действий гораздо очевиднее, чем кошмар сегодняшнего дня. Тишина обманывает. Роблес в силу своего «чеченского опыта» не может не сравнивать. Не только дипломатический политес, но и неотвязная память о грохоте разрывающихся снарядов заставляет его говорить о том, что жизнь в регионе понемногу нормализуется. Подобная ошибка восприятия понятна и избежать ее тяжело.

Но может, к лучшему, что новый Комиссар, Томас Хаммарберг, не видел Чечню в начале войны. Для него точкой отсчета будет то, что происходит здесь и сейчас. И хочется надеяться, что он не будет обманываться относительной тишиной.

Кстати, одна грозненская подруга мне говорила, что в масхадовский период поначалу стреляли очень активно, а потом, уже в 1999-м, наступило затишье. Берегли патроны...

21 марта 2006 г.

Светлое настоящее. Чечня, весна-2006

Весна в Грозном — время странное, шемящее. Краткосрочное чудо. Короткая передышка. Зимняя грязь подсохла, пыль еще не поднялась, сырость и промозглый ветер исчезли, затаились до ноября, удушающая жара пока не накатила. Мертвые остовы домов, необъятные свалки обволакиваются первой, нежно-салатовой листвой. Черные проломы в стенах занавешены гроздьями цветов. На пару недель город становится неожиданно, волшебным красивым...

Впрочем, центральная улица, проспект Победы, сегодня даже не нуждается в драпировке.

Кстати, интересно, какой победы? Чьей? Черт ногу сломит в этих местах! Вот неподалеку, на площади, где стоит под круглосуточной охраной памятник Ахмат-Хаджи Кадырову работы Зураба Церетели, горит вечный огонь. Рядом на каменной плите высечена надпись: «Погибшим за истину». Интересно, за какую именно истину?

Проспект сияет восстановленными, свежепокрашенными зданиями... Или хотя бы фасадами. Вот, стоит дом — воплощенное совершенство: балкончики, виньетки, застекленные окна. А сзади зайдешь — пустота, даже стены не отстроены. Но по эту сторону фасада — чисто выметенный, мощеный плиткой бульвар и даже цирк-шапито.

В городе никто не сомневается: этому не обусловленному природой и погодой счастью грозненцы обязаны лично Рамзану Кадырову, не так давно назначенному премьер-министром республики. Это все он — молодой харизматичный лидер, который скоро станет президентом.

Вечером, сидя на кухне, включаешь чеченские новости — везде он, Рамзан Кадыров.

Вот он инспектирует федеральные посты: «Здесь убрать, здесь покрасить, нечего грязь разводить на наших дорогах!».

Вот на заседании местного отделения «Единой России» грозитя закрыть федеральное оперативно-розыскное бюро — ОРБ-2, которое ему не подчиняется и на территории которого из похищенных людей выбивают показания в содействии террористам. Так-то оно так, только бойцы самого Рамзана этими методами, судя по всему, тоже отнюдь не брезгуют...

Вот открывает очередной строительный объект, разрезает красную ленточку, кусочек кладет в карман и ножницы прибирает тоже — оказывается, у него дома коллекция.

Вот с неожиданным визитом приезжает в школу № 7. Детишки бросаются к нему с объятиями. Он обещает отстроить детскую площадку. Учительницы счастливо улыбаются. Идиллия.

Вот Кадыров инспектирует милицию. Сотрудники выстраиваются во дворе. Он благосклонно оглядывает строй: «Что вам надо, чтобы хорошо работать? Компьютеров не хватает? Сколько? Шесть? Нужно вам шесть компьютеров — будет десять!». Приносят десять компьютеров.

С последним сюжетом, правда, не все слава Богу. Пару дней назад одна девочка рассказывала: «Сестра у меня в МВД работает. Так она говорила — недавно к ним в отдел начальник прибежал, сказал, что едет Рамзан Кадыров с инспекцией. Роздал всем сотрудникам новенькие плакаты с портретами Рамзана, сказал, чтобы срочно поразвесили, и не только в комнате для совещаний, нет — чтоб у каждого над столом висел портрет. Ну, развесили, конечно, куда денешься... Приехал Кадыров, смотрит — повсюду он, любимый. Обрадовался, расщедрился. Молодцы, говорит! Так держать! Что хотите, что просите? Все для вас сделаю. Начальнику машину подарил, его замам тоже. К столу одной девчонки подошел — смотрит, там и портрет его отца, и его собственный. Растрогался. Компьютер ей новенький с барского плеча! Еще несколько сотрудников компьютерами одарил. Уехал. Тут все как кинутся эти портреты дурацкие снимать — бросили в кучу во дворе и сожгли! Я вот думаю: к нам бы он приехал, что ли?.. Ну, повисит портрет полчаса, зато компьютер нормальный будет!»

Но такой скептицизм сейчас — отнюдь не норма жизни. Знакомый парень, бывший боевик, честь по чести амнистированный, объясняет с подкупающей убежденностью: «Я за Кадырова не был. Наоборот. Ты про меня знаешь. Но сейчас вижу, как все меняется в городе, по главной улице пройти не стыдно. И — какой еще президент столько для народа делал? Да ни один не делал! При ком зарплат, пенсии платили? При ком дороги, мосты строили? Он первый такой! Как бы ни делал, но — делает. И его уважают. Другого — нет!»

А вот чеченский общественник, руководитель местной правозащитной организации, которого я знаю года четыре и от которого о Кадыровых — и об отце, и о сыне — слышала за это время много нелестных слов, объясняет положение дел с ясностью просто чеканной: «Рамзан Кадыров... Я могу не любить этого человека. Я помню, кто он и что он делал. Все нехорошее, что было в прошлом. Но сейчас такой момент, что люди, видя, что Кадыров что-то для всех делает, многое готовы простить. Вот то, как он говорит: “Сейчас тут только фундамент, но через неделю дом должен быть!” И начинается строительство. Это чеченцам нравится. Они это понимают, его за это любят. Как он на блокпосты приходит и распоряжается... Слышат, наконец, голос настоящего мужчины, чеченца. Он командует, он все решает. Его слушают. И в центре города такое восстановление. Ну, конечно, это все не по закону происходит. И ты слышала, да? По ранжиру облагают: ты 10 тысяч плати, а ты 150... И все платят,

и учителя, и врачи, и милиционеры. Про бизнесменов и не говорю. Но это ведь как — у нас безработица, и люди видят, если милиционер 15 тысяч получает, а у тебя ничего нет, так пусть он тысячу-две отдаст, зато по бульвару теперь пройти приятно. Или вот, вскрылось захоронение в парке Кирова, где этот, развлекательный комплекс строят, — ужасно, да? Кошунство, конечно, с одной стороны, но с другой — снова детишки будут гулять...»

Система поборов устроена достаточно разумно. Больше всего платят бизнесмены. Поменьше — сотрудники милиции и чиновники. Учителя с врачами — самую малость. И люди на это готовы. Лишь бы что-то делалось, что-то строилось. Им хочется жить.

Собеседник продолжает: *«Ситуация неоднозначная. Много меняется к лучшему. И люди сейчас осмелели. Они делают то, что раньше было слишком страшно. Подписывают обращение по делу Ульмана, даже выходят на улицы. Сейчас гораздо больше, чем раньше, можно сделать по правам человека... По разным вопросам: по судам, как с Ульманом, и по проблемам бюджета, социальным проблемам. Москва выделила на этот год мало денег, и мы протестуем. И в правительстве, в парламенте такую работу общественных организаций принимают. Она им понятна, полезна даже: ведь мы по этим вопросам — судам, бюджету, социальной сфере — можем сказать и говорим то, что они хотят сказать, но не могут...»*

Все так. И возразить нечего. Определенный консенсус между властью и народонаселением явно грядет. И это — консенсус против «федералов». Можно кричать о необходимости привести к ответственности российских военных. Можно настаивать, что Чечню разрушила Москва, и теперь Москва — должна. Действительно, должна. Кто бы спорил.

Только вот последние пару лет похищают и истязают людей все больше не федералы, а пресловутые «кадыровцы». Но вот про них слова молвить не решается никто.

Знакомый разводит руками: *«Ты говоришь, мы не выступаем против того, что делают “кадыровцы”. Но этого мы не можем. Есть границы. Нельзя говорить всю правду, но можно говорить правду в пределах допустимого. Против этих, из антитеррористических центров, АТЦшников, мы ничего не в состоянии сделать. И никто — ни правительство, ни парламент здесь ничего не могут. Это разве что Путин и Кадыров могут приказать. В смысле Кадыров им приказать. Ну, а Путин сказать Кадырову: “Слушай, Рамзан, сделай так, чтобы этого человека отпустили...” Ну, я преувеличиваю, конечно, но что-то такое, да?»*

Против АТЦшников точно никто не попреет. Они не только и не столько противостоят боевикам. Они борются с наркоманией. Громят ларьки, где торгуют алкоголем.

Подружка рассказывала анекдотическую историю: *«Когда Рамзан сухой закон объявил, меня муж вечером как раз за бутылкой послал. Я идти не хотела, но он достал совсем. Прихожу в магазин, где всегда беру, а там — ужас! Все разгромлено, переломано, битые бутылки валяются, пол осколками засыпан. Рядом хозяин стоит, о стенку оперевшись. Мрачный такой. Ну, я руками развожу: “Ой, — говорю, — вы мне, может, хоть один пузырь отпустите, а то ведь муж разведется, из дома выгонит!” Я-то шутила, а он молча идет по обломкам прилавка, где-то внизу пошуровал и раз — бутылку мне протягивает. Наверное, подумал — раз такие дела, пусть хоть один покупатель будет!»*

«Борьба за традиционные ценности» в Чечне идет сегодня крайне жесткая. Но еще жестче — «борьба за нравственность». Она не сводится к тому, что у девушек отнимают мобильники, потому как аморалка. Или к тому, что на них надевают косынки, — кстати, на чеченском телевидении все ведущие теперь с покрытой головой, и госслужащие женского пола тоже вынуждены придерживаться линии партии и правительства. Этим дело не ограничивается. Тех, кто «пошел против нравственности», — или хотя бы в этом подозревается — могут наказать всерьез.

Вот совсем недавно в Аргуне двадцатилетнюю женщину, Малику, заподозрили в том, что она изменила мужу с «федералом». Ее забрали из дома вооруженные «кадыровцы». Малика их всех хорошо знала — они вместе росли, учились... Парни затолкали ее с машину и привезли на территорию комендатуры, где размещаются и военные, и аргунское АТЦ, и местное отделение милиции. Ее заволокли в помещение АТЦ. Дальше она сама расскажет...

«Они сначала обрили меня, и волосы налысо, и брови. Потом сорвали одежду и стали бить — дубинками, илангой... Кричали: “Ты проститутка, ты с русским была”. Снимали все на мобильные. Били и кричали: “Скажи, что тебя зовут Наташа, что ты уехала с Сергеем”... Я плакала: “Малика меня зовут! Я никакого Сергея не знаю... Я не уезжала ни с кем! Я, вообще, нигде не была, кроме Хасавюрта, и там только на базаре”... Но они так били страшно, заставляли сказать. И я сказала, а они все сняли. И крест зеленой на голове нарисовали... Кричали, что я забеременела от русского. Это все муж наговорил... А я от мужа беременна была. Но они по животу били... Десять человек били. То один, то другой...». Малика плачет...

Потом ей отдали одежду, снова затолкали в машину и отвезли во двор мужа. Там ее снова били на глазах у собравшихся на шум соседей, пинали ногами, оскорбляли. Из дома вышла свекровь. Сказала кадыровцам: *«У нас уже все хорошо. Внучка с нами. Спасибо, что помогли...»* и ушла. Малику вывезли на машине на федеральную трассу и сказали ей, что лю-

бого, кто машину остановит, чтобы подобрать такую проститутку, — убьют на месте. Правда, никто и не останавливался... Но потом подъехал на машине ее двоюродный брат. АТЦшники сказали: «Если твоя сестра, то забирай...». Тот привез Малику к отцу. А видеозапись с обритой, измазанной зеленкой, избитой Маликой, кричащей: «*Меня зовут Наташа! Я уехала с Сергеем!*», к тому времени уже пересылалась с одного мобильника на другой, обошла весь Аргун, добралась и до Грозного.

Подобное ведь уже было — хроникальные кадры из Франции, Италии или Восточной Европы, годы эдак 1944-1945, или художественные ленты о том же времени. Народная «борьба с коллаборационистами и пособниками оккупантов»... Только — происходит все это сегодня, в одном из субъектов Российской Федерации, на сегодняшний день стоящей во главе Совета Европы и Большой Восьмерки.

24 апреля — 2 мая 2006 г.

Александр Верховский

Религия и конструирование российской «национальной идеи» в начале нового века

Сколько бы ни иронизировали по поводу госзаказа на изобретение «национальной идеи», выданным в свое время Борисом Ельциным, следует признать, что «национальная идея», точнее, общенациональная идентичность, не рождается сама собой, а возникает в процессе коллективного конструирования. И в этом процессе роли граждан отнюдь не равны: некоторые группы играют явно лидирующую роль. Хотя, конечно, процесс этот происходит вне зависимости от наличия госзаказа.

Далее в этой статье я буду под общенациональной идентичностью понимать представления о стране и нации (не в этническом, конечно, смысле слова), присущие большинству граждан, а под «национальной идеей» — представления, согласно формулируемые правящей частью политического класса. Эти две вещи, очевидно, формируются во взаимозависимости. А учитывая этатизм российской общественной традиции, представления правящих групп, то есть материал для «национальной идеи», многим из тех, кто наиболее активен в вышеупомянутом коллективном конструировании, кажутся более значимыми, чем представления большинства граждан.

Несомненно, что сегодня «национальная идея» включает представление о преемственности по отношению к могущественным российским империям — времен Романовых и советских времен, но это представление внутренне противоречиво, ибо наследие двух империй слишком различно. В частности, многие признают, что религии должна быть отведена значительная роль при определении «национальной идеи», но какое именно, остается неясным, особенно если учитывать различие в положении религии в этих двух империях.

С другой стороны, неопределенность в представлениях о «национальной идее» открывает возможность выступать со своими предложениями общественным группам, находящимся вне власти, в том числе — религиозным организациям. Если президент и его окружение приняли решение, повлиять на них, скорее всего, невозможно, но как раз в сфере, обычно называемой в России «государственно-религиозными отношениями»,

определенные решения принимаются очень редко, да и в целом эта сфера остается на периферии интересов правящей группы. Поэтому религиозные организации могут предлагать свои идеи и имеют реальные шансы добиться того, чтобы власть восприняла эти идеи как свои. Наиболее значительный пример — утверждение в официальном дискурсе термина «традиционные религии», который обозначает православие (нового обряда), ислам и буддизм (но только традиционных для России толков), а также иудаизм. Этот термин удалось закрепить вместе с представлением об особой роли именно этих религий и даже конкретных — не всех — представляющих их организаций; и хотя закон о свободе совести понятия «традиционные религии» не знает, почти все, включая президента Путина¹, уверены, что оно там записано.

Следует подробнее рассмотреть причины, по которым сегодняшняя власть может быть заинтересована в особой роли религиозных организаций в формировании национальной идентичности или хотя бы — пропагандистского комплекса «национальной идеи».

Первой причиной является весьма распространенные в обществе романтические представления о возрождении России, неизменно ассоциируемые с былой имперской мощью. Апелляция к исторической древности также является аргументом, тем более — в нынешний период прокламируемого консерватизма, а популярные представления об истории подчеркивают ключевую роль Церкви в российской древности. Подчиненная, инструментальная роль Церкви в России XVIII—XIX веков не смущает большинство тех, кому вообще известно это историческое обстоятельство: этатизм является безусловной ценностью в современных поисках «национальной идеи»².

Второй причиной следует считать историческую роль православия как средства отмежевания России от Запада. Это отмежевание, ставшее принципиально важным с момента отвержения церковной унии в XV веке, положило основу концепции «Третьего Рима», было закреплено в романовской традиции понимания Смуты в первую очередь как войны с поляками-католиками. Это представление и донныне является актуальным, что зримо проявилось в учреждении праздника народного един-

¹ См. русский перевод публикации пресс-конференции В. Путина в The Washington Post // Инопресса. 2003. 29 сентября (<http://www.inopressa.ru/details.html?id=14823>).

² Краткий обзор идеологического творчества пропутинских публицистов см. в: Кожевникова Галина. «Путинский призыв»: идеологи или мифотворцы? // Путиями несвободы. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 6—16.

ства 4 ноября — в честь изгнания поляков из Москвы в 1612 году. Этот праздник сочетает ярко выраженные антикатолицизм и антиполонизм с подчеркиванием политической роли православия (он совпадает с установленным в честь той военной победы праздником иконы Казанской Божией Матери). Утверждение национального единства именно в противостоянии Западу очень важно для сегодняшнего режима. Принципиально также, что этот праздник неразрывно связан с православием как альтернативой католицизму.

Третья причина — распространенное убеждение в религиозности граждан России. Отчасти это убеждение питается вышеупомянутыми романтическими историческими (и даже литературными) представлениями. Но оно подтверждается и необычайно высоким рейтингом доверия церкви как институту. Этот рейтинг уступает лишь неизменно лидирующему рейтингу доверия Путину³.

Правда, возникают большие сомнения в том, как надо интерпретировать этот высокий рейтинг доверия, равно как и возникающие в социологических опросах высокие проценты религиозной самоидентификации — 50—80 % православных и 8—13 % мусульман. (Например, в летнем, 2005 года, опросе Левада-центра 59 % опрошенных назвали себя православными и менее 9 % — мусульманами⁴.) Социологи религии обычно подчеркивают, что религиозные представления у подавляющего большинства самоопределившихся православных и мусульман весьма смутные, нередко они и вовсе являются неверующими, соблюдение обрядов и религиозных традиций также остается на довольно низком уровне⁵, так что в боль-

³ Например, в опросе Левада-центра в сентябре 2004 года процент выразивших полное доверие Путину составил 56 %, а религиозным организациям — 43 %, причем этот показатель стабильнее, чем у политических институтов: в 2003 и 2005 годах цифра почти не колеблется. Третье место, но со значительным отставанием, устойчиво занимает армия — в том же опросе полное доверие ей выразили 30 % опрошенных См.: Доверие россиян институтам власти // Сайт Левада-центра. 2004. 27 сентября (<http://levada.ru/press/2004092702.html>).

⁴ За год большее число россиян стали посещать религиозные службы — опрос // Интерфакс-религия. 2005. 2 августа (<http://www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=5219>).

Последний на момент подготовки доклада содержательный анализ религиозной статистики см.: Филатов Сергей, Лункин Роман. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Русское ревью. 2005. Июнь (<http://www.starlightsite.co.uk/keston/russia/articles/june2005/09Statistics.html>).

⁵ Наибольшее доверие вызывают многолетние исследования коллектива под руководством Киммо Каарияйнена. Их результаты за 90-е годы обобщены в книге: Каарияйнен Киммо, Фурман Дмитрий. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви,

шинстве случаев следует говорить об этнокультурном самоопределении, а не о религиозном. Но такого рода возражения сами по себе не так существенны: граждане могут практиковать новые, нетрадиционные формы религиозности. Гораздо важнее другое: отдавая дань уважения религиозным лидерам, россияне не придают особого значения их мнению в том, что непосредственно касается граждан⁶. Можно сказать, что клиру делегируется собственно религиозное поведение, подавляющее же большинство мирян удовлетворяется (за определенными исключениями: свадьбы, похороны, экстремальные ситуации и т.д.) выражением уважения к религии — наряду с другими высокими ценностями. И такое поведение вовсе не является уникальной спецификой России⁷. Таким образом, те, кто делает выводы о влиятельности религиозных лидеров на основе их рейтингов, скорее всего, серьезно заблуждаются.

Четвертая причина заинтересованности власти в религии — личное православие Путина. Оно носит не чисто этнокультурный характер, как у большинства российских политиков, включая и Бориса Ельцина. Дозаказательством служат поездки Путина в монастыри, его встречи с практически неизвестным вне Церкви, зато весьма авторитетным внутри нее старцем архимандритом Иоанном (Крестьянкиным)⁸. Вмешательство Путина в процесс воссоединения с Зарубежной Церковью обозначает определенный интерес к собственно церковной проблематике, так как прагматический государственный интерес, который комментаторы пытались найти в этом поступке⁹, выглядит крайне сомнительно. Нет сомнения, что Путин — далеко не единственный православный в верхушке полити-

новые верующие. СПб.—М.: Летний сад, 2000. Более свежие данные проф. Каарияйнен привел в своем докладе на VII World Congress for Central and East European Studies, прошедшем в Берлине 26–30 июля 2005 г.

⁶ Лучше всего эта ситуация описана в не опубликованном пока по-русски докладе Бориса Дубина «“Легкое бремя”: массовое православие в России 90-х годов» на конференции «Религиозные практики в современной России» в ноябре 2003 г. в Москве. Он опубликован на французском языке: Dubin Boris. *Fardeau leger // Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest*. 2005. Decembre. Vol. 36. No. 4.

⁷ О «религии соборов» как современной форме религиозности очень интересно рассуждала проф. Грэйс Дэви (Grace Davie) на American Academy of Religion Annual Meeting в Филадельфии 19–22 ноября 2005 г. Ее основополагающий труд: *Davie Grace. Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging*. Oxford: Blackwell, 1994.

⁸ Путин ездил к нему, как минимум, дважды — в 2000 и в 2004 годах. Архим. Иоанн умер 5 февраля 2006 г.

⁹ См. например: Солдатов Александр. Лавр для президента // *Московские новости*. 2003. № 38; Недумов Олег. Президент объединяет православных // *Независимая газета*. 2003. 1 октября.

ческой элиты: хотя бы из-за принятой в этой элите традиции перенимать интересы и даже привычки вышестоящих. И интерес элиты к Церкви не может не конвертироваться в определенную степень готовности реально прислушиваться к ее голосу.

И последняя, но весьма важная причина — обеспокоенность ростом исламского терроризма и радикального политического ислама в целом. Необходимость проведения какой-то «терапевтической» политики по отношению к мусульманам очевидна, наверное, даже самым рьяным сторонникам силового подавления опасного инакомыслия. Но любая политика по отношению к отдельно взятой конфессии требует формирования общего подхода в отношениях государства с религиозными организациями и группами.

Переходя к обзору идей, касающихся религиозной компоненты национальной идентичности и выдвигаемых снизу, необходимо отметить, что представители большинства религиозных групп не озабочены проблемой национальной идентичности и не имеют амбиций внести свой вклад в «национальную идею». Они определенно осознают себя меньшинствами и озабочены только защитой своего статуса. Например, в «своих» субъектах Федерации буддистские лидеры претендуют на привилегированный статус¹⁰, и на федеральном уровне они вместе с иудейскими лидерами не забывают подчеркивать привилегированный статус четверки «традиционных религий», но их выступления, как и выступления других лидеров меньшинств, направлены скорее на поддержание многообразия, чем на конструирование единства. Впрочем, когда лидеры меньшинств все-таки высказываются именно о России в целом, как, например, председатель Российского Союза евангельских христиан-баптистов Юрий Сипко, общественность к ним всех равно не прислушивается: слабого запроса общества на «голос пастыря» едва хватает на представителей основных религий страны — православия и ислама.

То же самое относится и к большинству мусульманских лидеров, в первую очередь на Северном Кавказе. И это понятно: мусульмане ощущают себя либо меньшинством, либо сугубо региональным большинством, и не имеют никакого подобия единства, поэтому интересы их лидеров обычно не касаются темы общенациональной идентичности. Напротив, они оза-

¹⁰ Например, буддийский лидер хамбо-лама Дамба Аюшеев публично возмущался возникновением неподконтрольных ему, хотя вполне традиционных, буддистских общин и настаивал на том, что закон должен охранять этнические традиции: Лампси Алексей. *Закон и традиция // НГ-Религии*. 2001. 28 ноября.

бочены сохранением своих этнических идентичностей, а однозначная связка религиозной и этнической идентификации культивируется в России и религиозными лидерами, и многими светскими авторами.

Например, председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутин, обычно вполне корректный в своих высказываниях и, пожалуй, наиболее близкий к демократическим ценностям из известных муфтиев, не так давно привел подряд следующие примеры «духовного упадка» татар: «Татары женятся на русских и потом крестят своих детей. На Сабантуях угощают водкой и свиной. В мечетях 80 % — беженцы, которые не знают татарского и просят читать проповеди на русском языке»¹¹.

Выступления некоторых мусульманских лидеров, в первую очередь заместителя председателя Совета муфтиев Нафигуллы Аширова, против присутствия государственной православной символики — в гербе¹², в орденах и т.д. — следует рассматривать именно как негативные высказывания, не направленные ни на какое созидание общей идентичности. Они могли бы считаться частью некоей последовательно секуляризаторской линии, но таковой линии муфтии, естественно, не придерживаются.

Наконец, даже от ведущих муфтиев — не говоря уже о менее заметных исламских деятелях — нередко можно слышать весьма радикальные политические высказывания: коллега муфтия Аширова муфтий Мукаддас Бибарсов публично прославлял покойного лидера ХАМАС шейха Ясина¹³, а главный оппонент Совета муфтиев, глава Духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин и вовсе объявил однажды войну США¹⁴. Такого рода риторика, пусть она и редко прорывается в публичное пространство, объективно приближает мусульманских лидеров к маргинальному статусу, который присущ разделяющим подобные взгляды русским националистам. А радикальные высказывания все-таки по-прежнему считаются неприемлемыми в серьезной дискуссии о «национальной идее».

¹¹ Глава Совета муфтиев России указывает на духовный упадок татар // Интерфакс-религия. 2005. 31 августа (<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=5805>).

¹² См. подборку фактов и мнений: Мусульмане призывают убрать христианскую символику с атрибутов государственной власти и из государственных учреждений // Центр «СОВА». Религия в светском обществе. 2005. 6–23 декабря (<http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/14343DB/67D4A5E>).

¹³ Реакция российских мусульман на убийство шейха Ахмада Ясина // Центр «СОВА». Религия в светском обществе. 2004. 30 марта (<http://religion.sova-center.ru/events/13B74CE/1444B24/350EE6B>).

¹⁴ Полный текст его речи на митинге в Уфе 3 апреля 2003 г. см. в: Талгат Таджуддин: «Уже две недели Антихрист мира воюет, подняв голову, зараза» // Консерватор. 2003. 11 апреля.

(В самое последнее время, в период московских городской предвыборной кампании осенью 2005 года, маргинальность радикального русского национализма была поставлена под вопрос. Радикальные высказывания в духе ненависти все чаще и настойчивее прорываются в публичный дискурс¹⁵. Правда, начатая в январе 2006 года официальная антифашистская кампания отчасти потеснила радикалов.)

Следует отметить отдельные попытки вклада в конструирование национальной идентичности, предпринятые «с мусульманской стороны» (не обязательно самими мусульманами). Наиболее заметные попытки связаны с современной интерпретацией евразийства — с идеей двойственной, православно-мусульманской природы России. Эту идею, внесенную в российскую общественную мысль Александром Дугиным¹⁶, развивали многие, но почему-то чаще всего — люди радикально антилиберальных, антизападных взглядов. К их числу относится и упомянутый муфтий Талгат Таджуддин: будучи давним сторонником синтеза трех авраамических религий, он даже предпринял в 2003 году попытку переименовать свое Духовное управление в Исламское Центральное Духовное Управление покорных Богу Святой Руси, но подчиненные ему муфтии не поддержали инициативу. Ту же идею православно-мусульманского дуализма отстаивали и различные деятели Совета муфтиев, предлагавшие создать пост вице-президента России и зарезервировать его за мусульманином. Впрочем, любые подобные буквальные воплощения неоевразийства неизменно отторгаются общественностью и вскоре забываются.

Группа политических советников Сергея Кириенко, представителя Президента в Поволжье (смененного в ноябре 2005 года), предложила проект «Русский ислам». Этот проект, активно пропагандировавшийся в первую очередь Сергеем Градиловским, концентрировался на идее перевода исламского образования на русский язык, чтобы сделать российский ислам относительно внеэтническим, заставить его работать на общегражданскую идентичность, а заодно отделить от радикальных арабских проповедников¹⁷. Однако мусульманские лидеры в России, равно как лидеры право-

¹⁵ Подробнее об этом см.: Кожевникова Галина. Радикальный национализм и противодействие ему в 2005 году // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2006. 6 февраля (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/6CEEC08>).

¹⁶ Ларюэль Марлен. Александр Дугин, идеологический посредник // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 226–253.

¹⁷ Градиловский Сергей. Культурное пограничье: русский ислам // Государство и антропоток. 2003. Июль (<http://antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm>).

славия или буддизма, придают слишком большое значение тесной связи этнической и религиозной идентификации и не заинтересованы в таком проекте. Проект вызывает также резкое отторжение православной общест-венности, усматривающей в нем угрозу мусульманского прозелитизма (такой прозелитизм существует, но явно не связан с деятельностью Гради-ровского и его коллег). Сейчас этот проект фактически прекращен.

С другой стороны, сочетание религиозной и внерелигиозной иден-тичности может порождать и порождает локальные проекты религиоз-ной реформы. Для нас представляет интерес концепция Рафаэля Хаки-мова, советника президента Татарстана. Хакимов систематически высту-пает за модернизацию российского (фактически поволжского) ислама, за его культурное и политическое приближение к современной европейс-кой культуре, даже за коррекцию шариата в соответствии с международ-ным правом¹⁸. Такой «евроислам» (характерный термин, используемый Хакимовым) мог бы стать партнером для власти, идущей по пути сближе-ния с Европой, и для Православной церкви, стремящейся к модернизаци-и подобного рода, но таковых партнеров в России сейчас нет. Поэтому и проект Хакимова остается сугубо региональным явлением, да и в самом Татарстане доминирует вполне традиционный для Поволжья ислам.

Итак, «с мусульманской стороны», кто бы с этой стороны ни высту-пал, не хватает серьезных и разработанных проектов, поддерживаемых при этом какими-то значительными силами. Но наличие в России при-мерно 18 млн людей, относящихся к этническим группам, традиционно исповедовавшим ислам¹⁹, снова и снова заставляет политиков и обще-ственных деятелей обращаться к идее бинарной, православно-мусульман-ской, опоры России и вспоминать понятие «евразийство». Идею учреж-дения поста вице-президента для мусульманина, и притом татарина, по-вторил уже в 2005 году наиболее динамичный тогда лидер русского наци-онализма Дмитрий Рогозин²⁰.

¹⁸ Хакимов ссылается на «джадидизм» — движение за обновление ислама в Татарста-не в XIX веке: Хакимов Рафаэль. Вызовы времени и модернизация ислама // Преодоле-вая государственно-религиозные отношения / Под. ред. Сергея Градироского. Н. Нов-город: Изд-во Волго-Вятской академии госслужбы, 2003. С. 157—166.

¹⁹ Четких оценок количества мусульман в России нет. Если учитывать их по само-идентификации, то следует вычестить из числа так называемых этнических мусульман, каковых примерно 14 млн человек, тех, кто твердо самоопределился как неверующий или относит себя к другой религии (как правило — к христианству), и добавить мусуль-ман из числа явно недоучтенных последней переписью иммигрантов.

²⁰ Дмитрий Рогозин: Россия — это православно-мусульманская страна. Лидер «Роди-ны» считает, что стране необходим пост вице-президента, и занимать его должен мусульма-нин... // Сайт общества «Радонеж». 2005. 5 июля (<http://www.radonezh.ru/new/?ID=3616>).

Правда, реальная, равноправная бинарность неприемлема не только для Православной церкви, но, вероятно, и для большинства граждан²¹, поэтому развивается представление об иерархии основополагающих ре-лигиозных традиций: православие, затем еще три «традиционные рели-гии», затем другие религии, реально традиционные для России и доста-точно мирно сосуществующие с православием (старообрядчество, люте-ранство и т.д.). Прочие же религии, новые или весьма старые, по большей частью ассоциируются с Западом (от католиков до разных групп «ню-эйдж») и рассматриваются как терпимые (в лучшем случае) меньшинства.

Таким образом, главными претендентами на идеологическое влия-ние остаются Русская православная церковь и группы, выступающие от ее имени.

Важно подчеркнуть, что главное для Церкви — постепенная десеку-ляризация общества. Конечно, речь не идет о сколько-нибудь скорой ре-ализации интегральных идеалов; например, представление «Основ со-циальной концепции РПЦ», что оптимальной формой правления явля-ется теократия²², носит сугубо умозрительный характер. Но у Патриар-хии нет интерпретации места православия в обществе, принципиально отличной от интегральной, так что в идеале РПЦ стремится к макси-мальной десекуляризации общественной жизни по всем направлениям, и упомянутый пассаж в «Основы» тоже вписан не случайно. Другое дело, что сейчас российское общество столь глубоко секуляризовано, что речь пока может идти лишь о довольно робких сдвигах. Это сочетание умерен-ности тактических задач и максимализма идеалов можно назвать «уме-ренным интегралом». Подчеркну, что речь идет не о продуманном пла-не тотальной десекуляризации, а о естественном движении в определен-ном направлении в отсутствие промежуточных стратегических целей.

²¹ Например, в опросе ВЦИОМ в марте 2002 года половина опрошенных назвала ислам религией, враждебной православию (а католицизм, против которого как раз тогда велась активная кампания, — только 12 %). См.: Седов Леонид. Общественные настро-ения в марте 2002 года // Сайт Левада-центра. 2002. 11 апреля (<http://www.levada.ru/press/2002041100.html>).

Через два года половина опрошенных согласилась (целиком или преимущественно) с тем, что «ислам — агрессивная религия». См. данные Левада-центра в: Чечня и Ислам — глазами россиян и американцев // Агентство «Маркетинг и консалтинг». 2004. 26 марта (<http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=14614>).

²² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (далее — Основы социальной концепции) доступны на сайте Московского патриархата (<http://mospat.ru/index.php?mid=90>).

Что же касается России и ее идентичности, то в Церкви пользуются подходами столетней давности²³ и говорят не об идентичности и тем более не о конструировании, а о возрождении специфической русской православной духовности, о Святой Руси, которая должна прорасти сквозь современную российскую реальность, как всплывающий град Китеж. Хотя в Патриархии нет таких максималистов, как в радикальных кругах «православной общественности»²⁴ или в некоторых (уже довольно многих) монастырях, и церковные лидеры, мыслят, видимо, не столь эсхатологично. Можно сказать, что они не планируют полного всплытия града Китежа, оставляя этот вопрос преемникам (возможно, весьма отдаленным), зато стремятся максимально практично и разносторонне обустроить начало этого невиданного процесса.

Такая постановка задачи предполагает, в частности, необходимость формулирования причин, по которым Китеж может и должен всплывать именно сейчас и именно здесь. Может ли современная Россия сыграть ту роль всемирной спасительницы, которую ей столько раз пророчили? Ответы на эти вопросы уже формулируются. (Конечно, руководителям Церкви, священноначалию, следовало бы также задаться вопросом, может ли РПЦ сыграть роль двигателя и проектировщика в этом процессе, но вопросы внутренней жизни Церкви я здесь рассматривать не буду.)

У РПЦ к тому же есть серьезные внутренние причины быть озабоченной темой национальной идентичности. Не зря глава «Церковь и нация» является уже второй в «Основах социальной концепции РПЦ» — основном программном документе, принятом Архиерейским Собором в 2000 году.

Современное православное представление об автокефальной или автономной Церкви предполагает сочетание национальных особенностей и принципа общеправославного единства. Следует не уклоняться ни в церковный этнонационализм (ересь филетизма), ни в имперскую централизацию, сохраняющуюся в сознании по давней византийской традиции. Но в России это представление оказалось преимущественно теоретическим. В последние десятилетия РПЦ легко соглашалась на автокефалию своих частей, находящихся вне СССР (в США, в Польше; Японская

²³ Это не метафора: за редкими исключениями, используется понятийный аппарат русских мыслителей XIX и начала XX веков, авторов первой эмиграции (Ильина и др.). Это отнюдь не худшее наследие, но все-таки недостаточное для современной политики.

²⁴ Подробнее о взглядах радикалов см.: Верховский Александр. Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995—2001 гг. М.: Центр «СОВА», 2003.

православная церковь автономна, а не автокефальна, скорее всего, только из-за малого размера), но в бывших союзных республиках автокефалия даже не стоит реально на повестке дня. РПЦ определенно отказалась становиться национальной Церковью России.

Одновременно в последние годы РПЦ стремится расширить свое влияние за пределами своей «канонической территории», прямо покушаясь на традиционное представление о том, что вне «православного мира» действует юрисдикция Вселенского, то есть Константинопольского, патриарха. Тем самым РПЦ вроде бы превращается де-факто в Церковь имперскую, то есть реализующую наднациональное единство. И у Московского патриархата для имперских претензий гораздо более серьезная база, чем у Константинопольского, опирающегося только на силу древней традиции.

А с другой стороны, вне территории СССР РПЦ претендует только на русскую по культуре, по этническому происхождению паству. И это было ясно заявлено, например, при попытке объединить под омофором Московского патриарха православных Западной Европы²⁵, так же как во время конфликтов в Сурожской (то есть британской) епархии²⁶. Это противоречит имперской традиции, призванной быть надэтнической. Давно уже общепризнанно, что и внутри России РПЦ определяет свою паству по этнокультурному признаку (включая, конечно, не только этнических русских, но и некоторые другие этнические определяемые группы).

Принципиальная позиция РПЦ: «Россия — это православная страна с национальными и религиозными меньшинствами»²⁷. И в «Основах» содержится очень весомая формулировка: «*Когда нация, гражданская или этническая, является полностью или по преимуществу моноконфессиональным православным сообществом, она в некотором смысле может восприниматься как единая община веры — православный народ*»²⁸. В сочетании эти два тезиса означают, что Россия — православная «единая община веры». Это — очевидная, хотя и не расшифрованная, претензия на идеологическое руководство.

²⁵ Послание Патриарха Алексия II архиереям и «всем православным приходам русской традиции» в Западной Европе // Портал Credo. 2003. 8 апреля (<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=9230&topic=103>).

²⁶ См. сюжет «Тучи над Сурожем» на сайте Портал Credo (<http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=topic&id=136>).

²⁷ Впервые сформулирована в: Митрополит Кирилл: «Россия — православная, а не «многоконфессиональная» страна» // Радонеж. 2002. № 8.

²⁸ Основы социальной концепции...

Этнические русские, украинцы или осетины, очевидно, тоже — «единые общины веры», но это уже не так важно: упоминание «этнической нации», то есть этнической группы, включено в «Основы» не для украинцев в России, а для традиционно православных этнических меньшинств в других странах, а возможно, и для православных меньшинств в традиционно мусульманских и буддистских регионах самой России.

Двойственная формулировка «Основ» ассоциируется с образом исторической православной России XVI–XVIII веков — с ее русским и православным территориальным ядром, с более или менее колонизированными территориальными приобретениями и с частью русского православного населения, находящегося под не православным, не русским правлением. Возможно, эта ассоциация возникала и у создателей «Основ»: все-таки церковное сознание очень сильно погружено в историю Московского царства и Российской империи. Но, что более существенно, эта формулировка является частью широкой и вполне современной концепции, которую главный идеолог Церкви митрополит Кирилл (Гундяев) активно развивает с 1999 года.

Основой ее является очень буквально понятая хантингтоновская модель многополярного мира «цивилизаций», определяемых по признаку религиозной традиции. Исключением считается одна «цивилизация» — западная, определяемая как секулярная (иногда даже как безрелигиозная), антитрадиционная и либеральная. И именно эта либеральная «цивилизация» является самой могущественной. Россия ей в каком-то смысле подчинена (руководители Церкви, вероятно, не разделяют конспирологических теорий православных националистов, они понимают подчиненность России как явление скорее идеологическое). Задача всех «цивилизаций» — освободиться от власти Запада, восстановить господство традиционно-религиозного уклада на своих территориях и установить в мире новый порядок, равноправно учитывающий их культурные и правовые особенности²⁹. Как это сделать, никогда не объясняется, да и вообще в

²⁹ Эта концепция была достаточно развернуто предложена широкой общественности еще на рубеже десятилетий: Алексий II, патриарх Московский и Всея Руси. Мир на перепутье // НГ-Религии. 1999. 23 июня; Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни // Независимая газета. 2000. 16, 17 февраля.

Различные варианты анализа основных документов РПЦ этого поворотного момента см. в: Agadjanian Alexander. Breakthrough to Modernity, Apologia for Traditionalism: the Russian Orthodox View of Society and Culture in Comparative Perspective // Religion, State & Society. 2003. Vol. 31. No. 4; Костюк Константин. Социальная доктрина как вызов традиции и современности РПЦ // Религия и СМИ. 2003. 4 марта (<http://www.religare.ru/article.php?num=2169>); Верховский А. Беспокойное соседство. Русская Православная Церковь и путинское государство // Россия Путина. Пристрастный взгляд. М.: Центр «Панорама», 2003 (далее — Беспокойное соседство). С. 81–84.

подробностях эта модель пока не обсуждается, тем самым составляющие ее понятия не проблематизируются и остаются в спасительной для них неопределенности.

Идеи митрополита Кирилла хорошо сочетаются со все более популярным «цивилизационным подходом» в российских социальных науках³⁰ и оттого звучат достаточно понятно и приемлемо для большинства, непривычного к традиционным для РПЦ терминологии и кругу основных понятий, мало изменившимся с дореволюционного периода.

«Цивилизационный подход», по митрополиту Кириллу, обосновывает стратегию постепенного наступления на секуляризм и ассоциируемые с ним институты либеральной демократии. Не оговаривается, как далеко должно зайти это наступление, да это не так и важно, так как речь всегда идет о конкретных сдвигах, а российское общество еще очень секулярно, и любой реально возможный сдвиг в сторону православной традиционности должен только приветствоваться.

Вовне России «православная цивилизация» рассматривается как альянс канонических церквей или традиционно православных народов, но этот союз полностью центрирован на Россию. На практике принадлежность к «православному миру» зачастую определяется не по отношению к православию, а по отношению к России (например, в приднестровском конфликте)³¹. Русскую православную диаспору уже предлагают рассматривать как инструмент внешней политики Российского государства³², но вдохновляемый Церковью.

С тех пор митрополит Кирилл лишь развивает эти идеи. В частности, настаивает на том, что общество не должно по мотивам политкорректности ограничивать религиозно мотивированные публичные высказывания (например, на темы гомосексуализма). Из новейших выступлений см. его доклад «Замысел Божий о человеке и свобода воли: эсхатологическая перспектива» на конференции «Эсхатологическое учение Церкви» 14–17 ноября 2005 г. (Доступен в интернете: <http://www.religare.ru/analytics22884.htm>).

Подробнее я писал о современной идеологии церковного руководства в: Верховский А. Российское политическое православие: понятие и пути развития // Путиами несвободы. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 48–80.

³⁰ Шнирельман Виктор. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // Расизм в языке социальных наук. СПб: Алетейя, 2002. С. 131–145.

³¹ Митрофанова Анастасия. Политизация «православного мира». М.: Наука, 2004. С. 245–252.

³² Фролов Кирилл. Стратегия православного глобализма // АПН.Ру. 2005. 8 июля (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=560&do=view_single); Просим разорвать все отношения с Ватиканом! Обращение Союза православных граждан к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в связи с враждебными действиями Ватикана в отношении православных верующих // Правая.Ру. 2005. 22 августа (<http://www.pravaya.ru/word/586/4532>).

С другой стороны, степень близости внутри «православной цивилизации» явно коррелирует с этнической близостью, понимаемой в племенном, расовом смысле. Например, патриарх Алексей, рассуждая о единстве России, Украины и Белоруссии, говорил о культуре и истории, но библейскую цитату привел совсем другого плана: «*От единокровного твоего не укрывайся*» (Ис. 58:7)³³. Конечно, это просто обывательский уровень расизма, весьма распространенный в России и отнюдь не только в России. Расизм здесь не является частью концепции, но является частью мировосприятия.

И это мировосприятие нуждается в концептуализации, которая не противоречила бы явным образом апостольскому принципу «ни эллина, ни иудея». Более или менее расистские представления, широко распространенные среди православных националистов, не годятся в качестве доктрины Церкви, даже если у отдельных иерархов есть те же расистские предубеждения, что и многих наших граждан.

Распространенный во многих странах культурный этнонационализм сам по себе также не годится Церкви, так как господствующая в России (и в Европе) светская культура ей чужда. Гражданский национализм, именуемый иначе патриотизмом, конечно, Церкви не чужд, но и он не может быть ее собственной основой, поскольку, как уже было сказано, РПЦ не хочет быть только национальной церковью.

Подходящим для Церкви вариантом этнонационализма является культурный национализм, определяющий русскую культуру по православной религиозной идентификации, реальной или предполагаемой по историческим причинам (но не по такому ненадежному критерию, как личная религиозность). Такой церковный вариант этнонационализма также вполне соответствует церковному варианту «цивилизационного подхода».

Конечно, в России и вне ее есть православные и даже прихожане РПЦ, ни в каком смысле не являющиеся русскими, но они составляют довольно незначительное меньшинство. Прихожане РПЦ, реальные, или предполагаемые по их происхождению (русские, украинцы, осетины и т.д.), или даже потенциальные (например, русские евреи), почти поголовно принадлежат к русской культуре или к родственным ей украинской и белорусской культурам. Отдельное существование этих двух культур замалчивается: подразумевается, что акцентирование их отличия уже выводит человека за пре-

³³ Алексей, патриарх Московский и Всея Руси. Участникам Съезда славянских народов Беларуси, России, Украины (Москва, 1–2 июня 2001 г.) // Новости РПЦ. 2001. Июнь (<http://www.russian-orthodox-church.org.ru/nr106013.htm>).

делы канонического православия — в вариантах униатства или церковного раскола. Таким образом, РПЦ, теоретически, охватывает значительное большинство населения России (в Патриархии обычно говорят о 80 % населения), Украины (где находится примерно половина приходов РПЦ) и Белоруссии, «русскоязычные» диаспоры других постсоветских странах, а также значительную часть таких диаспор в ряде стран западных.

Общность русских в России и вне ее — то есть «православных по культуре», «исторических православных» — предполагаемо лояльна Церкви, и тем самым — российскому государству и его имперской традиции, так как никакой другой реальной политической и государственной традиции у РПЦ сейчас нет.

Русский национализм, определяемый на основе православной культуры, имеет, таким образом, полностью выстроенную структуру этнонационализма и предлагает строить национальную идентичность на основе этого «церковного национализма».

Он имеет вполне определенное этническое ядро. Пусть оно мультиэтнично по собственно этнической самоидентификации, но эти идентификационные различия должны быть отодвинуты на второй план в пользу культурного, суперэтнического единства. Гумилевское представление о суперэтнотосе используется здесь, как правило, без ссылки на источник.

Церковный русский этнонационализм имеет могущественного внешнего врага — секулярный Запад, тоже фактически понимаемый как суперэтнос.

Определены внутренние противники, «отщепенцы» — сторонники секулярного общества, отвергающие предлагаемую идентичность (пусть эти люди даже и православные) и ассоциируемые с главным врагом.

Определены младшие союзники в лице «мусульманских народов», то есть представляющих их организаций. Их поддержка важна в противостоянии с Западом, но они сами находятся под подозрением и должны быть ограничиваемы при попытках покуситься на этническое ядро православия или на его безусловный приоритет в определении этнокультурной идентичности государства.

Есть, конечно, и безопасные внутренние союзники, не совершающие подобных покушений — традиционные буддисты, например, или марийские язычники — по отношению к которым проявляется в ответ религиозная толерантность в форме безразличия. Есть и внешние союзники, более или менее близкие — это православные церкви и «православные народы».

Можно даже сказать, что РПЦ, не пожелавшая сжаться до масштабов национальной церкви, не желает ограничиваться национализмом этноса

или гражданской нации. Церковь предлагает строить идентичность на более широкой базе «цивилизации», пусть и построенной на этнокультурном фундаменте. Такой масштаб больше соответствует и традиции «Третьего Рима», и традиции советской сверхдержавы, а также – реальному масштабу РПЦ и ее неявным притязаниям.

Следует особо подчеркнуть, что церковное конструирование этнонационализма и построенной на нем российской идентичности, хотя и имеет черты сходства с наиболее популярными в стране версиями русского национализма, ведется вполне самостоятельно. Не видно также и существенных институциональных связей Церкви с националистическими организациями, имеющиеся же связи остаются на том же низком уровне, что и в 90-е годы. Группы националистов-радикалов внутри Церкви не столь влиятельны, и церковное руководство теперь имеет что им противопоставить³⁴. Церковь разделяет в той или иной степени многие идеи светских националистов, но настаивает на собственном проекте, в котором ключевым элементом является десекуляризация, для светских националистов не существенная или даже неприемлемая. Такая позиция немного ослабляет РПЦ политически, но одновременно делает ее более интересной для общества.

Теоретически, описанная концепция российской идентичности должна была бы вполне подходить современному российскому государству. Она задает общую идентичность для значительного большинства граждан, подключает к ней в качестве ведомых союзников значительное большинство остальных, она тесно связана с традицией российской государственности, включая ее имперскую компоненту, она полагает Запад главным противником, но не смертельным врагом, с которым нужно воевать. Наконец, Московская патриархия как носитель этих идей не претендует на контроль над государством, но лишь на постепенное расширение своего влияния.

Религиозные руководители, как и руководители всех основных общественно-политических сил страны, апеллируют в первую очередь к власти. И власть время от времени подает сигналы, показывающие, что церковный проект ей не чужд. Но эти сигналы весьма нерегулярны и сводят-

³⁴ Тема взаимоотношений групп активистов, действующих внутри Церкви, и церковного руководства достаточно обширна. Подробнее об этом см.: Верховский А. Православные националисты: стратегии действия в Церкви и в политике // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 175–195.

ся преимущественно к риторике. Например, Путин, посетив Афон в сентябре 2005 года, рассуждал там о России как о «православной державе», в которой якобы из 145 млн жителей около 130 – православные³⁵. Рассуждения в духе взглядов митрополита Кирилла ежегодно звучат из уст государственных деятелей высокого ранга на Всемирных русских народных соборах: созываемых Церковью конференциях, большинство участников которых – представители клира и православной общественности. Например, принятая на последнем, десятом, соборе ВРНС «Декларация о правах и достоинстве человека»³⁶ была прямо поддержана министром иностранных дел Сергеем Лавровым³⁷, хотя суть декларации принципиально расходится с тем пониманием прав человека, которое заложено в ратифицированных СССР и Россией международных документах и в Конституции страны³⁸.

Практическое покровительство властей РПЦ и, отчасти, основным мусульманским организациям сводится к двум основным направлениям – материальной помощи разного рода и к определенному давлению, оказываемому на религиозные меньшинства. Эти действия нередко сопровождаются рассуждениями о приоритете «традиционных религий» и об особой роли православия в возрождении державы³⁹.

Выступления чиновников и политиков на околорелигиозные темы часто воспроизводят риторiku и понятийный ряд религиозных деятелей, поскольку собственных представлений в этой сфере у большинства чиновников и политиков остро недостает. РПЦ и ее лоббистам удалось в

³⁵ Президент считает Российскую Федерацию «православной державой» // Центр «СОВА». Религия в светском обществе. 2005. 13 сентября (<http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/14447D7/60E7F31>).

³⁶ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора // Интерфакс-религия. 2006. 6 апреля (<http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=380>).

³⁷ Выступление министра иностранных дел на Пасхальном вечере, организованном МИД // Радонеж. 2006. № 4.

³⁸ Права человека должны базироваться на нравственных началах, а не только на международных нормах – патриарх Алексей // Интерфакс-Религия. 2006. 17 апреля (<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=10904>); Верховский А. Соборная декларация о правах человека – зачем она? // Ежедневный журнал. 2006. 7 апреля (<http://ej.ru/comments/entry/3493/>).

³⁹ Примеры таких высказываний достаточно многочисленны. Они приводились во всех обзорах, относящихся к событиям нынешнего десятилетия. См., например, в разделах «Свобода совести» во всех отчетах Московской Хельсинской группы; последний: Соколов Александр. Свобода убеждений, совести и религии // Права человека в регионах Российской Федерации: доклад о событиях 2004 г. М.: МХГ, 2005. С. 116–136.

начале десятилетия закрепить в официальном дискурсе понятие «духовная безопасность», открывающее Церкви путь к статусу главного эксперта по такого рода безопасности. Выше уже упоминалось успешное внедрение специфического понимания термина «традиционные религии».

Но вот попытка закрепить понятие «православная цивилизация» как части традиционной официальной риторики о «многополярном мире» не удалась: им пользовался прежний министр иностранных дел⁴⁰, но уже не пользуется нынешний. И это не удивительно: в реальности православные страны отнюдь не ориентируются на Россию: Греция уже состоит в НАТО и ЕС, Румыния, Грузия, Болгария, а теперь и Украина стремятся туда, восточные патриархаты не слишком заинтересованы в российской поддержке, и даже Сербия постепенно поворачивает на Запад.

В сущности, «символический капитал» Церкви не удастся пока конвертировать в заметном масштабе ни во что, кроме определенных привилегий для самой Церкви⁴¹. На региональном уровне многое зависит от отношений религиозных лидеров с региональными властями и от позиции последних. Системные же решения типа юридического утверждения привилегированного статуса «традиционных религий» постоянно проваливаются⁴².

Государственный аппарат оказывал и оказывает серьезное сопротивление возникшему в 2002 году проекту широкого внедрения в школы предмета «Основы православной культуры». Этот курс не только очень важен для Церкви, он также имеет принципиальное значение для формирования православной гражданской идентичности. В свое время курс был поддержан на уровне министерства образования и нескольких полпредов Президента, но встретил значительное сопротивление не только со стороны части общественности, но и со стороны многих чиновников, не готовых поступиться светским характером российского общества⁴³. Конечно, если бы Президент принял принципиальное политическое решение,

⁴⁰ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на VIII Всемирном Русском Народном Соборе // Сообщение ОВЦС. 2004. 3 февраля.

⁴¹ Солдатов Александр. Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 24–29.

⁴² Пик этих попыток приходится на 2001–2002 годы: Верховский А. Беспокойное соседство. С. 88–103. Впрочем, и в дальнейшем предпринимались некоторые попытки в том же направлении.

⁴³ Наиболее драматическим противостояние было в 2002 году. См. там же. С. 121–129.

Более широкий обзор этой проблема дан в: Митрохин Николай. Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ. М.: Институт гражданского анализа, 2005.

сопротивление было бы гораздо слабее, но такое решение принято не было. В сущности, Президент и его аппарат едины здесь с большинством граждан в приверженности к секулярности. (Хотя, конечно, бывают и исключения, как, например, приговор организаторам выставки «Осторожно, религия!», основанный на представлениях прокуратуры о защите «православной идентичности»⁴⁴.)

Президент определенно решил не допускать чрезмерного сближения с Церковью. Показательными и, возможно, даже переломными стали торжества в Дивеево в 2003 году, посвященные столетию канонизации св. Серафима Саровского. Путин участвовал в этом православном празднике, но привез с собой также муфтиев и раввинов, подчеркивая абстрактно духовный, а не конфессиональный характер торжества. Патриарх в своей речи указал на преемственность к ситуации столетней давности, когда на месте Путина стоял император Николай II, на что Путин ответил речью о свободе совести⁴⁵.

Позиция Президента не осталась незамеченной его подчиненными. В 2004–2005 годах риторика высших чиновников стала заметно дальше от риторики представителей РПЦ по сравнению с 2002–2003 годами.

Дистанцирование власти от претензий и предложений Церкви вызвано, по-видимому, тем, что власть лишь в очень малой степени может использовать Церковь в своих целях. Тому есть несколько причин. Во-первых, власть слишком верит в принуждение и в пропаганду, а Церковь плохо годится для сиюминутной пропаганды (не говоря уже о принуждении). Во-вторых, сохраняющаяся привязанность к секулярному обществу и/или к советской политической традиции исключает особую роль Церкви. В-третьих, внешнеполитический аспект теории «православной цивилизации» не выдерживает никакой критики.

Четвертая и, возможно, главная причина заключается в том, что нынешний политический режим так последовательно подавляет любые самостоятельные общественные силы, что непонятно, как он смог бы сделать исключение для Церкви. С другой стороны, сама Церковь отнюдь не стремится вернуться в зависимое положение, в котором она находилась в Российской империи⁴⁶.

⁴⁴ Полностью этот сюжет см. на сайте Центра «СОВА» «Религия в светском обществе» (<http://religion.sova-center.ru/events/13B74CE/13DC3A3>).

⁴⁵ Шипков Даниил. Саровский «проект» // НГ-Религии. 2003. 6 августа.

⁴⁶ Об этом не раз говорили руководители Церкви, и это зафиксировано в сборном решении 2000 года: Основы социальной концепции. С. 24–37.

Возможно, кому-то в Кремле и кажется, что можно создать новый вариант «православной империи» с РПЦ в статусе «идеологического отдела ЦК», но подобный проект утопичен: потребовалось бы полностью подчинить Церковь и одновременно сохранить в значительной степени ее авторитет. Но такая комбинация почти или совсем нереализуема, что доказывается и кризисом церковности в первой трети XX века. Обойтись же вовсе без церковного руководства в деле формирования какого-то «православного патриотизма» невозможно: граждане доверяют свою религиозность именно клиру (говоря словами Грэйс Дэви), а не православно ориентированным политикам и чиновникам.

В принципе, церковный вариант русского имперского этнонационализма является достаточно перспективным, но он может быть востребован только более гибким политическим режимом, который вряд ли уже возможен на основе нынешней правящей группы.

Первоначальная версия этой статьи была представлена в качестве доклада в парижском Центре международных исследований (CERI) в декабре 2005 года.

Марлен Ларюэль

«Русская диаспора» и «российские соотечественники»

Группы защиты прав русских в странах
ближнего зарубежья и их аргументы по вопросу
национальной идентичности

В момент распада Советского Союза многие на Западе и в самой России обратили внимание на существование русской диаспоры численностью около 25 миллионов человек: в ходе переписи населения 1989 года эти люди определили себя как русских. Русские представляют собой самую крупную диаспору бывшего СССР, однако в подобной ситуации находится еще более 15 миллионов людей, в советских паспортах которых была указана этническая принадлежность, не совпадающая с титульной для новых государств, где они проживают. К тому же Россия в XIX веке и в течение всего советского периода испытала масштабные миграционные процессы, а становление новой России после распада империи в 1991 году означает новый взгляд и на старую русскую диаспору, которая насчитывает в настоящее время около 10 млн человек.

Если в 1991–1992 годах речь шла в основном о диаспоре как таковой, то впоследствии, ввиду непредвиденного масштаба миграционных потоков, споры о диаспоре оказались тесно связаны с обсуждением вопросов миграционной политики Российской Федерации. Некогда характеризовавшаяся потоками эмигрантов, Россия теперь стала привлекать иммигрантов и приняла в период с 1990 по 2003 годы более 10 млн человек. 8 млн прибыли из других стран бывшего СССР, причем половина из них – этнические русские. Доля таких «возвращающихся» еще увеличится, если учесть представителей всех этносов, обладающим статусом национальной автономии внутри России¹. На рубеже 2000-х годов иммиграция этнических русских начала иссякать, зато прибывают новые потоки иммигрантов, не относящихся ни к каким «титульным» этносам России. Возник вопрос о нелега-

¹ De Tinguy Anna. La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer P.: Plon, 2004. P. 368.

лах, численность которых достигает нескольких миллионов; по разным оценкам, цифры колеблются между 1,5 и 6 млн. Все это осложняет обсуждение и без того деликатного вопроса о русской диаспоре.

Несмотря на то, что с исторической точки зрения расселение русских к востоку и югу от средневековых границ русских княжеств означало их политическое преобладание над завоеванными народами, «имперское меньшинство» стало теперь всего лишь «национальным меньшинством», испытывающим на себе всю сложность дискриминационных отношений внутри новых государств, образованных на основе унитарной идеи и принципа единственной «титულიной» нации. Введение в оборот термина «диаспора» позволило России выступить в качестве этнической «исторической родины», и данное выражение, ранее не встречавшееся применительно к этническим русским и иным «титульным» этносам РФ, увязывается с формированием представления о национальной идентичности и служит для оправдания попыток влияния на внутреннюю политику соседних государств.

Россия без колебаний поднимала вопрос защиты русских в других странах, шантажируя соседние государства при ухудшении отношений (Украина, страны Балтии, Молдавия, Грузия, ...), тогда как в странах, которые наладили с Россией хорошие отношения, «русские брошены на произвол судьбы», как, например, в Казахстане. Российская политика по вопросу диаспоры имеет размытые контуры, параметры миграционной политики также изменчивы, в зависимости от типа мигрантов. В подходе к «русскому вопросу» за рубежом, с одной стороны, используются аргументы из сферы внешней политики — поддержка диаспор в странах их проживания в надежде, что они станут проводниками российского влияния в регионе, а с другой стороны, встречаются характерные для активной иммиграционной политики призывы к массовому организованному «возвращению» этнических русских в охваченную демографическим кризисом Российскую Федерацию.

Довольно высокая организованность организаций и групп, вдохновленных идеями защиты русской диаспоры (и идеями русского национализма в целом), их способность защищать свои интересы в органах исполнительной и законодательной власти обеспечивают им определенный вес на политической сцене, а также некоторую легитимность в глазах общественного мнения. Одни и те же лица, участвующие во всех таких организациях или объединениях, имеют определенное влияние на законодательные процессы по вопросам о диаспоре и на развитие политических дискуссий в таких сферах, как демография, миграционная политика и связи Федерации с бывшими советскими республиками.

Для властей вопрос о «соотечественниках» — очень деликатный, что проявляется в неопределенности терминологии, используемой при его обсуждении. Предпочтение, отдаваемое тем или иным терминам, и проявляющиеся таким образом тенденции могут дать пищу для размышлений о современных процессах переоценки идентичности, происходящих в Российской Федерации. Начиная с XIX века вопрос об отношениях между народом, государством и его территорией находится в центре внимания русских националистов. В настоящий момент тема диаспоры дает возможность рассмотреть ход данной дискуссии под другим углом и призывает ее участников внести ясность в систему своих взглядов и уяснить политические аспекты вопроса.

Краткая справка об учреждениях и общественных объединениях по защите интересов «соотечественников»

Организации по защите прав этнических русских ближнего зарубежья могут быть разделены на несколько категорий.

Первая объединяет правительственные учреждения, на которые возлагается реализация российской политики по вопросам «соотечественников»:

- Федеральная служба по делам миграции, вошедшая в 2001 году в состав Министерства внутренних дел;
- Совет соотечественников, проживающих за рубежом, при Министерстве внутренних дел, созданный в 2004 году и возглавляемый Н.Е. Никитиным²;
- Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, которой долгое время руководил Виктор Христенко, вице-премьер правительства РФ, а в настоящее время возглавляет министр иностранных дел Сергей Лавров (ответственный секретарь комиссии — Сергей Николаев)³;
- Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при МИД России (Росзарубежцентр) под руководством Элеоноры Митрофановой⁴;

² Приказ МВД РФ № 102 О Совете соотечественников за рубежом при Министерстве внутренних дел Российской Федерации // Современная гуманитарная академия. Институт гражданского общества (<http://www.c-society.ru/obj/main.php?ID=218465&ar2=200&ar3=10>).

³ См. интернет-страницу организации на сайте Министерства иностранных дел РФ (http://www.in.mid.ru/bul_newsletter.nsf/kartaflat/03_5).

⁴ См. речи Э. Митрофановой на сайте Росзарубежцентра (<http://www.rusintercenter.ru>).

- Отдел по работе с соотечественниками за рубежом при Администрации Президента, созданный указом от августа 2002 года и возглавляемый до реорганизации верхушки исполнительной власти в 2004 году Алексеем Ситниным; теперь это полноценное Управление по связям с соотечественниками за рубежом, которое возглавляет Модест Колеров;
- Комитет по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной Думы, во главе которого стоял Борис Пастухов, впоследствии сменивший Андреем Кокошиным;
- Межведомственная комиссия по работе с соотечественниками за рубежом, созданная правительством Москвы в январе 2002 года и возглавляемая Георгием Мурадовым.

Вторая категория включает в себя учреждения, в той или иной степени связанные с властными структурами, на которые возложены лишь функции представления интересов общественных объединений по защите прав русских, проживающих за рубежом. Здесь активную роль играют чиновников и политики, специализирующиеся в указанной сфере, но в основном — представители общественных объединений стран бывшего СССР. В качестве примера можно упомянуть Совет соотечественников, созданный Константином Затулиным в 1995 году под эгидой Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками, а также три организации, находящиеся в более или менее прямой зависимости от администрации Юрия Лужкова: Московский дом соотечественника, созданный в 2004 году и возглавляемый Юрием Каплуном⁵; Международный совет российских соотечественников, зарегистрированный в 2003 году, под руководством Виталия Скринника⁶; Международная ассоциация молодежных организаций российских соотечественников, созданная в 2004 году⁷.

В третью категорию входят общественные объединения, заявившие о своей независимости и об отсутствии связей с государственными структурами, объединяющие представителей русских культурных или политических объединений всего мира.

Заслуживают упоминания объединение «Российский соотечественник» («Россотеч», Филиал Международного фонда поддержки соотечественников за рубежом «Россотеч» при Государственной Думе) и газета «Голос Родины».

⁵ См. сайт Московского дома соотечественников (<http://www.mosds.ru>).

⁶ Международный союз общественных объединений «Русь Единая» (<http://www.russedina.ru/frontend/guide/docs?id=334>).

⁷ См. сайт ассоциации (<http://www.msrs.ru/organisations/rus/participant/230.html>).

Более заметно объединение «Русь единая» во главе с Сергеем Пантелеевым, образованное в 2000 году и несколько лет издававшее «Союзную газету». В настоящее время основным направлением деятельности «Руси единой» является поддержание интернет-портала «Соотечественники» (<http://www.russedina.ru/>), который финансируется в основном за счет Федерального агентства по делам печати и средств массовой информации.

Необходимо также упомянуть об особом случае — исследовательской организации под названием «Институт стран СНГ, диаспоры и интеграции». Институт был создан К. Затулиным в 1996 году для ведения академических исследований в области политических и общественных процессов в новых государствах, а также для оказания юридической, политической и культурной поддержки соотечественникам.

Есть ли этнический оттенок в рассуждениях о миграции?

Вопрос миграции является одним из наиболее важных аспектов деятельности объединений по защите русских, проживающих в ближнем зарубежье. Создается впечатление, что российское население всерьез воспринимает опасность «вторжения» мигрантов с территории Кавказа и из Центральной Азии (что беспокоит население Европейской части России) и из Китая (что заботит жителей Сибири и Дальнего Востока). Иными словами, по данным Левада-центра, более половины российских граждан желали бы прекращения притока мигрантов нерусского происхождения⁸. Таким образом, основная задача, стоящая перед указанными общественными объединениями, заключается в том, чтобы сделать акцент на положительных сторонах возвращения русских и отделить тему «русских мигрантов» от темы иноэтничных мигрантов, приезд которых воспринимается как угроза национальному самосознанию или идентичности.

С одной стороны политического спектра находится Форум переселенческих организаций Лидии Графовой, который выступает за легализацию всех находящихся в стране нелегальных мигрантов, а также за проведение политики «открытых дверей». Такая политика характеризуется отсутствием этнических предпочтений: по мнению ее сторонников, она

⁸ Гудков Лев. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2005. № 6.

позволит организовать приток рабочей силы в страну и обеспечить положительную демографическую динамику. Несмотря на разницу в подходе, такие организации, как Институт СНГ, проводили совместные конференции с Форумом, равно как и с обществом «Мемориал», с целью убедить власти в необходимости проведения более гибкой политики в области миграции.

Идеи Лидии Графовой и ее единомышленников не находят поддержки большинства. Многие объединения, например «Русь единая», призывают к проведению политики, ориентированной на предпочтение по этническому признаку, и выражают беспокойство, что люди в России не видят разницы между двумя названными категориями мигрантов. По мнению сторонников такого подхода, чтобы обеспечить доброжелательное отношение россиян к иммиграции, необходимо проводить более строгую политику по контролю за притоком нелегальных мигрантов. К. Затулин не остался в стороне от обсуждения этих разногласий и опубликовал на своем веб-сайте тексты в поддержку обоих подходов⁹.

Некоторых активистов беспокоит опасность культурного шока, который может, по их мнению, быть спровоцирован прибытием новых переселенцев: они напоминают, что в 2004 году миграционными службами были выданы разрешения на работу, в порядке убывания, выходцам из Украины, Китая, Турции, Вьетнама, Молдавии, Кореи и Афганистана, то есть «соотечественники» вовсе не составляют большинства¹⁰. Представитель Московского Патриархата протоиерей Всеволод Чаплин, в свою очередь, заявил, что Россия должна быть открыта только для тех

⁹ В защиту массовой иммиграции не только для этнических русских, см. например: Караганов Сергей. Еще раз о мигрантах // Материк. 2005. № 116, 1 февраля (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=102&bulsectionid=9451>; перепечатка из «Российской газеты» от 24 января 2005 г.). «Материк» перепечатал из «Вестника форума» (переселенческих организаций) беседу Лидии Графовой и заместителя, председателя Комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками Сергея Ангуфьева: Мигрантофобия лишает рассудка // Материк. 2005. № 117. (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=103&bulsectionid=9603>).

Зато против иммиграции «нерусских» публиковался целый ряд текстов активистов «Родины». См. например: Крутов Александр. Угроза безопасности России // Материк. 2005. № 135 (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=124&bulsectionid=12514>) или воспроизведение заявления партии «Родина»: Соглашение об упрощении визового режима между Россией, Киргизией и Таджикистаном подрывает безопасность России // Материк. 2005. № 134 (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=123&bulsectionid=12382>).

¹⁰ Привалов Кирилл. Дорогое это дело – депортация // Материк. 2005. № 121 (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=107&bulsectionid=10172>).

мигрантов, которые ей «близки по менталитету и культуре»¹¹, иначе ассимиляции не получится.

Подобные речи заметно преобладают в среде общественных объединений русской диаспоры в новых независимых государствах: активисты этих организаций были глубоко шокированы отсутствием в текстах законодательных актов о гражданстве и миграции каких-либо упоминаний о принципе этнической предпочтительности для русских. Партия «Родина», выступающая в качестве одного из основных сторонников поддержки русских диаспор, отказывается поддерживать предложения Форума переселенческих организаций и выступает за проведение дифференцированной политики. Так, в рамках круглого стола по вопросам миграции, проводившегося в Москве осенью 2005 года, Дмитрий Рогозин и Андрей Савельев заявили, что преступность растет как раз по причине нелегальной коммерческой деятельности мигрантов, что последние обогащаются за счет русских, и выступили с предложением просто-напросто запретить иностранным гражданам заниматься мелкой торговлей¹².

Несмотря на проведение нескольких совместных мероприятий, большинство общественных объединений, ориентированных на работу с «соотечественниками», за исключением Форума переселенческих организаций, продолжают выступать за учет этнического аспекта в проводимой миграционной политике, призывают облегчить процесс иммиграции прежде всего для этнических русских, а затем для представителей этнических групп, имеющих «свои» территориальные образования внутри России (татары и т.д.). Только после этого можно говорить о представителях «титовых» этносов стран бывшего СССР, таких как Азербайджан или Таджикистан, — основных источниках мигрантов в Россию, где продолжают широко использовать русский язык, в то время как потоки иностранцев из стран, не входивших в Советский Союз, таких, например, как Китай, Вьетнам, Турция и Афганистан, необходимо прекратить. Таким образом, эти объединения вносят свой вклад в то, что внимание российского общества фокусируется на вопросах миграции и нарастают ксенофобские настроения, в действительности затрагивающие не только иностранцев, но и этнических русских, вернувшихся в Россию, о чем свидетельствуют многие исследования¹³.

¹¹ Федорова Лада. Власть решила увеличить население России // Материк. 2005. № 120 (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=106&bulsectionid=10048>).

¹² Михайлов Виктор. Проблемы миграции? // Материк. 2005. № 133 (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=122&bulsectionid=12236>).

¹³ Pilkington Hilary. Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia. L.—N. Y.: Routledge, 1998; Flynn Moya. Migrant Resettlement in the Russian Federation: Reconstructing “Homes” and “Homelands”. L.: Anthem, 2004.

Влияние на внешнюю политику

Если в начале 1990-х годов большинство общественных объединений выступало за сохранение русских общин в новых государствах, то впоследствии из-за непредвиденного массового потока мигрантов на территорию России им пришлось пересмотреть свою точку зрения. В нынешней ситуации их позиция двойственна: с одной стороны, они требуют от государства помощи в улучшении положения «соотечественников», решивших остаться в стране проживания, а с другой стороны, указывают на необходимость оказания помощи в «возвращении» для всех остальных. Для разъяснения этого двойственного подхода, как со стороны общественных объединений, так и со стороны государства, необходимы конкретные предложения, касающиеся массового коллективного перемещения, а также предоставления для новоприбывших достаточных средств по месту прибытия (финансовая поддержка, облегчение административных процедур, особые займы на покупку земли, постройка недорогого жилья и т.д.).

Двойственная стратегия предполагает участие общественных объединений в формировании внешней политики, проводимой Россией. Интернет-ресурс «Материк», принадлежащий Институту стран СНГ, содержит как комментарии по поводу положения «соотечественников», так и заявления Затулина в прессе, касающиеся отношений России с соседними государствами в постсоветском пространстве¹⁴.

Все активисты представляют Белоруссию как наглядный пример благожелательной политики, проводимой президентом Александром Лукашенко в отношении русских, статуса русского языка в стране и объединения двух государств в рамках союза Белоруссия—Россия, созданного в 1996 году. В адрес остальных республик звучат обвинения в негативном отношении к русским общинам, однако к странам-союзникам, таким как Армения, отношение более снисходительное: ее не критикуют. По отношению к другим странам СНГ возможны две позиции. Если страна проводит пророссийскую политику на международной арене, участвуя во всех экономических и таможенных союзах, созданных на постсоветском пространстве, но не предоставляет достаточно прав своим русскоязычным гражданам, как, например, Казахстан, то отношение — скорее положительное. Страны, которые совмещают обе отрицательные тенденции, то есть проводящие внешнюю политику, диаметрально противоположную политике Российской Федерации, и поставившие русское меньшинство

¹⁴ См. рубрику «В зеркале СМИ» в бюллетенях «Материк».

в более или менее трудное положение, например, Украина или страны Балтии, удостоиваются жесткой и крайне эмоциональной критики. Именно в адрес этих государств общественные объединения диаспоры выдвигают основные требования. Важно отметить, что внимание сосредоточено на западных республиках бывшего СССР, а странам Центральной Азии и Кавказа уделяется гораздо меньше внимания, даже в тех случаях, когда отношения России с этими государствами явно плохи, как с Грузией, или где положение русских катастрофично, как в Туркмении.

Все те, кто вовлечен в дело защиты прав русских, проживающих за рубежом, отличаются имперской точкой зрения на роль России в ближнем зарубежье и двойственным отношением к недавно созданным государствам. Еще в 1995 году на проведенном в Волгограде III конгрессе «представителей русского народа России и зарубежья» было заявлено, что регионы Алтая, Семиречья и Уральска никогда не принадлежали казахам¹⁵. На первом Конгрессе соотечественников, прошедшем в 2001 году, К. Затулин развил эту мысль: он заявил, что в областях, расположенных на севере и востоке Казахстана, равно как и в восточных областях Украины и в Крыму, русское население присутствовало до появления там представителей титульных народов соответствующих стран¹⁶, и призвал сделать из этого факта соответствующие политические выводы в области определения границ. В 2003 году в программе «Родины» появилось упоминание о возможности создания надгосударственного образования, в которое могли бы войти Россия, Белоруссия и Казахстан. Упоминались также Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия — стремящиеся к отделению и пророссийские настроенные регионы соседних стран¹⁷.

Несмотря на то, что идея о пересмотре границ по признаку доминирования этнических русских упоминается уже не столь часто, мысль о реализации русского варианта «доктрины Монро» для постсоветского пространства продолжает пользоваться поддержкой в среде общественных объединений диаспоры. Так, Затулин не скрывает желания заставить страны региона принять принцип двойного гражданства, выдвигая в качестве одного из оснований тот факт, что Россия оказывает военную под-

¹⁵ См.: Лад. 2000. № 9. («Лад» — журнал русских общин в Казахстане. Речь идет об областях Казахстана, пограничных с Россией).

¹⁶ Затулин Константин. Царство, разделившееся в себе // От съезда до конгресса соотечественников. М.: Институт стран СНГ, 2001 (<http://postman.ru/~zatuln/institute/wbook/105.shtml>).

¹⁷ Глазев Сергей. К вопросу об идеологии организации // Глазев. Ру (<http://glazev.ru/print.php?article=87>).

держку и защищает территорию некоторых стран, например, Таджикистана, и продолжает косвенно субсидировать экономику всего региона, соглашаясь продавать свои ресурсы по ценам ниже мировых. В первой половине 1990-х годов Затулин также выдвинул инициативу по созданию парламентской комиссии по Севастополю и Черноморскому флоту, целью которой было бы обеспечить влияние России в Причерноморье, лишь недавно ставшем частью другого государства. Союз ГУАМ¹⁸, в который входят страны, более всего настроенных против России, подвергается жесткой критике, в то время как участие в Евроазиатском экономическом союзе (ЕврАзЭС), созданном в 2000 году, предлагается в качестве наиболее подходящего решения для всех стран региона. Тем не менее, и этот союз привлекает не всех: в некоторых кругах, в частности, в партии «Родина», существует беспокойство по поводу упрощения визового режима между Россией, Киргизией и Таджикистаном, которое рассматривается как угроза безопасности России¹⁹.

Мэрия Москвы, в свою очередь, проводит параллель между процессом «собираения русских земель» в XIV веке, обеспечившим превращение маленького княжества в столицу целой империи, и процессом воссоединения общин, составляющих русские диаспоры, с родной страной, отечеством²⁰. Даже учитывая, что данное сравнение является эвфемизмом, можно отметить, что оно подразумевает надысторическую доминирующую роль России в регионе. Декларации объединения «Русь единая» имеют гораздо более выраженную политическую окраску и содержат призывы к «взаимовыгодному сотрудничеству с оппозиционными силами в странах СНГ и Прибалтики»²¹ с целью борьбы с элитами, пришедшими к власти в других республиках. Среди организаций, связанных с проблемами диаспоры, наблюдается общее стремление привлечь внимание российских федеральных властей к осознанию значения крупных русских общин, проживающих в соседних странах, в деле оказания политическо-

¹⁸ Объединение государств, в которое входят Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. До 2005 года в него входил также Узбекистан, так что объединение называлось ГУУАМ.

¹⁹ «Родина»: соглашение об упрощении визового режима между Россией, Киргизией и Таджикистаном подрывает безопасность России // Материк. 2005. № 134 (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=123&bulsectionid=12382>).

²⁰ Из обращения мэра Ю.М. Лужкова к читателям книги «Международный опыт защиты соотечественников за рубежом» // Официальный сайт Правительства Москвы. Департамент международных связей (<http://moskvaimir.mos.ru/dms/activity/support/>).

²¹ Программа международного союза общественных объединений «Русь Единая» (<http://www.russedina.ru/frontend/guide/docs?id=334>).

го и культурного влияния. Подобные призывы очевидно наводят власти новых государств на подозрения: не являются ли диаспоры на их территории «пятой колонной» на службе у бывшего «старшего брата»?

Волна «цветных революций», прокатившаяся от Грузии в 2003 году и Украины в 2004 году до Киргизии в 2005 году, вызвала возмущение со стороны защитников прав русских в странах ближнего зарубежья, так как любой пересмотр доминирующей роли России на постсоветском пространстве рассматривается ими как ухудшение положения «соотечественников» и ущемление интересов самой Российской Федерации. Американское и европейское влияние в данном регионе рассматривается в весьма негативном ключе: Евросоюз, например, подозревают в том, что он отдает предпочтение новым государствам в ущерб России и делает все, чтобы не улучшать положение русских меньшинств, особенно в странах Балтии. Обвинения в том, что в отношении России используется политика «двойных стандартов», служат лейтмотивом многих выступлений по вопросу о диаспоре.

Все стороны, задействованные в трудном деле работы с соотечественниками, несмотря на различия в статусе, предыстории и специфике работы, борьбу амбиций и разницу в логике действий, разделяют одни и те же политические взгляды: чувство униженности перед Западом, восприятие распада СССР в качестве поражения, надежды на восстановление великой мощи России, отказ от пересмотра роли Российской Федерации на постсоветском пространстве, которое рассматривается как естественная сфера для реализации российской державности, и т.д.

«Национальное меньшинство» или «диаспора»

Термины «национальное меньшинство» и «нацмен» зачастую вызывают резкую критику со стороны защитников прав русских ближнего зарубежья. Действительно, в советскую эпоху слово «нацмен» имело пренебрежительный и даже презрительный оттенок, так что его современное использование означало бы, что русские общины, проживающие вне российской территории, имеют ту же «сущность», что и малые народы Севера. Вдохновленные российской имперской традицией, активисты отказываются принять тот факт, что часть русских может внезапно оказаться в положении меньшинства и быть приравнена к общинам, которые в общественном сознании до сих пор рассматриваются как «племена», не обладающие особо значимой культурой.

К тому же с момента провозглашения независимости бывших советских республик в 1991 году представители русских общественных объеди-

нений пытались осуществить идею двойного гражданства в тех новых странах, где русские составляют существенную часть населения, — например, в Казахстане, Киргизии, Украине, Латвии и Эстонии. Раздавались призывы к новым властям рассматривать русских как «государствообразующую нацию» наравне с «титულიной» и гарантировать им те же права.

Стратегии, основанные на концепции идентичности, уже во второй половине 1990-х годов подверглись пересмотру. В новых государствах начался процесс продвижения национальных кадров в органы государственного управления, наиболее активные русские эмигрировали, появилось понимание, что интеграция не может осуществляться путем конфронтации с представителями «титულიной нации», и стала очевидна необходимость принятия новых национальных реалий. Все это постепенно привело некоторые объединения к требованию признания русских в качестве «национального меньшинства», а не «государствообразующей нации». К тому же использование термина «меньшинство» в международных соглашениях и его признание европейскими институтами привело некоторых активистов к использованию данной терминологии в процессе борьбы за права русских ближнего зарубежья в организациях Евросоюза, ОБСЕ или Совета Европы (в частности, в Европейском суде по правам человека). Включение этого европейского понятия в риторiku активистов диаспоры и принятие ими факта необратимости процессов, идущих внутри новых государств, привели к некоторому изменению дискурса данных объединений.

Термин «диаспора» особенно широко использовался в первые годы после провозглашения республиками суверенитета. Он также вызывает противоречия и споры. Как и термин «национальное меньшинство», он несет в себе намек на дискриминацию, ибо подразумевает отстранение от процесса формирования новой государственной идентичности. В связи с этим Институт стран СНГ и некоторые другие общественные объединения осудили частое использование термина «диаспора» даже в самой России: они считают, что правительства новых государств стремятся усилить «формирование диаспоры» русских с целью придать не «титульным» народам статус чуждых новым республикам элементов; следовательно, Россия должна отказаться от использования данного понятия²².

На самом деле, основная проблема, связанная с употреблением данного термина, заключается в другом. По-гречески слово «диаспора» означает рассеяние. Таким образом, данное понятие рассматривается борцами за права русских как неточно отражающее действительность, ибо по-

²² Градировский Сергей. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // Диаспоры. 1999. № 2—3.

лучается, что диаспора — это община, проживающая на территории, исторически не принадлежащей народу, частью которого она является, тогда как, с их точки зрения, русские, проживающие за рубежами России, но в пределах границ СССР, находятся на территории, исторически им принадлежащей и веками находившейся в составе империи. Не столько они рассеялись по территории, сколько само государство вдруг неожиданно уменьшилось и оставило их за границами своей новой территории²³. Таким образом, термин «диаспора» может быть применен к русским эмигрантам XIX века и к тем, кто уехал в советскую эпоху, покинув страну по своему желанию или по принуждению, и совершенно неприменим к тем, кто оказался на иностранной территории в 1991 году. Роджерс Брубейкер использует в таком случае термин «accidental diasporas» («нечаянные диаспоры») и проводит различие между понятиями «movement of peoples across borders» и «movements of borders across peoples» («движение народов через границы» и «движение границ сквозь народы») ²⁴.

Многие российские и западные исследователи призывали к использованию иного подхода к понятию «диаспора» применительно к русским, проживающим в ближнем зарубежье. Помимо того, что русские в прошлом не эмигрировали за пределы своего государства, создается впечатление, что в случае русских общин отсутствуют и многие другие факторы, необходимые для того, чтобы охарактеризовать их в качестве «диаспоры». Община может быть названа «диаспорой», если выполнены следующие условия: 1) общность этнического самосознания, 2) объединение общины в рамках определенной общественной и экономической организационной формы, 3) особая связь со страной, рассматриваемой в качестве «родины, отечества». В случае русских общин упомянутые элементы частично отсутствуют: ощущение этнического единства развито у политизированных активистов, проявляющих также наибольшую радикальность, однако чаще всего отсутствует у большинства русских, с которыми проводились беседы в рамках социологических исследований²⁵. Русские общины в различных странах не объединены в какие-либо организации, а

²³ См.: Лад. 2003. № 4; Лад. 2000. № 3—4.

²⁴ Брубейкер Роджерс. Диаспоры катаклизма в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами // Диаспоры. 2000. № 3. См. также: Brubaker Rogers. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, 2004.

²⁵ Космарская Наталья. Русские диаспоры: политические мифологии и реалии массового сознания // Диаспоры. 2002. № 2; Она же. Русские диаспоры — научный дискурс и низовые восприятия // Диаспоры. 2003. № 4; Она же. Русскоязычные ближнего зарубежья: «диаспорный проект» против «автохтонного» // Диаспоры. 2004. № 1.

партии, сформированные в качестве специфически русских, объединения по защите их прав или же клубы культурного характера не оказывают заметного влияния на ежедневную жизнь «соотечественников», и люди в основной своей массе просто не знают о них и существуют, объединяются или эмигрируют в рамках личных, семейных или профессиональных связей, не используя связанные с «диаспорой» пути²⁶.

К тому же возникают трудности с признанием России в качестве отечества. Те, у кого там сохранились крепкие семейные связи, смогли вернуться в Россию еще в 1990-е годы. Среди тех, кто решил остаться или не смог уехать, есть, в частности, люди, признавшие себя гражданами новых государств, не имеющие семейных связей с Россией, никогда там не жившие и предполагающие, что не смогут никоим образом найти там для себя место. Некоторые другие стремятся найти способ совместить принадлежность к двум идентичностям (называя себя, например, «казахстанскими русскими») в надежде в той или иной мере добиться интеграции в качестве представителей национального меньшинства одного из новых государств. Часть из них обладает сильной региональной идентичностью, позволяющей избежать трудного выбора (например, заявляя о себе как о крымских русских, уральских и алтайских казаках, выделяя скорее «малую родину», нежели «большую»). Многие другие, возлагавшие надежды на Россию, разочаровались в ней вследствие отсутствия особого интереса России к русским, проживающим за рубежом, и перестали относиться к ней как к мифологизированной родине. Проведенные по этому поводу немногочисленные исследования показали, что только четверть русских рассматривает Россию в качестве родины вне зависимости от того, в какой стране бывшего СССР они проживают²⁷: можно отметить, что данные общины не рассматривают себя в качестве диаспоры и не исключают для себя множественной идентичности, хотя вполне вероятно, что впоследствии может развиться идентичность, связанная именно с принадлежностью к диаспоре.

Есть еще один существенный вопрос — признание или непризнание преемственности между Советским Союзом и Российской Федерацией. С точки зрения международного права Россия была признана и признала себя в качестве государства — преемника СССР. Некоторые представите-

²⁶ По вопросу о русских в Казахстане, см.: Laruelle Marlene, Peyrouse Sebastien. Les Russes du Kazakhstan. Identites nationales et nouveaux Etats dans l'espace post-sovietique. P.: Maisonneuve & Larose — ifeac, 2004.

²⁷ См. беседы, проведенные автором следующей работы: Савоскул Сергей. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.

ли объединений по борьбе за права русских, проживающих в ближнем зарубежье, не раз выступали с требованиями довести этот юридический процесс до логического завершения и предоставить российское гражданство всем попросившим об этом бывшим советским гражданам. Такие выступления имели место в 1990-х годах среди представителей коммунистических сил и в среде заметных националистических деятелей, таких как Сергей Бабурин, а в 2000-е годы эстафету переняли некоторые члены партии «Родина», а также «Единой России», путинской партии, активно участвующей в настоящее время в реабилитации советского режима. Однако подобные настроения разделяют не все представители общественных объединений, специализирующихся в области защиты прав диаспоры: так, движение «Русь единая» считает, что любые планы по символическому восстановлению СССР были бы вредны, в частности, и для самого русского народа, этническое выживание которого обеспечивается в том числе отказом от имперского прошлого²⁸. Помимо этого, социологические опросы с большой долей определенности показывают, что чувство принадлежности к СССР и желание и дальше считаться «советскими гражданами», широко распространенное в первой половине 1990-х годов среди русских ближнего зарубежья, начало уходить в прошлое и, возможно, уже через несколько лет не будет входить в число основных составляющих идентичности.

Юридическое определение понятия «соотечественник»

Большая часть терминологических споров касалась понятия «соотечественник», что вполне объяснимо, так как именно оно было принято властями и юридически закреплено. Данный термин призван носить нейтральное значение и указывать на гражданскую, а не этническую, сущность нации, подразумевая государственное и более «мужское» видение родной страны, называемой «отечеством» в противовес более эмоциональному и «женскому», материнскому характеру термина «родина», означающего место, где человек родился.

«Декларация прав российских соотечественников», принятая 30 января 1994 г. Конгрессом русских общин, задала тон опубликованным впоследствии официальным документам, в которых в основных чертах было

²⁸ Программа международного союза общественных объединений «Русь Единая» (<http://www.russedina.ru/frontend/guide/docs?id=334>).

перенято использовавшееся КРО определение соотечественника. Так, в Декларации приводится следующее определение: *«Соотечественниками признаются: а) каждый человек, постоянно проживавший на территории Союза ССР и являвшийся гражданином СССР, если он считает своим родным языком русский язык; б) каждый человек, являвшийся гражданином СССР и постоянно проживавший на его территории, если он считает себя принадлежащим к русской цивилизации, и добровольно не отказавшийся от этого гражданства; в) потомки указанных лиц»*²⁹. Само определение было в той или иной мере использовано при составлении текстов официальных документов, однако список прав, закрепляемых за обладателями данного статуса, претерпел изменения. В Декларации упоминаются *«право на единое Отечество, (...) право на сохранение, продолжение и развитие единой российской государственности (...), право на сохранение условий на территориях Отечества, обеспечивающих свободное использование русского языка в качестве официального (...), право на сохранение, развитие и продолжение русской национальной системы дошкольного, школьного, технического и иных видов и уровней образования»*³⁰.

В текстах двух самых ранних официальных документов — президентского указа «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» от 11 августа 1994 г. и парламентской «Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам» от 9 декабря 1995 г. — терминология была определена, но сознательно размыта в сравнении с документами КРО: «соотечественниками» предлагалось считать *«...всех выходцев из Союза ССР и России и их прямых потомков независимо от национальной и этнической принадлежности, языка, вероисповедания, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств, не являющихся гражданами Российской Федерации и заявивших явным образом о своей духовной или культурно-этнической связи с Российской Федерацией или любым из субъектов Российской Федерации и подтвердивших эту связь»*³¹. Выбор каждой личности, считать ли себя «российским соотечественником», представлен в качестве добровольного.

²⁹ Декларация прав соотечественников. Принята на Втором всемирном Конгрессе русских общин, Москва, 29–30 января 1994 г. Доступна на сайте РАУ-Университета (http://www.rau.su/observer/N18_94/18_21.htm).

³⁰ Там же.

³¹ Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам. Доступна на сайте «Предпринимательское право» (http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_35720.html).

В тексте парламентской Декларации утверждается, что Россия несет моральную и политическую ответственность в сфере гарантий прав и свобод соотечественников, берет на себя обязательство предоставить им возможность получения гражданства Российской Федерации в рамках упрощенной процедуры и обязуется оказывать содействие в возвращении российских соотечественников или даже оказывать им материальную поддержку при возвращении на родину в случае дискриминации в стране проживания.

Более точные формулировки появились лишь в законе от 24 мая 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». «Соотечественниками» в нем считаются *«российские граждане, проживающие за рубежом, лица, имевшие советское гражданство и имеющие гражданство одного из государств постсоветского пространства, исторические эмигранты, покинувшие Россию, а также потомки лиц, входящих в упомянутые категории»*³². Однако соотечественником становятся не автоматически, а по заявлению.

Законодательство по-прежнему создает неопределенность. В определении в одном ряду упоминаются проживающие за рубежом граждане России, пользующиеся правом на защиту со стороны своего государства в соответствии с международным законодательством, и лица, не входящие в правовое поле России (и именно по поводу этих лиц ведутся споры).

Другая неясность связана с выражением «проживающие за рубежом», которое постоянно сопровождает термин «соотечественники». Это уточнение делается потому, что подразумевает существование двух категорий «соотечественников», одна из которых живет в России, а другая — за ее пределами. Однако иностранцы, проживающие в России, не рассматриваются в качестве «соотечественников», что отражает принцип определения «соотечественника» по паспорту, а не по месту проживания. Тем не менее, создается впечатление, что принципы, применяемые на российской территории, не действуют за ее пределами, так как «соотечественник» вне России подпадает под определение, основанное не на гражданстве, а на национальной самоидентификации.

Закон 1999 года вызывает и другие вопросы. Например, в нем закреплено положение, что Россия должна защищать права соотечественников,

³² Это сокращенное определение суммирует ст. 1 Федерального закона о государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом. М.: Издательство Государственной Думы РФ, 1999. С. 5. Текст закона доступен, например, на сайте Центра миграции (http://www.center-migracia.ru/law_62.htm).

и ведется речь о «праве возвращения в Россию»³³ и об обязательстве предоставить «соотечественникам» по прибытии на российскую территорию те же права, что и российским гражданам³⁴. Теоретически, соотечественники даже имеют возможность получить «свидетельство», подтверждающее их принадлежность к данной категории. В то же время закон признаёт, что соотечественники пользуются только теми правами, которые закреплены в международных договорах, касающихся национальных меньшинств, и что Россия соблюдает принцип невмешательства во внутренние дела других государств. К тому же процедуры получения вида на жительство в России являются абсолютно одинаковыми для всех граждан СНГ, заявили они о своей принадлежности к «соотечественникам» или нет.

Министерство юстиции, в свою очередь, категорически выступает против самого этого понятия и усматривает в нем противоречие с законом о гражданстве: согласно принципам международного права, никакой юридически значимый документ не может быть выдан лицу, не являющемуся гражданином данной страны и находящемуся вне ее. Граждане других стран не могут находиться под юрисдикцией России. Но, согласно одной из возможных интерпретаций данного закона, любой бывший советский гражданин может при желании заявить о своей принадлежности к числу «соотечественников» и потребовать подтверждающий это документ.

Этот противоречивый законодательный акт вызвал весьма жесткую критику со стороны объединений по защите прав русских в ближнем зарубежье, заявивших, что «родина отказывается от своих детей» и потребовавших более точного юридического определения термина «соотечественник». Тем не менее, власти продолжают занимать двойственную позицию, стремясь удовлетворить группы поддержки диаспоры и избежать протестов со стороны международной общественности. Многие официальные лица выступили в данной ситуации за внеюридическое определение соотечественника. Так, в октябре 2001 года, на первом Конгрессе соотечественников, В. Путин задал тон, заявив, что «соотечественник — категория далеко не только юридическая. (...) Это, в первую очередь, вопрос личного выбора. Вопрос самоопределения. Я бы сказал точнее — духовного самоопределения»³⁵. Подобное стремление власти выделить субъективный

³³ Там же. С. 11.

³⁴ Там же. С. 17–18.

³⁵ Президент России В.В. Путин. Национальный успех России должен стать нашим общим успехом... (Выступление на конгрессе соотечественников в Москве, 2001) // Русский мир. 2001. № 4 (<http://www.russkymir.ru/out.php?cat=15&did=384>).

характер самоопределения имеет целью избежать возможности уточнения юридического определения термина «соотечественник», чего Россия не может себе позволить во имя сохранения своего имиджа на международной арене и добрососедских отношений с политическим руководством стран СНГ.

Придание этнического характера спору: русские или россияне?

Другой важный вопрос, связанный с определением термина «соотечественник», касается зачастую сопровождающего его прилагательного «российский». Суть вопроса заключается в том, чтобы определить, касается ли термин «соотечественник» лишь так называемых этнических русских или же он распространяется на представителей других этносов, обладающих административно-территориальными структурами внутри РФ. Традиционные для России малые этнические группы, не имеющие таких структур, обычно не рассматриваются, так как они не имеют и значительных диаспор (не рассматриваются и такие диаспоральные народы, как курды или ассирийцы).

В 1995 году Совет соотечественников сделал свой выбор в пользу гражданского, а не этнического, характера определения, указав в финальном заявлении первого Съезда соотечественников следующее: «*Российскими соотечественниками признаются лица, считающие себя таковыми и принадлежащие к народам и национальностям, не имеющим нигде за пределами России возможности «национально-государственного самоопределения»*»³⁶. Это определение перешло в той или иной форме и в последующие официальные документы и законодательные акты. Проживающие за границей представители народов России, обладающие административно-территориальной автономией в рамках Российской Федерации, признаются в качестве российских соотечественников (народы Волго-Уральского региона, народы Сибири, Северного Кавказа и т.д.), тогда как лица, принадлежащие к народам, создавшим эпонимические государства (азербайджанцы, казахи, армяне, и т.д.), в это число не входят. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация, когда, например, азербайджанец — гражданин Азербайджана может предпринять шаги с целью получения российского гражданства, но он не будет считаться «российским соотечественником». Создается впечатление, что территориальное право (соглас-

³⁶ От съезда до конгресса соотечественников // Русское слово (Алматы). 2003. № 1.

но французско-немецкой терминологии) применяется при получении гражданства (по прошествии пяти лет работы на территории России на легальном положении), в то время как получение статуса «соотечественника» поставлено в зависимость от происхождения (обязательная принадлежность к народу, обладающему национальным образованием в рамках Российской Федерации).

Несмотря на то, что гражданское определение соотечественника используется в официальном дискурсе, о нем ведутся споры, и консенсус все еще не достигнут. Так, Всемирный конгресс российских соотечественников при Правительстве Москвы заявляет о своем намерении интенсифицировать работу объединений соотечественников «во имя сохранения этнической идентичности, национальной самобытности, духовного и культурного наследия российского народа»³⁷, не уточняя, тем не менее, в какой форме может выражаться «этническая» идентичность или самосознание российского народа, выдвигающего на первый план свой «многонациональный характер». В 2000 году в одном из официальных писем на имя А. В. Блохина, министра по делам Федерации и национальной политики, Затулин открыто заявлял, что находящийся в его ведении институт ставит своей задачей защиту «русского»³⁸, а не «российского», населения в странах ближнего зарубежья.

Интернет-ресурсы всех организаций, занимающихся вопросами диаспоры, публикуют сведения о жизни лишь русских этнических общественных объединений за рубежом и не содержат, к примеру, никаких новостей о бурятских, чеченских или башкирских культурных центрах, которые, тем не менее, также существуют. Все эти организации поддерживают понятие «разделенного народа» применительно к этническим русским, но никто не говорит о разделенном «российском народе».

Вопрос заключается в том, включены ли в определение термина «соотечественник» так называемые русскоязычные общины, то есть те жители новых независимых государств, для которых русский язык (и русская культура) является основой пророссийской идентичности как *lingua franca* распавшейся империи, а не как часть русской этнической идентичности. Например, объединение «Русь единая» полагает, что использование тер-

³⁷ Москва: представители 50 стран мира примут участие во Второй конференции Международного совета российских соотечественников // Официальный сайт Правительства Москвы. Департамент международных связей (<http://moskvaimir.mos.ru/dms/activity/support/news/3665.html>).

³⁸ Письмо опубликовано в бюллетене «Материк» № 16 за 2000 год. (Текст доступен по адресу: <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/016/11.shtml>).

мина «русскоязычные» имеет целью растворить этнических русских в наднациональной структуре.

Константин Затулин выступает с противоречивыми заявлениями. Он говорил, что, например, гражданин Армении украинского происхождения, не чувствующий принадлежности ни к армянам, ни к украинцам, имеет право заявить о том, что он является соотечественником, в случае, если он русскоязычен и чувствует себя ближе к России, нежели к одному из новых государств. В то же время Затулин во вполне официальном контексте использует этническую риторику: «*наши соотечественники, граждане государств, на территории которых они проживают, остаются “кровно связаны” с Россией, где они родились и где похоронены их предки*»³⁹.

Неясности встречаются также, например, в выступлениях мэра Москвы Юрия Лужкова. В своей речи на открытии Московского дома соотечественников он сказал: «*Русское слово — это то, что объединяет русское зарубежье в каждой стране и нас, россиян, с русским зарубежьем. Процесс объединения набирает великую мощь, потому что он не только естествен, но и абсолютно необходим и возможен*»⁴⁰. При этом никому и в голову не приходит говорить о существовании «российского зарубежья», что явилось бы логическим продолжением официального термина «российские соотечественники». Учитывая смешение понятий «русские» и «россияне», и вправду создается впечатление, что миссией России является установление особых связей исключительно с «этническими» русскими за рубежом, но никак не с другими этническими группами.

Можно также задаться вопросом о причинах постоянного обращения общественных объединений к татарскому примеру. Татарстан активно подошел к вопросу отношений с этническими татарами вне Татарстана, сформировав Мировой конгресс татар, имеющий возможность влиять на принятие политических решений в республике, и разработав действенную стратегию взаимодействия с татарскими «диаспорами». Постоянные призывы взять пример с Татарстана заставляют задуматься о целях тех, кто выдвигает подобные предложения: ведь если Россию призывают следовать татарской модели, то, следовательно, речь идет о формировании собственной этнической общины, не включающей всех остальных сограждан.

³⁹ Пояснительная записка по поправкам к проекту федерального закона № 111764-4 // Материк. 2005. № 116 (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=102&bulsectionid=9431>).

⁴⁰ Официальный сайт Правительства Москвы. Департамент международных связей (<http://moskvaimir.mos.ru/dms/activity/mds/>).

Данные разночтения частично исчезают, если принять во внимание роль религии в идентичности или самосознании «соотечественников». Все руководители общественных объединений по защите прав русских ближнего зарубежья публично заявляют о приверженности православию. Такие деятели, как К. Затулин, председатель Межпарламентской ассамблеи православия, регулярно участвуют в обсуждении проблематики диаспоры в рамках Всемирного русского народного собора. Интернет-ресурс Московского дома соотечественников предлагает вниманию посетителей религиозную рубрику, посвященную исключительно православию, а посещение Путиным горы Афон 9 сентября 2005 г. было представлено активистами объединений русской диаспоры как признание со стороны президентской администрации глубинной связи русской диаспоры с православием.

Все термины, используемые в ходе обсуждения данных вопросов, выражают заметную размытость значения термина «русский». Многие общественные объединения, в том числе Совет соотечественников, даже используют новый термин — «этнические россияне» или «этнороссияне». Таким образом, они совмещают два диаметрально противоположных термина, один из которых, «россияне», как раз и должен отражать государственную принадлежность, так как между народами, проживающими на территории Российской Федерации, нет этнических связей. Новый термин подразумевает, что речь идет обо всех народах, входящих в Российскую Федерацию, так что он определяет виртуальную этническую общность, в которую включены все, кто находится вне России и принадлежит к одной из этнических общин, в ней проживающих⁴¹. Получается полная терминологическая путаница, как это часто бывало начиная с XIX века.

Размышления об этническом самосознании русских включают в себя различные способы определения понятия нации, причем в результате получается наиболее широкое определение русских, в которое входят все граждане страны, этнические русские, живущие за рубежом, а также татары, буряты и представители других народов России, разбросанные по другим странам. С точки зрения некоторых объединений, сюда также входят все бывшие советские граждане, а также все, кто так или иначе заявляет о своей «русскости».

Учитывая такое многообразие определений понятия «русский», вопрос об этнической сути Федерации вызывает внутри диаспоры жаркие споры. Вопрос ставится следующим образом: является ли Россия госу-

⁴¹ Декларация учредительного конгресса представителей русских общин вне России // Лад. 1995. № 7.

дарством только или преимущественно этнических русских (что предполагает необходимость решения вопроса об этнических русских, живущих за рубежом) или же государством всех тех, кто в ней проживает? Создается впечатление, что власти склоняются к выбору в пользу гражданского и территориального определения российской нации. А вот группы поддержки, сформированные для оказания влияния в вопросах диаспоры, полагают, что чем шире будет определение нации, тем труднее будет защищать интересы соотечественников и оказывать им помощь при возвращении. Представители этих общественных объединений не скрывают, что предпочитают более узкое определение соотечественника. Даже председатель вполне официальной Правительственной межведомственной комиссии по работе с соотечественниками С. Николаев жаловался на исчезновение графы «национальность» в паспортах нового образца, сожалея, что теперь становится невозможно узнать, кто принадлежит к кореным народам России, а кто нет⁴². Создается также впечатление, что он считает неприемлемой ситуацию, когда таджик, получивший российское гражданство, имеет больше юридических прав, нежели этнический русский — гражданин другой страны. Таким образом, данный подход отличается предпочтением этнического критерия перед гражданским.

Распространения понятия «русский мир»

Невозможность достичь сколько-нибудь содержательного и устойчивого понятийного консенсуса по обсуждаемым вопросам подталкивала к тому, чтобы отказать от содержательного (и тем более — юридического) разрешения описанных выше противоречий. Возможно, именно поэтому в начале первого десятилетия 2000-х годов возникло новое понятие — «русский мир» — достоинством которого является довольно размытый смысл. О «русском мире» можно говорить, не затрагивая юридические аспекты, включая определение статуса «соотечественника», даже не пытаясь преодолеть разрыв между этническим и гражданским определением «русскости» или между границами государства и этнокультурными границами, заодно обходя вопрос об их возможном изменении, запретный для постсоветских руководителей.

Изначально новое понятие стало использоваться среди приближенных Юрия Лужкова, затем оно было перенято Советом соотечественни-

⁴² Цит. по: Докучаева А. В Госдуме обсудили законы, затрагивающие судьбы соотечественников // Материк. 2005. № 122 (<http://www.materik.ru/index.php?section=analytics&bulid=108&bulsectionid=10301>).

ков и общественными объединениями, представляющими русских зарубежья. В. Путин также упоминал о «русском мире» в уже цитированном выше выступлении в 2001 году, дав следующее определение: «...понятие *испокон веков выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса*»⁴³.

Сторонники этой новой терминологии отталкиваются от посылки, что для конструктивной работы по вопросам, касающимся русских за рубежом, необходимо найти факторы, которые бы позволили объединить представителей различных волн эмиграции. Русские, оказавшиеся вне границ России вследствие распада СССР в 1991 году, попадают в ту же категорию, что и эмигранты, покинувшие страну в различные исторические эпохи до или после установления советской власти, и в частности, приравниваются к знаменитому исходу, имевшему место после Первой мировой войны.

Понятие «русский мир» не ограничено ни временными, ни территориальными рамками, что позволяет выделить одних лишь этнических русских и присоединить к ним другие народы России, равно как и всех «русскоязычных», в число которых включены, в силу размытости значения термина, все граждане бывшего СССР, которые получают таким образом возможность заявить о себе как о «соотечественниках». Соответственно, выражение «русский мир» не противоречит понятию «российский мир». С другой стороны, факт культурной ассимиляции означает их принадлежность к русской культуре, их «русскость», но не подразумевает появления надэтнической структуры, относящейся к термину «российский». Например, в книге, выпущенной московской мэрией, группа авторов характеризует «русский мир» как «*этнокультурный феномен, объединяющий людей разных национальностей и конфессий*», не внося, естественно, ясности в явное противоречие между прилагательным «этнокультурный», определением «русский мир» и понятием о различных «национальностях»⁴⁴. Авторы ограничиваются следующим определением: «*Социокультурные миры включают в себя не только представителей конкретной этнической группы, но всех, кто включен в орбиту данной культуры*»⁴⁵, подтверждая мысль, что речь идет именно об этнических русских, а остальные народы лишь включены в их «орбиту».

Причиной использования понятия «русский мир» является также стремление предложить обобщающее видение всех исторических потря-

⁴³ Президент России В.В. Путин. Национальный успех...

⁴⁴ Мурадов Г.Л., Полоскова Т.В. и др. Международный опыт защиты соотечественников за рубежом. Мировая и отечественная практика. М.: Дрофа, 2002. С. 236.

⁴⁵ Там же. С.237.

сений XX века в России, парадоксальным образом уравнивая трагедии, связанные с образованием Советского Союза (массовая эмиграция вследствие гражданской войны) и с его исчезновением (когда миллионы русских оказались за пределами России), а также с традицией интеллектуальной эмиграции либералов и социалистов, спасавшихся от царизма в XIX веке. Соответственно, концепция «русского мира» глубоко связана с тенденцией путинской эпохи к историческому примирению между досоветским, советским и постсоветскими периодами российской истории и к формированию консенсусного, примиряющего и свободного от идеологических конфликтов видения нации.

Таким образом, можно избежать весьма политизированного и деликатного вопроса именно о русских, проживающих в республиках бывшего СССР, и включить в сферу обсуждения все русские «диаспоры», эмигрировавшие начиная с XIX века, после Первой мировой войны и в современный период, из России в Западную Европу, США, Канаду или Израиль. Можно продемонстрировать русским в странах СНГ американский, немецкий или израильский опыт существования автономных общин, не ожидающих помощи от матери-родины для организации общественных объединений культурного плана и добивающихся успеха в экономической сфере. Сегодня раздаются все больше призывов к развитию сбалансированных связей между «двумя Россиями» — внешней и внутренней. Как считают сторонники этого процесса, отношения более не могут развиваться односторонне и заключаться в оказании Москвой помощи русским за рубежом и должны перейти на двустороннюю основу. Миссия диаспоры сегодня заключается в том, чтобы России, достойно представляя ее в остальных странах мира. Таким образом, у групп поддержки диаспоры появляется надежда, что в условиях незначительного содействия со стороны государства и «дальнее», и «ближнее» русское зарубежье будут в большей мере участвовать в поддержке диаспоры «ближнего», или «нового», зарубежья, в том числе и с финансовой точки зрения.

Подобное видение вызывает оживленные споры, в частности, внутри самих общин. Многие русские ближнего зарубежья считают, что подверглись дискриминации в результате подобного объединения обеих «диаспор» и что недопустимо уравнивать русских, добровольно покинувших родину, особенно тех, кто входил в современные волны экономических и мафиозных мигрантов, с теми, кто не покидал родного дома, но в результате изменения границ родной страны оказался брошен на территории другого государства. Уже на первом Всемирном конгрессе, прошедшем в 2001 году, многие делегаты выступали с критикой в адрес организаторов, уделивших слишком большое внимание русским из дальнего зарубежья,

заявляя, что Россия не может быть ответственна за личный выбор этих людей, однако на ней лежит ответственность за то, что она покинула русских ближнего зарубежья, которые находятся в гораздо более трудной с правовой и материальной точки зрения ситуации, требующей, чтобы государство взяло на себя соответствующие обязательства⁴⁶.

Несмотря на это, аполитичный характер понятия «русский мир» наверняка приведет к довольно широкому его использованию, и это уже проявилось в том, что термин встречается в речах многих министров, а также самого Путина. Мэрия Москвы, в свою очередь, также взяла на вооружение концепцию «русского мира» и всего, что с ней связано, особенно в экономической сфере. Например, учреждения мэрии, на которые возложен вопрос взаимоотношений с диаспорой, постоянно сотрудничают с Московским центром международного сотрудничества и с Торгово-промышленной палатой Москвы. Было организовано множество конференций для освещения экономического аспекта данной проблемы, например, круглый стол «Зарубежная диаспора — экономический потенциал для России», состоявшийся в июне 2004 года и собравший русских предпринимателей из 24 стран мира⁴⁷. Все участники отметили важность русских и русскоязычных групп в коммерческой сфере на постсоветском пространстве (меньшинства были вынуждены сосредоточиться в частном секторе, так как государственная служба пополнялась «национальными кадрами»).

Эти действия имеют целью подвигнуть русских предпринимателей за рубежом к оказанию поддержки в развитии их общин, к росту инвестиций в российскую экономику и к оказанию помощи другим общинам в ближнем зарубежье. Мэрия выдвинула лозунг: «От поддержки к сотрудничеству!». Все чаще приводят в пример армянскую, китайскую или даже израильскую модели (что удивительно, если принять во внимание антисемитские предубеждения, бытующие среди русских националистов), и звучит вопрос: «А не призвана ли диаспора также участвовать в восстановлении родной страны?»

Заключение

Из приведенного анализа значимости для России темы русских ближнего зарубежья можно сделать некоторые выводы. Первый из них касается изменений в тематике обсуждения за последние 15 лет. Если в первые

⁴⁶ См.: Лад. 2000. № 3–4.

⁴⁷ См.: Круглый стол «Зарубежная диаспора — экономический потенциал России» // Московский дом соотечественника (http://www.mosds.ru/Meria/meria_meror_RT.shtml).

годы после распада Советского Союза вопросы защиты диаспоры являлись лейтмотивом выступлений русских националистических политических организаций, основанных на ностальгии по СССР⁴⁸, то во второй половине 1990-х годов власти перехватили инициативу. Подобные изменения объясняются не только борьбой внутри политического класса, иногда приводящей к патриотическим перегибам в соревновании между «правительственными партиями» и «оппозицией», но и тем, что Российская Федерация ищет сегодня возможность заявить о себе как о державе, обретшей равновесие и освободившейся от чувства вины за имперское прошлое, тяготевшего над «прозападными» элитами начала 1990-х годов. Многие деятели во властных структурах призывают Россию последовать примеру Германии или Израиля, открыто проводящих политику этнических предпочтений при «возвращении своих» на «родину».

Организация различных форм сотрудничества государственных структур и общественных объединений по защите прав русских позволила избежать чрезмерной радикализации этих движений и создать для них административный и юридический механизмы лоббирования. У властей России появился также способ опробовать новый формат отношений с силами, которые можно использовать в отношениях со странами «ближнего зарубежья», с помощью которых можно нащупывать границы возможного на международной арене — например, в ходе переговоров с представителями структур Европейского Союза, обвиняя страны Балтии в ограничении доступа национальных меньшинств к получению гражданства. Тот факт, что Константин Затулин, Виктор Алкснис или Дмитрий Рогозин (до окончательного ухода в оппозицию) выступали в качестве уважаемых политиков, позволяет отметить все разнообразие точек зрения, относящихся к «политически корректному» в нынешней российской политической жизни. Зачастую именно в думских выступлениях появляются шаблонные заявления о естественном праве России влиять на соседние страны, о чувстве униженности перед Западом, а также выражение этнического видения русской идентичности.

Терминологический анализ понятия «соотечественник», попытка которого была сделана в данной статье, показал, насколько широко ведется в России дискуссия вокруг определения «русского» и «русскости», и

⁴⁸ Постепенно происходило слияние этих двух типов организаций, однако и сейчас необходимо обращать внимание на различия в происхождении тех или иных групп, так как это происхождение позволяет понять причину того, что одни более склонны к православию, а другие являются сторонниками светских взглядов, а также разницу в подходах к этническим проблемам.

долгосрочные политические последствия этой дискуссии нельзя недооценивать. Поддержка гражданского определения национальной идентичности Российской Федерации со стороны государства — в лице как Бориса Ельцина, так и Владимира Путина — оказалась убедительна далеко не для всех, и поэтому вопрос по-прежнему вызывает оживленную полемику как среди русских националистов, опасющихся, что в случае использования внеэтнического определения «русскость» (в их понимании) окажется под угрозой исчезновения, так и со стороны групп защиты интересов других народов Российской Федерации, которые отказываются терять юридическое признание того, что они определяют как свою «этническую самобытность».

Приверженность этническому подходу, ярко выраженная в среде общественных объединений по защите русских и подразумевающаяся в законодательных актах по вопросу о «соотечественниках», с политической точки зрения может оказаться проблематичной. Однако необходимо отметить широкое использование термина «русский мир», также имеющего этнический оттенок, центральной властью и влиятельными силами на местах, например, мэрией Москвы. Таким образом, проявляется стремление объединить интересы «ближнего» и «дальнего» зарубежья, и хотя бы на словах заявить (что уже само по себе довольно эффективно) о единстве России вне пределов ее границ. Хотя в каких-то формах еще сохраняется идея объединения всех русских по состоянию на 1991 год, власти уже выбрали не политическое, а экономическое и культурное определение понятия диаспоры. Этот выбор может рассматриваться как знак нормализации в вопросе о диаспоре — как внутри страны, так и в международных отношениях.

Татьяна Локшина

Переговоры с Европой

То, что перспективы сохранения или даже развития демократии в России не в последнюю очередь зависят от позиции западных стран, давно стало общим местом. Российская политика Запада в целом и европейских институтов в частности обсуждается в России с неменьшим, как минимум, интересом, чем на самом Западе. Мы тоже вносим вклад в эту дискуссию — на основе личных впечатлений автора предлагаемых далее трех статей. Особое место, которое занимает в этих статьях¹ Чечня, не должно вводить в заблуждение: чеченская проблема и здесь оказывается модельной.

Загадка умеренного сепаратизма

Круглый стол Парламентской Ассамблеи Совета Европы по политической ситуации в Чеченской республике с самого начала был мероприятием сомнительным, и не сомнительным даже, а мутным. В том смысле, что в благих намерениях его устроителей никаких сомнений не было, но куда именно идет дорога, вымощенная этими самыми благими намерениями, тоже хорошо известно...

Европейские парламентарии устали от бессмысленной и мучительной грызни со своими российскими коллегами. Устали от того, что бесконечные резолюции и заключения о «катастрофической ситуации с правами человека в Чечне» на деле оказываются не более чем сотрясанием воздуха... Ну, в конце концов, чем же еще таким можно пригрозить России? Исклчением из Совета Европы? Но положи руку на сердце, исключать Россию все равно никто не собирается. А даже если бы и собрались — так в Чечне бы от этого лучше отнюдь не стало — зато правовые основания чего бы то ни было требовать от Российской Федерации и вовсе сошли бы на нет. Ситуация сложилась патовая. И ПАСЕ решила прибегнуть к новаторским средствам: собрать специальный круглый стол, пригласить на него побольше чеченцев, выражающих различные мнения и политические взгляды, туда же позвать представителей федеральной и местной власти, дать им всем возможность под крылышком у Совета Европы обменяться точками зрения, претензиями... Авось, на глазах у цивилизованных европейцев обой-

¹ Первоначальные версии статей опубликованы на Полит.Ру.

дется без рукоприкладства — постесняются. А крики да упреки — это ничего. Истина, как многократно было отмечено, рождается в спорах.

Положение о круглом столе было вписано в проект резолюции ПАСЕ «О политической ситуации в Чеченской Республике», составленный Андреасом Гроссом, швейцарским парламентарием, который на тот момент выполнял функции специального докладчика Ассамблеи по политическим вопросам в Чечне. Отметим для полноты картины, что в 2004 году Гросс побывал в Чечне дважды, увиденным там впечатлился донельзя и решил, что именно на нем лежит ответственная миссия нащупать выход из этого кровавого тупика. Ну а то, что многие неглупые и искренние в своем стремлении люди уже пытались, да ни у кого не получалось — действительно, недостаточный повод, чтобы сидеть в сторонке. И Андреас Гросс в лучших традициях многосотлетней швейцарской демократии загорелся идеей устроить широкое и разностороннее обсуждение проблемы. Как же можно найти выход из положения без дискуссии — разносторонней, поэтапной?..

Только, похоже, швейцарский доброжелатель недооценил, по крайней мере, одного из собеседников. Уже в октябре 2004, когда на осенней сессии ПАСЕ обсуждался проект пресловутой резолюции, российская делегация внесла в него оговорку: «никто из отказывающихся признать территориальную целостность Российской Федерации и декларирующих, что терроризм является методом для достижения определенных целей, не может быть включен в состав участников этого обмена мнениями». Европейские парламентарии на такую оговорку согласились. Не все, но большинством голосов.

И вот с этого самого момента картинка становилась все более мутной. Положение о том, что лица, утверждающие терроризм как метод политической борьбы, не могут участвовать в великом круглом столе, у нас с коллегами с самого начала сомнений не вызвало. Есть, конечно, на свете эксперты, считающие, что за стол переговоров нужно приглашать всех, включая Шамиля Басаева. Но мы к таким не относимся. В конце концов, я сама с Басаевым за одним столом оказаться бы не хотела и морального права призывать к этому российские власти за собой не вижу... Но другое положение поправки, касающееся тех, кто стоит на позиции сепаратизма, повергало в тяжкое недоумение. Если никаких сепаратистов туда не звать, то кто с кем будет обсуждать политическое урегулирование? Может, европейцы думали, что имеются в виду только те сепаратисты, которые заодно и терроризм поддерживают? Но наши-то, россияне, явно никаких сепаратистов видеть на этом обсуждении не хотели и свою расплывчатую поправку интерпретируют именно так...

Так уж получилось, что в свое время мне пришлось чуток пособить Гроссу с организацией его разъездов по Чечне, а долг платежом красен. И в перерыве между заседаниями Ассамблеи я беззастенчиво изловила господина спецдокладчика в кафетерии Дворца Европы и попробовала артикулировать проблему. Он посмотрел ласково, подмигнул заговорщицки, положил руку на плечо:

— Не волнуйтесь. У нас все получится. И мы соберем всех, кого захотим.

— Мы — это кто? — поинтересовалась я.

— А вот мы с Вами. И с Вашими коллегами.

— Мы-то тут причем? Вы собираетесь рассуждать о политическом процессе. Так собирайте все стороны конфликта. А мы правами человека занимаемся. Не политикой.

— Но я могу рассчитывать на Вашу экспертную поддержку?

— Это — сколько угодно.

— Главное, не сомневайтесь. У нас все получится.

Что именно получится, я не поняла, и этот странный разговор быстро выкинула из головы. Но уже через пару месяцев, в январе 2005 года, Константин Косачев, глава российской делегации в ПАСЕ, заявил о том, что круглый стол — будет. И проведут его в самом ближайшем будущем. Причем в Москве. И уж, конечно, участвовать в нем смогут только те, кто к территориальной целостности РФ относится с должным уважением...

— Ну, а что же твой Гросс? — возмутились коллеги.

— Да он такой же мой, как и ваши. Хотите, письмо ему напишем? Пусть прояснит ситуацию в письменном виде.

Письмо написали, вежливое такое — сама составляла, правила «мемориальцы», а потом еще пять организаций подписались — российских и международных. И сказано там было, в частности, следующее:

«Господин Гросс! Последние полтора года Россия работала над созданием иллюзии политического процесса в Чечне. Российские власти претендовали на то, что прошедшие референдум и выборы стали свидетельством политического урегулирования. В то же время Европа выражала обоснованное недоверие. Свидетельство тому имеется в тексте резолюции: “Ассамблея <...> сожалеет о том, что президентские выборы 29 августа 2004 года не соответствовали базовым требованиям в отношении демократических выборов”. Вы сами публично называли эти выборы фарсом, указывали на то, что реального политического процесса они не обеспечивают.

Вполне очевидно, что определенная часть населения Чеченской Республики сегодня продолжает поддерживать идею независимости Чечни. Отсечение от участия в Круглом Столе любых политических деятелей, выражающих эту точку зрения, означает, что из обсуждения будет исключена

одна из ключевых и самых болезненных тем. В таком случае, исходя из нынешних реалий Чечни и России, можно с уверенностью ожидать, что “дискуссию” на Круглом Столе будут между собой разыгрывать две власти – федеральная власть Москвы и республиканская власть Грозного, может быть с добавлениями некоторых нюансов со стороны псевдо-независимых чеченских политиков».

Надо отдать Гроссу должное – на письмо ответил. Но настолько (в лучших дипломатических традициях) невнятно, что никто из нас ничего не понял. Мол, *«хорошо, что вы тоже согласны, что за круглым столом террористам не место, а я вам гарантирую, что на этом мероприятии соберутся люди, выражающие самые разные точки зрения. И вас мы тоже надеемся там увидеть».*

Продолжать обмен любезностями казалось бессмысленным. Если хочет Совет Европы присутствовать при том, как команда Алханова между собой переговаривается – пусть себе присутствует. А нас, пожалуйста, увольте...

Круглый стол был назначен на 21 марта, и никто из нас туда, разумеется, не собирался. И вдруг приходят приглашения – Светлане Ганнушкиной из «Мемориала», нескольким чеченским коллегам и мне. И приглашают нас совершенно неожиданно уже не в Москву, а в Страсбург. Почитая вежливость за добродетель, звоню Гроссу:

– *Простите великодушно. Но никак мы на Ваш круглый стол поехать не можем, и уже объяснили почему.*

– *Да Вы что? Да как Вы могли так подумать? Да, я с Закаевым в Лондоне уже несколько раз встречался. Они пришлют своих представителей. Мы специально на Страсбург передоговорились, чтобы все приехать могли.*

– *С Закаевым, значит? А с Ханбиевым не пробовали? Он же вроде делегирован Масхадовым для ведения переговоров...*

– *Пробовал. Но он оказался недоговороспособен.*

Про то, что с Умаром Ханбиевым – ичкерийским министром здравоохранения – у Гросса отношения не сложились, это мы из ханбиевских открытых писем знали. Круглый стол он назвал провокацией. Говорил, что никто с их стороны на таких условиях... А Ахмеда Закаева, значит, условия не смутили?

Окончательно запутавшись, позвонили Закаеву. Да, все верно, с Гроссом он неоднократно беседовал. И Масхадова вроде уговорил, что круглый стол – очень важное и перспективное мероприятие. Получается, не обманул спецдокладчик... Долго совещаемся. Соглашаемся было участвовать в качестве наблюдателей. И тут – 8 марта – Масхадов убит. Пишем Гроссу: перенесите, господин хороший, круглый стол. Сепаратисты в пе-

риод траура к вам все равно не приедут. И вообще уже непонятно, кого теперь представляет Закаев. И в принципе ничего не понятно. Нужно сделать паузу.

Дальше все – как в ускоренной кино съемке. Гросс прилетает в Москву. Мы с Ганнушкиной – товарищи по несчастью – холодным мартовским утром идем с ним встречаться. Он – сама любезность, но круглый стол перенести никак нельзя. Потому что россиян было очень трудно на него уговорить. Потому что договориться на конкретную дату было несказанно тяжело. Потому что если отложить сейчас, то потом этот процесс вообще начать не удастся. И встреча 21 марта – лишь точка отсчета в сложной, многоэтапной дискуссии... Если не собраться сейчас по-любому, то про дальнейшие встречи с участием сепаратистов можно забыть.

Тут мы, наконец, получаем разъяснения в отношении своей роли в этом странном деле. Оказывается, мы не участники даже, а докладчики. Выступаем в самом начале, чтобы дать объективную оценку нынешней ситуации и определить рамки дискуссии, направить ее в нужном направлении. И единственный вопрос, на который должны будут ответить участники круглого стола, это какие шаги необходимо предпринять, чтобы политический процесс в будущем оказался возможен. Что тут скажешь... Вопрос, конечно, политический, но ответ на него, безусловно, лежит в русле прав человека, имеет непосредственное отношение к нашей работе. А единственное решение, которое будет принято, – это проводить дальнейшие круглые столы или постановить, что младенец оказался мертворожденным. И если мы не скажем о том, что необходимым условием проведения дальнейших встреч по политическому процессу должно быть участие в них умеренных сепаратистов, то кто же об этом скажет?

Приблизительно то же самое мы услышали по телефону от готовых к переговорам сепаратистов в лице Закаева: *«Если вы хотите политического процесса, а не имитации, вы понимаете, что мы не можем быть исключены из этой дискуссии. А без вашего участия сегодня наше участие завтра окажется невозможным. Проблема просто не будет поставлена».*

Задавать рамки дискуссии, или, как теперь это называют, *фасилитировать* диалог – естественная задача для правозащитников. И, получив благословение многих московских и чеченских коллег, мы отправились в Страсбург.

Что было дальше? Да ничего особенного. Вокруг круглого стола ПАСЕ было столько сплетен и интриг, его сторонники и противники проявили такую бурную активность, что со стороны многим это показалось крайне значимым, чуть ли не эпохальным мероприятием – кому великим прорывом, кому гнусным обманом. На деле же страсбургские посиделки больше

всего напоминали плохое кино с легким налетом абсурда. Сепаратисты не приехали вовсе — учитывая траур по Масхадову и невыдачу его тела родственникам, приехать для них было бы равноценно политическому самоубийству. Российская исполнительная власть круглый стол тоже предпочла проигнорировать, видимо, не придавая ему особого значения. А вот чеченского официоза понаехало столько, что в глазах рябило. Он «всенародно избранного Президента республики» Алу Алханова до прокурора Чечни Кравченко. Явились, конечно, интересующиеся проблемой европейские депутаты — человек эдак дюжина. Несколько входящих в ПАСЕ депутатов Государственной Думы. Три с половиной представителя независимых чеченских организаций. Ну, и мы со Светланой Ганнушкиной. Соответственно, имел место диалог глухих. Выразители разных взглядов не обсуждали их друг с другом, а выплескивали в пустоту.

Проправительственные чеченцы все как один — и видимо, по одной бумажке — повествовали о том, что политический процесс в республике уже идет полным ходом. И состоит он в том, что весь народ в трудную минуту объединился вокруг любимого президента — и молодежь, и студенты, и колхозники... И все дружно пишут резолюции в поддержку президента. Никакой оппозиции нет, а другой стороны нет тем более. Есть только остатки криминальных элементов. Но с ними удастся справиться в самом ближайшем будущем. Поэтому никаких проблем, достойных обсуждения на этом высоком форуме, в принципе нет. Кроме одной — разруха, господа, разруха. И единственное, зачем мы сюда приехали, — это поговорить с европейскими партнерами о том, как Европа поможет нам в восстановлении экономики и социальной инфраструктуры Чечни. У нас за последний год построили 20 школ, 15 детских садов и пять больниц. Почти выиграла битву за урожай. Но нужно — больше и лучше. Так что хотите помочь — давайте бабки. И мы с ними прекраснейшим образом разберемся.

Депутаты Государственной Думы вещали о том, что социальные программы — самое главное, но нельзя забывать и о таком ключевом факторе, как международный терроризм. С которым Россия совместно с Европой успешно борется и будет бороться.

В то же время российские правозащитники и европейские парламентарии говорили совсем другое: Чечня находится в глубоком кризисе, для выхода из которого необходим реальный политический процесс. Но этот процесс будет возможен только при условии кардинального улучшения ситуации с правами человека и, в первую очередь, решения проблемы безнаказанности федеральных и местных силовых структур. На сегодняшний день приоритетно формирование плюралистического пространства,

в котором будут адекватно представлены самые разные политические точки зрения, включая сепаратизм. И пока люди, придерживающиеся сепаратистских убеждений, понимают, что декларировать эти убеждения публично — все равно что подписать себе смертный приговор, дело не сдвинется с мертвой точки. Наоборот, ситуация, в которой приверженцы независимости Чечни не могут мирным путем стремиться к достижению собственных целей, выдвигать свою политическую программу, баллотироваться в органы власти, служит все большей радикализации сепаратистского движения. На сегодняшний день власти сами не оставляют сепаратистам никаких возможностей действия, кроме войны. А жестокость силовиков, безнаказанные похищения людей представителями государственной власти, заложничество, торговля похищенными и трупами, унижения и переходящее все границы скотство втягивают в замкнутый круг насилия родственников погибших и пропавших, в особенности молодежь.

На эти аргументы представители чеченской власти почти не пытались ответить. А если отвечали, то исключительно правозащитникам, недвусмысленно давая понять, что, с их точки зрения, правозащитники являются эмиссарами воюющей стороны и приехали на круглый стол в качестве рупора террористов.

Показательно, что наиболее ожесточенный протест вызвали наши рассуждения о необходимости введения в республике чрезвычайного положения. Здесь следует пояснить: «чеченизация» конфликта была построена таким образом, что внутри чеченского общества уже пролилась кровь, конфликт приобретает характеристики гражданской войны, произвол со стороны местных силовых структур, в первую очередь «кадыровцев», приобрел чудовищные масштабы. Пока гражданское население парализовано страхом, ни о каком политическом процессе не может быть и речи. Поэтому и необходимы чрезвычайное положение, передача контроля и ответственности федеральному центру и параллельное усиление присутствия в регионе международных организаций (Совета Европы, ООН, ОБСЕ...). И только когда эти организации констатируют, что ситуация нормализовалась настолько, что политический процесс кажется реальным, возможно проведение парламентских выборов под наблюдением международного сообщества и с участием в них умеренных сепаратистов.

Для чеченского официоза этот взгляд на вещи совершенно неприемлем, потому что в первую очередь означает отстранение от кормушки. Наиболее ярко в данном случае выразил всеобщее возмущение таким святотатственным подходом Абдул-Хаким Султыгов, сотрудник Министерства иностранных дел РФ, в прошлом — спецпредставитель Президента

РФ по правам человека в Чечне, а в более отдаленном прошлом — в период между двумя войнами — ярый адепт шариатского судопроизводства (что ж, времена меняются, и люди меняются вместе с ними...). Пламенная речь Султыгова содержала следующий выдающийся пассаж:

— Тут Татьяна Локшина предлагает ввести чрезвычайное положение. Этим она перечеркивает весь проделанный нами путь. Сводит на нет все наши достижения последних лет. Она говорит, что, видите ли, другая сторона не может свободно выразить своего мнения без предварительного введения чрезвычайного положения. Но ведь она здесь совершенно свободно высказывает позицию этой самой другой стороны, а никакого чрезвычайного положения в Страсбурге для этого вводить не стали.

Самодовольная улыбка оратора. Одобрительный смех его коллег и соратников. Да и сама я от нелепости ситуации чуть не падаю от хохота под тот самый круглый стол.

Что же получилось на выходе? Одни журналисты писали, что мероприятие было еще одной безусловной победой России на международной арене... Интересно, над кем? Над Европой? Над чеченскими сепаратистами? Другие — о том, что в качестве посланцев сепаратистов на страсбургском круглом столе выступили представители российских правозащитных организаций Светлана Ганнушкина и Татьяна Локшина. Тоже полный абсурд. Третьи презрительно отмечали, что правозащитники сочли возможным «освятить» своим присутствием этот хорошо продуманный фарс. И кем считать себя после этого? Коллаборационисты, сепаратисты или особы духовного звания? Трудно сказать. Ехидные коллеги настаивают, что я теперь не больше не меньше, как главная сепаратистка земли русской, а читатель пусть выбирает на свой вкус...

Что греха таить. Мутная история. И радости не принесла. Но горя — тоже никакого. Ведь в конечном счете нас, покамест, не обманули. Единственное решение, принятое на круглом столе — это то, что подобные встречи следует продолжать с более широким составом участников. Но российские власти настаивают, чтобы следующая встреча проходила в Москве или даже в Грозном. И если Европа согласится на Москву, значит, никаких сепаратистов не случится — они же не самоубийцы. Это будет значить, что европейские деятели либо осознанно идут на такой фарс ради «конструктивных отношений с российскими коллегами», либо дают себя обмануть. С точки зрения практической, разница невелика. И от участия в таких уже очевидно бессмысленных мифотворческих посиделках нас, безусловно, увольте. «Доктор сказал в морг — значит, в морг». Либо снова Страсбург. И все-таки загадочные представители сепаратистов. И

хотя бы попытка разговора о политическом урегулировании, которому можно и нужно способствовать...

Сейчас остается только ждать, пока «непонятное» трансформируется в понятное — хотя бы отчасти. Почему отчасти? Это отдельная проблема. На круглом столе 21 марта главой российской делегации в ПАСЕ была, наконец, представлена интерпретация неочевидных страсбургских критериев участия в дискуссии о политическом процессе. Оказалось, потенциальные переговорщики, отвергающие террор и не отказывающиеся признавать территориальную целостность России, это те сепаратисты, которые «готовы отстаивать свои убеждения в рамках действующего законодательства РФ». Европейцев эта формулировка не смутила — пусть ведут политическую борьбу, избираются в органы власти со своей сепаратистской программой. Мне такое толкование показалось приемлемым в теории, но не работающим на практике, когда *де-факто* отстаивать свои убеждения может только тот сепаратист, которому жить надоело. Именно об этом я, в частности, разглагольствовала на круглом столе, а европейские парламентарии согласно кивали. Только вот, вернувшись домой, заглянула в родной российский закон «О противодействии экстремистской деятельности» и просто за голову схватилась. Оказывается, согласно нашему законодательству, любая деятельность, направленная на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, считается экстремистской. То есть мирного сепаратизма в принципе быть не может. Европейские депутаты, естественно, с этой нормой не знакомы. Может, российские представители в ПАСЕ таким образом пытаются надуть своих прекраснородных коллег. А может, они и сами не в курсе. Законодательство наше многообразно, сложно и расплывчато... Так что, даже если Ассамблея решит следующий круглый стол проводить на безопасной эльзасской земле с участием представителей сепаратистов, один ключевой вопрос все же стоит ребром: как именно умеренные сепаратисты могут в рамках действующего российского законодательства отстаивать свои убеждения, не оказавшись при этом экстремистами?²

5 апреля 2005 г.

² Второй круглый стол к моменту выхода в печать этой книги так и не состоялся. Хотя в начале 2006 года его координатор с российской стороны Константин Косачев утверждал, что соответствующие договоренности достигнуты и мероприятие пройдет в Грозном.

Как добиться невозможного

От дипломатического политеса к общественному участию: слушания по правам человека в Брюсселе

Лететь от Москвы до Брюсселя — три с половиной часа. Но у нас, организаторов общественных слушаний по правам человека в России, десантировавшихся в бельгийской столице 8 сентября 2005 г., этот путь занял около полугода. Добирались мы туда как по лесенке в несколько ступенек.

Точка отсчета

Все началось в первых числах марта, когда по новостным агентствам со ссылкой на российский МИД прошла информация о том, что в Люксембурге состоялся самый первый раунд «консультаций по правам человека Россия—Евросоюз». Прошел «в теплой и дружественной обстановке». Европейский Союз, в общем и целом, остался удовлетворен ситуацией с правами человека в России, а наша страна в очередной раз доказала нецелесообразность политических спекуляций по чеченской проблеме на международных форумах.

Эти сообщения у российских правозащитных организаций вызвали несколько вопросов. Во-первых, что ж это за консультации такие, о которых мы отродясь не слышали? Во-вторых, неужто Евросоюз и вправду вполне доволен тем, что у нас происходит? В-третьих, означает ли сентенция про «нецелесообразность» дебатов вокруг Чечни, что Европа официально пообещала эту тему больше не затрагивать?

Шаг первый: узнавание

Дальше начался процесс узнавания: беседы в миссии Евросоюза в Москве, разговоры с политическими секретарями западных посольств, встречи с правительственными делегациями стран Евросоюза на Комиссии по правам человека ООН в Женеве.

Картинка сложилась следующая.

Консультации по правам человека — это новый механизм взаимодействия между Россией и Евросоюзом, предполагающий регулярные — раз в полгода — двусторонние переговоры на министерском уровне по наиболее острым (как для РФ, так и для ЕС) вопросам прав человека. Непосредственной организацией этих консультативных встреч занимается МИД РФ, Европейская комиссия и МИД государства, стоящего во главе Евросоюза на момент проведения очередных консультаций (президентство в

ЕС передается по принципу ротации каждые 6 месяцев). Подобные консультации Евросоюз проводит с целым рядом партнерских государств. Особенно успешно идут, например, консультации по правам человека с Турцией. Это прежде всего форма диалога, предполагающая добрую волю со стороны обоих партнеров. Россию на такой регулярный диалог уговорить было нелегко. В частности, в качестве отступного в этот раз — впервые за несколько лет — Евросоюз не стал выносить на Комиссию по правам человека проект резолюции по ситуации в Чеченской Республике.

По люксембургским консультациям, оказывается, российский МИД выпустил пресс-релиз в одностороннем порядке. На деле, конечно, всестороннего удовлетворения ситуацией с правами человека в России ЕС не высказывал и от дальнейших претензий в отношении Чечни отнюдь не отказывался. Но как-то так получилось, что процедура информирования общественности о результатах консультаций заранее не обсуждалась, мидовское заявление для прессы застало европейских партнеров врасплох, и было уже «поздненько метаться».

Вообще, со встречей в Люксембурге очень торопились — боялись, что Россия в последний момент откажется. Длилась встреча всего пару часов, вот впопыхах и вышла скомканная. Для Евросоюза был важен сам факт — исключительно с точки зрения того, чтобы положить начало консультациям. Над повесткой всерьез никто не работал. Но эта ошибка будет исправлена. К следующему раунду консультаций, назначенному на сентябрь, Евросоюз будет планомерно готовиться, и он нуждается в содействии российских правозащитников — в первую очередь, в получении кратких аналитических справок по ключевым проблемам в области прав человека и самым вопиющим индивидуальным делам.

Шаг второй: от узнавания — к обсуждению

Новый механизм казался слабеньким, и для его формирования Европа пошла на значительные компромиссы. С другой стороны, а какой механизм сейчас «сильный» в нашем, российском, контексте? Роль ОБСЕ фактически сходит на нет. С ООН дела во многом обстоят не лучше — Комитет по правам человека признал РФ виновной уже по нескольким жалобам, а государство наше на эти решения Комитета плевать хотело и выполнять их не собирается, о чем Комитету на голубом глазу и заявляет...

В такой ситуации грех не постараться сделать все возможное, чтобы консультации по правам человека из дипломатических экзерсисов переросли в осмысленный, содержательный диалог. И ограничиваться подачей информационных справок неправильно — здесь требуется гораздо

большее. Пока встречи по правам человека Россия—ЕС будут проходить при закрытых дверях, вне публичного поля и без общественного участия, они останутся не более чем «консультациями ради консультаций».

И наша традиционная задача — требовать невозможного!

Шаг третий: от обсуждения к действию

19 июля, после долгих согласований, инициативная группа правозащитных организаций распространила «Открытое письмо российских НПО Правительствам стран Европейского Союза и Российской Федерации, Федеральному Собранию России, Европейскому парламенту, Европейской Комиссии, Генеральному Секретарю Совета Европейского Союза». Письмо подписали представители 80 НПО.

Там было заявлено, что мы приветствуем организацию консультаций по правам человека Россия—ЕС, что «Россия и Европейский Союз должны быть заинтересованы в поддержке открытого продуктивного диалога по наиболее актуальным вопросам в сфере прав человека и налаживании сотрудничества для поэтапного решения поставленных проблем», что мы считаем важным выступить со своими предложениями по оптимизации формата консультаций и формированию их повестки.

С нашей точки зрения, консультации станут результативными только при значительной степени открытости. Поэтому в них обязательно должны играть определенную роль российские и международные правозащитные организации. В частности, они должны иметь возможность заранее предоставлять властям РФ и ЕС свои соображения по повестке дня планируемых периодических консультаций. А после формирования повестки их аналитические записки по отобраным темам должны рассматриваться как официальные документы консультаций. Кроме того, организациям, которые предоставили ключевые материалы по какому-либо вопросу повестки и которых рекомендует хотя бы одна из сторон диалога, должна предоставляться аккредитация на участие в официальной встрече в экспертном качестве. Наконец, по итогам каждого раунда консультаций ЕС и РФ должен проводиться брифинг для российских и международных правозащитных НПО, на котором представители НПО смогут задать вопросы членам правительственных делегаций. Таким образом, правозащитники смогли бы и предоставлять правительственным делегатам независимую информацию, и вносить свой вклад непосредственно в дискуссию, и, наконец, после каждой консультативной встречи максимально полно информировать общественность о том, какие вопросы обсуждались и какие договоренности были достигнуты сторонами диалога.

По повестке дня двух ближайших консультативных встреч в «Открытом письме» были обозначены следующие приоритетные для России и Евросоюза темы:

- соблюдение прав человека сотрудниками силовых структур и реформа правоохранительной системы;
- борьба с терроризмом и права человека; обеспечение прав человека как важнейшая составная часть обеспечения безопасности (эти проблемы особенно актуальны для нашей страны в свете продолжающегося кровопролития в Чечне и актов террора на территории России);
- соблюдение избирательных прав граждан;
- свобода СМИ;
- практика преследования по политическим мотивам и проблемы независимости судебной системы;
- права военнослужащих и альтернативнослужащих;
- миграция и права человека;
- дискриминация и насилие на этнической почве.

Шаг четвертый: идея альтернативных слушаний

Несколько государств Евросоюза достаточно быстро отреагировали на письмо неправительственных организаций и запросили материалы по вопросам, обозначенным как приоритетные для готовящихся консультаций. Это, естественно, было сделано.

А в самом начале августа составителям открытого письма было предложено провести в посольстве Великобритании специальный брифинг для английских дипломатов. Ведь именно Соединенному Королевству как ныне возглавляющему ЕС предстояло играть ведущую роль в организации консультаций, проведение которых уже было назначено на 8 сентября в Брюсселе.

На встрече в посольстве эксперты от правозащитных организаций сделали краткие доклады по заявленным темам и подчеркнули необходимость подключения НПО к работе консультаций. На темы англичане отреагировали позитивно, за полученные материалы сердечно поблагодарили, но вот что касается возможности нашего участия непосредственно в сентябрьской дискуссии — тут нас ждало разочарование (впрочем, довольно предсказуемое — мы, безусловно, идеалисты, но наивностью не страдаем). Дипломаты объяснили, что хотя наша инициатива у них ничего, кроме поддержки, не вызывает, сам формат двусторонних консультаций не предполагает участия в них каких бы то ни было независимых *акторов* — ведь они бы фактически стали третьей стороной этого диалога.

Соответственно, выступить 8 сентября с докладами, поучаствовать в обсуждении или хотя бы присутствовать на встрече в качестве молчаливых наблюдателей — все это одинаково нереально. И, скорее всего, не только сейчас, в Брюсселе, но и на следующем раунде консультаций тоже. Вручение НПО таких полномочий было бы настоящей революцией, а в ближайшем будущем на нее рассчитывать не приходится. Но Великобритания, со своей стороны, обещает, что и она, и другие государства ЕС будут обсуждать с российскими властями необходимость подключения гражданского общества к консультациям по правам человека и будут искать для этого подходящий формат.

Нельзя сказать, что мы отнеслись к этим обещаниям с недоверием, отнюдь. Но процесс такого обсуждения при закрытых дверях, если его не подталкивать, может затянуться очень надолго. Было решено: раз мы не сможем выступить на официальных консультациях — значит, нужно организовать параллельное им общественное обсуждение ситуации с правами человека в России. Чтобы заинтересованные правительственные чиновники, журналисты, исследователи, да и просто люди получили непредвзятую информацию. Чтобы в прессе потом появились не только официальные мидовские коммюнике, но и представленные нами сведения. А для привлечения к нашему альтернативному мероприятию максимального внимания, для того, чтобы оно стало реальным событием, лучше всего провести его жестко в параллель с официальными правительственными консультациями — непосредственно 8 сентября и непосредственно в Брюсселе.

Договорившись об определенном алгоритме действий, 5 сентября мы обратились с еще одним открытым письмом к государствам Евросоюза и Правительству РФ:

«...Мы... сохраняем убежденность в том, что открытая публичная дискуссия по проблемам прав человека и поиск совместных решений этих проблем находится в сфере общих интересов России и Евросоюза. Мы надеемся, что в недолгосрочной перспективе будет разработан адекватный инновационный формат, который сделает возможным участие правозащитных НПО в дальнейших консультативных встречах ЕС—Россия по правам человека... В то же время проблемы прав человека стоят столь остро, что мы не можем себе позволить отложить их публичное обсуждение до появления нового формата, который обеспечил бы наше участие в межгосударственных консультациях. Не имея в настоящий момент возможности внести свой вклад в официальный диалог, ряд ведущих российских правозащитных организаций совместно с Международной Федерацией прав человека (FIDH) принял решение провести параллельно с пра-

вительственными консультациями в Брюсселе 8 сентября открытые альтернативные слушания... На этих публичных слушаниях ведущие эксперты по правам человека из Москвы и с Северного Кавказа представят краткие сообщения по приоритетным проблемам в области прав человека, с особым упором на соотношение прав человека, борьбы с терроризмом, безопасности и стабильности. После каждого блока тематических выступлений аудитория сможет включиться в обсуждение представленных проблем... Фактически альтернативные слушания по правам человека, проводящиеся нами параллельно с правительственными консультациями, являются нашей инициативой по открытию публичной дискуссии, столь важной для результативности диалога ЕС—РФ по правам человека. Мы надеемся, что эти слушания послужат также стимулом для активного поиска Россией и Евросоюзом путей реализации стремления российских НПО участвовать в двусторонних консультациях, столь необходимых для обеспечения мирного и стабильного будущего на нашем континенте».

Надо отдать должное работающим в Москве английским и немецким дипломатам — они немедленно пожелали нам попутного ветра и успешной работы.

Шаг пятый: Брюссель, 8 сентября 2005 г.

Не станем утомлять читателей рассказом о том, как именно за пару недель готовится международная конференция. Описание этого нетривиального процесса можно свести к одной ироничной сентенции: «задача трудная, но интересная». Так или иначе, к утру 8 сентября все наши докладчики — представители «Мемориала», Московской Хельсинкской группы, Союза Комитетов солдатских матерей, Центра развития демократии и прав человека, Фонда защиты гласности, Комитета «Гражданское содействие», Чеченского комитета национального спасения и Центра «Демос» были уже в Брюсселе.

В 10 утра, когда в одной из евросоюзских высоток начались правительственные консультации Россия—ЕС, в гостинице в центре города открылись и наши слушания. Нас было 14 человек. И мы говорили целый день, затронув все те вопросы, которые рекомендовали поставить на повестку официального совещания. Послушать и порасспрашивать нас собралось человек 80, как и предполагалось — разношерстная группа журналистов, общественных деятелей, представителей европейских структур, экспертов и общественников. Наверное, речи наши были небезынтересны. По крайней мере, до вечера почти никто из наших слушателей и собеседников не ушел. Благодарили за то, что приехали, поделились своим взглядом на проблемы, привезли тексты, публикации, фотографии.

Больше всего говорили о Чечне. О ключевом влиянии затяжного, расползающегося конфликта на все аспекты социальной и политической жизни в России, о милитаризации государственной риторики и общественного сознания, о растущем авторитаризме под лозунгом борьбы с террором. Красной нитью через все слушания проходила тема правды и лицемерия. Правды, которую намерено и грубо скрывает одна сторона межгосударственного диалога, и лицемерия, в котором упражняется другая сторона, когда делает вид, что принимает на веру подчас вопиющую ложь.

Наиболее ярко эта проблема опять же проявляется вокруг обсуждения чеченского конфликта. Россия, радуясь каждому успешному замалчиванию ситуации как серьезной дипломатической победе, упускает шансы получения реальной помощи в урегулировании конфликта, и расплата за этот самообман — вышедший из-под контроля произвол силовиков, новые теракты в российских городах, взрывы в переполненных поездах, люди-камикадзе, все растущий страх, он же — террор. Но и Европа обманывает сама себя, когда делает вид, что верит, что ситуация в Чечне улучшается, а кадировская «чеченизация» является реальным политическим процессом. И не является ли таким же самообманом выбранная европейским сообществом модель «конструктивного сотрудничества» с российской властью? Основной приоритет современной Европы — обеспечение собственной безопасности. Но тупиковая ситуация и непрекращающееся безнаказанное насилие способствуют «джихадизации» сепаратистского движения и, соответственно, росту угрозы для самой Европы. Да и сама Россия в ходе этой войны превращается во все больший очаг нестабильности и источник возможных провокаций.

Запад считает, что с Россией необходим диалог, но ведет его как карточную игру с заведомым шулером. В ситуации, когда не играть в принципе невозможно, единственный выход для Европы — найти другую форму игры, в рамках которой у партнера будет меньше возможностей для обмана. А пока эта новая форма не найдена — и очевидно, что поиск ее может занять много времени, — существующий диалог необходимо вести более жестко, в тоне, адекватном манере собеседника. Это вовсе не означает, что России следует напрямую угрожать санкциями на уровне исключения из международных организаций. Российским властям важно выглядеть респектабельно, быть принятыми на равных в элитарном клубе европейских государств, и своевременные указания на искажение и сокрытие информации, обоснованная критика со стороны партнеров по международным соглашениям может оказаться на редкость действенной. Не стоит этого бояться. Россия не хлопнет дверью. Не подвергнет себя добровольной изоляции. Пока же, допуская откровенную профанацию

диалога и международного права, Европа дискредитирует те механизмы, которые в принципе способны работать.

Post Scriptum: на следующий день

9 сентября, кроме официальной информации от российского МИДа о том, что на консультациях по правам человека Россия—ЕС центральной темой обсуждения стали «*вопросы защиты прав человека в странах ЕС, в частности, положение меньшинств на пространстве Евросоюза с акцентом на нарушения прав русскоязычного населения Латвии и Эстонии*» и проблемы предотвращения «*современных форм расизма, расовой дискриминации и ксенофобии, недопустимости героизации бывших нацистов в ряде стран ЕС*», по новостным агентствам разошлось и коммюнике Евросоюза. В нем было указано, что на встрече были подняты и проблемы соблюдения прав человека в Чечне, преследований правозащитников, независимости СМИ, а также обсуждалась важная роль правозащитных организаций в обеспечении соблюдения прав человека. При наличии этого заявления иллюзии того, что ЕС полностью удовлетворен ситуацией в России, естественно, уже не создавалось.

В тот же день СМИ была растиражирована информация об альтернативных общественных слушаниях, организованных российскими правозащитниками, и эти сведения дополнили картину, вырисовывавшуюся в официальных пресс-релизах обеих сторон.

В тот же день базирующиеся в Брюсселе международные правозащитные НПО получили приглашение от Евросоюза явиться на специальный брифинг, проводимый ЕС для информирования общественности о результатах консультаций.

В тот же день получило широкую огласку заявление 11 депутатов Европарламента, выступивших с жесткой критикой ситуации с правами человека в России и призвавших Евросоюз настаивать на непосредственном участии российских правозащитников в дальнейших консультациях по правам человека Россия—ЕС.

В тот же день мы, сломя голову, бежали из офиса в офис различных структур Евросоюза и представительств национальных государств, не в силах совладать с собственным графиком перемещений. Везде нас встречали словами о том, что общественные слушания имели огромный резонанс и возможность нашего участия в процессе консультаций уже обсуждается. Вопрос только — в какой форме. Ведь не можем же мы всерьез рассчитывать на то, чтобы сесть за один стол переговоров с дипломатами. Это, конечно, нереально. Относительно реальным — хотя и в этом российской власти будет нелегко убедить — кажется формат, когда накануне

официальных консультаций, в рамках того же процесса, но отдельно, будут проводиться консультации по правам человека между представителями гражданского общества России и ЕС. И результаты этих общественных слушаний будут официально доводиться до сведения государственных переговорщиков.

Что ж, неплохо для начала.

Еще несколько месяцев назад все описанное выше казалось невозможным. То, что консультации по правам человека Россия–ЕС, начавшиеся в марте как очередное упражнение в дипломатическом политезе, уже в сентябре станут предметом широкого обсуждения, тоже казалось трудно представимым.

Так будем реалистами – продолжим требовать невозможного!

13 сентября 2005 г.

Россия-ЕС: разговор в параллельных измерениях

3 марта в Вене прошел третий раунд консультаций Россия – ЕС по правам человека. Разговаривали дипломаты, как водится, при закрытых дверях, и послушать не было никакой возможности. А прочтение пресс-релизов, выпущенных отдельно Евросоюзом и отдельно Российской Федерацией, не просто не позволяет составить представление о ходе дискуссии, но наводит на мысль, что встречи этой не было, а на самом деле, отправившись на рандеву друг с другом, россияне и европейцы пришли в совсем разные места, и были две какие-то разные беседы о совершенно различных вещах. Будто происходило все в параллельных измерениях.

Нет, пожалуй, пару совпадений в этих документах выявить можно. А именно: и Россия, и ЕС отмечают, что в какой-то момент обсуждался вопрос реформы Комиссии по правам человека ООН, то есть ее трансформация в Совет по правам человека. Еще шла речь о Чечне и о Северном Кавказе, а также о расизме и ксенофобии, но вот только впечатления от разговоров на эти темы у нашего МИДа и у Евросоюза совсем не совпадают.

Если верить российскому МИДу, беседа о расизме с ксенофобией сводилась к тому, что наши доблестные дипломаты объясняли европейцам, что ситуация в этой сфере на территории Евросоюза совершенно безобразная: тут тебе и «систематические нарушения прав русскоязычного населения Латвии и Эстонии», и неправомерное «ужесточение миграционной политики ЕС», и неприемлемый рост расистских и ксенофобных на-

строений в Европе, и уже совсем из ряда вон выходящие публикации в европейских СМИ «*карикатур, оскорбляющих чувства верующих*».

В общем, сразу видно – эти проблемы актуальны исключительно для Евросоюза, а у нас их уже успешно решили – или почти решили. Конечно, остаются еще отдельные разжигатели национальной и религиозной розни, но они неизбежно предстают перед правосудием – вот, недавно нижегородского правозащитника Дмитриевского признали виновным в том, что он под прикрытием деятельности на благо русско-чеченской дружбы на самом деле чеченцев на русских натравливал... Или, может, наоборот, русских на чеченцев? Впрочем, какая разница. Ясно одно – виновен. И именно из-за таких, как он, по мнению гособвинителей, случаются такие ужасные вещи, как резня в московской синагоге. Да и рост движения скинхедов, наверное, тоже из-за него. Короче, сажать надо было преступника, а что дали условный срок – так это из чистого гуманизма. Впрочем, слишком мягкий приговор прокуратура уже опротестовала, так что «будем посмотреть»...

А с карикатурным скандалом в Европе – вот уже, действительно, безобразия! И в том же деле Дмитриевского прокуратура очень красноречиво объясняла, что свобода слова – свободой слова. Но должны быть границы толерантности! У нас, между прочим, как только заштатная вологодская газетка эти безобразные карикатуры на пророка перепечатала, ее немедленно закрыли. И еще одну закрыли – в Волгограде. Та, правда, не карикатуры воспроизвела, а свою придумала. И некоторые несознательные граждане возмущаются – зачем газету закрывать, когда на картинке нарисовано, как сидят перед экраном телевизора Магомед, Иисус Христос, Моисей и Будда, смотря на беснующиеся толпы верующих и, указывая на экран, хором сокрушаются: «*Мы вас этому не учили!*»? Не понимают граждане, называющие эту карикатуру вполне толерантной, симпатичной даже, что нельзя шутить по таким поводам! Ну, ничего, поймут еще...

Главное, сразу ясно, что проблем с расизмом и нетерпимостью у нас и нет почти, а если случаются отдельные факты, то пресекаются на корню!..

...Но что-то мы отвлеклись от «параллельных» пресс-релизов.

В европейском написано не про это, а про то, что они с российским коллегами обсуждали, какие меры нужно принимать обеим сторонам, чтобы противодействовать расизму и ксенофобии. И еще про то, что в ответ на российские заявления о нарушениях прав меньшинств в государствах – членах ЕС европейская сторона сослалась на соблюдение в свой вотчине всех соответствующих международных стандартов... Ладно, здесь хотя бы понятно – Россия передергивает, а Европа недоговаривает.

А вот с Чечней и Северным Кавказом полный абсурд получается.

В российском релизе по этому вопросу всего-то и сказано: «*Российская делегация предоставила исчерпывающую информацию по интересовавшим ЕС вопросам: ситуация в Чеченской Республике и ход социально-экономического восстановления в этом субъекте Российской Федерации*». И точка. Мол, мы все рассказали, и европейцы были вполне удовлетворены полученными сведениями. Чего же возразишь, раз информация — «исчерпывающая».

А вот с точки зрения Евросоюза все было по-другому: «*В отношении Чечни и Северного Кавказа представители ЕС выразили озабоченность безнаказанностью и незаконием, а также призвали Россию провести расследование исчезновений и сообщений о пытках*».

В том, что Европейский Союз озабоченность высказывал и на конкретные факты ссылался, сомневаться не приходится — ведь ровно накануне официальных консультаций, 2 марта этого года, в австрийском МИДе была проведена специальная встреча для обмена мнениями между участниками официальных консультаций и правозащитниками. Длилась эта встреча более трех часов, и туда явились все приехавшие на консультации представители Евросоюза и большая группа экспертов от российских и международных правозащитных организаций.

А вот российские дипломаты, увы, манкировали. Видимо, сочли неприемлемым выслушивать критику в лицо и, главное, в присутствии европейских партнеров. Ведь пришлось бы что-то отвечать, а опровергнуть что бы то ни было невозможно... Кому же хочется попасть в неловкое положение? Так что на мероприятие 2 марта, несмотря на все уговоры Евросоюза, российская сторона не явилась. Одно, правда, дипломаты не учли: если бы они присутствовали, то большую часть времени вполне успешно могли бы убить на демагогию.

А так получилось, что фактически все три с половиной часа говорили правозащитники, успевшие довести до сведения европейцев наиболее актуальные проблемы и случаи нарушения прав человека в России. Много из изложенного правозащитниками касалось именно Чечни и Северного Кавказа — пыток, похищений людей, фальсификаций уголовных дел, безнаказанности. И Евросоюз, безусловно, поднимал эти вопросы во время диалога с Россией, что бы там наш МИД ни говорил.

А вот как реагировала Россия на эти претензии — вопрос отдельный, и в европейском заявлении по результатам консультаций ответа на него не найдешь.

К счастью, ответ удалось почерпнуть уже через несколько дней, 9 марта, когда посольство Австрии (страны, на сегодняшний день возглавляющей Евросоюз) устроило для российских правозащитников специ-

альный «де-брифинг», то есть «разбор полетов» — в данном случае, обсуждение хода и результатов третьего раунда консультаций по правам человека. Такая уж существует договоренность между гражданскими организациями и Евросоюзом: пока правозащитникам не предоставлена возможность непосредственного участия в консультациях и этот процесс не до конца прозрачен, ЕС, с одной стороны, задействует их в подготовке каждого раунда диалога, с другой — информирует их о результатах дискуссий с российской стороной.

По словам австрийских дипломатов, выходит, что когда Евросоюз поднимал проблемы нарушений прав человека в Чечне, глава российской делегации Владимир Паршиков, директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России, красноречиво объяснял, что за этими нарушениями стоят местные силовые структуры, так называемые кадировцы. Тут Евросоюзу возразить было нечего — действительно, последнее время за такими преступлениями, как пытки и похищения людей, стоят преимущественно местные, а не федеральные «стражи порядка». Так вот, сетовала российская делегация, «кадировцы» эти — сплошь бывшие бандиты. И чего ж еще от них ожидать? Пользуются они бандитскими методами, потому что с другими в принципе незнакомы. Федеральный центр, конечно, старается, как может, из последних сил выбивается, но попробуй таких окультурь! Они ведь и слова «закон» не знают! А других где возьмешь? Других не завезли!..

Европейцы было попытались что-то сказать насчет самого Рамзана Кадырова и его подвигов и высказываний, а также достижений на пути к шариату (который, как объяснял Кадыров, будет отличаться от масхадовского только названием — «федеральный шариат»), но тут российские партнеры просто руками замахали: «*Да Господь с вами! Вы на Кадырова внимания не обращайтесь! Он ведь молодой еще, совсем молодой, неопытный политик! Что ж его всерьез принимать? Ошибается по незрелости! Мы уж пытаемся поправить по возможности, вот, Датский совет по беженцам он сгоряча выгнал, кровь молодая, горячая, так мы работу провели, он их обратно вернул... Нет, ну молоденький совсем, зачем вы так?»*

Похоже, работа в МИД РФ способствует развитию у человека то ли частичной — избирательной — потери памяти, то ли очень специфического чувства юмора. Ведь либо наши дипломаты просто издевались над европейцами, либо временно запамятовали, что всего лишь за несколько дней до третьего раунда консультаций Рамзана Кадырова, которого из-за молодости и неопытности просто не стоит принимать всерьез, ни много ни мало назначили премьером Чеченской Республики, самого сложного региона РФ. Обязанности премьера он выполнял еще с ноября 2005 года,

с тех пор, как занимавший это кресло с марта 2004 года московский ставленник Сергей Абрамов попал в серьезную автокатастрофу. Абрамов, правда, едва немного оклемался, стал утверждать, что к работе в Чечне вернется, как только врачи дадут добро, что Кремль хочет видеть его в Чечне, а с Рамзаном они одна команда. Последний раз он говорил об этом еще 16 февраля, мол, однозначно хочет назад в Грозный, приступить к исполнению своих обязанностей и приедет уже со дня на день. Но прошло менее двух недель, и Абрамов «неожиданно» попросил об отставке. Алу Алханов, Президент Чечни, попробовал было дипломатично предположить, что «в Чеченской республике при его (Абрамова — Т.Л.) состоянии здоровья для него очень тяжелая работа», но Сергей Абрамов, видимо, задетый таким поворотом событий, тут же объяснил журналистам, что уходит вовсе не по болезни, а с одной целью — уступить место Рамзану Кадырову, вполне доросшему до премьерства. Значит, получается, работа Кадырова в качестве и.о. премьера с ноября по конец февраля показалась Кремлю достаточно «зрелой», чтобы утвердить его в должности?

Еще при беседе с представителями ЕС мидовцы как-то позабыли о том, что Рамзан Кадыров — кавалер высшей российской награды, звезды «Героя России» (про медаль «Защитник Чеченской Республики» мы уж и не упоминаем), а в январе 2006 года, сразу после новогодних каникул, он «за положительные изменения в республике» удостоился звания почетного академика Российской академии естественных наук... А еще в начале февраля Кадыров встал во главе чеченского отделения «Единой России», партии власти. Наконец, МИД не упомянул, что в октябре 2006 года Кадырову исполнится 30 лет, и он сможет, наконец, претендовать на президентство, в чем ему вряд ли откажут — не отказывают же во всем остальном!

Рассуждения же официальных лиц о том, что «кадыровцы» суть бандиты — само по себе занятный факт. Значит, в чем-то российский официальный вполне разделяет позицию правозащитников, нередко называвших «кадыровцев» именно так. Правда, здесь нашим дипломатам стоит напомнить, что около года назад Рамзан Кадыров высказывал намерение судиться с правозащитниками за то, что они обвиняют его силовиков, в частности, в похищениях людей. Теперь вот, получается, и российские дипломаты эти обвинения не отрицают... Не самая безопасная позиция: вдруг Рамзан всерьез обидится и начнет-таки судиться — причем уже не только с правозащитниками, но еще и с мидовцами? И еще кое-что уместно напомнить нашим дипломатам: пенять на чеченских силовиков и складывать с себя ответственность за преступления и беззаконие в Чечне — тактика неубедительная. Ведь «кадыровцы» — порождение федерального центра. Это не нелегальные военизированные формирования, не раз-

народная совокупность личных отрядов полевых командиров, а структуры, уже интегрированные в систему МВД и формально подчиняющиеся федеральному центру. Последней инстанцией в данном случае является Москва, и ответственность за их действия — на ней.

Интересно, почему Европа позволяет российским дипломатам отделываться такими нелепыми отговорками? Ведь если в Чечне правят неподконтрольные Москве бандиты, то выходит, что после стольких лет кровопролития, после гибели многих тысяч людей ситуация в Чечне по уровню криминала, хаоса и беззакония сегодня оказалась не лучше, чем была перед второй войной. Если вспомнить, что именно криминально-политический беспредел и выдвигался как главный мотив «контртеррористической операции», то получается, что все жертвы были напрасны и сама политика Москвы все это время была неверна.

Если же даже не заикаться о прошлом, тут по крайней мере уместно спросить: не предполагает ли Москва что-то в своей политике изменить?

И неужели сам федеральный центр не боится последствий того, что в лице Кадырова получит второго Дудаева, причем далеко не улучшенную версию? Рамзан Кадыров уже подмял под себя все властные структуры в республике, лояльность его Кремлю, очевидно, сомнительна, а амбиции продолжают расти. Сейчас для «молодого политика» очередным рубежом станет долгожданное президентство, но ведь и после осени 2006 года ему нужно будет еще к чему-то стремиться...

И кто знает, не вернется ли ситуация на двенадцать лет назад, к осени 1994-го?

Становится тоскливо. И непонятно, от чего больше. То ли от того, что выросло за шесть с лишком лет «урегулирования» в Чечне. То ли от того, с каким снисходительным ужасом относятся к этому своему порождению в Москве. То ли, наконец, от того, как легко Европа уводит «за закрытые двери» обсуждение этих важнейших вопросов.

Дело во всех участниках цепочки Чечня — Россия — Европа, в каждом из них. Москва в лице мидовских чиновников сколько угодно может кивать на молодого чеченского премьера и его добрых молодцев с богатыми биографиями. Европейцы, в свою очередь, могут удивляться открывшемуся на консультациях простодушию своих собеседников. Но без молчаливого европейского согласия эта и без того запутанная проблема не превратилась бы в безвыходный лабиринт, где непонятно даже — встречались ли друг с другом вернувшиеся с randevу герои.

14 марта 2006 г.

Перспективы демократического транзита

Стенограмма семинара

Мы публикуем (с незначительными сокращениями и необходимой редактурой) стенограмму семинара «Демократическое действие. Перспективы демократического транзита и роль неправительственных организаций», который «СОВА», «Демос» и «Панорама» провели в Москве 17–18 октября 2005 г.

Семинар был разделен на четыре сессии. Первые две были посвящены скорее концептуальным рассуждениям о демократическом транзите в сегодняшней России, о самой возможности перехода к демократии, вторые две – обсуждению возможностей и вариантов деятельности НПО и политических организаций в предположение того, что демократический транзит возможен в принципе.

На каждой сессии выступали несколько основных докладчиков – их имена указываются в заголовках сессий.

Первая сессия

(Ю. Джигладзе, Д. Потехин, Ю. Кургунок,
А. Аузан)

Александр Верховский: Всем здравствуйте. Наш двухдневный семинар организовали три организации: Центр «СОВА», директором которого я являюсь, Центр «Демос», директор – Сергей Лукашевский, и Центр «Панорама», президент – Владимир Прибыловский. А вести первую секцию будет вице-президент «Панорамы» Екатерина Филиппова.

Я должен добавить, что наша встреча проходит в рамках совместного проекта «СОВЫ» и «Демоса», посвященного проблеме кризиса демократических институтов в России. Проект поддерживает Европейская комиссия по демократии и правам человека. Частью деятельности по этому проекту являются известные многим из присутствующих «Барометр демократии» и книга «Пути несвободы». Передаю микрофон Екатерине Филипповой.

Екатерина Филиппова: Я очень рада видеть всех, кто собрался за этим столом... Большое всем спасибо, что вы нашли время для того, чтобы к

нам прийти. Первый день нашего семинара будет посвящен обсуждению условий и возможностей мирного перехода к демократии в России. Как вы понимаете, эта формулировка немного лукавая, потому что если бы мы думали, что такой переход невозможен, мы бы здесь не собирались. И поэтому я бы переформулировала так: сегодня мы слушаем несколько выступлений о мировом опыте перехода к демократии и попробуем обсудить, насколько этот опыт приложим к современной России. После каждого выступления будет время для вопросов. При этом предполагается, что цикл выступления-вопросы займет 20–25 минут, поэтому, если у кого-нибудь останутся неотвеченные вопросы, вы можете задать их докладчику во время, отведенное для неформального общения. После того, как пройдут основные выступления, будет общая дискуссия. Дискуссия будет свободной. Желаящие выступить дополнительно могут записаться. Вот, пожалуй, и все. Спасибо. Я с удовольствием предоставляю слово Юрию Джигладзе, который расскажет об опыте мирного перехода к демократии, о вариантах такого опыта и немного о теории.

Юрий Джигладзе, президент Центра развития демократии и прав человека: Добрый день. Организаторы попросили меня рассказать о мировом опыте мирного демократического транзита. Когда я готовился к выступлению и просматривал различные умные статьи, книжки и материалы, мне в очередной раз стало ясно, что не существует единой теории демократизации, которая давала бы четкие рекомендации и рецепты относительно того, какие действия надо предпринимать и какие условия необходимы для того или иного сценария. Как правило, аналитики-политологи постфактум описывают произошедшие события различных «волн демократизации» и делают на этом основании какие-то выводы. Но при этом после каждой очередной волны демократизации, а их, как считают, было пять, фактически заново переписывается эта самая теория демократического транзита, или демократизации.

Собственно, до того, как я попробую кратко описать эти теории и обсудить возможные условия успешного перехода, я бы хотел пересказать разговор, состоявшийся у нас с организаторами перед началом семинара. Мы, размышляя об исторических традициях российских попыток демократизации, вдруг вспомнили, что сегодня 17 октября – день Октябрьского манифеста (хотя потом сообразили, что это было по старому стилю, а сейчас 17 октября по новому стилю, но тем не менее...). Это событие, безусловно, является одним из важнейших эпизодов изменения правил игры в направлении демократизации в истории России. Таких эпизодов

на протяжении веков было, к сожалению, совсем немного. Тем важнее нам их анализировать и размышлять о наших традициях. Но вернемся к мировому опыту.

Прежде чем мы обсудим варианты демократического перехода и условия, для этого необходимые, попробуем наивно определить, о переходе к чему именно мы говорим. Все время идут разговоры о переходном обществе, о переходе куда-то, о транзитах и так далее. Для точки ориентира мы должны с вами вначале отметить некий достаточно банальный набор характеристик демократического строя. С одной стороны, это — конечная цель, к которой мы движемся. Но цель в своей полноте недостижимая, конечно: ведь не бывает идеальной демократии. Поэтому, с другой стороны, важен процесс, постоянное движение в этом направлении, а не собственно конечный результат. Итак, цели и качества того общественного устройства, к которому мы хотели бы двигаться, одновременно могут для нас являться показателями, по которым мы оцениваем удаленность нынешнего состояния нашего общества относительно предполагаемого идеала.

Роберт Даль определил семь основных критериев (или показателей) развитой демократии. Они все хорошо известны. Первый — люди попадают во власть в результате выборов. Учитывая, что у демократического государства имеется монополия на насилие, принуждение, оно получает эту власть и эту монополию от населения в результате честных и справедливых выборов гражданами. Это так называемая вертикальная ответственность.

Второй — власть должна быть сменяемой, то есть должна иметь место регулярность, повторяемость выборов. Итак: свободные, честные, регулярно проводящиеся выборы.

Третий — то, что называют «горизонтальной ответственностью», или разделением властей — исполнительной, законодательной и судебной.

Четвертый — свобода слова и доступ к информации. Не только право и возможность распространять информацию и в конкурентном политическом процессе представлять свои взгляды гражданам, организациям и так далее, но и доступ к информации: важнейшее условие состоит в том, чтобы граждане могли принимать решения, делать компетентные суждения и влиять на политику и на свои выборные предпочтения на основе полноценной информации.

Пятый — свобода ассоциаций, а именно, свобода объединяться в общественные организации и политические партии. Последние как раз и ставят перед собой задачу победы на выборах в конкурентном ненасильственном соревновательном процессе.

Шестой — всеобщие (и это важно) гражданские и политические права. Это фактор включенности в общественно-политические процессы всех взрослых граждан страны, без всякой дискриминации.

И последний — свобода предпринимательства и право собственности, которые имеют важное значение как для демократии, так и для процессов демократического транзита.

Если мы с вами посмотрим на эти семь критериев устойчивой и зрелой демократии, то поймем, что находимся от этого состояния, прямо скажем, довольно далеко. И в силу траектории исторического развития, и в связи с событиями последних четырех-пяти лет, да и, собственно, всех пятнадцати лет посткоммунистической истории. Я не буду сейчас слишком концентрироваться на России, но отмечу, что, на мой взгляд, многие проблемы и негативные проявления так называемой управляемой демократии сегодняшнего дня имеют свои корни в тех альтернативах, которые стояли перед реформаторами в 90-е годы, и выборах, сделанных ими в 93-м, в 96-м и в 99-м.

Понятно, что редко когда бывают вполне реализованы все семь параметров демократии. Существует множество различных переходных состояний. Теоретики полагают, что есть два важных варианта — я сейчас говорю не о характеристиках качества демократии, а о характеристиках ее основных движущих сил — это элитарная демократия (или демократия элит) и демократия участия.

Демократия участия близка к идеальному типу демократии как народовластия, когда политически просвещенные активные граждане через различные механизмы влияния стремятся активно участвовать в демократическом политическом процессе и вносить свой вклад в управление страной. Это достаточно высокая степень продвинутой демократии. В переходных состояниях и в молодых и относительно незрелых демократиях такое бывает редко. Для этого должны быть созданы необходимые исторические предпосылки, достаточный уровень гражданского самосознания и поддержки гражданами демократических ценностей и свобод, понимания непосредственной выгоды этих ценностей для себя и своей жизни.

К сожалению, в России, как показывают различные социологические исследования, уровень поддержки демократических ценностей не высок. Мы отстаем от всех стран Центральной и Восточной Европы и, соответственно, от развитых демократий. На протяжении 2001–2002 годов проводилось международное исследование такого рода. Было выявлено, что демократию как важную ценность наравне с другими — стабильностью, социальной защитой, безопасностью и прочим — выделяет

62 процента населения. С одной стороны, кажется, что это очень много, но это гораздо меньше по сравнению с 80–90 процентами в подавляющем большинстве из тех стран, которые сейчас называются демократическими или успешно демократизирующимися, переходящими к демократии.

Поэтому, как показывает опыт многих стран, в процессе демократического транзита и демократизации большая роль отводится политическим и общественным элитам. В этом смысле можно по-разному оценивать наши российские элиты. По мнению многих аналитиков, наиболее влиятельные и перспективные элиты, которые способны оказать существенное, значимое воздействие на выбор страны в ближайшие годы, — это не политические элиты как таковые (их качество весьма низкое; многие эксперты даже отказывают им в праве называться «элитами»), а бизнес-элиты, у которых есть конкретный интерес и мотивация и которых не устраивают нынешнее состояние дел и вектор развития страны в последние годы. Считается, что российские интеллектуальные элиты, медийные элиты, общественные элиты весьма слабы и не имеют достаточных рычагов влияния. Конечно, все равно очень важна консолидация различных демократически настроенных элит или элит, которые, по крайней мере, имеют серьезный интерес в том, чтобы направить страну по демократическому пути развития.

Но давайте теперь посмотрим на виды демократического транзита. Разделяют пять основных волн демократизации.

Последняя, пятая волна — самая свежая: начиная со Словакии, далее Сербия, Украина, Грузия, отчасти Киргизия.

Четвертая волна — это, соответственно, 1989–1991-е годы — связана с «бархатными революциями» в странах так называемого социалистического лагеря и с распадом Советского Союза.

Соответственно, третья волна демократизации — наиболее хорошо изученная наукой и часто используемая как модель — демократизация стран Южной Европы (Греция, Испания, Португалия) и Латинской Америки.

Вторая волна — послевоенное становление демократии в Германии, Италии и Японии.

Ну, а первая — это в прошлые века, в том числе Французская и Американская революции.

Анализируя разные примеры демократического транзита, исследователи выделяют три основных модели; с различными вариантами можно назвать семь-восемь.

Это внешний шок или внешнее воздействие — послевоенные преобразования в Германии, Японии, Италии — и наиболее свежая попытка, пока весьма неуспешная — это Ирак.

Второй пример — это «демократизация сверху», в результате действий политических элит, политического руководства. Как правило, она выражается через так называемые пакты элит — достижение договоренности между различными частями уходящего режима и оппозиционных демократизирующих сил. В основном это характерно как раз для третьей волны: Латинской Америки и Южной Европы, после падения режима Франко в Испании или Салазара в Португалии, но особенно четко это прослеживается в Латинской Америке.

И третья модель — это так называемая демократическая революция снизу.

События четвертой волны, постсоветской, и совсем свежей, пятой волны, постпостсоветской, называются посткоммунистическими транзитами. Их как раз можно отнести, с большой долей условности, к «демократическим революциям снизу».

Я не буду предварять выступление коллеги с Украины, но отмечу, что для успешной демократической революции снизу, на мой взгляд, в России сейчас нет предпосылок. Существует ряд конкретных параметров, необходимых для такого транзита. Это связано не только с нашими опасениями бессмысленного и беспощадного российского бунта, опасности массового насилия, прихода в результате хаоса еще более реакционных сил. Это вполне конкретные «технологические» условия, которые необходимы для такого революционного мирного перехода. Я коротко их назову.

Первое: уходящий недемократичный режим все-таки должен быть полуавторитарным, а не полностью авторитарным. То есть должна быть определенная степень конкурентного процесса. По крайней мере, должны существовать выборные процедуры.

Второе: необходимо наличие непопулярного в обществе лидера, скомпрометированного какими-то коррупционным или иным наследием, представляющего старый режим.

Третье: это объединенная демократическая оппозиция вокруг харизматического лидера.

Четвертое: это наличие хотя бы небольших участков независимых средств массовой информации, через которые в ситуации оспаривания результатов выборов можно было бы довести информацию до населения.

Пятое: это способность оппозиции проводить массовую мобилизацию населения для оспаривания этих результатов.

И последнее: это то, что среди силовых структур, правоохранительных органов и армии должна быть определенная степень несогласия, отсутствие полной, безусловной поддержки уходящего режима — чтобы оппозиции можно было на этом сыграть.

Важной характеристикой этих демократических революций, безусловно, можно считать то, что они не меняли правила игры, оспаривали действия уходящего авторитарного режима как нарушающие конституцию. При этом иногда они использовали незаконные действия, но мотивировали их как раз защитой демократических правил игры, защитой конституции.

Это важная особенность этой волны, связанной с низовой демократической революцией, отличающая ее от четвертой волны, от всего блока посткоммунистических преобразований в 1989—1991 году, когда менялось все: политический режим менялся от коммунистического авторитарного к демократическому, менялись правила собственности, во многих случаях менялись границы (в бывшем Советском Союзе, Югославии и Чехословакии). Происходило также оспаривание границ между некоторыми другими государствами. Вопрос о строительстве национального государства также был важным наряду с вопросом изменения экономических и политических правил игры.

При этом важнейшим условием четвертой волны был мощный внешний импульс. В данном случае из Москвы — о том, что не будет антидемократического силового вмешательства, что и Горбачев, и Советский Союз дают этим странам возможность самим разобраться в своей ситуации. Без этого вряд ли эта ситуация развивалась бы так, как она развивалась.

О внешних силах стоит поговорить и в случае пятой волны, поскольку стремление в Европейский Союз очень важно для понимания мотивов действий демократизирующих элит, которые пытаются изменить режим, убрать со сцены старый авторитарный режим. Стимулы присоединения к Евросоюзу сыграли большую роль и в консолидации демократии после четвертой волны для стран Центральной Европы, но в ситуации революционных преобразований пятой волны они оказали влияние не на последующую консолидацию, а, собственно, на сампроцесс смены режима.

Возвращаясь к третьей волне, отметим, что и в Латинской Америке, и в странах Южной Европы была совершенно другая ситуация. Там, как отмечают аналитики, главный механизм транзита заключался в пакте элит. При этом не происходило смены экономических основ, перераспределения собственности. Это было важной частью договора элит. Не менялись границы национального государства и так далее. Единственное, что ме-

нялось, — это политические правила игры. И, собственно, в отличие от четвертой и пятой волн, в Латинской Америке и в странах Южной Европы происходило то, что аналитики называют восстановлением демократии, редемократизацией и даже «возрождением гражданского общества».

Итак, еще раз проанализировав условия для всех четырех последних волн демократизации — послевоенной, 70-х годов в Южной Европе, посткоммунистической и постпосткоммунистической, — можно с уверенностью сказать, что мы находимся в ситуации, когда у России нет перспектив для быстрой смены сложившегося режима. В ближайшие годы вряд ли можно рассчитывать на условия для третьей волны, то есть для пакта элит. Основными двумя причинами для договоренности элит о смене режима являются либо экономические кризисы и раскол в правящих элитах ввиду этого экономического кризиса и последующего политического кризиса, либо раскол в правящем режиме под воздействием умеренных сил демократизирующих оппозиционных элит. Нынешний режим очень прочно уселся во власти и не собирается эту власть отдавать, а аппарат принуждения, силовой аппарат полностью находится под его контролем.

У нас нет и тех преимуществ, которые были в 1989—1991 годах у четвертой волны — мощнейшего шока от распада Советского Союза и стимулов со стороны Европы, а также ожидавшихся стимулов со стороны Соединенных Штатов. Нет у нас, на мой взгляд, особенных надежд на быстрое изменение по типу пятой волны демократических революций, такой как у наших друзей из Украины, из Сербии и так далее, — в силу того, что мы не соответствуем целому ряду тех семи критериев, о которых я говорил ранее.

Поэтому вывод такой. Первое: рассчитывать нужно на очень долгий процесс. И это не 2007—2008 год, и даже, может быть, не 2012-й. Речь идет, по разным оценкам, о постепенных изменениях на протяжении 15—30 лет. По-видимому, в результате нарастающего кризиса управляемой демократии, при котором будет происходить все большая и большая неуправляемость, снижение качества госуправления, рост коррупции, неэффективность экономических преобразований, может появиться надежда на то, что возможен раскол в правящих элитах по разным линиям: между федеральными и региональными, между условными прогрессистами и силовиками. Но это процесс очень долгий. Он дает некоторый шанс.

Во-вторых, консолидация демократических или демократизирующих элит, бизнес-, демократических политических (которая все никак не происходит), общественных, медийных элит — это процесс, который тоже займет несколько лет. Судя по сегодняшней ситуации, это не произойдет быстро. Но это необходимо.

И третье: это давление снизу — участие граждан, их активная мобилизация. К сожалению, для того, чтобы это произошло, необходима очень большая работа со стороны гражданских структур по политическому просвещению и выработке технологий гражданского давления, гражданского участия.

И последнее: если уж мы периодически упоминаем какие-то внешние воздействия и причины, это требует более глубокого анализа, конечно, не в духе теории заговора. Мне кажется, что для того, чтобы какие-то значимые части политической элиты откололись и относительная монолитность режима была разрушена, необходимы вполне реальные конкретные стимулы. В том числе не только изнутри страны, но и под влиянием позиции ведущих западных держав и мирового сообщества. Но об этом, я думаю, можно поговорить попозже. Спасибо.

Екатерина Филиппова: Спасибо. Вопросы?

Игорь Сажин, Комиссия по защите прав человека «Мемориал», Республика Коми: Были даны характеристики пятой, четвертой, третьей волны. Но у нас в Сыктывкаре на Школе публичной политики выступал Сергей Марков, и он четко и ясно заявил, что для Кремля, в отсутствие сложившейся партийной системы и в отсутствие гражданского общества, предпочтительна демократия по-японски. Можете ли прокомментировать это?

Юрий Джибладзе: Попробую. Речь идет о полупартийной японской системе, равно как и полупартийной мексиканской системе времен Институциональной революционной партии, которая правила там 70 лет, примерно, как наша КПСС. Этот опыт для России хорош только для легитимации путинского режима, поскольку придает ему якобы демократическое обоснование — модернизация сверху просвещенным правителем и просвещенными лояльными элитами. Однако весь опыт мирового развития показывает, что в ситуации колоссального экономического и социального отставания, которое существует в России, нам не удастся при такой модернизации сверху, даже если бы она была относительно успешной, вырваться из этого догоняющего развития. Даже в лучшем случае через 30–50 лет в сфере экономики сложится крайне печальная ситуация в силу именно того, что модернизация сверху не опирается на демократические институты общества и что подавлены различные центры инициативы и развития в обществе.

В только что вышедшей замечательной книге Евгения Григорьевича Ясина «Приживется ли демократия в России?» об этом говорится в после-

дней главе. Книга целиком посвящена демократии, но автор — экономист и с точки зрения экономиста он как раз и оценивает четыре сценария возможного развития событий в России.

Модернизация сверху — медленная, условно по японскому типу, имеет с точки зрения развития страны очень низкий уровень догоняющего развития. И через 30 лет мы, в лучшем случае, выйдем на уровень ВВП порядка 8–12 тысяч долларов на душу населения. В случае же демократической модернизации (через раскол элит в силу кризиса системы, мощнейшую консолидацию демократизирующих элит и давление снизу) есть, как считает Ясин, возможность в течение тех же 30 лет выйти на уровень порядка 30 тысяч долларов среднедушевого дохода. То есть туда, где сейчас находится нижняя граница «сектора» развитых стран. Возможны и какие-то промежуточные варианты. В каком-то смысле оценка Маркова как кремлевского лоялиста и оценка критиков Кремля совпадают. Действительно, вариант выбора режима модернизации сверху, а не демократизации, существует, но для России он фатален.

Вадим Востоков: Насколько я понял, вы утверждаете, что в Грузии произошел не банальный дворцовый переворот с хлопками, с массовой, а демократическая революция. Я правильно понял?

Юрий Джибладзе: Ну да, можно так сказать.

Вадим Востоков: Объясните мне, пожалуйста, что же там стало демократичнее? Не для чиновников, которые перестали брать взятки и разворовывать бюджет, а получают теперь деньги из-за границы, а вот именно для простого крестьянина.

Юрий Джибладзе: Конечно, есть, некоторая разница между провозглашенными целями демократических преобразований и конкретными этапами демократизации и демократической консолидации. Сегодня, конечно, рано говорить о каких-то значимых успехах в демократической консолидации в Грузии в смысле развития институтов и участия граждан. Однако в общем и целом вектор, на мой взгляд, направлен в сторону создания демократических процедур и институтов. По характеристикам и по сути самих «революционных преобразований» — и лозунгов, которые поднимались революционерами, и тех действий, которые они сейчас совершают, — это все направлено на то, чтобы демократические процедуры и институты стали работающими. Пока это получается тяжело.

Вадим Востоков: Что-нибудь получается?

Юрий Джибладзе: На мой взгляд, кое-что получается.

Вадим Востоков: Кого-то из розыска сняли или перестали оппозиционеров сажать в тюрьму или избивать палками?

Юрий Джибладзе: Могу, по крайней мере, сказать, что достаточно сильно изменился состав и характер правящих элит. Туда вошло не только большое количество представителей элит, которые находились в оппозиции к Шеварднадзе, но и много гражданских активистов из неправительственных организаций, которые, в частности, достаточно упорно пытаются ограничивать и критиковать руководство страны, влиять на него изнутри в том, что касается недемократических методов борьбы с оппозицией и соблюдения демократических процедур правового государства. Это достаточно новая ситуация, потому что в прошлом, при режиме Шеварднадзе, Грузия была абсолютно коррумпированным государством совсем без действующих демократических процедур.

Владимир Прибыловский, «Панорама»: Можете ли вы назвать каких-то людей в теперешнем руководстве Грузии, которые не происходят из бывшей партии власти, Союза граждан Грузии?

Юрий Джибладзе: Честно говоря, я не готов к такому детальному разбору состава правительства Грузии. Если другие, более знающие коллеги включатся в разговор, я был бы благодарен. Я точно знаю, например, одного такого человека — Александра Ломая, с которым я взаимодействую. Это министр образования и культуры.

Григорий Белонучкин, «Панорама»: Назовите, пожалуйста, первые две волны демократизации — для полноты впечатлений.

Юрий Джибладзе: Хороший вопрос. Это всё было, скажем так, давно и неправда. Это Французская революция и Американская революция.

Екатерина Филиппова: Спасибо. Я с удовольствием передаю слово нашему украинскому гостю. Это Дмитрий Потехин. Он, как я понимаю, и теоретик, и практик. В качестве практика он был соучредителем Гражданской инициативы, а в качестве теоретика — директором Группы европейской стратегии.

Дмитрий Потехин, Гражданская инициатива (Украина): Директором этой группы я стал уже после революции. Но, тем не менее, элементы теории были и на этапе практическом. В продолжение начавшейся дискуссии о том, что же на самом деле произошло, насколько демократична последняя волна демократизации и увеличила ли на содержание демократии в коктейле того, что происходит, по крайней мере, в Украине и Грузии, я хотел бы соответствующим образом поставить вопрос, на который попробую ответить в своей короткой презентации.

Сейчас и в Украине многие спрашивают, произошла ли демократическая революция. И если произошла, то как? Это интересует больше технологов. Хотя, я думаю, в гораздо большей степени это представляет интерес для теории демократического перехода. Второе: если не произошел переход, то что же произошло на самом деле, что происходит сейчас, кто виноват и что делать?

Сказать сейчас однозначно, что демократический переход в Украине, в Грузии закончился, невозможно. Почему? Потому что точно так же, как можно сказать, что демократия — это скорее процесс, а не результат, можно сказать, что революция в некотором смысле — это не результат, а процесс. И украинская революция, к слову, началась не в прошлом году. Мы, планируя свою деятельность, исходили из того, что перед нами в некотором смысле стоит задача завершения революции начала 90-х. По большому счету эта революция еще продолжается, и более корректно, конечно, говорить о ней как об эволюционном процессе. Поэтому я все-таки склоняюсь к принятию терминологии волн демократизации и в целом согласен со сказанным ранее Юрием.

Тем не менее, я думаю, что в украинской ситуации, при том что, действительно, ключевую роль играла мобилизация снизу, имел место существенный элемент предыдущей волны демократизации, характерный для Латинской Америки. Я видел в первом варианте программы сегодняшнего стола презентацию о Латинской Америке. Я думаю, что было бы очень интересно детальнее сравнить переход к демократии через пакт элит и переход к демократии через мобилизацию снизу, то есть характерную черту последней волны демократизации. Мой основной тезис заключается в том, что при ключевой роли мобилизации снизу был существенный элемент заключения пакта. И то, что сегодня мы наблюдаем в Украине и, я надеюсь, будем наблюдать в течение нескольких месяцев, а не лет, — это выход из пакта. О характеристиках этого пакта, кто с кем договаривался и о чем, если вас это интересует, я готов поговорить в рамках дискуссии. Но прежде я вернусь к вопросу: что произошло и как?

Юрий кратко описал факторы украинского демократического перехода. Я не буду вдаваться в подробности, а лишь остановлюсь на некоторых из них.

В Украине, безусловно, был конкурентный авторитаризм или то, что некоторые исследователи называют конкурентной или псевдодемократией. В Украине был парламент, который не полностью контролировался исполнительной властью. В Украине были элементы свободных СМИ, которые не могли полностью охватить всю аудиторию. Но, тем не менее, ключевым игрокам — и политическим, и неполитическим (в третьем секторе) — они доносили информацию о происходящем в стране. В Украине могли работать и продолжают работать международные организации. Естественно, гражданское общество и сеть общественных организаций на момент выборов 2004 года была довольно развита. И все это было бы невозможно, если бы в Украине был классический авторитаризм без элементов конкуренции, в частности, конкуренции элит.

Второе. Нехаризматичный лидер. Кроме того, что оппозиция смогла объединиться вокруг Ющенко, у этого лидера был очень удачный оппонент. Оппонент с ярко выраженной региональной, донецкой, идентичностью, ну, и с двумя судимостями. Другой вопрос, почему от оппозиции был выставлен именно такой кандидат. Это отдельная тема, также очень интересная. Но я думаю, что в ситуации Украины 2003–2004 года от власти и не мог появиться другой кандидат.

Объединенная оппозиция. Оппозиция в 2004 году объединилась не впервые. Был опыт объединения после отставки правительства Ющенко в 2001 году. Тогда это было неполное объединение и в некотором смысле сомнительное (Ющенко тогда подписал «пакт трех», в котором протестующих на улицах он фактически назвал фашистами. Для многих активистов, и для меня лично, это было, естественно, очень неприятно).

Да, все лидеры оппозиции вышли из старых элит, это действительно так. Я не считаю, что то, что люди вышли из старых элит, делает невозможным демократический переход. Люди меняются, и при существенном давлении на них со стороны, в частности, гражданского общества, они могут меняться в лучшую сторону.

Предшествующий политический кризис. В 2001 году произошла отставка правительства в результате скандала с записями Мельниченко. В результате этого кризиса элита частично разделилась. В общественном мнении власть потеряла очень много. И если в результате протестов 2001 года не произошла смена фигур на сцене, тем не менее, в общественном восприятии эта смена произошла. И доверие к этой власти было уже минимальным.

Новое поколение избирателей. Безусловно, это, пожалуй, первые выборы (серия парламентских выборов 2002-го и эти, 2004-го), когда существенная часть избирателей не имела груза советской политической культуры — это молодежь. Сочетание этого фактора — нового поколения, и предыдущего фактора — политического кризиса создало в Украине группу активистов, которые не были политически ангажированы. Они или не считали существующих политических игроков достаточно убедительными, или имели опыт негативной работы в политических структурах и фактически разочаровались в политической оппозиции. И в результате родилось содружество молодых людей, которые, я считаю, сыграли важную роль в неполитической мобилизации избирателей. Мобилизации, направленной на обеспечение честных выборов. И, действительно, несмотря на попытки контроля этой сети организаций и отдельных людей со стороны политической оппозиции — предложения сотрудничества и так далее — контроль установить не удалось, потому что был негативный опыт 2001 года, когда протесты были безуспешными, поскольку не оправдали надежд политические лидеры, в частности Ющенко. И в этот раз такой ошибки активисты общественных организаций не сделали.

Следующий фактор — это структуры независимого наблюдения. В Украине были организации, которые не были завязаны на политическую оппозицию и при этом воспринимались общественным мнением как инстанция, которая могла авторитетно сказать, были ли фальсификации. И, естественно, в ситуации, когда возникла очевидная попытка фальсифицировать выборы со стороны власти, они основную свою функцию выполнили.

Следующий — это гражданский национализм. Безусловно, имело место гражданское цивилизованное самоосознание украинцами себя как нации. Пусть не всеми, но, по крайней мере, частью избирателей. Они помогли мобилизовать людей на противостояние коррумпированной власти. Именно поэтому я подчеркиваю, что это был гражданский национализм. Второе — это противостояние кандидату, который не ассоциировался с Украиной в целом, который ассоциировался с донецким регионом. И, безусловно, противостояние именно фальсификации со стороны существенной части тех, кто был на Майдане. По социологическим опросам, проведенным после революции, примерно 60 процентов людей вышли на Майдан именно потому, что они поддерживали кандидата от оппозиции; остальные 40 процентов в опросах объяснили свою мобилизацию именно желанием сделать выборы честными.

И последний фактор — это сочувствующая столица. Безусловно, возможность зимой занять без сопротивления помещения в центре Киева

для размещения такого количества людей и многих других необходимых функций была важна. Иначе две недели в условиях такого сильного мороза революция не могла бы продолжаться. Это факторы, которые я считаю необходимыми для понимания того, что произошло в Украине.

Но есть ряд дополнительных факторов. Первый — это функционирующая экономика. В отличие, скажем, от Сербии и Грузии, в Украине была стабильная функционирующая экономика. И это определило характер кампании. То есть то, что многие называют перформансом. Это, в частности, результат того, что все, кто планировал мобилизацию, отдавали себе отчет, что в Украине люди выходят на улицу не потому, что экономические проблемы в стране серьезные, а потому, что там есть коррупция и возможная попытка фальсификации выборов. Но, тем не менее, мобилизация носила позитивный элемент. И, в частности, наша общественная инициатива мобилизовывала с помощью позитивной кампании, а не призывом к массовым протестам и так далее. В частности, не хотели повторять опыт 2001 года, когда на Крещатике жгли чучело Кучмы. В этот раз ничего подобного допущено не было, поскольку мы не хотели, чтобы люди воспринимали нас как революционеров, экстремистов. По сути, это было продолжение нашей миссии обеспечения честных выборов. При том, что была стабильная экономика и люди не были так же радикально настроены, как в Грузии и в Сербии, эта стабильность не воспринималась как заслуга кандидата от власти, премьер-министра. Поскольку никто, по сути, не ощутил эту стабильность в своих карманах.

Второй способствующий фактор — это уровень развития коммуникационных информационных технологий. По сути, можно назвать украинскую революцию первой цифровой, или информационной, революцией, поскольку степень использования не только электронных СМИ, но и средств коммуникации и организации работы и активистов, и политических штабов был настолько высок, что ни одна из сторон, в том числе власть, не попыталась отключить средства связи. И это было своего рода стратегическое противостояние, при котором потери от применения этого средства — то есть отключения коммуникаций — были бы гораздо весомей, чем преимущества, которые власть, кандидат от власти мог получить, обесточив оппозицию. Если кого-то интересует, могу детальнее рассказать о некоторых средствах, которые мы использовали.

Третий способствующий фактор — это изменение настроения избирателей. Поначалу украинцы не верили в то, что может победить кандидат от оппозиции. Большинство украинцев, как показали опросы накануне выборов, поддерживало Ющенко, но при этом считало, что победит Янукович. Такой парадокс, характерный, я думаю, для всего нашего реги-

она. То есть избиратели восприняли кампанию, которую развернуло правительство: что при любом исходе, кто бы сколько голосов ни получил, власть сумеет украсть эти выборы. Но между летом и октябрём 2004 года эти настроения изменились. Украинцы поверили в то, что несмотря на фальсификации и административный ресурс оппозиция может победить.

Следующее — это невмешательство силовиков или даже их переход на сторону оппозиции. Безусловно, украинская бескровная революция стала возможна только потому, что в элитах, в том числе среди силовиков, был раскол. Он появился еще в 2001 году, а в 2004-м часть силовиков уже открыто перешла на сторону протестующих и предупредила Министерство внутренних дел о том, что военные будут готовы защищать протестующих в случае попытки применения силы. Часть просто стояла в стороне от этого конфликта. К тому моменту, когда Янукович настоял на применении силы, на улицах было столько людей, что ее применение было невозможно.

Очень важна была внешняя поддержка. Но дело не в западных, американских деньгах и так далее. Основная, существенная часть помощи состояла в том, что Запад отказался признавать фальсифицированные выборы. И в результате заявлений некоторых ключевых американских и европейских политиков часть людей, которая не могла четко определиться со своей позицией, перешла на сторону протестующих.

Следующий фактор — эффект соседства. Безусловно, помогли сербский и грузинский примеры.

Важна была верно выбранная стратегия. Я уже говорил о позитивной политической и гражданской кампании. Это был урок, полученный на предыдущих выборах. Безусловно, нам очень помогло и невежество российских политтехнологов, которые работали на Януковича.

И последний фактор — и здесь виден частичный ответ на вопрос, что же все-таки произошло — был договор, пакт элит. И поэтому я считаю, что украинский случай — это набор элементов последней волны демократизации в определении, о котором говорил Юрий, и элементов третьей волны, латиноамериканской, в которой был договор между элитами.

И вот теперь ключевой элемент мобилизации снизу заставляет, по сути, пересматривать условия пакта элит. Пакт был важен не для содержания перехода — результаты этого перехода мы пока что не наблюдаем, но еще будет наблюдать, я надеюсь, в ближайшем будущем; —благодаря пакту произошел бескровный переход. Это был пакт между уходящим режимом и умеренной оппозицией. Именно поэтому часть оппозиции в лице Юлии Тимошенко не была частью этого пакта. И после прихода ее к власти она, в частности, попыталась пересмотреть результаты приватизации.

Поскольку договаривался с Кучмой все-таки Виктор Андреевич, а не Юлия Владимировна, она и не несла обязательств по этому пакту. Последняя встреча президента с лидерами ключевых финансово-промышленных групп показывает, что сейчас условия этого пакта перестают действовать, потому что, во-первых, Ющенко сумел договориться с Януковичем, во-вторых, он сумел договориться с базой Кучмы. То есть, по сути, сейчас происходит пересмотр договора, и это уже не пакт о передаче власти, а новый общественный договор, который позволит закончить процесс демократизации и позволит независимому суду все-таки восстановить верховенство права в Украине. И я думаю, что это не просто оптимизм человека, который пытался что-то изменить в стране, а вывод, который основан на анализе украинских процессов. Спасибо.

Алексей Пятковский: До нас почему-то не доходит информация о нарушениях, о тех фальсификаторах выборов, о которых хорошо известно, — и в первом туре, и во втором туре. Вопрос: нет этой информации, потому что нет самого факта наказания фальсификаторов или нет самого факта, потому что это явилось одним из условий пакта о передаче власти, о котором мы тоже знаем? Спасибо.

Дмитрий Потехин: Я не считаю, что произошла передача власти. Договор был, по сути, о форме перехода. То есть ясно, что разные стороны по-разному воспринимали этот процесс. И те, кто со стороны оппозиции садился за стол переговоров, это воспринимали как пятую волну демократизации. А те, кто садился за стол переговоров со стороны Януковича, воспринимали это как третью волну демократии. Понимаете? Они договаривались. И хотя есть условия пакта и есть западные теории перехода через пакты, в наших условиях они имеют некоторую корректировку. Я считаю, что в рамках этого пакта произошел просто «кидок». И он помог, с одной стороны, сделать переход бескровным, а с другой стороны, все-таки демократичным.

По поводу фальсификации. Дело в том, что фальсификации были, и я, как человек, который передал юристам Ющенко документы, на основании которых Верховный суд принял решение о переголосовании второго тура, могу вас заверить, что фальсификации были массовыми. И я не сидел у себя в офисе и не рисовал их на американские деньги. Работала сеть, которая собирала данные о фальсификациях. Это первое. Второе: почему же не было судебных дел? Есть несколько тысяч судебных дел в отношении исполнителей. Но я считаю, что все-таки это неправильно — привлекать к ответственности людей, которые на местах реализовали план фаль-

сификации. В первую очередь на скамью подсудимых должны сесть те, кто это организовывал. Поскольку фигура генпрокурора была частью пакта, то этих расследований быть не могло. Сейчас со сменой генпрокурора и пересмотром этого договора и перенесением его из подкованного формата в формат общественного договора, частью которого я, кстати, считаю и договор между Ющенко и Януковичем, возникают условия, при которых эти расследования возможны. Более того, я не побоюсь показаться слишком большим оптимистом, я думаю, что все-таки сядет и глава ЦВК Кивалов, сядет, возможно, и Кучма.

Реплика: Именно за фальсификации?

Дмитрий Потехин: Не знаю, за что.

Галина Кожевникова, «СОВА»: Несколько раз вы говорили о том, что была позитивная мобилизация. Назовите хотя бы несколько лозунгов. Под какими лозунгами происходила эта позитивная мобилизация и какую часть из этих позитивных лозунгов в свете того, что вы говорили о гражданском национализме, составляли антимосковские настроения?

Дмитрий Потехин: В части политической кампании основной позитивный лозунг был «Так». Всеобъемлющий лозунг и, по-моему, однозначно позитивный.

Ну, я шучу, конечно. Второй позитив в рамках политической кампании был в том, что Ющенко все-таки не только собирается победить, а что он победит. Если большинство выступлений, скажем, Тимошенко на майдане — это было развенчивание власти, коррупции и так далее, то, по крайней мере, на фоне Тимошенко Ющенко смотрелся довольно позитивно. Это его тип. И в этом специфика украинской мобилизации, того, чего не поняли российские политтехнологи. Мобилизация произошла не потому, что были призывы к открытому протесту. Мобилизация произошла потому, что, во-первых, несправедливо, нагло пытались украсть голоса не экстремиста, а умеренного, особенно на фоне Тимошенко, оппозиционера Ющенко. А во-вторых, потому, что факты фальсификации стали очевидными. Это в части политической кампании.

В части гражданской кампании мобилизация произошла на основе очень простой идеи необходимости проведения честных выборов. Это то, о чем говорил Юрий. Игра велась в рамках существующих правил. То есть в конституции написано: честные, прямые, регулярные выборы. Всем стало очевидно, что это не так. Поэтому люди вышли на улицу. Лозунгами пози-

тивной гражданской кампании было, что мы имеем возможность действительно влиять на происходящее в стране. Я говорю не о лозунгах, я говорю о мессиджах. Лозунгов были десятки, то есть по большому счету не в этом смысл, а в мессиджах. Так вот, первый мессидж нашей кампании был в том, что проголосовать необходимо, потому что это действительно влияет на происходящее. Второе – то, что вы выбираете не Ющенко или Януковича, а вы выбираете определенный сценарий развития страны и вашей жизни в этой стране. Поэтому выбор конкретного кандидата должен основываться не на каких-то личных предпочтениях, не на личности кандидата, а на абсолютно четких критериях, и этот выбор должен быть осознан. И мы не агитировали ни за Ющенко, ни за Януковича, но давали эти критерии...

По поводу России. Самое неприятное, что могла Россия, по крайней мере Путин, сделать, чтобы мобилизовать людей против себя, она сделала. В лице Путина, да. И кстати, не было антироссийских лозунгов, это неправда. Были лозунги против вмешательства России как государства во внутренние дела Украины. И этим, кстати, Владимир Владимирович тоже очень помог мобилизации части людей, которая была движима национальной идентичностью.

Владимир Прибыловский, «Панорама»: А вот Вы сами все-таки за Ющенко или за Тимошенко?

Реплика: За большевиков или за коммунистов?

Дмитрий Потехин: Я за Ющенко-президента и за Тимошенко-оппозиционера. Поскольку я не считаю, что Янукович мог выполнять функцию нормальной оппозиции. Но если говорить о конфликте, то вопрос, по сути, о том, что произошло и с кем мы теперь. Я считаю, что то, что произошло после революции, усиливает шансы украинской демократии, потому что после раскола в Украине появилась оппозиция, которая может контролировать власть. Янукович контролировать власть и обеспечить один из элементов горизонтального контроля не мог. Украина от этого раскола только выиграет в дальнейшей перспективе.

Екатерина Филиппова: Я напоминаю, что у нас еще будет дискуссия и неформальное общение. Я думаю, что каждый человек, здесь сидящий, может задать десять вопросов об Украине. А я сейчас предоставляю слово Юрию Кургунюку.

Юрий Кургунюк, главный редактор бюллетеня «Партиформ»: Спасибо. Я не знаю, насколько я попаду в струю дискуссии, потому что, на-

сколько я понимаю, здесь речь идет больше о советах, которые нужно дать сторонникам демократии для успешного завершения демократического транзита. Меня же больше волнует другой вопрос: а не слишком ли мы много надежд связываем с самим демократическим транзитом, уверены ли мы в том, что то, что мы сейчас имеем, это не демократия?

Дело в том, что вообще транзитология в последнее время подвергается критике, часто небезосновательной, во многом за то, что она несколько модернизирует само понятие демократии. Под стандартами демократии она понимает стандарты именно либеральной, мало того, либеральной политкорректной демократии, в то время как исторические формы демократии далеко не всегда были либеральными, тем более политкорректными. Иногда у них было зверское лицо. Очень часто мне приходится слышать, что то, что сейчас устанавливается в России, – это авторитарный строй, что налицо авторитарные тенденции. Но мне кажется, что об антилиберальных тенденциях можно говорить с полной уверенностью, а что касается авторитарных – здесь все-таки вопрос.

Дело в том, что авторитаризм очень часто понимают как некоторую ослабленную форму тоталитаризма. Но если тоталитаризм пытается регламентировать все стороны общественной жизни, то авторитаризм касается только вопросов власти, а в остальное не вмешивается. На самом деле у этих двух систем в корне противоположный источник легитимации. Дело в том, что авторитаризм в исторических его формах – чаще всего родственник монархии, то есть такой системы, где власть исходит непосредственно от Бога. И к власти поэтому может быть причастен только узкий круг избранных. А те конкретные формы тоталитаризма, которые мы знали в XX веке, – прямые родственники демократии. Они тоже в своей основе апеллировали к идее народного суверенитета – народ как источник власти. И у меня даже была идея придумать какой-то термин, который бы объединял тоталитаризм и демократию в нечто единое. Ну, допустим, плебисцитаризм. Но я подумал: а имеет ли смысл приумножать сущности? А почему, действительно, мы не можем рассматривать тоталитаризм как форму демократии? Ведь при тоталитаризме тоже оставались выборные институты. Мало того, они хотя вроде бы и были, на первый взгляд, формальными, но без них система тоже не могла существовать. Она была просто обречена на то, чтобы постоянно пытаться себя легитимировать именно таким путем. И в конце концов именно выборы и погубили эту систему.

Мне кажется, что если, действительно, не предъявлять к демократии слишком серьезных требований, то, что мы имели в советское время, тоже можно назвать своеобразной формой демократии. Просто нужно обра-

шать внимание на то, кто эту демократию осуществляет и кто в результате получает наибольшие дивиденды. Вот то, что мы имели у нас в стране, по-моему, вполне можно определить как варварскую демократию. А варварская демократия, знаете ли, так же как и варварская монархия, всегда выносит к власти кровопийц и живодеров. Это демократия кровопийц. Ну, а как кровопийцы решают свои проблемы? Воровская сходка, она тоже, знаете, по вполне демократической процедуре проходит. Чем она, как правило, заканчивается и о чем там ведется разговор — это уж совершенно другая тема. Но вот что самое главное: если мы посмотрим на тех кровопийц и живодеров, что были у власти у нас на протяжении самого людоедского периода истории, легко обнаружить, что они были гораздо ближе к народу, чем либеральная, даже социалистическая, интеллигенция. Они разговаривали на понятном массе языке, на языке, в котором затрещина была частью речи, а зуботычина — междометием. Мне кажется, очень многое определяет, кто именно осуществляет эту самую демократию, кто от ее имени выступает.

Вот если мы сейчас возьмем нынешнее состояние нашей системы, то я бы спросил: кто сейчас находится у власти, кто больше всего выиграл от того, что имеется? Я бы определил нынешнюю власть как власть коррумпированных ментов. Вот уж кому, действительно, раздолье, вот на кого на практике работает и исполнительная власть, и Дума, которая вроде бы полностью подконтрольна Администрации Президента. Но законы о том, как бы увеличить штрафы, как бы увеличить количество административных барьеров, которые позволяют вымогать побольше взяток, — они просто пекутся, как пирожки. И мне кажется, что нынешняя власть гораздо ближе к общей массе населения, чем мы, либеральная интеллигенция. Если мы сравним нынешнюю власть с властью советской — особенно 30-х и 50-х годов, — мы обнаружим, что по пути продвижения к либерализму эта власть продвинулась очень далеко. Власть коммунистическая не уважала даже право человека на жизнь, а нынешняя власть гораздо либеральнее и уважает многие права. Она совершенно не кровожадна. Как правило, жизнь человека ее не интересует. Собственность — это другой вопрос. Деньги — да. А сказать, что она жаждет крови, нельзя, это уж будет клевета. Многие права она если и не уважает, то, во всяком случае, признает, прислушивается. Ну, допустим, права на льготный проезд в транспорте, на бесплатное медицинское обслуживание, на бесплатное образование, может быть, даже на бесплатное электричество. Эта власть, в принципе, признает собственность. Только собственность личную: дом, квартира, дача, машина. Но как только доходит до собственности как капитала, тут уже у власти очень большие подозрения.

Если мы, исходя из набора прав, которые власть если не уважает, то признает, попытаемся определить, кто все-таки есть ее избиратели, к кому она вынуждена прислушиваться, — то это, как я бы его назвал, массовый бюджетополучатель. Человек, который или просто кормится из бюджета, или из бюджета берет больше, чем в него отдает. И как мне кажется, это абсолютное преобладание бюджетополучателя в нашей социальной структуре — самое главное наше наследство, которое мы получили и сохранили от предыдущей системы. Большевики сделали невозможное. Они уничтожили практически все экономически самостоятельное население и всю страну посадили на бюджет. И потом они под этой же тяжестью и рухнули. Поменялось многое, но как было в годы поздней советской власти доминирование бюджетополучателя, так оно продолжается и сейчас. Если где-нибудь в Америке бюджетополучатели составляют максимум 20 процентов от экономически активного населения, по европейским меркам, может быть, до 30, до 40, по нашим... я, конечно, не вел подсчетов, но боюсь, что будет за 80 зашкаливать. Мало того, ситуация осложняется тем, что противоположная сторона, та, которая противостоит бюджетополучателю, налогоплательщик как социальная сила, у нас в политике практически отсутствует. Наш налогоплательщик, во-первых, не любит платить налоги, от них уворачивается. Во-вторых, политически он себя ведет как бюджетополучатель. Получая какой-то кусок, тащит к себе в нору. А потом, когда появляется на поверхности общественной жизни, он точно такой же бюджетополучатель, как все, и тоже требует свою часть бюджетного пирога.

И вот именно такая ситуация и порождает нынешнее состояние нашей политической системы, в которой друг другу противостоят две главные силы. Это, с одной стороны — партия власти, то есть кланово организованное чиновничество. А с другой стороны — популисты. И что самое печальное, между двумя этими частями нет особой разницы. Люди спокойно переходят из одной в другую. Вчера был оппозиционер, а сегодня в партии власти; вчера был прирученный партией власти, а сегодня уже опять оппозиционер. И если останется та же самая ситуация в социальном плане, если бюджетополучатель будет преобладать, как он преобладает сейчас, что мы будем иметь от смены власти? Да практически ничего. Популисты будут сменять партию власти, партия власти — популистов. Какая-то часть популистов будет переходить в партию власти, партия власти будет присягать новому главе страны, а дальше система будет просто функционировать по тем же самым законам. Ну, может быть, в периоды обострения, ухудшения экономической ситуации, например, на некоторое время будут появляться либералы. Но, как мне кажется, это все будет

тоже в рамках функционирования именно этого механизма. Мне кажется, что к стандартам либеральной, политкорректной демократии можно быть ближе, можно дальше, но то, что мы сейчас имеем, — это форма демократии. И это наша реальность, может быть, на ближайшее десятилетие как минимум. Мне кажется, что должно появиться новое поколение людей, в которых не так глубоко засела эта идея: нам должны, государство нам должно. Оно нас должно накормить, напоить и обеспечить нас смыслом жизни. Вот когда поменяется все это на глубинном уровне, тогда, может быть, действительно, наша демократия сместится в сторону другой, более приятной тем людям, которые сейчас сидят за «круглым столом». Все, спасибо.

Екатерина Филиппова: Спасибо. Вопросы.

Анатолий Рекант, Комитет «За гражданские права»: У меня даже не столько вопрос, сколько возражение предыдущему оратору. Он сказал, что наша власть сегодня не кровожадна, наша власть — за собственность. Позволю себе не согласиться. При всем моем огромном уважении, я честно в этом признаюсь, к Путину с тех пор, как он стал и.о. президента... Однако то, что творится в Чечне, то, что творится в местах заключения, то, что творится в нашем обществе ... Я занимаюсь этими делами уже в течение пяти лет. Я ручаюсь, что ни один человек из сидящих здесь не гарантирован от того, что, выйдя из этого зала, дойдет до места работы или до дома и не попадет либо в отделение милиции, либо в психушку.

Юрий Кургунок: Я тоже согласился бы с этим возражением. Но когда я говорил, что власть не кровожадная, я говорил именно о том, что у нее нет такой цели — пролить кровь. Делает она все это левой ногой, так скажем. Она равнодушна к людям.

Юрий Джибладзе: Я высказал ранее соображение, что мы вряд ли можем рассчитывать на быстрые изменения, в этом я с вами согласен. В частности, в плане именно гражданского давления снизу. Поведение правящих элит и в целом политических элит очень сильно влияет на ценности, самочувствие и ориентацию населения. Вы также говорили о том, что скорее есть надежда на то, что ситуация может измениться не на пути мощного давления снизу, а именно на пути раскола в правящих элитах и консолидации оппозиционных демократизирующих элит. Вот вы говорите о стабильности режима. Но как вы относитесь к перспективе, что в результате нарастающей неэффективности управления возникает эконо-

мический кризис, нарастают различные расколы внутри правящих элит и, например, осуществляется такой сценарий: более консолидированной демократизирующей элите удастся перетащить на свою сторону часть расколовшихся правящих элит, и именно в результате этой демократизации элитного характера удастся впоследствии также мобилизовать население и изменить его отношение к демократии?

Юрий Кургунок: Вы знаете, мне кажется, большинство сценариев именно так и осуществляется. В любой политической системе изменений от хорошей жизни не бывает, как правило — из-за какого-то кризиса. Как правило, кризис влечет за собой расколы элит. Меня волнует несколько иная проблема. А чем в конце концов все закончится? Мы уже имели раскол элит в 90-х годах. И тем не менее, все эти партии власти формировались снизу, с регионов. Только в 2000 году Путин возглавил на федеральном уровне партию власти, объединил, консолидировал ее вокруг себя. А все эти байские режимы, все эти рахимовы, илюмжиновы, все прочие — они у себя там сплотились уже давным-давно. И я боюсь, что, в конце концов, если действительно не произойдут фундаментальные изменения в самой структуре общества, все получится по старому сценарию. Смута, потом опять успокоение — возвращаемся все к той же ситуации.

Людмила Вахнина, «Мемориал»: Мне понравился ваш подход. Какой вы видите роль сидящих здесь, за этим «круглым столом», в возможном развитии событий в этих координатах?

Юрий Кургунок: Как мне кажется, нужно сопротивляться до последнего. Это единственное, что мы можем делать. Тогда нас не съедят. Мне на самом деле кажется, что власть меркантильна, корыстолюбива, но не кровожадна.

Александр Аузан, президент Института национального проекта «Общественный договор»: Спасибо. Добрый день, уважаемые друзья. Я напоминаю, что я не политолог, не социолог, я институциональный экономист. Поэтому некоторые мои суждения основаны на подходах моей науки и того, что экономисты называют «новой политической экономией». И поэтому, может быть, мои суждения звучат несколько вразрез с привычными терминами и взглядами, хотя мы все равно говорим про одно и то же. Давайте сначала попробуем оценить точку транзита, в которой мы находимся. На мой взгляд, мы находимся в периоде реакции. Режим Путина в этом смысле является реакционным в самом простом смысле этого

слова. Он реагирует на те проблемы, которые были накоплены прежним периодом ломки формальных и неформальных правил в 90-х годах. Причем, думаю, что реакция во многом уже выполнила свою историческую работу. Я хочу вам напомнить, что, такие вещи, как кодекс Наполеона, были созданы не в момент революции, а существенно позже, в период, который мы бы назвали периодом реакции.

Теоретически мы из периода реакции могли бы выйти, но Россия опять оказывается в очень странной ситуации. Потому что мы из периода реакции непосредственно входим в то, что экономисты называют «голландской болезнью». И это очень серьезное испытание для всех социальных институтов. Иногда я начинаю думать, что все-таки Чаадаев был прав, что Господь придумал эту страну для того, чтобы показывать другим, как не надо жить. Это ужас какой-то! Даже успехи к нам приходят не вовремя. Потому что страну заливают огромный денежный поток, несравнимый с первым периодом застоя. Нельзя сказать, что он касается только элит. Это не так. Эти средства просачиваются в различные слои. Бизнес растет, как на дрожжах. Пятидесятипроцентный рост в бизнесе уже пару лет считается нормальным. И должен заметить, что конца этому периоду пока не видно. Скорее всего, в ближайшие годы при сохранении высокой внешней конъюнктуры мы будем иметь выход из периода реакции в очень странную ситуацию. Потому что, если бы этого не было, если бы не было этой внешней конъюнктуры, то довольно быстро выяснилось бы, что та система институтов, которая создана в период реакции, резко недостаточна и нуждается в компенсации. По-моему, для всех очевидно, что, в отличие от первого срока Путина, когда реформы были, с моей точки зрения, достаточно эффективны, реформы второго срока провальные — одна за другой. Но денежный поток позволяет постоянно делать анестезию. Любые проблемы, которые можно погасить деньгами, в ближайшие годы будут гаситься деньгами. Потому что денег совершенно невероятное количество по сравнению с привычками, которые образовались в России по части того, сколько денег нужно на то или на это.

Получается, что в разжиревшем организме происходят процессы упадка и кризиса. Но благодаря тому, что идет такое свехобильное питание, эта кризисная тенденция почти не ощущается. Но она есть. Я, конечно, вряд ли соглашусь с тем, что мы имеем дело с не авторитарным режимом, потому что авторитаризм для меня — это просто некоторый способ принятия решений. Если мы посмотрим на доминирующий способ принятия решений последние три-четыре года, то это не есть способ принятия решений, основанный на большинстве, на конкуренции и так далее. Он другой.

Этот авторитарный режим реально пришел к обрыву обратной связи в реформах, к проблемам управляемости. Стали развиваться фобии. Я считаю, что к таким фобиям относится страх революции в России. Фобия, связанная с тем, что если информация снизу проходит очень плохо — а во всех авторитарных режимах информация снизу проходит очень плохо, — то дальше начинаются какие угодно ожидания. В том числе ожидание того, что завтра люди в столице выйдут на улицы и начнут что-то такое перекрывать, свергать и так далее. Боюсь (или это к счастью, не знаю), что таких ожиданий у тех людей, которые должны были бы выйти на улицы, нет.

В ситуации «голландской болезни» период реакции легко продляется, например, на переломные точки выборного цикла 2007—2008 годов, потому что не избиратель нанимает эту власть, а власть имеет достаточные денежные ресурсы, чтобы нанять избирателя. Я не утверждаю, что ей удастся это сделать. Но новые социальные инициативы, на мой взгляд — не что иное, как предложение честно купить голоса на выборах 2007—2008 года. Правда, как экономист я думаю, что для этого должен быть сделан довольно сложный расчет, потому что после такого пиршества изжога абсолютно неизбежна, вопрос в том, чтобы она не наступила, например, между выборами 2007-го и 2008-го года, а наступила аккуратно после президентских выборов 2008 года. На мой взгляд, так выглядит общий фон.

Теперь давайте посмотрим на признаки другого рода. Я полагаю, что такие признаки наблюдаются с января 2005 года — после льготного кризиса. И я бы их назвал мелкоочаговыми. То есть возникли и все время возникают различные формы неполитической и политической социальной активности, которые выражаются в самого разного рода несанкционированных и непредвиденных действиях. И не организованных теми или иными заметными политическими и неполитическими силами.

Означает ли это, что происходит поворот к давлению снизу? Я думаю, что нет. Сейчас скажу почему. Мне кажется, у нас есть одно существенное отличие от, например, украинской ситуации. Во-первых, наша реакция сложнее, чем то, что происходит на Украине. Потому что мы имеем реакцию на два типа радикальных преобразований: на преобразования общественного строя и на распад империи. Поэтому я думаю, что мы имеем, кроме всего прочего, такое осложняющее обстоятельство, как довольно сильный постимперский синдром. И конкуренция влиятельных сил на выборах 2007—2008 года будет конкуренцией неоимпериалистических сил и ультралевых, не КПРФ. Для меня это вытекает из логики реакции, которая происходит в стране, являвшейся центром империи. Во-вторых, мы находимся в низшей точке динамики социального капи-

тала, то есть накопленных норм доверия и честности во взаимных отношениях. Мне кажется, что высотой заборов, которые защищают человека не от внешнего взгляда, а от соседа, мы можем легко измерить низкий уровень социального капитала. Это вполне закономерно.

Фукуяма утверждал, что из авторитарного режима всегда выходят с низким уровнем социального капитала. Это не так. Из тоталитарного режима — конечно, из авторитарного — нет, потому что мы вышли с очень большими запасами социального капитала. Иначе не было бы миллионов толп на улицах в конце 80-х — начале 90-х годов. Это свидетельство очень высокого уровня социального капитала. Но социальный капитал всегда сжигается в шоковых реформах. И он сжигается в размывании социальной структуры общества, потому что друзьям детства, один из которых преуспел и стал богатым, а другой, наоборот, стал бедным, им очень трудно сохранять взаимное доверие. У них возникают разные представления о том, что честно, а что нечестно. Этот кризис относится не к двум людям, а ко всему, что происходит в стране. Поэтому я полагаю, что эти мелкоочаговые демократические точки, которые свидетельствуют о некотором оживлении снизу, в нынешних условиях вряд ли смогут слиться в сколько-нибудь большие значимые социальные движения, потому что социальный капитал явно еще не восстановился. Он восстановится. Он всегда восстанавливается в том или ином виде, просто потому что людям как-то надо жить и общаться друг с другом, да и решать какие-то проблемы. Но, думаю, сейчас мы проходим одну из самых низких точек в этом процессе.

Я мог бы говорить еще о кризисе политических и неполитических субъектов в этой ситуации, потому что я думаю, что мы имеем довольно очевидный кризис всех без исключения партий. Я полагаю, что это объясняется тем, что наши партии решают задачу, которая в принципе не имеет решения. Таким образом они превращаются в тени, в привидения. Они пытаются, не имея связи с реальными группами в стране, представлять их интересы на политическом поле. В итоге начинается такая тяжелая коммуникация, когда они говорят: «А избиратель не читает наши предвыборные программы!» Избиратель нигде не читает предвыборные программы. Вот ему делать больше нечего — читать предвыборные программы. Простой сигнал «мы за Кремль» — «мы против Кремля» для избирателя не работает. Потому что его волнует, что с водоснабжением будет. А за Кремль или против Кремля водоснабжение — это непонятно. И так далее. «Избиратель не очень охотно ходит на выборы». А избиратель всюду вообще не очень охотно ходит на выборы. Потому что человеку из большинства непонятно, зачем идти на выборы, — он из большинства. И из меньшинства непонятно, зачем идти на выборы, — он из меньшинства. И так далее.

Все эти задачи решаются только вне того контекста, в котором между собой соотносятся политические партии. Потому что эти политические партии в итоге приходят к исполнительной власти и говорят: «Так поделите между нами поле, пожалуйста! Должны быть представлены различные группы взглядов и интересов». Но исполнительной власти многопартийность не нужна. Как группе интересов ей нужна максимум одна партия — если вообще нужна партийная система. Вот вам причина дистрофии всей нашей партийной системы.

На мой взгляд, с неполитическими субъектами у нас тоже все очень непросто. У нас большие проблемы в отношении гражданского общества с обществом в целом. Наше гражданское общество в нынешнем виде вполне живое, реальное, но оно выступает в виде инфраструктур, которые оказывают некоторые услуги, включая правозащиту, публике. А публика говорит: «Ну, хорошо. Значит, в этот раз я пойду к правозащитникам, а заодно я все-таки напишу письмо министру внутренних дел. Потому что он должен понять, как я страдаю, и должен мне помочь. А может быть, я пойду к адвокату, если у меня есть деньги. А вообще, если с помощью взятки можно решить этот вопрос, я, пожалуй, решу этот вопрос с помощью взятки». Вот такое отношение клиентов и услугодателей.

Выводы. Мы имеем ряд препятствий развития демократического транзита. Каждое из них вполне предсказуемо и объективно. Ничего катастрофического из этого не следует. Просто надо открытыми глазами посмотреть на эти препятствия. Перед нами два сценария развития, один из которых маловероятный, если говорить о развитии демократического транзита, а второй очень трудоемкий и длинный. Не знаю, какой предпочесть. Маловероятный сценарий касается нового пакта элит. Я бы его не исключал, потому что у действующей элиты колоссальные проблемы с воспроизведением своей собственности и положения в будущей структуре. Ведь собственность мало захватить. Ее же надо как-то удержать. Ее надо легализовать. Ее как-то надо передать детям. А иначе для чего захватывали? Вот все эти проблемы тесно связаны с проблемами политического режима. Ведь если они сами создали новые нехорошие привычки, например, уголовного преследования политических противников, то логично предполагать, что к ним это будет применено. И теоретически я не могу исключать, что как был определенный пакт элит в 99-м году, так он может повториться в 2006 или 7-м, или 8-м, или 9-м. Полагаю, это маловероятный вариант.

Другой вариант — длинный и трудоемкий.

Рассмотрим по ступеням. Первое — низкий спрос на демократию. В России, конечно, существует низкий спрос на демократию. Это показы-

вают разнообразные исследования. С другой стороны, если мы посмотрим на историю демократических институтов в любых ныне преуспевающих демократиях, то увидим, что это явление встречалось всюду. Конечно, они это проходили в другие исторические периоды, через формы цензовой демократии, которые мы не можем предложить. Но речь идет о выращивании институтов. Просто не надо забывать, что кроме парламентской демократии есть другие демократические институты, такие как акционерная демократия, муниципальная демократия, кооперативная демократия, демократия общественных организаций и так далее, и так далее. Я утверждаю, что в стране функционирует целый ряд этих институтов. И они являются точками роста, с которым надо работать. Это первое. Могу с высокой вероятностью сказать, какие точки плодотворны. Демократия — это когда люди в состоянии принять какое-то совместное решение, которое реализуется. Поэтому если в кондоминиуме «новые русские» могут со интеллигентными старушками договориться о домофоне, — это зародыш демократии. С этим можно работать дальше. Поэтому первое — выращивание вот такого рода институтов.

Второе — социальный капитал. Знаете, когда начинается процесс наращивания социального капитала? Когда люди, решив какую-то проблему, не разбегаются немедленно, а когда им приятно побыть друг с другом еще. Это очень нехарактерно для нашего времени и нашей страны. Когда им еще пообщаться хочется: пива выпить, любительский спектакль сыграть — неважно. Поэтому я бы сказал, что важно, как пойдет восстановление социального капитала и в каких формах, потому что социальный капитал может восстанавливаться и в форме преступных сообществ. Он может восстанавливаться в вертикальной семье, он может восстанавливаться в соседском сообществе — все очень по-разному. И хотя про производство социального капитала известно гораздо меньше, чем про производство капитала экономического, однако на этот процесс можно и, думаю, нужно влиять.

По поводу первых шагов демократии я бы сказал следующее. Вот мы все время говорим про выборность. А выборность не является решающим признаком демократии. Я напоминаю, что можно избирать царей. И Россия неоднократно успешно это делала. Начиная с 4 ноября 1613 года. Поэтому демократия начинается не там, где царь выборный, а там, где к власти относятся как к услуге. Потому что царь, оказывающий массу мелких услуг, это уже точно не царь, это уже в другой природе отношений общества и власти. Поэтому я бы сказал, что если мы хотим работать с демократическим транзитом, то надо работать не столько и, может быть, не в первую голову над решением проблемы выборности, сколько над следующей про-

блемой: чего общество хочет от власти. Воспринимает ли оно власть как услугу, услугодателя для себя, который должен решить какие-то проблемы, или как священную сущность, сверху кем-то, непонятно кем созданную.

Проблем, конечно, получается довольно много. И перспективы, по моему, не очень радужные. Но работой мы обеспечены. На много лет вперед. Спасибо.

Алексей Пятковский: Господин Аузан, вы согласились стать членом Общественной палаты. В связи с этим интересно, как вы сами видите место этого странного института в том процессе транзита, о котором мы здесь говорим сегодня.

Александр Аузан: Я вношу поправку. Я не мог согласиться стать членом Общественной палаты, потому что мне не было сделано такого предложения. Я член совета при Президенте, который возник из Комиссии по правам человека. Но я действительно, в отличие от многих своих коллег и друзей, не отношусь отрицательно к институту Общественной палаты. Готов объяснить почему. На мой взгляд, центральной проблемой отношения общества и власти в России сейчас является обрыв обратных связей. Это не вопрос, хорошо мы относимся к власти или плохо, просто без обратной связи трудно жить и тем, и другим. Если соглашаться с тем, что обрыв обратной связи — трудно решаемая проблема, то любые институты, работающие на обратную связь, нельзя отвергать с порога.

Алексей Пятковский: А имитирующие?

Александр Аузан: А имитирующие... Вы определяете имитацию до того, как возник институт? Год тому назад дискутировали: входить в памфиловский совет или не входить, это имитация или это не имитация. Если бы мы не вошли в памфиловский совет, то налоговую проблему с 251-й статьей Налогового кодекса мы бы не решили. Если так, тогда заведомо все кругом имитация. Особенно в условиях низкого уровня социального капитала, когда никто никому и ни в чем не верит. Когда Общественная палата может быть полезной, а когда вредной? Она может быть вредной в одном-единственном случае. Бесплезной — во многих. А вредной — в одном-единственном: если это будет монопольный орган связи. Вот тогда да, тогда беда. Потому что это болезнь, известная медикам под названием «тромбофлебит». Я пока не готов утверждать, что обязательно возникнет тромбофлебит. И желать страстно тромбофлебита в Общественной палате я тоже не готов.

Меня не греет фраза «кровавый рассвет встает над Россией». Я как-то устал пугаться. Считать, что заведомо все всегда будет плохо — так это наша национальная религия. Пессимизм является, я считаю, такой официальной религией советского народа, за которой скрывается, как известно, вера в светлое будущее. Я не утверждаю, что с Общественной палатой все будет обязательно хорошо. Я утверждаю, что нужно на палату давить, что нужно не допускать монополизации. Нужно требовать, чтобы реальной повесткой дня палаты было — как я неаккуратно выразился, но вынужден повторить это — вынимание заноз из задницы. Потому что реформы, которые уже запущены, — это занозы в заднице. Вот Общественной палате придется заняться этой непопулярной работой, когда власть будет стонать. Если она не займется этой работой — тогда она бесполезна. Если она станет монополией, тогда она вредна.

Юрий Джигладзе: У меня целых три вопроса, если можно. Первый. Вы сейчас говорили, что надо Общественную палату толкать, давить на нее, тогда она, может, заработает. Мне она сама по себе не столь интересна в контексте более важных сегодняшних обсуждений. Я хочу задать вопрос как раз по поводу пакта элит. Вы говорили, что он возможен, хотя маловероятен. А аналитики и исследователи считают, что характер дальнейшего режима, постпактного, так сказать, очень сильно зависит от условий пакта и тех внешних, вокруг него выстраиваемых, обстоятельств, которые его сопровождают. Вот если это договоренность элит без сопровождающего ее влияния как консолидированной демократизирующей оппозиционной элиты, так и давления снизу, возникает высокий риск так называемых повторных перезаключений пакта, затянувшихся транзитов, которые мучительны, болезненны и ничего хорошего от них не происходит, это все мы знаем. Соответственно, вопрос: есть ли, на ваш взгляд, в вашем первом сценарии надежда на то, что этот пакт окажется, если он вообще состоится, более-менее устойчивым и с каким-то выходом на реальный процесс демократизации, есть ли при этом надежда на консолидацию бизнес-элит, медийных элит, гражданских элит, политических оппозиционных элит, на давление снизу?

Второй вопрос. Вы говорили про социальный капитал, про доверие. Считается, что шансы на успешную демократизацию невелики, если в обществе существует серьезное социокультурное разделение. И в этом смысле у нас, действительно, есть серьезные проблемы с постимперским синдромом, о котором вы говорили, и с различного рода ксенофобиями и иными конфликтами. Но самое главное, как мне кажется, то, что за последние годы власть, как и многие политические элиты, активно исполь-

зовала образ врага в качестве инструмента политического действия и мобилизации сторонников или, наоборот, запугивания. Значит, это очень тяжелое наследие. Как в этом смысле мы, как гражданские демократически ориентированной структуры, можем способствовать повышению шансов на рост социального капитала и уменьшению разрывов?

И последний вопрос. Вы говорили о втором, долгом сценарии выращивания демократических институтов снизу. Понятно, что должно быть все-таки два условия: и изменение в элитах, и давление снизу. Но вот для того, чтобы эти маленькие очажки кооперативной, гражданской, акционерной и прочей демократии проросли и оказали существенное воздействие на общество, необходимо преодолеть то, что, условно говоря, называется барьером большинства. Как эти модели распространить в обществе так, чтобы они были повторяемы и работали, — особенно в условиях отсутствия достаточного количества свободных каналов коммуникаций и плохой связи гражданского общества с остальным обществом? Спасибо.

Александр Аузан: Спасибо. Про пакт элит. Если я правильно понял ваш вопрос, вы спрашиваете: надо ли пытаться воздействовать на пакт элит? Да, надо. С этим сценарием надо работать. Что для этого нужно делать? Во-первых, приходится поддерживать отношения с потенциальными субъектами пакта элит. Их не очень много, и они не очень близки нам по разным причинам. Но, на мой взгляд, это необходимо. И когда — если — речь пойдет о пакте, конечно, очень важна его форма. Ведь «сговор» и «договор» — слова однокоренные, но форма меняет довольно многое в содержании, которое оказывается либо приемлемым, либо неприемлемым. Поэтому наша задача — сдвигать ситуацию в сторону общественного договора, а не сговора о подвижке власти и сохранении тех или иных негласных гарантий. Хотя должен заметить, что я вижу здесь большую проблему в общественном сознании, потому что думаю, что общественное сознание, в том числе в наших кругах, саму идею пакта не приемлет. Я считаю, что это неправильно. Не потому, что это хороший путь, а потому, что нужно взвешивать разные пути, и на каждом пути нужно иметь определенную позицию.

По второму вопросу. Как наращивать доверие? Это тяжелый вопрос, очень тяжелый. Я затрудняюсь на него ответить. Разве что только то, что мы не должны сами способствовать поддержанию ситуации взаимного недоверия, к чему мы, в общем, склонны, потому что мы плоть от плоти этой страны, нынешней исторической ситуации и прочая. И в этом смысле хотя бы терпимее относиться к тому, что существуют разные варианты исторического развития, разные взгляды на историческое развитие. Я бы

сказал, что тут произошли определенные подвижки в интеллектуальных кругах. В последний год за одним столом, наконец, начали встречаться люди, которые по пятнадцать лет за одним столом не встречались. Я бы сказал, что это тоже маленький шагочек в ту самую сторону. А в целом вопрос очень тяжелый. Я думаю, что то, что я для себя называю новым гражданским стилем, — это во многом тот самый вопрос. Нельзя быть абсолютно скучным и рациональным, когда задача состоит в том, чтобы создать некоторую атмосферу, когда людям не только нужно и необходимо друг с другом работать, но когда им это еще и приятно. Это должно быть весело и неожиданно. Поэтому готов поделиться своими неоконченными размышлениями, но они очень неоконченные.

Последний вопрос: про выращивание и барьер большинства. Вы знаете, я, не очень понимаю, что такое большинство. На мой взгляд, это миф, рожденный в XVIII веке. Потому что меньшинства — есть, большинства — нет. В этом смысле для начала не надо пугаться того, что где-то существует некоторое огромное большинство. Люди разные, и они по разным признакам соединяются в разного рода кластеры. Поэтому первое, что для себя нужно осознать — и людям не стесняться это говорить: вы все, братцы, в меньшинстве. Большинство — это нечто механическое, образующееся из-за того, что удастся создать ту или иную коалицию. Понимание этого сильно меняет психологию, потому что человек от психологии доминирования переходит к психологии договоренности, достижения договоренности и поддержания договоренности. Примерно то же можно сказать насчет повторяемости моделей. Эта повторяемость моделей, конечно, не универсальна.

И последнее. У нас взгляды и надежды не только политологов, но и огромного количества наших сограждан обращены куда-то вверх. Призыв посмотреть под ноги и выяснить, что вокруг вас и с вашим участием происходит вполне продуктивные вещи, может давать очень неожиданные результаты. Я себя не исключаю из этой болезни: я поймал себя на том, что я, коренной москвич, никак не могу привыкнуть, что по Тверской к Кремлю нужно идти вниз. Как это — к Кремлю идти вниз? Я не понимаю. Потому что Кремль, он же где-то вверху, да? Поэтому нужно их находить, и говорить, и говорить о них бесконечно — о позитивных опытах горизонтального взаимодействия. Причем рассказывать о них, в том числе и тем людям, которые эти опыты сделали. Они не придают этому такого значения, такого ранга, которого их свершение заслуживает в контексте социального развития. Спасибо.

Вторая сессия (Б. Дубин, В. Римский)

Александр Верховский: Уважаемые коллеги! Мы продолжаем семинар. И вторую, явно меньшую его половину, вести буду я. Слово Борису Дубину.

Борис Дубин, Левада-Центр: Добрый день. Я вряд ли что сумею добавить к тому, что уже было сказано относительно ситуации наверху — условно говоря, в элитах, во власти, в отношениях между элитами и властной командой.

Поскольку я профессионально занимаюсь опросами общественного мнения и попытками анализировать их результаты, понять, в каком обществе мы живем, в каком состоянии оно сейчас находится и куда оно движется, я в основном буду опираться на данные опросов общественного мнения и говорить о том, что думает то самое большинство, которого не существует и которое состоит из самых разнообразных меньшинств.

Сразу скажу, что если судить по опросам общественного мнения, вроде бы нет особых причин печалиться. Две трети населения все-таки говорит, что в России нужна именно демократия. Но с другой стороны, особых причин для радости тоже нет, потому что все, что масса может сказать про демократию, это то, что она должна быть «наша», особая. Мы уже знаем, что эта демократия получила титул «суверенная». В том смысле, что мы суверенны, вы к нам не суйтесь со своими демократиями, у нас своя будет, собственная. И когда мы подробнее расспрашиваем население, что же в этой особенности такое особое, то получается, что это строй, в котором власть сконцентрирована у одного лица. Лучше, если это будет уже действующий президент. В этом смысле хорошо бы его даже и не ограничивать никакими сроками. Можно и на третий срок пустить, можно и дальше. Это демократия, где государство дирижистски относится к экономике, где оно управляет средствами массовой коммуникации и дозирует их массовость, иначе говоря, их свободу. Так что, с одной стороны, вроде нет причин печалиться, с другой стороны, радоваться тоже поводов нет. А с третьей стороны, вроде как и жаловаться не на кого, поскольку все сами сделали и сами же это и говорим.

Мне хотелось бы обратить внимание вот на что. Сегодня уже говорилось о недоверии населения практически ко всем институтам. Это так и есть. Недоверие очень устойчивое. Фактически лишь два института — Президент и Церковь — устойчиво находятся в зоне положительных оценок.

По поводу армии: все-таки число людей, говорящих, что скорее доверяют ей, несколько выше, чем тех, кто не доверяет. Но преобладает не полное доверие, так что к армии в этом смысле большого доверия тоже нет.

При этом три четверти россиян недовольны тем, что происходит в стране. У них преобладает чувство, что в стране нарастает хаос, неуправляемость, что власть принадлежит кучке лиц, которые нисколько не заинтересованы в том, чтобы услышать, что по этому поводу думает народ, и чего он хочет. Свыше 40 процентов считают, что в стране есть политическая оппозиция и она нужна. Около половины опрошенных, по данным (2005 года) данным, считает, что в стране есть политические заключенные. Около 30 процентов считают, что их нет.

Я бы сказал, что один из результатов путинского правления — может быть, он и не был задуман таковым, но несомненно таковым получился, — это что преобладающая часть населения России не хочет изменений. Страна не хочет быть другой. Это ясно читается. Применительно к тем реформам, о которых власть в последнее время заявляла, но так и не решалась их проводить, больше половины населения устойчиво считает, что все эти реформы — медицинская, образовательная, ЖКХ и так далее — только сделают их положение еще хуже. Это напоминает то, что в медицинском смысле называется «комфортом боли». Когда мучают долгие постоянные боли, то больному иногда удается найти такое положение тела, в котором боль наименьшая, — только не трогайте меня, потому что в этом положении я притерпелся.

Вторая важная черта ситуации — это отсутствие авторитетных лидеров, отсутствие сил, которые могли бы олицетворять собой идею изменения и идею социальной поддержки, интереса к большинству, к тому, чтобы представлять его мнения, его оценки, его запросы, и так далее. Когда Путин начинал свое правление, была пущена фраза о Путине как о «президенте надежды». Никто не знал, что он, собственно, сделал, но все надеялись, что он это сделает. На сегодняшний день можно уверенно говорить о Путине как о «президенте безнадёжности».

Преобладающая часть отвечающих — свыше 40 процентов — поддерживает его потому, что больше некого. И они не видят никого близко. Конструкция власти, которая выстроена в результате тысячи разных обстоятельств, напоминает картину, когда над облаками высится одна фигура. Известно, как ее зовут. Ниже плотный облачный слой. И под облачным слоем просто нет никого: нет ни вторых лиц, ни третьих, ни команды, ни ощущения в массовом общественном мнении того, что есть кто-то, на кого президент опирается, с кем он взаимодействует, кто каким-то образом связывает его с обществом, и так далее, и так далее.

Конструкция власти, на мой взгляд, чрезвычайно хрупкая, ненадежная. Она стабильна в своем нежелании отдать власть, Но власть никакой стабильности не обещает. Именно поэтому тривиальная процедура выборов уже начинает до такой степени нервировать власть, общество, общественное мнение и так далее. Для стабильной власти это не было бы предметом для волнений. А наша власть, как говорят некоторые опрошенные эксперты, начала нервничать.

Кстати сказать, вторая ее черта — это то, что она не озабочена длинным временем. И, вообще не мыслит в категориях длинного времени. Именно поэтому все институты общества, ну, лучшие их в этом смысле воплощения — институты культуры — государственная власть абсолютно игнорирует.

Зато то, что обещает немедленный показ — средства массовой информации, рейтинги и так далее, и так далее, — пользуется чрезвычайным вниманием. Это власть одного дня. Она так устроена, она так мыслит себя. Сколько бы она ни говорила, что она стабильная, она мыслит и ведет себя так, как власть одного дня.

Неудивительно, что свыше половины россиян вообще не испытывают симпатии, не оказывают доверия вообще никаким политическим силам какого бы то ни было крыла: ни левого, ни правого, ни центристам. Это устойчивая цифра на протяжении всего первого и второго путинского периода. Если разобраться, какими чувствами живет сегодня масса, — это неуверенность в будущем. Две трети населения (опять-таки устойчивая цифра) говорят, что они не чувствуют уверенности в завтрашнем дне. И это связано с целым комплексом различных показателей: экономических, финансовых, общекультурных, это относится к семье, к месту, в котором они живут, к стране в целом и так далее, и так далее.

Вторая составляющая этих настроений — это страх. С одной стороны, это страх перед террористами. С другой — призрачный, фантомный образ разнообразных врагов, которые нам хотят зла, хотят подчинить Россию. Очень важно, что четыре пятых взрослого населения России живет в атмосфере постоянного страха. Это не значит, что любая минута посвящена тому, что человек трясется. Но это стало устойчивым состоянием, это стало горизонтом. Это не просто атмосфера, а такова рамка, внутри которой существует сегодня человек. Отсюда основное желание — желание покоя, стабильности, порядка. Даже если ради этого порядка придется отказаться от демократии, от личных свобод, от свободных средств массовой информации, от независимости судов и так далее, и так далее, и так далее.

Третья составляющая этих массовых настроений, особенно усилившаяся в последний год-полтора, в связи с Бесланом — это ксенофобия. Таких

высоких показателей этнической ксенофобии мы за долгие годы не видели. Порядка 60 и более процентов взрослого населения испытывают устойчивую неприязнь к любым этническим чужакам и в принципе готовы поддержать инициативы власти, если бы таковые были, направленные на то, чтобы закрыть страну для чужаков, закрыть город, в котором они живут, от этнических чужаков, и так далее. «Россия для русских» и тому подобные лозунги находят горячую или менее горячую, но, тем не менее, поддержку.

В этом смысле интересно рассмотреть этот феномен в свете выражения «скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты». Кого считают наиболее дружественной страной в России? И с кем хотели бы дружить еще ближе? Ну, вы легко догадаетесь, что это Белоруссия. Самые недружественные — и это опять-таки в общественном мнении, это не мнение элит — это Грузия и страны Балтии.

Но тут я хотел бы внести маленькую поправку, адресованную тем ораторам, которые выступали до меня. Наши так называемые элиты (иначе не могу назвать, либо «так называемые», либо в кавычках) в этом смысле ничем особенным не отличаются от массы. У них другое функциональное устройство, чем у собственно элит. Они, можно сказать, подсасывают некоторые массовые мнения, страхи, слова и так далее и потом вносят их в средства массовой коммуникации. Через средства массовой коммуникации это попадает в массу, и масса говорит: «О, так ведь и мы же говорили!» Вот в этом смысле мои коллеги и я нередко говорим о зрительской демократии, симулятивной демократии и так далее. И слово «демократия» здесь надо писать буквами все более мелкими, а слово «симулятивной» — буквами все более крупными.

Если коротко подытожить итоги путинского режима и его цену, я бы назвал это массовизацией социальной жизни без модернизации основных институтов общества. Мы имеем закрытую корпоративную власть, сокращение и упразднение всех независимых общественных организаций и самостоятельных сил, сужение и фактическое разрушение публичной сферы, независимости средств массовой информации и так далее.

Сфера публичности, в немецком смысле этого слова, сегодня представлена исключительно церемониалами власти, которые можно подразделить на несколько типов. Есть церемониалы управления — это когда нам показывают заседание Совета министров. Есть церемониалы единения с народом — когда нам показывают, как президент целый день с народом общается. Фокус этой церемониальной политики — это, конечно, празднование шестидесятилетия Победы, для меня, как для человека уже не слишком молодого, очень жестко рифмующееся с мифологией Победы в брежневскую эпоху. По конструкции и по функции это очень похожие

феномены. Точно так же, как в брежневскую эпоху, надо было вытеснить ситуацию хрущевской оттепели, возвращения тех, кто был в ГУЛАГе, правозащитное движение и так далее, и так далее. И образ Победы (даже не войны, а Победы) стал одним из символических экранов, который заслонил эти части реальности, так что из нее оказалось потом вытеснено и то, что принесла с собой военная проза, и то, что принесла с собой диссидентская публицистика, и то, что принесли с собой в шестидесятые годы независимые историки, и так далее. Вместо этого появилась эпопея Юрия Озерова «Освобождение». И символично, конечно, в этом смысле, что один из творцов военной прозы — Юрий Бондарев — был и сценаристом фильма «Освобождение». Так сказать, история свершила свой круг.

По функции и по поэтике, по устройству нынешнее празднование шестидесятилетия Победы, мне кажется, вполне этому отвечает. Я не уверяю вас, что поведение властей было таким осмысленным и целенаправленным. Но если придавать ему некую смысловую логику, то надо как раз устранить из массового сознания ситуацию горбачевской и брежневской эпохи и все, что было связано с тогдашними процессами, надеждами, лицами, которые их воплощали, актами, в которых тогда так или иначе реализовалась общественная воля. Эту роль во многом играет вот эта новая мифология Победы, тем более что она подкрепляется двумя очень важными подпорами.

Первая — это настойчиво внедряемая властью и средствами массовой информации мысль о том, что мы видим перед собой последних людей, которые видели и делали Победу. Вот сейчас они уходят, мы последний раз встречаем круглый юбилей вместе с ними. И задача сейчас — передать это наследие тем самым молодым. А тут в кустах как раз и молодые под именем «Наши» сидят, выходят, принимают знамя, устраивают ритуалы братания с ветеранами. Телевидение всю это передает по двум основным каналам. В конце концов, народ, который еще в марте 2005 года говорил, что это будет праздник в основном для власти, уже в мае, после празднества, говорит (40 процентов говорит): «Ну, конечно, это праздник для всего народа». То есть масс-медиа сработали, сделали свое дело.

Вторая важнейшая подпора состоит в том, что именно брежневская эпоха, которая сформировала этот образ войны и победы, а тем самым, можно сказать, и сформировала само советское представление об истории, о XX веке, о России или Советском Союзе, ее роли в мире и так далее, в сегодняшнем массовом сознании — это самое светлое, золотое время XX века. Соединились два мифа: миф о золотом веке — о брежневской эпохе, и миф о Победе, который брежневская эпоха создала, а сегодняшняя как бы принимает из рук тогдашних ветеранов.

Теперь что касается демократического потенциала. Я считаю, что он крайне невелик, и, более того, за последние пять-шесть лет (собственно, со второй чеченской войны) стал существенно меньше. Это касается не только людей, это касается того, что для меня, как для социолога, гораздо важнее: социальных форм, в которых представлены идеи и ценности демократии. Они в этом смысле подверглись разложению, нивелировке, трансформации и так далее.

Инициативы, которые здесь есть, — инициативы снизу, о которых хорошо говорил Александр Аузан, тем инструментом, которым владеем я и мои коллеги, почти не улавливаются. Все-таки наша сеть рассчитана на очень крупную рыбу. И поэтому когда мы получаем по нашим опросам, что полтора-два процента российского населения так или иначе включены в деятельность каких бы то ни было общественных организаций, мы понимаем, что дальше заниматься социально-демографическим анализом этих полутора процентов не приходится. Поскольку сама цифра невелика, аналитически разлагать ее возможности еще нет. Но дело, мне кажется, в двух других вещах. Эти инициативы не просто имеют другой количественный масштаб. Они, во-первых, плохо связаны между собой, я не вижу как социолог тех социальных форм, которые связывали бы между собой то, что называется ростками или зачатками демократии в самых разных сферах жизни нынешнего общества. И, во-вторых, эти ростки, зачатки, идеи, ценности и даже связанные с ними какие-то общественные инициативы практически непреодолимой пропастью отделены от толщи населения. Иначе говоря, отсутствуют или слабы коммуникативные связи между ними, и нет коммуникативных связей, которые связывали бы их по вертикали со слоями массовой поддержки. Мне в этом смысле вообще кажется, что проблема коммуникации между различными социальными слоями, фракциями, группами становится одной из ведущих проблем нынешней социальной ситуации. Это плата за дефицит собственно социальных институтов, который был в советское и постсоветское время.

И вторая связанная с этим проблема — это проблема репродукции культуры. Я говорил о том, что эта мысль принадлежит не мне, а моим коллегам. Я рад ее просто донести до более широкого круга. Мысль в том, что нынешняя власть не справляется с проблемами репродукции культуры. Мы собрались, чтобы говорить о проблемах политической демократии, и слово «культура», казалось бы, не имеет отношения к этому. Но обратите внимание на то, что те социальные формы, которые по своей функции воспроизводят образцы культуры, подверглись за последнее десятилетие сокрушительному уничтожению. То, что относится к массовым библиотекам, то, что относится к массовым музеям, массовым книж-

ным магазинам, архивам и так далее, за последнее десятилетие если не сведено к нулю, то пришло в состояние абсолютной дезорганизованности. Так же как государственная власть сбрасывает с себя всю социальную сферу, она сбросила сферу репродукции культуры. Отсюда нынешняя ситуация в школе, отсюда нынешняя ситуация в библиотеках, отсюда нынешняя ситуация в процессах коммуникаций между различными фракциями общества. Кризис и распад репродуктивных связей общества не может не сказаться на переднем фланге его развития в политической и экономической сферах. Еще и поэтому я считаю, что нынешний режим хрупкий, неустойчивый, нестабильный. В какой мере возможности его изменения связаны с инициативами снизу, в том числе демократическими? Я думаю, что в небольшой.

Те феномены, о которых говорил Аузан и которые имели место в начале нынешнего, 2005 года или осенью прошлого года на Украине, — это совершенно разные вещи. На Украине, как мне представляется, мы имели дело все-таки с чем-то вроде социального движения в социологически точном смысле слова. У него были лидеры, у него была структура, у него были сетевые и другие связи, были механизмы, которые поддерживали форму движения, сохраняли его динамику и привели его к нужному результату. Сейчас не обсуждаю дальнейшие процессы, которые там стали происходить. То, что мы имели в связи с попыткой монетизации льгот, — это не социальное движение, это социальные волнения или социальные раздражения, это другой тип общественного процесса. И для них характерно то, что у них нет структуры, у них нет лидеров, они не способны воспроизводиться во времени. После первых же подачек движение само собой затихает. В этом смысле, мне кажется, сегодня это соображение уже звучало здесь, что возможности перемен как раз связаны с возможностью непонятно какого и плохо прогнозируемого и управляемого сбоя в системе передачи власти. Будет ли это перед выборами, будет ли это, что скорее, после выборов, но такая ситуация не исключена. Что в этом случае делать демократическим движениям и формам? Быть готовыми. Спасибо.

Людмила Вахнина: Вы только подтвердили мое впечатление, что у нас катастрофическая ситуация с состоянием умов. Но, с другой стороны, мне кажется, вот эти два процента, о которых вы говорите, ... может быть, они почему-то занижены? Не считали ли бы вы полезным организацию каких-то совместных семинаров для активистов гражданского общества и социологов? Потому что мы очень часто попадаем, как говорится, пальцем в небо. Мы почти совершенно не сообразуемся с массовыми умонастроениями. И, видимо, делаем много ошибок.

Борис Дубин: Если вы спрашиваете меня, то я только «за». Именно поэтому я сегодня здесь.

Дмитрий Потехин: Не пытались ли вы отследить возможности возникновения движений, подобных украинским, в том смысле, в котором вы говорили, не с помощью социологических опросов, а с помощью проведения фокус-групп? Я кратко поясню, почему мне кажется это важным. Дело в том, что в Украине накануне выборов процент людей, готовых на открытое проявление своей гражданской позиции, также был довольно низок. И в связи с этим все аналитики, в том числе работавшие на режим, не предполагали такого уровня мобилизации. Тем не менее, в ходе фокус-групп накануне выборов мы столкнулись с интересным фактом: на вопрос, готовы ли вы выйти на улицу, люди отвечали «нет», а при уточняющем вопросе, который, естественно, был возможен только в рамках фокус-группы, «а если там уже есть пятьсот тысяч человек», большинство сказало «да». Так вот, на Майдан, если говорить об этом варианте мобилизации и движения, 700 тысяч человек вышло после того, как там уже было 300 тысяч человек. Спасибо.

Борис Дубин: Ну, не исключая, что наши специалисты по фокус-группам имеют какую-то информацию по этому поводу. Это вам нужно с Алексеем Левинсоном поговорить. Я этот материал, в общем, практически не знаю. Не исключая, что есть что-то похожее на то, что вы рассказываете об Украине. Но тут ведь с Украиной такая вещь: была «Украина без Кучмы», а это вещь немаловажная. Без этого движения была бы невозможна та система связи и та система низовых и срединных форм самоорганизации, которые были готовы к моменту, когда наступило время Майдана.

На Украине, как я по старинке еще говорю, был и есть один важный фактор, который в России не работает, но который в еще большей степени работал и работает в странах Восточной Европы. Они для себя выбрали, куда они идут — они идут в сторону от «Большого Брата». Тем, кто остался — развалинам, руинам «Большого Брата» — еще предстоит выбрать, в какую сторону они будут двигаться. Пока этот выбор не сделан ни элитами, ни массой. И в этом самое большое различие.

Да, и два слова о левых — я об этом ничего не сказал. О левых, об угрозе левых и о том, чтобы выйти на улицы. В целом до четверти населения говорит, что они бы вышли на улицы, по крайней мере, с экономическими требованиями. Что-то похожее на ситуацию января-февраля 2005 года. С другой стороны, примерно около четверти были бы не против, если бы в стране левые пришли к власти. Но, во-первых, не придут, во-

вторых, трудно сказать, в какой степени нынешние, здешние левые, будь то коммунисты, будь то совсем уже радикалы, вообще ставят перед собой задачи реформы, развития, динамики и так далее. Непохоже, что для них эти задачи сколько-нибудь значимы. От крайностей население в основном шарахается, поскольку предпочитают «комфорт боли» возможностям перемен и боится, как бы лодку не раскачали со страшной силой. Поэтому те, кто не против, чтобы левые пришли к власти, — это примерно те же, кто за коммунистов голосует, ну, плюс-минус какое-то небольшое количество процентов из тех, кто голосует за радикалов.

Борис Долгин, Полит.Ру: Когда Вы говорили о полутора процентах, возник некоторый вопрос. Правильно ли я понимаю, что речь идет о тех, кто сами идентифицировали свое участие в общественных организациях таким образом? Просто Александр Александрович Аузан говорил немножко о другом. Говорил о росте социального капитала, о нарастании этого опыта в самых разных типах социальных взаимодействий...

Борис Дубин: Да, конечно.

Борис Долгин: Соответственно, отсюда вопрос о более подробном исследовании не столько этих полутора процентов, что, естественно, трудно и это другая история, сколько обо всей совокупности людей, объединенных какими-то социальными взаимодействиями.

Борис Дубин: Конечно, мы говорили о разных или только частично сходных вещах. Дело в том, что в массе своей население все-таки предпочитает сетевые связи, а не организации, даже если они называются общественными. Можно отнести это к негативному советскому опыту. Я думаю, что во многом с этим обстоятельством все и связано. Но что поделать — полоса такая. Недоверие к общественным организациям достаточно велико, особенно если мы спрашиваем наших соотечественников, готовы ли они внести какой-то реальный вклад, ну, например, деньги давать в эти самые организации. Если эти организации не связаны с ветеранством, ответ — «нет». Как правило, нет. Вообще, организации, ведущие по позитивному к ним отношению и по членству в них, — это, конечно, организации ветеранского типа. Эти организации понятны населению. За этим стоит понятный интерес. За этим стоят понятные роли, с которыми можно отождествляться. Дальше — где-то на третьем, четвертом, пятом местах — организации типа Общество защиты прав потребителя. Тут мы все уязвлены. Но вот движение «Россия без Путина»... Не знаю. Не уверен.

Реплика: А солдатские матери?

Борис Дубин: Солдатские матери, конечно — без всякого сомнения. Тут очень важна структура ролевой идентификации с теми, кто представляет это движение или составляет его ядро. Идентифицироваться с ветераном, с матерью, которая потеряла или может потерять ребенка на войне, да, это сильная идентификация. Так же, как сильная идентификация была когда-то с теми, кто погибал в подлодке. Это была настолько модельная ситуация для всех людей, живущих в России, что идентификация была сильнейшая. Правда, потом очень быстро прошла. Так же, как и с Бесланом.

Борис Долгин: А такие более низовые организации, как товарищества собственников жилья и так далее? Каков процент тех, кто хотя бы входит в такие структуры, и отличаются ли как-то их реакции? Реакции людей, заведомо обладающих опытом согласования разных интересов на какие-то еще вещи.

Борис Дубин: Ну, когда я говорю от полутора до двух, хорошо, если три наскребем, процентах, то имеются в виду все формы общественных объединений, поскольку давались длинные списки, пробовались открытые вопросы и так далее. Просто было несколько специально на это сориентированных исследований. Исследование «Общественный договор», еще несколько наших заказных исследований. Мы старались все-все разобрать. Но там уже начинаются былинки и волоски, из которых только очень умелая ласточка может сделать гнездо.

Александр Верховский: У нас осталось время на свободные выступления.

Татьяна Локшина, «Демос»: Вопрос скорее на уточнение. Вы сказали, что, согласно вашим исследованиям, четыре пятых взрослого населения в России как доминирующую эмоцию испытывают страх. И страх — это страх перед террористами, перед врагами. Если можно поподробнее прокомментировать слово «враги», то есть кого именно люди воспринимают в качестве своих врагов, кроме уже названных террористов? А во-вторых, если основные ценности сейчас для людей — это покой, стабильность, порядок и, за это люди готовы платить достаточно высокую цену, то, скажите, пожалуйста, не наблюдаются ли в обществе фрустрации, потому что именно та власть, которая существует сейчас, изначально, уже много лет назад обещала как раз покой, стабильность и порядок? А угроза вмес-

то того, чтобы снижаться, значительно возрастает. В частности, угроза терроризма. Спасибо.

Борис Дубин: Враги, конечно — это, прежде всего, террористы. Если брать самый массовый образ. А значит, читай «чеченцы, кавказцы». Дальше на лестнице врагов довольно близко будет Америка. Ну, конечно, не народ Америки, а Америка как воплощение мирового зла или победившего противника. Возможно, я упустил это или сказал недостаточно внятно, но это важно сказать: страхи связаны, конечно, с угрозой терроризма и с угрозой со стороны мнимых или не мнимых врагов. Но в такой же степени страхи связаны с тем, что люди боятся произвола властей и того, что они в этом случае не найдут поддержки, понимания и помощи ни в суде, ни в милиции. В этом смысле вы абсолютно правы. Конечно, желание покоя и стабильности выходит за пределы путинского периода, и оно начало выходить на первые места примерно с 93–94-го годов. Но все шаги власти, как вы помните — первая чеченская война, вторая чеченская война, — были связаны вовсе не с тем, чтобы внести умиротворение в общество. А напротив, если можно говорить тут о каком-то замысле.

Сейчас я искусственно ввожу логику в эти события. Но если это делать, то это, конечно, будет логика постоянного поддериживания, держания на крючке страха. То есть это использование остаточных страхов и состояния чрезвычайности как наиболее привычного для советского общества и для советского типа власти. Поэтому как только возникает ситуация развилки, когда можно было бы и нужно было бы выйти на более сложную политическую конфигурацию с учетом разных сил, разных партнеров и так далее, а это значит во многом поменять сами мотивации действующей власти, системе ее связей, систему ее ориентации и так далее, и так далее — здесь, умышленно или неумышленно (я не читаю в сердцах и не хожу в коридоры), возникает очередная война или очередной крупный террористический акт. И оказывается, что на какое-то время эта возможность усложнения политики, то есть путь по отношению к нормальной политике, оказывается забыт, загорожен. Надо заниматься более неотложными и чрезвычайными вещами. Так было сделано в 94-м, так было сделано в 99-м, так было сделано в 2005-м. И, если хотите, и ЮКОС, и Беслан — это звенья этой самой цепочки, когда главное было — не делать того, что вело бы к реальному изменению политической ситуации и системы политической власти.

Татьяна Локшина: То есть это отчасти аналогично тому, что вы определяли как подсасывание элитой настроения масс. Когда страхи масс таким образом раскручиваются и продуцируется соответствующая реальность.

Борис Дубин: Да. Мне вообще кажется, что ситуация чрезвычайного положения начала привлекать в последние годы внимание политических философов в всем мире. При всей ее вредоносности и реальной «страшности» для населения, конечно, для аналитика она чрезвычайно интересна. И этим надо заниматься. Потому что в самых разных странах самые разные по происхождению и по природе режимы все чаще и чаще стали прибегать к такого рода мерам, благо техника и глобальные средства коммуникации позволяют. Или если даже они и не были их инициаторами, использовать их в свою пользу и для собственного укрепления и сплочения.

Юрий Джигладзе: Мой вопрос отчасти связан с образом врага и его постоянным конструированием, а также с высоким уровнем ксенофобии, который отмечается в исследованиях. Это один тезис.

И другой тезис: то, что говорили вы и практически все предыдущие ораторы, — перспективы возврата на рельсы демократического транзита, скорее всего, связаны не с массовым движением снизу, а с расколом элит или со сбоем при передаче власти. Вот вы сказали, что демократы должны быть готовы. Но есть серьезные опасения, что при существующем крайне низком уровне консолидации демократических элит они не будут готовы.

Вот если сопоставить эти две вещи — ксенофобию и неготовность демократических элит отреагировать на гипотетический слом. Есть ли реальная опасность готовности националистических элит? Насколько, по вашим исследованиям, высока степень не просто ксенофобии, а готовности к мобилизации в поддержку националистических политических структур? Или это, действительно, просто страшилка, которой часть либеральных сил (СПС в частности) пользуется: мол, все-таки надо Путина поддерживать, а то будет еще хуже. Насколько это все реально?

Борис Дубин: Вы почти что и ответили на вопрос. В мобилизацию националистических сил я не верю. Не вижу здесь реального политического ресурса и влиятельных сил и средств, имеющихся у них, механизмов, которые могли бы сделать этот процесс политически внятным, воздействующим на ситуацию, и так или иначе привести к победе именно эти организованные силы. Мне кажется, что смысл националистической риторики, которая пропитала в последние годы все средства массовой коммуникации, политический язык и так далее, в другом. Она, собственно, становится языком политического порядка. Попробуйте найти сейчас политика, претендующего хоть на какую-то роль и влиятельность на публичном поле, который бы на двух первых каналах телевидения сказал, что он не патриот или что он не хотел бы укрепления России как мировой

державы с сильной армией, военными победами и так далее, и так далее. В этом смысле весь спектр от самых радикальных и, казалось бы, совершенно непереносимых уже расистских выпадов до вполне центристских высказываний, в которых само собой разумеющимся уже считается, что мы победили благодаря Сталину (ну, жаль, конечно, этих офицеров, расстрелянных в Катыни, но, с другой-то стороны, нельзя же...), — это все становится нормальным языком. И вот приучение к этому языку мне кажется фактом гораздо более реальным, гораздо более опасным и гораздо более необратимым, чем угроза того, что националисты захватят власть, во многом идеологизированная и специально педалируемая.

Анатолий Рекант: Прежде всего, у меня вопрос к организаторам. Я не боюсь слов «я не знаю». Пожалуйста, разъясните термин «демократический транзит». Я его представляю себе как транзит демократии из Берлина в Пекин в запломбированных вагонах. Так ли это?

Александр Верховский: Вообще-то, это не наше определение. Это довольно устойчивый термин, обозначающий не перевозку, а переход из одного состояния в другое. А именно: из недемократического в демократическое. Причем поскольку термин изобретен в либеральных западных демократиях, то понимается, что переход к либеральной демократии западного типа. Другое дело, что термин, конечно, чрезмерно широк. И, поскольку состояния, из которых предполагается переходить к демократии, слишком уж разные, возможна масса спекуляций на эту тему. И можно, конечно, термином и не пользоваться; можно считать, что мы совершенно напрасно употребили нерусское слово.

Вадим Востоков: Я бы хотел высказаться по поводу демократических транзитов этого поколения. Про Киргизию говорить не будем, уже говорилось, что это не совсем демократический транзит. Начнем с Грузии. Грузины — это тот народ, который еще в почти ветхозаветные времена имел свою государственность. А все, что происходило там с 90-го, 91-го года, очень напоминает отрывки из «Ста лет одиночества» Маркеса. И от этого становится очень грустно. Нет никакой демократизации в Грузии. Есть только некоторые положительные шаги. К примеру, первого президента убили, второй сейчас мирно ходит на приемы и банкеты в Тбилиси и даже не сидит.

Что касается Украины. Чуть меньше года назад после выборов в этом зале обсуждалась ситуация на Украине. Я не могу сказать, что стояние на Майдане — это акт организации украинского государства, что это дей-

ствие можно расценивать как шаг к созданию украинского государства, украинской государственности.

Что касается необходимости или возможности демократического транзита в России. Что вы имеете в виду? Я могу утверждать, что в 2008 году выборы президента у нас состоятся. Что Владимир Владимирович Путин участвовать в них не будет ни в каком виде. Почему-то про времена Ельцина рассказывают, что тогда все было супердемократично. А вот при Путине нет свободы слова. Я не знаю, как сейчас со свободой слова, но я помню, в 1991–1993-х годах, когда я был помощником председателя Моссовета, моим основным занятием было трудоустройство выгнанных с работы журналистов, причем и из таких демократических газет, как «Куранты», «Московский комсомолец», из Останкино, когда там устроили локаут товарищи демократы. Так чем сейчас ситуация хуже в смысле свободы слова? Например, «Панорама» сейчас хорошо сидит. А я помню, где она сидела в 1991–1992 годах.

Кто заменит Путина? Да, правда, все вокруг вытоптано. Но вот, например, Борис Николаевич Путина показал — вытащил из рукава, и человек совершенно демократическим способом в течение двух-трех месяцев стал самым популярным политиком. Рассчитывать на повторение этого сценария, я думаю, не приходится.

Думаю, этого не будет. Будет какой-нибудь другой вариант. Например, рассматривался вариант варяга — сразу после украинских событий, когда можно было считать, что стояние на Майдане — это акт создания украинского государства, не формальный, Верховной Радой, а именно народом. И вот ряд не самых глупых людей в этой стране всерьез начал рассматривать вариант приглашения в виде варяга на московский трон Юлии Тимошенко. Но после того, как летом стало известно, что Юлия Владимировна планирует уйти в отставку со скандалом, эта тема была закрыта. Я не исключаю, что следующий украинский премьер, который станет премьером в результате мартовских выборов в Верховную Раду, может стать кандидатом в варяги.

Александр Верховский: Я хотел бы сформулировать мысль так. Если Александр Аузан говорил о пакте элит в пользу демократии как о возможном, пусть и маловероятном сценарии, я попытаюсь себе представить, что он имел в виду, потому что, в общем, никто и не спорит, что вокруг президента сознательно создается пустое пространство — некому заключать пакт. Люди, заключающие пакт, должны быть публично признанной элитой или хотя бы элитой, признанной кем-то, кто еще принимает решение. Армией, например, если это страна с сильной армией,

или еще кем-нибудь. В данном случае непонятно, как это может произойти. И возникает много раз высказывавшееся опасение, что создаваемая таким образом структура может кончиться только полной катастрофой. Потому что после того, как ее лидер куда-то исчезнет, ничего и не останется.

На самом деле это не совсем так. И даже в нашей новейшей истории был пример, когда великий и ужасный лидер исчез, но не произошло катастрофы, а возникло коллективное руководство. То есть это возможный переход, мирный исход ситуации, которая, казалось бы, никак не может хорошо кончиться. И вот уже когда возникает что-то вроде коллективного руководства, возникает и возможность такого пакта и тому подобных вещей.

Но это все сценарии, от общества практически не зависящие. (Может быть, я в этом и ошибаюсь.) Общество оказывается в совершенно пассивной роли. Вот эти полтора-три процента социально активных людей, которые объединяются, грубо говоря, до тех пор, пока начальство на это не обращает внимания. Оно не обращает на них внимания, потому что занято более важными вещами. Постепенно создаваемый пресс, вряд ли сознательно, а просто в силу инерции, опускается, достигая все более и более безобидных форм общественной самоорганизации. Если предположить, что Путин будет править не три года, а много лет, то этот пресс опустится до пола. И тогда остается только поверить господину Востокову, что пресс волшебным образом исчезнет в 2008-м году.

Я, может, не совсем правильно понял, но это неправильная ведь постановка вопроса: «Откуда извлекут преемника?» — из Украины или из рукава. Буквально извлечь преемника — это значит воссоздать ровно ту же ситуацию, только сменив фамилию. После чего система продолжит движение в указанном направлении. Это плохо. В том смысле, что это бесперспективно, не меняет ничего.

Юрий Джибладзе: Как справедливо говорил Аузан, есть договор, а есть сговор. Все зависит от целеполагания. Если мы говорим о различных вариантах действий, направленных на демократизацию и на демократический транзит, то вариант пакта или договора элит рассматривается именно в этом контексте.

Речь идет не о «вытаскивании» преемника и такого рода сговоре, а о том, что если демократизирующие элиты, которые сегодня крайне слабы, способны воспользоваться расколом в правящих элитах... Тут я, Александр, не могу согласиться с вами, что есть Путин, а вокруг — никого. Неужели вы думаете, что лично Путин правит всеми нами?

Понятно, что есть люди, которые принимают решения и управляют непублично. Естественно, я сейчас не готов называть никаких имен. Но речь идет о том, чтобы попытаться — если говорить о мирном переходе в отсутствие мощного движения снизу — воспользоваться определенными кризисами, сломанами и искать те части правящей элиты — федеральной, или региональной, или какой-то еще, — которые будут согласны пойти на пакт с демократизирующими элитами. Эти элиты сами по себе еще пока слабые, но смысл их именно в этом будущем пакте.

А о роли этих самых граждан, про которых Саша говорил, что они пассивно наблюдают, мы тоже коротко говорили. Если нет давления снизу, нет общественного контроля и нет неких навязываемых обществом условий публичного договора, то будет возникать ситуация сговора и пакт будет многократно переигрываться, пересматриваться. Это будет мучительное, в лучшем случае возвратно-поступательное, движение к демократии, а то и консолидация авторитарных элит. Просто там поменяются люди — и всё.

Реплика: Будет именно пакт. Ведь никому Юлия Владимировна Тимошенко, или Виктор Андреевич, или Виктор другой, в Кремле просто так не нужен. А пакт между элитами... Вспомните, после смерти Великого Старца, Иосифа Великого, в Кремле постоянно находились или представители Донца — в виде Никиты Сергеича Хрущева, или Днепрпетровска — в виде Леонида Ильича Брежнева. И после того, как они и те, кто пришли вместе с ними, были выметены Юрием Владимировичем и Михаилом Сергеичем, сразу и Советский Союз развалился. Так вот, пакт элит будет заключаться в следующем: мы вам отдаем Кремль, а вы возвращаетесь в отчий дом.

Владимир Римский, ИНДЕМ: Я бы хотел высказать альтернативную точку зрения по поводу нашей политики. На мой взгляд, здесь звучит только одна позиция. А наша российская политика, к сожалению, намного сложнее.

Во-первых, любая политика всегда является символическим актом. В ней значительно важнее слова, вербальное действие по сравнению с реальным действием. И эта вербальность позволяет осуществлять разнообразные манипуляции.

В частности, у нас здесь возник вопрос: одни понимают демократический транзит одним образом, другие — другим. Слово «демократия» тоже по-разному воспринимается, как и «демократ», и так далее. То есть различие в смыслах, особенно в разных, достаточно крупных социальных

группах, приводит к возможности манипуляции, потому что те, кто доминируют в средствах массовой информации, могут транслировать свой смысл. А другие смыслы пропадают. И в результате вместо многозначности, многослойности понятия возникает что-то одно.

Вот что дальше с этим делают политики. Нашей стране, скорее всего, не повезло в том, что мы слишком поздно стали переходить к демократии. Развитые страны сначала решили социальные проблемы, а уже потом начали этот переход. У нас же наложилось одно на другое. Нам нужно было как-то уходить от серьезных проблем с развитием страны и одновременно внедрять демократические институты. Вот это вместе удалось, к сожалению, только в рамках постмодернистских конструкций, в которых самое главное, как это ни печально — вовсе не какая-то цель, не решение каких-то проблем, а просто действие — коммуникация, присоединение к наиболее сильному, некая символическая общность, которая, собственно, и составляет весь этот проект. А к чему он приведет — это совсем неважно. Я должен сказать, что, к моему глубокому сожалению, демократический проект у нас не получился. Никто не понимает, к чему надо присоединиться и что можно делать вместе.

Можно что-то пообсуждать, но это не проект в смысле политики. Это как раз те полтора или три процента. Может быть, если подумать, это кто-то когда-то хотя бы раз в жизни участвовал в каких-то общественных организациях, их будет порядка десяти процентов. Но это предел. Значит, это в политику никак не выходит.

А вот какие есть проекты, например, в политике? Условно можно называть таким проектом, скажем, проект «Путин». Мы здесь пытаемся придать смысл этому движению. А его нет, господа. Просто нет этого движения. Бесполезно обсуждать, кто будет преемником. Потому что будет продолжаться то же самое, а именно — не будет происходить ничего. Неважно, кто будет преемником. Это просто проект. Вот те, кто ведут этот проект, стараются его сохранить. Не Путина.

Получается, что когда мы с вами начинаем обсуждать, кто будет преемником Путина, мы усиливаем этот проект. Это надо очень хорошо понимать. Потому что самый простой способ разрушать этот проект — не присоединяться к нему. А значит, даже не упоминать его. Это символическое действие. Чем больше в средствах массовой информации идет обсуждение, тем больше мы усиливаем этот проект.

А теперь риторический вопрос. Обратите внимание: все средства массовой информации с готовностью этот проект обсуждают. Вам не кажется, что это организовано? Я, в принципе, даже могу сказать, как это организуется. В современной политике более значимы стали те, кого у нас

можно условно назвать политехнологами. То есть важен не столько сам политик, его идеи, идеология, которую он отстаивает, сколько технология его бытования в обществе. Вот если это грамотно продумать, уверяю вас, любого можно сделать политиком. Это даже непринципиально. И для нас они все, в общем, на одно лицо. Естественно, за исключением того, кто ведет проект, то есть Владимира Путина.

Могу назвать еще один проект. Чечня, на мой взгляд — это чистый проект. Почему? Какая там цель? Можно декларировать все что угодно. Давайте смотреть на действия. Там есть цель решить какую-то проблему? Нет. Как только появится цель решить проблему, она будет решена. За 19 лет, за 20 лет, за 30, но будет решена — это понятно. Эти проблемы решали многие страны, они решаются постепенно. А вот если нет цели решить проблему, то будет то, что здесь уже говорили. Как только возникает какая-то сложность в нашей политике, так в Чечне что-то начинается, и мы начинаем обращать на это внимание. Средства массовой информации активно обсуждают, что произошло. И ресурсы политики сдвигаются в эту сторону. И, если честно говорить, не только ресурсы.

Я неоднократно приводил такой пример из наших интервью. В Грозном был дом. Это дом разбомбили. Выделили деньги на восстановление. Начали восстанавливать. Снова разбомбили. Именно этот дом. Опять начали восстанавливать. Снова разбомбили. И так шесть раз. Вот то, что я знаю. Шесть раз один и тот же дом. То есть это просто финансово выгодно. Все время считать, что нужно давать деньги на восстановление Чечни, потому что дом каждый раз, все шесть раз был восстановлен до конца.

Следующее. Что касается пакта элит, то мне кажется, это тоже проект, явный и совершенно понятный. Есть определенные лоббисты этой вот концепции. И ничего делать здесь не нужно. Обратите внимание: сам пакт не предполагает действия. Он предполагает присоединение к пакту. Вот и все. Если бы многие присоединились к этому пакту, проект бы получился.

Но здесь надо, мне кажется, еще очень серьезно подумать, каков будет политический эффект от такого проекта. И с этой же позиции хочу квалифицировать наши политические партии, как оппозиционные, так и «Единую Россию» тем более, которые, к несчастью, открыто присоединились к проекту с условным названием «Путин». Ничего другого они просто не знают и не видят. Если вы мне не верите, посмотрите результаты голосования в прошлой Думе за нормы избирательного законодательства, скажем, у СПС, у «Яблока». Они все голосовали за то, что сейчас происходит. Никто не голосовал «против». Они не пытались внести поправки, сломать эту систему не пытались. Они были рады тому, что поли-

тические партии будут получать все больше и больше влияния. Но в этом проекте оказалось, что больше влияния получила «Единая Россия». А об этом якобы никто не думал, хотя вот в этом я сильно сомневаюсь.

Надо было бы антидемократическому проекту противопоставить именно демократический проект в чистом виде. Точно так же, как это делается правящей элитой. Ну а в чем могла быть сила этого демократического проекта? На мой взгляд, это тоже понятно. Политика — не только борьба за власть. Есть и второе значение слова «политика» — это решение проблем. Бывает политика развития корпорации, политика развития страны. Вот этим было бы хорошо заняться.

Если бы возник некий проект, к которому желательно присоединиться, и те, кто объединились в этом проекте, действительно могут что-то изменить в стране, — вот тогда появляется действительное преимущество по сравнению с проектом, который точно ничего не изменит. Это даже объяснить не нужно.

Дмитрий Потехин: Мне кажется, что большинство проблем, которые сегодня обсуждались, обсуждались в Украине примерно два года назад. Я не к тому, что у нас кто-то быстрее развился. Но это так, за исключением нескольких серьезных проблем, контекст которых отличается от украинского, — темы империализма, ксенофобии, возможно, уровня организации оппозиции. Все остальное могло быть сказано и об Украине, может быть, немного в других терминах. Почему это важно? Договор, в том числе договор между элитами, в ситуации, когда одна из высоких договаривающихся сторон не настолько высока, как другая, склонен стремиться к сговору.

Проблема нынешней российской ситуации — точно такая же, какая была два года назад в Украине. Договор между Ющенко, Тимошенко и властью не был возможен просто потому, что у них не было возможности серьезно реализовать свой проект. В ситуации, когда партийные структуры не смогли предложить ничего обществу серьезного — того, что мобилизовало бы это общество на отстаивание своих интересов, — возникли структуры гражданского общества, которые смогли реализовать свой проект независимо от фамилий.

Мы говорим о Путине, о Кучме, о Ющенко и так далее. На самом деле, все началось, когда Ющенко назвал протестантов в 2001 году фашистами, и они после этого трезво, не рассчитывая на украинскую оппозицию, стали строить свой проект, который, как это ни парадоксально, в конечном счете, помог Ющенко в момент, когда возникла возможность заключить договор, а не сговор, сказать, что «за мной стоит народ». Но

это произошло только после того, как это гражданское общество смогло самоорганизоваться.

К сожалению, то, что я могу наблюдать в России, — это, естественно, не экспорт революции, это, частично, импорт революции. Дело в том, что украинскую революцию, по крайней мере, технологии подхода, в Россию власть импортирует гораздо более эффективно, чем ваше гражданское общество. За время, прошедшее с момента победы Саакашвили и Ющенко, Кремль гораздо лучше научился противодействовать гражданскому обществу, чем российское гражданское общество — Кремлю.

Полгода назад мы с коллегами из молодежных российских организаций обсуждали возможные нестандартные формы мобилизации российской молодежи, которые бы охватили немного больше людей, чем эти полтора-два процента. И, кстати, в Украине люди, которые вышли на улицу, были мобилизованы не традиционными общественными организациями. Это тоже было преодоление сложившегося гетто общественных организаций, которые часто даже не присоединялись к тому, что происходило на Майдане. Да, есть в Украине и, я думаю, в России общественные организации, которые занимаются исключительно грантоедством. Но возникла группа людей, которая действительно сумела организовать этот свой проект. Вопреки и власти, и оппозиции. Сегодня это, скажем, «Оборона».

Я не буду говорить, насколько хорошо Кремль изучил украинский опыт, я скажу, насколько неудачно изучила российская оппозиция украинский пример. Возьмем, например, попытку создать технологичный проект, молодежное движение. Я не знаю, кто сказал российским либеральным партиям, что «Пора», «Знаю» или другие кампании строились как политические проекты, но они в это поверили. Они поверили в то, что можно создать эффективное молодежное движение с новым брендом, но при этом с теми же людьми и с теми же партийными деньгами. И как только возникает ситуация выборов и люди собираются идти на эти выборы, у такого молодежного движения естественным образом пропадают и ключевые люди, и деньги. И, в конечном счете, оказывается, что бренд также должен работать на кампанию политической партии. Вот опыт импорта революции в России.

Я уверен, что это не тупик. Есть достаточно активистов, которые готовы делать убедительные эффективные гражданские неполитические проекты. Но на сегодняшний день, к сожалению, я их не вижу.

Сергей Лукашевский: У меня родилась такая ремарка. Самое главное, что я вынес из сегодняшней дискуссии, главный вопрос, который опреде-

ляет судьбу пресловутого демократического транзита — это вопрос: «А для чего нам нужна демократия?». Не потому, что это просто хорошо, не потому, что у других стран что-то получилось. А какие конкретные проблемы мы хотим решить с помощью демократии как инструмента? У меня сложилось впечатление, что пока в нашем обществе, а может быть, отчасти и в гражданском обществе, внятного ответа на этот вопрос нет. Все, кто хотят демократии, хотят ее потому, что это в принципе хорошо. У других это, может быть, хорошо. А для чего она конкретно нам? Если мы не начнем заниматься выяснением, для чего этот инструмент — демократия — нужен нам, то такого прояснения в головах не наступит ни у общества, ни у элит. И тогда ни первые, ни вторые этим проектом никогда по-настоящему не заинтересуются.

Александр Верховский: Спасибо. Завтра мы будем с участием политиков обсуждать более прикладные вещи.

Третья сессия

(А. Бузин, Б. Надеждин, В. Прибыловский)

Екатерина Филиппова: Добрый день. Я рада приветствовать вас во второй день нашего семинара. Хочу в двух словах напомнить, что было вчера. Мы послушали выступления о теории демократического транзита, попытались обсудить, имеет ли вообще смысл вводить этот термин и прививать его на многострадальной русской почве. Также в довольно безнадежном ключе обсуждалось текущее состояние российского социального капитала, российских демократических институтов, гражданского общества, и так далее.

Выступление, которое мне больше всего запомнилось, — это выступление Бориса Дубина, который объяснил нам, что эмоциональное состояние и большинства граждан, и большинства так называемых элит — это неуверенность в будущем и страх. И эти замечательные эмоции они друг другу транслируют, и как выйти из этого порочного круга — совершенно непонятно. Сегодня, я надеюсь, мы попытаемся обсудить, несмотря на всю неприглядную действительность, возможности что-то изменить, причем не в течение 15–30 лет, о чем было сказано вчера, а в какое-то обозримое время. Я предоставляю слово Андрею Бузину.

Андрей Бузин, председатель Межрегионального объединения избирателей: Спасибо большое. Когда я получил программу вашего семинара, то посмотрел на многочисленные незнакомые иностранные слова и долго

думал над тем, как бы назвать свое выступление. И я назвал свое выступление посложнее: «Мотивация участников российских выборов как фактор социальной значимости и эффективности этих выборов».

То, что я буду говорить о выборах, связано с моей профессиональной деятельностью. Я занимаюсь выборами с конца 80-х годов, и эволюция новых российских выборов прошла перед моими глазами. Советские времена я тоже достаточно хорошо помню. Я хотел бы посмотреть на наше общество, на наше будущее и на перспективы демократического действия именно через призму института выборов.

Согласен с тем, что вчера сказал Александр Аузан, который заявил, что мы находимся в периоде реакции, и хотел бы обратить внимание на то, что России вообще свойственно циклическое развитие. Нас «мотает» из стороны в сторону, и это прослеживается уже давно — четыре сотни лет. Связано это, с моей точки зрения, с геополитическим положением России, с ее огромной территорией. И я думаю, период, в который мы сейчас вступили, это еще не нижняя точка этой синусоиды, нам еще предстоит определенное время падать. Но я думаю, что это и не последний период, и дай Бог, чтобы амплитуда этих колебаний каким-то образом затухала.

Впрочем, из этого есть выход, но он, по-видимому, не очень приемлем для большинства. Большинство здесь присутствующих, да и большинство граждан нашей страны воспринимают его как драму, но я думаю, что очень вероятный выход для России — это ее распад. И мне кажется, этот сценарий сейчас достаточно вероятен; более того, действия, которые предпринимает наша федеральная власть, которая на словах стремится к централизации России, будут оказывать, с моей точки зрения, обратный эффект.

Выборы в России, так же как и многие другие институты, при том, что они носят общепринятое название (например, предпринимательство или уполномоченный по правам человека), имеют очень специфический характер.

К примеру, в Советском Союзе выборы существовали практически всегда. Первые выборы при большевиках прошли в ноябре 1917 года — это были выборы в Петроградскую городскую думу. Хотя это были первые и последние большевистские выборы, происходившие еще по предыдущим — небольшевистским законам. Между прочим, они провалились именно потому, что они происходили по небольшевистским законам и потому, что многие партии объявили бойкот этим выборам, не понимая еще, что через 2–3 года наступит конец им самим. Петроградская дума, избранная в ноябре 1917 года, просуществовала-то всего полгода. А затем в России начали принимать избирательные законы, которые ни-

какого отношения к классическому праву не имели. Это были не законы, а некие декларации, и вплоть до 89-го года избирательное законодательство в классическом, юридическом смысле слова у нас не было законодательством, и проходившие выборы имели мало общего с тем, что в классической политологии понимают под словом «выборы».

Я умышленно пропускаю период перестроечных выборов, но хотел бы констатировать, что нынешнее российское избирательное законодательство в значительной мере отличается от советского, и отличается в лучшую сторону. Оно уже похоже на закон.

И к 1997 году мы получили вполне приличное избирательное законодательство, соответствующее международным стандартам. А вот после этого начался определенный регресс. Особенно надо отметить несколько узловых пунктов в этом регрессе.

2001 год — принятие закона о партиях и дальнейшее его ужесточение, а также середина 2004 года — принятие нового закона о референдуме Российской Федерации — и в конце 2004 года — принятие закона об отмене выборов губернаторов. Ну, и потом пошло... Вот эти-то изменения в российском избирательном законодательстве, которые были внесены в 2005 году, существенно отбросили его назад. Разработчикам этого законодательства, было заметно, что Государственная Дума более реакционна, нежели они сами. Депутаты поправляли Вешнякова, который, естественно, предварительно советовался с руководителями страны о том, какие нормы вводить, — и поправляли его в худшую сторону.

Что у нас получается? Законодательный орган принимает законы, ориентируясь на узкогрупповые интересы. Классический случай — когда депутаты не сошлись с Вешняковым по поводу того, нужно ли наказывать партии за то, что их кандидаты, после того, как стали депутатами, отказываются от мандата, то есть выходят из первой тройки, будучи, по известному термину, «паровозами». По мнению Вешнякова, за это нужно наказывать, но законодатель это предложение выбросил. Или другой пример, тоже очень характерный, который повлияет на результаты выборов: увеличение количества региональных групп. Вешняков предлагал 72, по моему. Вешняков предлагал, а наш законодатель, понимая, что большое количество региональных групп под силу только партиям, хорошо организованным по административному принципу, просто взял да и увеличил до 100 количество региональных групп. Напомню, что по предыдущему закону был минимум таких групп — всего-навсего семь. Эти примеры говорят о явном регрессе избирательного закона.

При этом должен сказать, что регресс избирательного закона и его качество не идут ни в какое сравнение с качеством правоприменения. То

есть даже если бы мы проводили выборы в соответствии с этим законом, результаты выборов были бы во многом другими. В первую очередь, я имею в виду выборы на уровне субъекта федерации и на уровне муниципальном. Судебная практика настолько противоречива, что иногда удивляешься, почему об этом не пишут все подряд средства массовой информации? По одним и тем же прецедентам принимаются разные решения, в зависимости от того, о каком кандидате идет речь.

Можно приводить массу всяких примеров. В этом году вышла моя книга о выборах в Москве. И там было приведено несколько примеров по московским муниципальным выборам.

Надо констатировать, что правоохранительные органы — суды, прокуратура, милиция — действуют здесь как единое целое. На этапе формирования избирательного законодательства к ним присоединяются и наши законодательные органы. А центром всего этого является администрация или исполнительная власть, и говорить о принципе разделения властей не приходится.

Кое-где можно наблюдать остатки разделения властей, связанные с тем, что в достаточно удаленных от центра регионах возникают противоречия между различными ветвями власти. Так, к примеру, самый удаленный от Москвы регион — это Корякия. В Корякии такой прецедент был. Там прокурор — это федеральная власть — был кандидатом на пост губернатора Корякского автономного округа и выступал против действующего губернатора Логинова. Проиграл, правда, но зато успел за период избирательной кампании завести на Логинова уголовное дело. Но, как известно, Логинов там продержался всего-навсего 5 или 6 месяцев. После того, как его всенародно избрали, гарант Конституции это всенародное избрание отменил.

Еще один классический случай — это выборы Руцкого в 2000 году, когда местная губернаторская власть столкнулась с федеральной судебной властью, и федеральная власть победила. Вы, наверное, знаете, что там в суде были представлены совершенно замечательные доказательства. Такие доказательства, которые никто, кроме ФСБ, вообще добыть бы не мог.

Таким образом, с выборами ситуация удручающая. В нашей стране проявления политической активности отличаются от проявлений политической активности в классическом западноевропейском понимании. У нас проявлением политической активности является абсентеизм, то есть неучастие в выборах и, когда была возможность, голосование «против всех». Люди, которые не участвуют в выборах в связи с тем, что их в советское время долго приучали в выборах участвовать, считают неучастие проявлением политической активности.

Что же касается графы «против всех», то вы знаете, что 6 августа 2005 года вступили в силу изменения к федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав», и теперь региональному законодателю разрешено исключать из бюллетеней эту строку, чем сразу же воспользовались, например, в Москве.

Теперь ситуация такова: даже если за кандидата проголосует только один человек, то кандидат станет депутатом, например, Московской городской думы, если за другого при этом проголосовало ноль человек. Раньше хоть была норма, препятствующая этому, и если «против всех» проголосовало больше, чем за кандидата-лидера, то он не становился депутатом. Правда, эту норму в 95-м году, благодаря московской городской избирательной комиссии, лихо обошли и даже не учли, но все равно строка «против всех» играла определенную роль. На ближайших выборах в Мосгордуму ее не будет, и думаю, что половина субъектов федерации (а то и больше) обязательно использует возможность исключить строку «против всех», и у вас будет возможность выбирать только между Смирновым и Ивановым (как известно, две самые распространенные фамилии в Российской Федерации). При этом не исключено, что Смирнов просто-напросто будет дублером Иванова. Это известный политтехнологический прием — выставлять дублеров. Вот, например, в 24-м округе города Москвы на выборы депутатов гордумы в 2001 году (и сейчас будет идти) шел заместитель председателя гордумы Олег Бочаров. В бюллетенях было два кандидата: он и его дублер. Кандидат, который был в бюллетене вторым, на предыдущих выборах был его доверенным лицом. Вот и выбирай свободно...

После описания такой удручающей картины возникает вопрос: а собственно говоря, зачем их проводят? Ведь сейчас не привлекают к какой-либо формальной или неформальной ответственности за то, что вы не пришли на выборы. В России существует довольно много людей, которые заинтересованы в том, чтобы выборы проходили, у которых есть определенная мотивация для участия в этих выборах. Я бы условно разделил все наше общество на четыре группы, о мотивации которых хотел бы рассказать.

В первую очередь это, конечно, «власть» — корпорация чиновников, государственных и муниципальных служащих. Это корпорация номенклатуры, и у нее, у этой корпорации, есть юридические основы существования: законы о системе государственной службы в Российской Федерации, об основах муниципальной службы в Российской Федерации, большое количество подзаконных актов. Существуют и неформальные связующие звенья этой корпорации. Она действительно достаточно сильна, и,

более того, именно она проявляет себя как политическая сила на выборах. Потому ее можно назвать «партией» в классическом политологическом смысле слова. (Правда, здесь нужна оговорка: чем больше плотность населения, тем в большей степени наблюдается сплоченность номенклатурной корпорации. В Москве, например, это наблюдается очень сильно, на периферии это наблюдается в меньшей степени, там бывают трения между различными уровнями корпорации.) Более того, в классическом понимании нашего политического законодательства, в частности, закона о выборах, эта политическая сила, эта корпорация, на выборах поддерживает определенных кандидатов или определенные избирательные объединения. По нашему закону этим должны заниматься как раз политические партии.

Иногда поддержка кандидатов на выборах производится явно, как в последнее время, иногда неявно, как на выборах в Мосгордуму в 1997 году, когда список был неформальным, нигде не заявленным — несмотря на то, что были заявлены несколько формальных списков. Тогда незаявленный «список Лужкова» убедительно победил. Результат был 27 из 35 — этого достаточно, чтобы управлять таким коллегиальным органом, как Московская городская дума.

Еще раз подчеркну, что администрация выступает на выборах как политическая партия. Ее цель очень проста — это самовоспроизводство. Да, ей нужны выборы. Она должна легитимировать себя в рамках того закона, который предъявляется для западного пользователя, показывает, что у нас есть такой институт, как выборы. Планка достаточного кворума — количество людей, которые обязаны принять участие в выборах для того, чтобы они были легитимными, — постепенно снижается. Сейчас эта планка установлена для выборов регионального уровня в 20 процентов, для муниципальных выборов вообще может быть снижена до нуля, это отдано на усмотрение регионального законодателя. На выборах федерального уровня это 25 процентов для депутатов Государственной Думы и 50 процентов для Президента. Эта планка снижается, и она вполне может снижаться и дальше. Я думаю, ее нижний предел — это доля муниципальных и государственных служащих в нашей стране: вполне можно себе представить то время, когда они сами себя и будут выбирать.

Что касается других избирателей, то я хотел бы обратить внимание на то, что власть хорошо понимает, что такие грубые фальсификации, как банальная подделка протоколов, вброс бюллетеней, слишком вульгарны. По какой-то причине властям это начало претить, и они понимают, что воздействовать надо более тонкими методами. Поэтому на всех выборах применяется пропаганда и агитация в неявном виде, под видом инфор-

мации. Для этого требуется подчинение средств массовой информации. В Москве создана целая империя средств массовой информации, которые, во-первых, издаются, а во-вторых, распространяются за деньги налогоплательщиков, что, строго говоря, противоречит закону о выборах. Есть и множество других административных методов. В частности, это воздействие на избирательные комиссии, которые формально являются теми органами, которые организуют и проводят выборы, но в действительности этот принцип выборов, записанный в российском избирательном законодательстве, не соблюдается. Избирательные комиссии у нас опять стали декоративными органами, потому что отбор в эти комиссии осуществляется чрезвычайно тщательно. На эту тему есть несколько исследований (см., например, на сайте Межрегионального объединения избирателей¹).

Следующая группа, заинтересованная в выборах — бизнес, предприниматели. Существуют мотивированные предприниматели, которые участвуют в выборах, тратят на это огромные деньги, естественно, помимо избирательных фондов. Почему? А по той причине, что в России ситуация такова, что политика есть самый рентабельный бизнес. Нет более доходного места, чем грамотно использованное место политика.

Следующая группа участвующих в выборах и заинтересованных в выборах — это партии. С партиями ситуация сложная, понять их мотивацию бывает иногда довольно трудно. Более того, могу сказать, что существует очень большой разрыв между лидерами партий и партийными низами. Те огромные амбиции, которые свойственны лидерам, вызывают подозрение, что эти лидеры ищут именно выгоду. Хотя возможно, они пытаются искать выгоду в более широком смысле, нежели предприниматели.

И последнее (последнее в моем списке, естественно, а не по значимости — хотя тут тоже большой вопрос) — это все остальные граждане. Что касается граждан и общественных организаций, то, с моей точки зрения, мотивация их участия в выборах чрезвычайно низка, и это совершенно естественно. То, что мы вчера слышали от коллеги из Украины, что 40 процентов участников майдановских демонстраций — это люди, которые вышли туда потому, что болели за честные выборы, у меня вызывает очень

¹ См. например: Бузин Андрей. Могут ли избирательные комиссии, сформированные по новому закону, более независимыми? Декабрь 2002 // Сайт Межрегионального объединения избирателей. 2003. 3 июля (<http://www.votas.ru/ТК02.html>); Он же. Анализ составов и процесса формирования окружных избирательных комиссий по выборам депутатов Государственной Думы в городе Москве // Сайт Межрегионального объединения избирателей. 2003. 12 октября (<http://www.votas.ru/oik03.html>) и др.

сильные сомнения. По той причине, что мне всегда казалось, что украинский и русский народы — братья навек, и у них приблизительно одинаковый менталитет. У них давно одинаковые социокультурные условия, и маловероятно, что внутренние побуждения украинцев так уж сильно отличаются от российских. В России же активность не наблюдается. По опросам, у нас всего-навсего от 5 до 35 процентов населения отмечают демократические ценности, в частности выборы, как одну из мотиваций своих действий.

Существует некоторое количество общественных организаций, которые занимаются выборами профессионально. Это общественные организации, но не секрет — и Владимир Владимирович прав, когда он рассказывает нам об этом, — что они спонсируются из-за рубежа. Да, они действительно спонсируются из-за рубежа, и дай Бог, чтобы это спонсорство осталось. Но это, увы, не внутренняя мотивация. И когда эти общественные организации всячески отрешиваются от политических партий и начинают бить себя кулаком в грудь и говорить, что они ни за что ни с какими политическими партиями не будут иметь дело, это вызывает у меня определенный пессимизм. Сейчас мы нашим законом и в нашей ситуации поставлены в такие условия, что власть действительно загоняет нас в политические партии. Хорошо, что не в одну, как когда-то. Сейчас сложилась такая ситуация, что российские граждане могут проявлять свою политическую и социальную активность только в рамках политических партий. Я долгое время не был членом никакой партии (до 2002 года), но думаю, что сейчас, в данной ситуации, единственная возможность участвовать в политической жизни — это действие в рамках политических партий. Хотя как член политической партии я уже обратил внимание на то, что амбиции лидеров чрезвычайно высоки и наши партии иногда действуют так же, как и все остальные, и, по меткому выражению Беляева, которое, впрочем, приписывается Черномырдину, «как партию ни строй, все получается КПСС». Я закончил, спасибо за внимание.

Алексей Пятковский: Вы не ошиблись, приведя пример, согласно которому победителем выборов может стать кандидат, получивший всего один голос? Ведь существует же порог явки, вы сами об этом сказали сегодня.

Андрей Бузин: Нет, не ошибся. Явка считается по количеству принявших участие в выборах. А относительный процент считается по количеству принявших участие в голосовании. Это два разных параметра. На выборы может прийти миллион человек, из которых один проголосует, а

остальные бюллетень зачеркнут. И тогда кандидат, за которого был отдан единственный голос, выиграет, поскольку строки «против всех» нет.

Екатерина Филиппова: У меня даже не вопрос, а просьба. Прокомментируйте, пожалуйста, историю с последними злоключениями Партии пенсионеров.

Андрей Бузин: Это вопрос политический, а не юридический. Я знаю только то, что в партии были разногласия между федеральным и городским руководством. Федеральное руководство приняло решение о списке, и этот список был подан в Московскую городскую избирательную комиссию. Через некоторое время московская организация, которая так же, как и федеральная, является избирательным объединением и имеет право выдвигать список кандидатов, подала другой список. После чего, насколько я знаю, Московская городская комиссия поступила, как Соломон: она посмотрела на эти два списка и сказала: а давайте мы оба их не регистрируем и отправим в Управление юстиции разбираться, кто у них главнее. И отказали. Точнее, сначала зарегистрировали, заверили список, а потом отменили свое решение, когда к ним поступил второй список.

Сергей Лукашевский: У меня вопрос, касающийся общественных организаций, которые непосредственно занимаются выборами. Вы сказали, что нынешняя ситуация загоняет их в партии. Но вот что касается всех прочих общественных организаций — какая, на Ваш взгляд, у них мотивация, если она есть? Загоняет ли их ситуация в партии или, может быть, им несколько легче жить и у них есть свобода выбора?

Андрей Бузин: Думаю, что у них такая же сложная ситуация, если исключить клубы любителей пива и, возможно, энтомологов. Это относится к любой деятельности — даже, может, и энтомологов не надо исключать. Допустим, энтомологам нужно поехать на Дальний Восток, и если Дальний Восток отколется от России, это, естественно, на них повлияет. Фактически для любого действия, хоть для собирания марок или для разведения собак, вы обязаны получать разрешение у чиновника — и чем дальше, тем больше. В этом смысле вы всегда зависите от политической ситуации. Можно, правда, уйти в пустынь и там жить — случай Лыковых: они при советской власти жили и не знали, что компартия съезды проводит, пока до них Песков не добрался. Политическая ситуация всегда и всех касается, в том числе энтомологов.

Сергей Лукашевский: Небольшой вопрос-дополнение. В реальности мы наблюдаем, что общественные организации чаще (в ситуации выборов, скажем) сотрудничают с государственными органами. Например, с Уполномоченным по правам человека. Понятно, что какое-то сотрудничество нужно. Какое, с точки зрения развития демократии, более перспективно?

Андрей Бузин: Это известный вопрос — вопрос о конформизме. В нашей стране он все время возникает: что более перспективно, что полезнее? Тут надо учитывать отрезок времени, о котором мы говорим. Если вы лично хотите, чтобы у вас был в доме достаток, чтобы у вас были дача и джип, вы должны идти на поклон к чиновнику, дарить ему подарки, давать взятки и так далее. И ваша индивидуальная стратегия будет выигрышна. Вы добьетесь больше, чем человек, который попытается пробиться через все эти препоны напрямую.

Некоторые у нас пытались пробиться напрямую и не очень здорово кончили. Трудно в России делать это напрямую. Так что если говорить о краткосрочном планировании, несомненно, сотрудничество с властью дает больше выгоды. Но это кончается тем, что людей, которые краткосрочно сотрудничают, становится все больше и больше, между ними возникает конкуренция. И в конечном итоге, это сообщество будет в менее выигрышных условиях. Опыт нескольких поколений показывает, что подобные сообщества — в менее выгодных условиях, и в конечном итоге рушатся.

Сергей Лукашевский: То есть в качестве перспективы ваш совет — выстраивать отношения с партиями?

Андрей Бузин: Да, да. В большей степени.

Екатерина Филиппова: Спасибо. Следующий выступающий — представитель политической партии, в которую нам только что эксперт рекомендовал записываться...

Андрей Бузин: Нет, я не в эту партию рекомендовал записываться, а вообще, в какую вам нравится. Не считая той, которая формально является партией, но реально партией не является.

Екатерина Филиппова: Хорошо. Итак, Борис Надеждин — за себя и за Никиту Белых, да?

Борис Надеждин, секретарь федерального политсовета СПС: И за того парня. Да, и еще за 52 тысячи членов партии. У нас 52 тысячи членов партии стало на этой неделе — мы преодолели планку.

Насколько я понял тему сегодняшнего мероприятия, нужно говорить о том, какие возможности индивидуальных и коллективных действий ведут к демократии в путинскую эпоху. Сначала несколько общих политологических замечаний, а потом будет короткая исповедь под названием «Как я, собственно, действую в условиях путинского режима, я лично». Это, наверное, самый плодотворный подход.

Несколько общих политологических замечаний.

Первое. Демократия сама по себе — штука довольно спорная, я бы не стал ее абсолютизировать как высшую ценность, особенно в России. По ряду причин. Например, потому, что демократия в России традиционно понимается как прямое участие народа (а не элиты) в управлении страной, что само по себе вещь не возможная нигде. Все нынешние эффективные демократии строились в условиях крайне ограниченного избирательного права. В начале XIX века в самой передовой стране, Великобритании, тоже были выборы в Палату общин, в них участвовало 4 процента населения страны, и все было хорошо. Никакие, ни приведи Господи, ни крестьяне, ни рабочие в основной своей массе в этих выборах не участвовали. Это потом они стали участвовать, когда элита сформировала устойчивые политические партии, а рабочие и крестьяне стали менее бедные и более образованные. Поэтому те люди, которые говорят, что в сегодняшней России абсолютной ценностью является демократия, понимаемая как всеобщее избирательное право безо всяких «вредных политтехнологических искажений» со стороны элиты, они в два хода ведут страну к Туркмении, со всенародно любимым и незаменимым президентом-государем-императором — хорошо еще, если с просвещенным, как Путин. Поэтому лично для меня ценность индивидуальных свобод и того, что называется либерализмом, гораздо выше, чем ценность формальной демократии, когда все подряд свободно голосуют. Конечно, если свободу и уважение к личности можно укоренить путем всенародных выборов, я только «за». Да вот что-то не очень получается это в условиях всеобщего избирательного права при бедном населении.

Могу сказать еще одну вещь: русский народ в массе своей совершенно не хочет «выбирать» в прямом значении этого слова. Вот проголосовать за действующего начальника в образе «отца родного» — это еще туда-сюда. Но выбирать содержательно — увольте! И эти ужасы — «народ не ходит на выборы, значит, что-то мы делаем неправильно» — наивны. Народ просто не хочет на них ходить, потому что его не интересует никакое

актуальное участие в управлении обществом. Ему это глубоко неинтересно, у него другая система ценностей.

Теперь о том, почему я считаю, что в России в ближайшее время честная конкурентная демократия западного образца абсолютно невозможна. Просто потому, что конкурентные демократические системы с реальной сменяемостью партий у власти возникали в ситуации, когда есть исторически постоянная тема политического выбора, по отношению к которой общество разделено примерно пятьдесят на пятьдесят или близко к этому. Проще говоря, чтобы реально сменялись у власти республиканцы и демократы в США или лейбористы и консерваторы в Великобритании, нужно, чтобы основная тема, по которой у них разные позиции, была бы важна почти для всех и при этом примерно половина населения хотела бы одного решения, а другая половина — противоположного. В России сегодня, к сожалению, для меня, либерала, аналогичные США или Европе развилки невозможны. Например, классическая развилка современной западной политики — либо ниже налоги, либо выше социальная защита. Эта развилка в России очень проста — 95 процентов населения являются чистыми получателями бюджета, а 5 процентов — чистыми налогоплательщиками. Поэтому любая партия, которая идет на выборы со словами «низкие налоги», по-честному не может получить больше 5 процентов. Не может, и все. А партия, которая идет на выборы под лозунгом «за большие пенсии и за бесплатное все — жилье, проезд, лекарства и так далее», с уверенностью получает огромный выигрыш.

Можно пофантазировать, какого типа развилки перспективны в этом смысле в России — то есть какого типа развилки могут разделить политический класс и общество в пропорциях пятьдесят на пятьдесят или близких к этому и, следовательно, о чем могут быть будущие партии, честно конкурирующие в стране? Они совершенно точно не могут быть, как я уже сказал, на тему социализма или либерализма (то есть могут быть, но при этом социалисты будут иметь 95 процентов, а либералы — 5).

Я думаю, что более перспективны другие развилки. Например, та, из которой по сути дела выросли современные Республиканская и Демократическая партии США. В России эта развилка называется «империя либо федерализм». Уже есть одна партия — «Единая Россия», она в этом смысле имперская, антифедералистская. Вполне возможна другая партия, партия региональных элит. Ее прообразом мог быть блок «Отечество — вся Россия» образца 1999 года, но он по ряду субъективных обстоятельств не сумел справиться с задачей сохранения идентичности. Я думаю, что более перспективным является построение оппозиции «Единой России» не в терминах «свободы и демократии», которая в стране интересуется лишь

немногочисленную либеральную интеллигенцию, а скорее по линии «Долой Москву, мы тут в регионах сами все решим». Либералы могут найти себе место в борьбе за федерализм, против империи, тут нам комфортно.

Вторая развилка, которая тоже возможна, — это классическое исконно русское разделение на западников и славянофилов. Тут все для либералов гораздо сложнее, потому что «Единая Россия» — это партия, конечно же, западная по общей своей ориентации. В оппозиции западникам придется дружить со славянофилами, которые у нас сами знаете какие — не очень это подходящая кампания для либералов.

Заканчивая краткий экскурс в политологию, могу сказать, что развилка на тему личной свободы, демократии и так далее неактуальна для конструирования эффективной политической системы в России в обозримом будущем.

Второй вопрос, который я хотел осветить: что можно сделать в этой ситуации тому человеку, который искренне считает, что демократия и честные свободы — это хорошо, а диктатура — это плохо? Набор действий какого типа является правильным, эффективным и возможным? Опять же, все очень сильно зависит от вашей личной ситуации. Я могу попытаться сказать о том, что я лично в этих условиях пытаюсь делать. Я считаю, что достаточно эффективны три типа деятельности.

Первым типом деятельности является попытка мудрым советом наставить на путь истинный существующую бюрократию, которую мы все так глубоко и нежно любим. Например, этим занимаются наши товарищи Греф, Кудрин и другие в правительстве. То есть нужно занять должность и на своем участке работы сделать что-то хорошее. При всей нелюбви к путинскому режиму, экономические и социальные проекты, которые реализуются, я считаю в целом правильными. Я говорю о налоговой реформе, о снижении налогов, о монетизации льгот, я говорю о будущей реформе систем образования и здравоохранения — это шаги в правильном направлении, если мы хотим быть похожими на цивилизованную страну, а не на Советский Союз. Собственно, так и вели себя многие русские либералы даже в условиях царизма. Накапали же на мозги Александру II, он крестьян освободил. Это нормальный мотив поведения, очень многие ему следуют. Я тоже много работаю, например, над поправками в законы, участвую в правительственных рабочих группах, в заседаниях комитетов Думы и пр. При этом у меня нет ощущения, что я предаю идеалы свободы и демократии, сотрудничая с режимом.

Второе возможное действие — это попытка сохранить себя как самодостаточного оппозиционного человека. Отсюда, понятно, такие мероприятия, как «Долой кровавый режим», проведем пикет, соберем 500 чело-

век на Пушкинской площади и тем самым напугаем до смерти Путина. В принципе, нормальная тема. В конце концов, Майдан тоже возник из этого: сначала было несколько палаток, а потом все больше и больше. Этим тоже надо заниматься, держать в тонусе соратников, в перспективе может и сработать, хотя я не очень верю в Майдан на Красной площади в ближайшее время, а главное — в то, что в результате Майдана в России победят демократия и права человека.

И третье — то, на что я сейчас трачу все больше времени и сил. На самом-то деле, в краткосрочной перспективе 2007—2008 годов, боюсь, придется расслабиться и получать удовольствие. Никакой взрывной смены режима, крупного прорыва демократов в Думу не будет. Это можно с абсолютной уверенностью сказать. В более же долгосрочной перспективе, 10—15—20-летней, некоторые перспективы у ценностей под названием «личная свобода, либерализм, конкурентная демократия» все-таки есть. Я их связываю с двумя вещами. Первая — это развитие информационных технологий, увеличение доступности интернета и сотовых телефонов. Дело в том, что «управляемая демократия» технологически держится на ОРТ и Леонтьеве — это важнейший ее механизм. А если компьютер с выходом в интернет будет стоить, например, 300 долларов, то через 10 лет он будет у половины населения. Развитие технологий приведет к тому, что телевидение перестанет быть самым доступным и простым каналом получения информации, таким станет интернет, в котором то же самое телевидение уже сейчас существует, причем без цензуры, единственное препятствие там — языковой барьер. Но я вас уверяю, что прогрессивные держатели серверов и производители телепрограмм быстро удовлетворят потребности русскоязычных. Трудно вешать лапшу на уши человеку, который всегда может зайти в интернет и прочесть там другой взгляд или просто поймав телеканал другой страны с русскими субтитрами.

И вторая вещь, которая тоже очень важна. Я думаю, что все-таки перераспределение богатства коснется довольно широких слоев российского населения, и в этом смысле типичный российский обыватель через 10—15 лет будет заметно богаче, чем сегодня. Даже бюджетник. Одно дело, когда у вас зарплата 3 тысячи рублей, другое — когда 30 тысяч рублей, как нам обещают президент и правительство. Это совсем другой человек, с другими возможностями и другими потребностями. Поэтому, если в стране заведется хотя бы 10—20 процентов людей, которые будут способны отдыхать в Турции, покупать новую машину и входить в интернет, — это будет качественное изменение ситуации, в том числе и голосования за либеральные ценности. В связи с этим я считаю, что третье разумное направление деятельности для всех, кто хочет для страны сделать хоро-

шее, — это просвещение. Надо ездить по стране (что я, в частности, сейчас пытаюсь делать), выступать, в первую очередь перед студентами, молодыми предпринимателями, молодыми журналистами, депутатами, политологами, и рассказывать им правду о том, как устроена страна, какие есть развилки, какой у них есть личный выбор. Просто по теории вероятности кто-то из этих людей лет через 15—20 попадет в политическую элиту и будет принимать реальные решения.

Резюмирую. В ближайшее время никаких шансов на победу каких-то демократов или либералов в этой политической системе не существует. А разумными действиями является то, что всегда было в России разумным. Это давать царю мудрые советы, царя критиковать, в народ идти.

Григорий Белонучкин: Вопрос первый. Какую пользу могут принести демократическому движению такие псевдонепартийные организации, как «Оборона» и «Да»? И второй вопрос. Не могли бы вы развить тему об объединении против «Единой России» на базисе «Долой Москву!»? Я так понимаю, что это новая политическая программа СПС, хотелось бы о ней услышать поподробнее.

Борис Надеждин: На самом деле нет никакой лево-правой оппозиции. Тот факт, что я, например, сижу за одним столом с Лимоновым или Доренко в связи с тем, что моего товарища Ходорковского посадили в тюрьму, не означает, что мы способны выработать какую-то общую идеологию. В принципе, Ющенко с Тимошенко уже так победили. Получилось у них неплохо, и через полгода они друг друга стали грызть на уничтожение. Поэтому никакой объединенной лево-правой оппозиции во имя демократии реально не может быть. Может быть, некоторый набор сюжетов по поводу дестабилизации режима, можно даже представить себе что-то а-ля Майдан — режим зашатался, пришла большая толпа красных и белых, скинула бедолагу Путина, растерзала Сечина, а заодно — Суркова. Так себе и представляю, как прогрессивная интеллигенция с либеральным восторгом поднимет их на колья: «Вот они, гады!». Это можно себе представить, но это не принесет стране счастья, я вам точно говорю. Вы можете себе представить правительство, сформированное такой оппозицией? Я, кстати, с интересом прочел в интернете, что в составе оппозиционного правительства меня назначили министром внутренних дел. Я посмеялся. Я никак не мог понять, почему меня — и вдруг в милицию? Но это фантастика.

Какая в реальности польза от организаций типа «Обороны» и так далее? Что значит «польза»? Они делают то, что считают нужным делать.

И правильно. Это хорошо, нужно протестовать и митинговать, и абсолютно в любом современном обществе есть люди, которые ходят на пикеты, бросают помидоры или еще что-нибудь, только бы не бомбы.

Вопрос второй: является ли то, что я сказал, программой СПС? Нет, не является. Внутри СПС есть несколько конкурирующих систем ценностей. Один важный для СПС человек придумал «Либеральную империю». Либеральная, но империя. Я лично считаю, что если какая-то приемлемая для либералов политическая сила может составить конкуренцию «Единой России», то сюжет, вокруг которого эта сила может образоваться, — это сюжет по поводу «Мы тут сами в Татарстане» или «Мы тут сами в Красноярске». Между прочим, значительная часть энергетики Майдана была направлена против Москвы. Хотите, не хотите — но это так. Это важная вещь. Более того, на съезде СПС я наблюдал, как региональные представители партии терзали московскую городскую организацию. У нас на Съезде в Федеральный политсовет СПС прошли несколько человек из регионов дополнительно к прежнему составу, но не прошел ни один человек из московской организации, включая очень уважаемых в партии и достойных людей.

Дмитрий Потехин: Вы считаете, что в России на Красной площади Майдан невозможен, потому что не согласны с позицией господина Бузина, что российский и украинский народы — это один социально-психологический тип и поэтому реакция россиян на похожие процессы в России невозможна, или по какой-то другой причине?

И, если позволите, небольшой комментарий по поводу антироссийских лозунгов на Майдане. Тем более, я вчера об этом уже говорил. Антироссийские лозунги на Майдане были связаны с активной позицией российской власти и лично Владимира Владимировича. И если бы этого не произошло, на Майдане вообще российская тема не поднималась бы.

Борис Надеждин: Нет никакого «единого социально-психологического типа русского народа». Отличий между москвичом и киевлянином гораздо меньше, чем отличий между москвичом и жителем Калмыкии, Чечни или Эвенкии. В России прослойка людей, которые здесь присутствуют — то есть интересующихся историей и политикой и понимающих проблемы страны примерно так же, как и я, — к сожалению, относительно мала. В Украине эта часть населения реально гораздо более многочисленная. Потому что в Украине нет Северного Кавказа, нет Калмыкии и так далее.

И второе. Была советская система: пятнадцать государств, которые были в составе СССР, и еще, по-моему, семь государств Восточной Евро-

пы — всего двадцать два. По состоянию, например, на 1970 год они были примерно одинаково устроены. Потом их отпустили, они разошлись. И что мы имеем в результате? Абсолютно конкурентные демократические режимы (во всяком случае, по сравнению с российским) по всей Восточной Европе, в Прибалтике и, как ни странно, в Молдове. Авторитарные режимы в Средней Азии и относительно авторитарные — во всяком случае, мало похожие на конкурентные демократии — в Закавказье. И две страны, которые находятся в состоянии фазового перехода — Россия и Украина. Украина дрейфует в сторону конкурентного парламентаризма, Россия — в сторону авторитаризма.

Как легко догадаться, если посмотреть на географическую карту, то тенденции выбора странами того или иного сюжета зависят от двух обстоятельств. Первое — это расстояние до Брюсселя, второе — это количество лет, которое они провели в советской системе. Белоруссия — исключение, там особо все легло, но тем не менее. Украина, украинский народ — по крайней мере, его половина не прожила в СССР семьдесят лет. Вот одно из принципиальных отличий.

И второе отличие Украины от России. Наверное, Карл Маркс в чем-то был прав, когда говорил, что существуют объективные законы истории. Я лично стою на позициях, которые Маркс и Ленин критиковали, называя их субъективным идеализмом, — я искренне считаю, что в истории, в выборе «развилки» решающее значение имеют конкретные люди. По этому поводу я могу сказать следующее. Украинскому народу в этом смысле повезло больше, чем российскому, потому что у нас после распада империи и переходной пертурбации имени Бориса Николаевича Ельцина к власти пришли люди вполне определенной формации. Путин и его ближайшие соратники вышли из спецслужб и начали исполнять тот сюжет, который умели исполнять. А в Украине к власти пришел Кучма — другого типа человек. Он по поводу Гонгадзе очень рефлексировал и нервничал. И он так полностью и не прикрыл оппозиционное телевидение, остался пятый канал, который вещал на значительную часть страны. Я могу сказать, что для тех людей, которые сегодня находятся у власти в России, сюжеты типа Гонгадзе или там ОРТ с НТВ — не то что рука не дрогнет, а даже рефлексии не будет по этому вопросу, у них другая творческая биография.

Николай Митрохин: Меня как историка и человека, который в прошлом голосовал за СПС, поражает Ваша поверхностность как лидера. Какие «там на Украине половина населения, живших вне Советского Союза»? Если вы говорите о западных областях — это, по-моему, 10 процен-

тов населения, теоретически живущего в местах, которые вошли в состав Советского Союза в 1939 году. Какие авторитарные режимы сейчас в Закавказье? Кроме Азербайджана, где ситуация с многопартийной системой и массовыми митингами оппозиции диаметрально противоположна тому, что происходит в Центральной Азии. Но сначала вопрос: почему Вы ориентируетесь на идею неперенной развилки и борьбы двух партий, как в США, в то время как большинство стран, где реально происходят выборы, живут в системах многопартийных демократий? Если говорить о ближайших аналогах, связанных с либеральным движением, то в Германии, допустим, есть две либеральные партии, каждая из которых собирает 10 процентов населения.

Борис Надеждин: Про Украину. Я же говорю не про проценты, я говорю, что есть такая речка: с одной стороны — Польша, а с другой стороны — СССР.

По поводу двухпартийной демократии, а также авторитаризма Закавказья. Я утверждаю, что есть конкурентные демократии, где власть сменяется в результате выборов, периодически и последовательно. В Грузии в этом смысле — неконкурентный политический режим. Там получил 90 процентов голосов Шеварднадзе, а через два года его свергли, и больше 90 процентов голосов получил тот, кто его сверг. Это не есть конкурентная демократия, это другая история, это бедная страна, которая молится на любого вождя, который ей что-то пообещает — быстро и сразу.

Для того, чтобы была эффективно работающая демократия, когда люди, условно говоря, выбирают сначала республиканцев, потом демократов, потом опять республиканцев, в стране много чего должно быть. В том числе должны быть устойчивые политические партии. Партия отличается от политического лидера тем, что она живет гораздо дольше: сегодня у нас лидер один, завтра другой, а партия осталась, и избиратели, которые из поколения в поколение за нее голосуют, остались. В этом смысле абсолютно все демократические режимы, устойчивые на протяжении десятилетий, — двухпартийные по сути своей. Могут быть разные форматы этой двухпартийности, но при этом все прекрасно понимают, что есть более левые партии, а есть более правые. Конечно, в Германии и Италии все сложнее, есть какие-то нюансы. Но что я знаю точно — невозможна эффективная конкурентная демократия в ситуации, когда партий тридцать семь, как в России, когда большинство из них создаются накануне очередных выборов, и невозможна демократия в условиях, когда у одной партии или у ее лидера рейтинг 70 процентов, а у всех остальных меньше десяти. Она невозможна, она мгновенно превращается в Туркмению или

Грузию. А Бузин помогает все честно считать. В России, к сожалению или к счастью, кому как, сейчас не нужно фальсифицировать результаты выборов, потому что у нас реального выбора нет. Кстати, как правило, в президентских республиках никакой демократии нет. Исключений довольно мало. Как правило, демократии — это парламентские республики или парламентские режимы, формально являющиеся монархиями, как многие европейские страны. В том числе, кстати, Украина становится парламентской республикой по факту.

Людмила Вахнина: Не кажется ли Вам, что пытаться играть на анти-московских настроениях — это значит использовать негативный стимул и что это достаточно опасно?

Борис Надеждин: Я сегодня здесь выступаю не в качестве политического лидера, а в качестве эксперта, в качестве человека, который честно говорит то, что он думает на самом деле. Если я буду выступать на встрече с избирателями города Москвы с целью получить хотя бы эти несчастные 10 процентов голосов, я вас уверяю, я там буду исполнять другую роль. Здесь я просто пытаюсь анализировать реальную ситуацию. Можно я задам вам простой вопрос? Допустим, я пойду на выборы, честно произнося (громко и вслух) то, что я на самом деле думаю, надо делать. Например, отменить государственные пенсии — это необходимая и неизбежная мера в ближайшие 10–15 лет. Призывную армию — распустить, невозможна такая армия в современной стране. Я пойду на выборы под лозунгом, что нужно приватизировать системы образования, здравоохранения, иначе ничего от них не останется, а заодно убрать государственное телевидение, иначе ничего не получится. Вот что я должен говорить на выборах, если я хочу получить власть честным путем. Много я голосов наберу, как вы думаете?

Дальше — развилка, как и у любого политика. 99 процентов политиков в этой ситуации играет в следующую игру. Они несут на выборах всякую ерунду, совершенно далекую от своих реальных планов, просто потому, что для них ценность получения власти гораздо выше ценности под названием «давайте мы построим реальную демократию». Поэтому что вы слышите от Владимира Владимировича на выборах? Когда он второй раз избирался президентом, он кому-нибудь из вас рассказывал про отмену выборов губернаторов или монетизацию льгот? А что он исполняет? У нас есть такой замечательный жанр, чисто совковый, под названием «общение президента с народом в прямом эфире». Что же узнал народ? Он узнал, что президент лично решает проблемы проведения водопрово-

да в ставропольском поселке. Я вас уверяю, что два-три таких сеанса гипноза в течение двух-трех лет — и можно забыть про то, что в стране возможна конкурентная демократия. Отвечаю на ваш вопрос. Если я хочу, чтобы меня избрали в условиях того общества, которое есть, то я должен вешать народу лапшу на уши. В частности, говорить то, что народ хочет слышать. Например, про засилье Москвы.

Мари Мендрас (Marie Mendras), Research Fellow of Centre for International Studies and Research (CERI, Париж): Если можно, у меня комментарий и вопрос. Я понимаю, что Ваша речь здесь — это несколько «семейная» речь, не политическая. Надеюсь, я правильно поняла, потому что я удивилась тому, что Вы предлагаете. Как Вы сказали, пропагандировать индивидуальные свободы не стоит, потому что большинство россиян этим не интересуется. Потом Вы сказали, что быть демагогом, обещать колбасу за пять копеек Вы не можете — это для других. Долгосрочной перспективы Вы не дали, потому что сказали, что в следующем выборном цикле ничего хорошего ждать не стоит. Я боюсь, что и на следующий день после президентских выборов 2008 года СПС скажет, что следующий цикл тоже не стоит внимания. Так что я очень удивлена. Я слежу за событиями в России и иногда тоже очень пессимистично смотрю на политическую картину, но Вы все-таки представляете политическую партию и надо что-то предложить.

И по поводу Майдана... «Оранжевая революция» состоялась. Да, сейчас в Украине огромные проблемы, но эти события состоялись. И меня удивляет этот цинизм. В российской политике наблюдается вакуум. Я только что была на форуме в Давосе, где выступали Явлинский, Рыжков, Рогозин, политики, министры, советники Путина. Никто из них, кроме, может быть, Рогозина, ничего не предлагал. У вас есть место для того, чтобы что-то делать. Мой вопрос такой: что вы предлагаете? И маленький технический вопрос. Я удивилась, когда Явлинский сказал, что у «Яблока» есть список на выборы в Чечне (я бы сама не стала называть это событие словом «выборы», но он так сказал), и у нас была бурная дискуссия о том, надо ли участвовать в выборах в Чечне. Собирается ли СПС баллотироваться?

Борис Надеждин: Я вам даже могу сказать, сколько мы в Чечне получим процентов голосов, но это к демократии не имеет никакого отношения. СПС пройдет в парламент и получит примерно 8 процентов голосов. Есть список, его возглавляет Зина Магомадова, наш лидер СПС, а генерал милиции Асламбек Аслаханов — на втором месте.

Что касается позитивной программы, которая нужна стране, я ее изложил, когда отвечал на вопрос дамы о том, что я должен говорить и сколько я при этом получу голосов. Эта позитивная программа. Знаете, есть такой вопрос: «Если бы я завтра стал президентом, что бы я делал?» Вот я и сказал, что бы я сделал: приватизировал бы социальные системы в стране, снизил бы расходы на силовые органы в силу их бессмысленности, предоставил бы большую свободу российским регионам. Деньги от нефтедолларов я бы потратил на повышение окладов либеральной интеллигенции, естественно. Каждый — своим. Если президент — начальник ФСБ, то вокруг — питерские чекисты, если я стану президентом, то академическая и культурная элита подтянутся. Просто с такими лозунгами выборы в России пока выиграть невозможно. А можно выиграть с лозунгами типа «замочить в сортире».

Екатерина Филиппова: Спасибо. Следующий выступающий — Владимир Прибыловский.

Владимир Прибыловский, президент центра «Панорама»: Я хотел бы вернуться к названию нашего семинара, в котором звучит термин «транзит», и сказать два слова о транзитной демократии.

Вообще транзит — это не переход от чего-то к чему-то: например, от олигархии — к демократии или от авторитаризма — к демократии. Это вообще-то прохождение чего-то через что-то. Ну, например, некачественной демократии через организм России — со стола сразу в унитаз. В общем-то, и термин «транзит» в студенческом жаргоне, во всяком случае, 20-летней давности, был эвфемизмом, пардон, слова «понос».

Вот у нас как раз такая транзитная демократия была. Вернее, демократии как таковой не было, но были, видимо, плохо приготовленные куски демократии, которые были Россией проглочены, но не переварены, а просто, так сказать, транзитным образом проскочили сквозь организм.

Ну, как всегда: кто виноват и что делать? Я думаю, что все-таки нужно вспомнить, кто готовил эти некачественные продукты. Их готовила та партия, которая тогда называлась ДВР, а сейчас называется СПС (и правое крыло «Единой России»). Некоторые из этой партии нам сейчас готовят новое блюдо — «просвещенный питерский авторитаризм» называется.

Есть, конечно, и более радикальные взгляды на причины кровавого транзита. Патриоты вроде Александра Проханова из газеты «Завтра» сказали бы, что нечего было вообще хавать западное дерьмо. Но я думаю, что все-таки дело в том, что сама по себе демократия неплоха, но она была приготовлена ненадлежащим образом.

У меня взгляд на ближайшее будущее России достаточно пессимистичный. Россия больна не гастритом, а тяжелой раковой болезнью. Эта опухоль находится на Северном Кавказе и под мудрым руководством нашего президента она растет и растет, и уже становится, наверное, неоперабельной. Вчера некоторые выступающие говорили, что у нас режим не кровавый, поэтому можно переждать и потом, так сказать, возродиться.

Но я боюсь, что прежде, чем возродятся демократические структуры и структуры гражданского общества в России, страна может просто умереть от раковой опухоли — начинающейся гражданской войны на Северном Кавказе. И неизвестно, сколько она еще территорий захватит.

Что могли бы делать демократическая общественность и партии, даже учитывая, что, может быть, ничего не получится? Я бы сказал, чего, например, абсолютно нельзя делать. Например, нельзя выставлять списки кандидатов в таких провинциях, как Чечня, где никаких выборов и близко нет, их и выборами назвать нельзя. К сожалению, эту ошибку, граничащую с преступлением, совершает не только партия СПС, у которой очень долгий опыт капитулянтского сотрудничества с недемократическими силами, но и партия «Яблоко», которая тоже зачем-то выставила в Чечне свой список.

Ну хорошо, СПС хотя бы договорилась с Кадыровым, что за это, пардон, подмахивание им выделяют какое-то количество процентов и мандатов, а «Яблоко» даже мандатов не получит, но тем не менее в этом позорно еще зачем-то участвует.

И вот чего тоже никогда нельзя было делать и что сделала СПС в полном составе и «Яблоко» за единственным исключением депутата Сергея Попова, — это голосовать в прежней Думе за правительственный законопроект об урезании права на референдум. Вот если демократы и дальше будут вести себя так же, как всегда ДВР—СПС и временами «Яблоко» в прошлой истории, уж тогда точно надеяться не на что. Я закончил, и если есть вопросы, то готов ответить.

Сергей Лукашевский: А общественные организации?

Владимир Прибыловский: Есть общественные организации, от которых не требуется политических уступок, о некоторых из этих общественных организаций говорил вчера господин Аузан. Хотя в целом с его политической позицией, пусть даже очень интересно и грамотно изложенной, я не согласен, но по отношению к некоторым организациям согласен — им необходимо сотрудничать с государством, кто бы его ни возглавлял. Но вообще-то есть организации, которые претендуют не только на

решение конкретных проблем (жилищный кондоминиум и тому подобное). Возьмем, к примеру, профсоюзы. У нас сейчас профсоюзы — или приводной ремень «Единой России», как ФНПР во главе со Шмаковым, или так называемые новые профсоюзы, которые, в общем-то, в большинстве своем капитулянтские. Профсоюзы должны быть не капитулянтскими. Представители правозащитных организаций — настоящих правозащитных организаций — по-моему, не должны входить в такие фикции, как Общественная палата, и так далее.

Денис Драгунский: Господин Прибыловский сказал, что не на что надеяться в политическом плане. Я, в общем, тоже склоняюсь к этому выводу. Но я хотел бы услышать, есть ли что-нибудь еще, на что надеяться?

Владимир Прибыловский: На Божью волю. Конец ответа.

Григорий Белонучкин: А что же делать с неоперабельным Северным Кавказом? Нападают ведь, ни с того ни с сего. Что-то ведь делать надо?

Владимир Прибыловский: Дело в том, что более или менее подходящее решение вопроса лет пять-семь тому назад, а скорее десять, было возможно или почти наверняка возможно при правильно выбранной тактике. А сейчас, куда ни кинь, везде клин. И поэтому сейчас уже даже и рецептов-то никаких не дашь. Единственное — можно попытаться как-то смягчить последствия предыдущей политики.

Вообще, в России для этого существует единственный рычаг — это смена людей. В России нужно не законы менять, а людей, у нас закон что дышло, куда повернул, туда и вышло. И вот надо просто поменять там всю властную вертикаль. Но дело в том, что мы этого не можем, это может только президент, а он ничего менять не хочет, он сам такой же. Он там своих провалившихся ФСБшников не хочет менять, не говоря уже о тамошних — северокавказских — президентах. Пока они там сами не попрутся — со смертного одра.

В общем, я не уверен, что даже при смене там назначаются подходящие люди — назначаются такие же коррумпированные, те самые, которые вызывают ненависть не только боевиков, но и населения.

Я не знаю, можно ли спасти сейчас от войны Кабардино-Балкарию. Не знаю — может быть, уже вообще невозможно. Но чтобы были хоть какие-то шансы спасти ее от широкомасштабной гражданской войны, нужно хотя бы снять министра внутренних дел, а лучше — его расстрелять. Я вообще-то не противник смертной казни, так что нет противоречия...

Сергей Лукашевский: А что же все-таки делать, кроме как блюсти свою оппозиционность и независимость?

Владимир Прибыловский: Не знаю, пиво пить.

Четвертая сессия

(Л. Левинсон, В. Лысенко, С. Митрохин,
И. Сажин, Л. Алексеева)

Сергей Лукашевский: Мы начинаем вторую часть нашего сегодняшнего заседания.

Лев Левинсон, эксперт Института прав человека и Института «Общественная экспертиза»: Спасибо. Выступление Бориса Борисовича Надеждина так меня разволновало, что хочется хотя бы коротко на него отреагировать. Я вернусь к предыдущей сессии, к вопросу, который совершенно правильно сформулировала наша французская коллега: а где, собственно, программа СПС, где борьба этой партии за власть, какие политические принципы она отстаивает? На все это есть один простой ответ, на который Борис Борисович, даже в этой узкой аудитории, где он был так откровенен, не решился. Все дело в том, что Союз правых сил находится у власти. Да, эта партия находится у власти — пусть не двумя ногами, но именно той правой ногой, на которую центр тяжести в данном случае и приходится. Такая ситуация весьма устраивает эту партию.

Теперь я должен перейти к своим собственным сюжетам. Надо разрушать миф о деполитизации гражданских организаций, в частности, правозащитного движения. На мифе о том, будто НПО в целом и правозащитники в частности отделены от политики, и построена сейчас квази-общественная палата, один из принципов которой прямо так в законе и обозначен: члены Палаты не вправе заниматься политической деятельностью. Дескать, как только они вступают в качестве пассивной стороны в избирательный процесс, хотя бы доверенными лицами, или выступают с инициативой референдума, они тут же должны приостановить свое членство в Общественной палате, хотя, казалось бы, вопросы референдума — это общественно значимые вопросы. Но нет, оказывается, общественность не должна никоим образом участвовать в реальной политике. Такова точка зрения, навязываемая властью.

Хотелось бы исходить из противоположного посыла. Представляет-ся, что как только мы произносим слова «права человека», мы тут же всту-

паем в политический дискурс. Будь то даже права инвалидов — не обязательно избирательные права или права человека в Чечне, не обязательно свобода совести, свобода слова. Пусть это будут права детей, женщин, бездомных, социальные права — это политическое поле. Из чего не следует, конечно, что любая деятельность НПО в социальной сфере должна объявляться политической. Есть традиционное разделение НПО на политические и сервисные. Те общественные организации, задачей которых является помощь больным в хосписах и тому подобная деятельность, — понятно, что это не политические НПО. Но правозащитные гражданские организации — организации сугубо политические.

Об этом говорят первоисточники, в которых берет начало парадигма прав человека. Если взять Декларацию прав человека и гражданина 1789 года или Декларацию 1793 года, мы увидим там неотрывность системы прав человека от политического дискурса. В Декларации 1793 года говорится, что сопротивление угнетению есть следствие, вытекающее из прочих прав человека. Право на восстание в качестве последнего средства против тирании и угнетения оговаривается и во Всеобщей декларации прав человека. И поэтому говорить о том, что права человека существуют от политики отдельно — это, на мой взгляд, некоторое лукавство, попытка уйти от сути проблемы.

А вот с нашим законодательством — весьма прискорбная ситуация. Еще с середины 90-х годов обозначилась тенденция к разграничению политических партий как преимущественных субъектов политического процесса и прочих неправительственных организаций. Все вы помните, что в выборах в первую и вторую Государственную Думу участвовали не только политические партии, но и любые общественные объединения, в уставе которых было оговорено участие в выборах. Собственно, и сегодня политические партии формально считаются одним из видов общественных объединений. Но с принятием закона 2001 года о политических партиях, в котором заложено их строительство сверху, а не снизу, партии перестали обладать признаками общественных объединений. Отсюда те проблемы, о которых сегодня уже говорили — разрыв между обществом и политическими партиями, — тот ров, который трудно преодолеть. Не только в силу наших политических условий, но и благодаря богатому западному опыту, где те же тенденции давно уже были реализованы, политические партии оказались частью власти, а не общества. И таким образом общественные организации в целом оказались отрезаны от инструментария народовластия.

На мой взгляд, было бы намного лучше, если бы в середине 90-х все это двигалось в другом направлении или если бы мы каким-либо чудом

законсервировали ситуацию в избирательном законодательстве, которая сложилась у нас на 1995-й год. Если бы еще при этом был уничтожен избирательный барьер, можно было бы, наверное, говорить, что представительная власть есть производная народовластия. В противном случае она — производная различных политтехнологических манипуляций, но к народовластию имеет весьма опосредованное отношение.

И это не какие-то досужие, оторванные от реальности домыслы. Скажем, в Португалии конституционно запрещен избирательный барьер для пропорциональной избирательной системы. В Израиле — однопроцентный барьер. А мы сейчас с нашими 7, а в некоторых регионах и 10 процентами вообще теряем право говорить о том, что органы, избираемые таким путем, имеют какое-то отношение к статье 3 Конституции, где источником власти обозначается народ. Если около половины голосов можно выкинуть — или, что хуже еще, передать другому, — это что угодно, но не свободные выборы. Это дурная игра с заранее известными победителями.

Я говорю здесь об этом, потому что избирательная система — это проблема прав человека.

Тезис, что правозащитные организации — это политические субъекты, а правозащитная деятельность — деятельность политическая, как раз и определяет ту практическую работу, которую призвано вести правозащитное сообщество.

Помимо мифа о деполитизации, есть еще миф о том, что правозащитники должны стоять на страже закона: вот есть закон, и мы заставим власть его соблюдать, сами умрем, но от закона не отступим. Хотелось бы оспорить этот тезис.

Законодательство, как оно складывалось, по крайней мере, последние лет пять, в значительной своей части перестало быть правовым. Формально, с той или иной приближенностью к правильной законотворческой процедуре, приняты законы. По сути это неправовые законы. Неправовые в силу их противоречия Основному закону, основным принципам права. И, по-моему, стоять на страже такого закона правозащитному сообществу негоже. Будь то закон о противодействии экстремистской деятельности или закон, запрещающий выдачу родственникам трупов так называемых террористов. По закону трупы террористов не выдаются, и о месте их захоронения не сообщается. При этом неизвестно, кто такие террористы. И даже если бы было известно, должны ли мы защищать нормы такого закона?

Теперь применительно к той материи, которой я больше занимаюсь, — о законе об альтернативной гражданской службе. Закон настолько плох, настолько дискриминационен и репрессивен, что вполне правозащит-

ной позицией было бы призывать граждан уклоняться от такой службы и тем более помогать им в этом. Хотя уклонение от альтернативной службы — это уголовное преступление. Но вследствие недосмотра законодателей ответственность за уклонение от альтернативной службы не связана с лишением свободы. И, по-моему, наш святой долг хотя бы разъяснять гражданам все «прелести» альтернативной службы, какова она есть сегодня, и те возможности, которые открывает перед ними уклонение от альтернативной службы. А именно, 180 часов обязательных работ в качестве наказания вместо трех с половиной лет таких же работ по закону.

Или взять, например, законодательство о наркотиках — тоже мой предмет. Все те запреты, бесчисленные ведомственные подзаконные акты, которые ограничивают права врачей из каких-то очень важных полицейских соображений, ставят врача в положение потенциального и даже реального нарушителя, когда он исполняет свой врачебный долг, будь то по отношению к людям или к животным. Наверное, правозащитной позицией было бы как раз обучать и помогать врачам обходить, грамотно нарушать закон. Значит, надо делать уколы и не записывать это. Потому что если в хосписе морфием можно уколоть столько-то, а столько-то нельзя, следовательно, надо колоть столько, сколько нужно, и каким-то образом все это оформлять в нарушение закона. И это будет правильно, и как раз помочь нарушить закон было бы вполне нормально с нашей стороны.

Или обратимся к примеру известных «декабристов», выступивших под знаменем НБП, которых сейчас судят неизвестно за что. Они тоже, конечно, формально нарушили, правда, не Уголовный кодекс, а Административный. Но преступление — это не идеальная категория, это то, что признает таковым Уголовный кодекс. Сейчас «декабристов» сложно подвести под уголовную статью, так как в 2003 году из диспозиции статьи 213 («хулиганство») убрали действия, не связанные с оружием. Раньше, при более широкой редакции статьи, это трактовалось бы как хулиганство. Сейчас же их обвиняют в массовых беспорядках². Так вот, если бы эти ребята пришли к правозащитникам и спросили: как нам грамотней взять штурмом приемную президентской администрации? — я думаю, что нам, правозащитникам, следовало бы оказать им максимально полные консультационные услуги, с тем чтобы они обезопасили себя, коли это воз-

² Приговор «декабристам» был вынесен уже после семинара. 8 декабря 2005 г. Все 40 подсудимых признаны виновными по ст. 212 УК РФ («массовые беспорядки»). Их приговорили к срокам от 1,5 до 3,5 лет лишения свободы. 31 человек получил условное наказание, 8 осужденных будут отбывать срок в колонии общего режима. Сороковой подсудимый освобожден как несовершеннолетний. — *Прим. ред.*

можно, от тех последствий, которые наступили. Если подумать, наверное, можно было изобрести какие-то более верные и юридически хитрые ходы. Только мы, к сожалению, работаем в отрыве от организаций прямого действия. А прямое действие, чем дальше, тем более необходимо.

Еще одно рассуждение о политических задачах и политическом характере правозащитной деятельности. С одной стороны, очень отраднo, пока, во всяком случае, что в Общественной палате не оказалось ни одного правозащитника. Знаю, что на некоторых оказывалось давление, и достойная позиция была занята, в общем-то, всеми. Где-то я прочитал, что один правозащитник в Общественной палате все-таки есть — Олег Зыков. Но Зыков-то как раз всегда подчеркивает: «Я не правозащитник, я — социальный работник». С палатой власть, конечно, «обломалась». Сильно «обломалась». И если эта линия будет выдержана и на уровне региональной части нашего сообщества, то это будет замечательно. Но в целом очень огорчает то, что нас пытаются заставить играть по их правилам.

Вот два примера, в одном случае я не буду называть имена. Перед неким правозащитным сообществом встал вопрос о получении грантовой поддержки от фонда Сороса. И наши коллеги-правозащитники оказались всерьез озабочены тем, как власть посмотрит на то, что они берут деньги от Сороса, не подставят ли они кого-нибудь и вообще как это будут интерпретировать. Мне кажется, нынешняя политика и рассчитана именно на такую реакцию, потому что такие проявления страха и готовности играть по правилам страшнее самого источника страхов.

И еще один пример — здесь я уже назову людей, потому что это стало элементом публичной дискуссии. Как сотрудник Института общественной экспертизы, который возглавляет Игорь Яковенко, я, по его предложению, вошел в общественный совет проекта, который называется «Черная книга России». Туда планируется вписывать всех тех мерзавцев, которые своими конкретными и верифицируемыми действиями ставят себя вне приличного общества и заслуживают включения в «Черную книгу». Можно, конечно, спорить, насколько эта идея проработана, обсуждать детали, но речь не об этом, а о том, что глубоко мною уважаемый и любимый Валерий Федорович Абрамкин выступил и продолжает выступать с разгромными статьями по поводу проекта «Черная книга». При этом первоначально Абрамкин выступил³ в «Русском журнале», издании Глеба Олеговича Павловского, которого он, кстати говоря, всячески защищает.

³ Абрамкин Валерий. Черно книжка // Русский журнал. 2005. 7 октября (<http://russ.ru/comments/99193486>).

Так вот, Абрамкин называет всех нас, вместе взятых, вошедших в Общественный совет, «чернокнижниками». И вовсе не в шутку. Суть его возражений сводится к тому, что:

а) вообще кого-то относить к плохим людям — это суд Божий, а не человеческий, и нечего на себя брать функции Господа Бога. Кто нас на это уполномочил судить, кто плох и кто хорош?

б) такими действиями мы только вредим конкретным правозащитным начинаниям и, следовательно, живым, нуждающимся в правозащитном участии людям.

Вот мы включили в «черную книгу» Бориса Грызлова. И Абрамкин по этому поводу сказал: «Все, теперь амнистии не будет. Вы добились того, что амнистии не будет». Это уже вполне определенный подход. Ради конкретных программных задач по защите заключенных, репрессированных и так далее можно и даже нужно, говорит Абрамкин, в принципе исключить какие-либо политические оценки, какое-либо политическое действие правозащитного сообщества. Мне это представляется весьма прискорбным.

Со сказанным во многом сочетается ответ на вопрос, почему правозащитники не востребованы. Потому что они недостаточно публичны как политические субъекты. Потому что разговор о чистом праве невнятен для большинства, во всяком случае, для тех, кто откликнулся бы на открытую политическую позицию, сопряженную с разговором о праве.

Можно и под другим углом посмотреть на то, почему отчуждены правозащитные организации. Не буду развивать эту тему, но сводится она к тому, что правозащитное сообщество в последний, постсоветский, период вело себя социально безответственно. Социальные и экономические права всегда воспринимались правозащитниками как «права второго поколения». А для людей право на жизнь в основном все-таки увязывается не со смертной казнью, как мы, правозащитники, это увязываем, а с тем, чтобы от голода не умереть. Спасибо.

Екатерина Филиппова: У меня детский вопрос: а почему вы не работаете с организациями прямого действия? Вот Вы об этом сожалели, а собственно, что мешает?

Лев Левинсон: Не только мы не работаем, они с нами не работают. Это обоюдно. Они тоже смотрят на нас как на часть Союза правых сил, как на некую пятую колонну. Проблема в том, что правозащитное движение в России сформировалось как праволиберальное. В Европе же, если очень общо говорить, правозащитники — левой ориентации. Хотя все это, безусловно, сложнее. А так как прямые действия предпринимают сейчас

в основном левые силы, то этот мостик установить пока очень сложно. Я это принимаю и на свой счет, я, в общем-то, тоже не знаю, как инструментально построить этот мост.

Анатолий Рекант: Лев Семенович, Общественная палата, созданная на тех принципах, на которых она сегодня создана, — это, мягко говоря, ничто. Но что Вы и мы можем предложить как альтернативу этой Общественной палате? В принципе-то, орган для диалога нужен, все вопросы решаются за столом переговоров.

Лев Левинсон: Да они, собственно, так и решались, насколько это было можно и допустимо на протяжении всех десяти и более лет. Все мы активно участвовали в разных общественных советах, на переговорных площадках, и это бы благополучно продолжалось и дальше. И там, где решаются конкретные вопросы, будь то беженцев, заключенных — они по-прежнему могли бы решаться. А теперь постановлением правительства все общественные советы при федеральных ведомствах должны формироваться через Общественную палату. Почему нас это не устраивает? Не потому что мы хотели бы другую Общественную палату — мы не хотели бы никакой Общественной палаты! — а потому что вертикализовать горизонтальное по сути своей поле гражданского общества в принципе неправильно. И без всякой вертикализации мы прекрасно справлялись и, каждый на своем фланге, работали. Нам для этого не нужно никакой структуры, и закона никакого специального не нужно.

Александр Верховский: Я хотел бы по-своему продолжить вопрос об организациях прямого действия. Вопрос не только в том, должны или не должны правозащитники сотрудничать с ними, но и в том, для чего они вообще нужны, эти организации прямого действия? Какое, собственно, прямое действие, по-твоему, было бы желательно и к чему оно должно вести?

Лев Левинсон: Восстание в масштабе 17 года — неактуальный сюжет, наверное. Но ведь те акции прямого действия, которые уже происходили, — это тоже восстания, только в другом формате. Необходимо рассмотрение этого в контексте прав человека, в контексте Всеобщей декларации прав человека. То, что делают лимоновцы, Авангард красной молодежи — это как раз реализация права на восстание. Ведь каждый реализует это право в меру своих возможностей. А какие формы были бы желательны — это не тема моего выступления, если я правильно понял вопрос.

Татьяна Локшина, «Демос»: У меня скорее философский вопрос. Ты начал с того, что сказал, что уже когда мы произносим слова «права человека», мы ставим себя в политическую плоскость, и это совершенно неизбежно. Понятно, что зачастую очень тяжело провести разграничение между правозащитной деятельностью, деятельностью в общественных интересах и деятельностью политической. Но все-таки мне кажется, что права человека — это вопрос в первую очередь ценностный, а не политический. Спасибо.

Лев Левинсон: Это вопрос дискуссии. Если это ценностный подход, мы идем и помогаем, как это делал, скажем, покойный Виктор Попков. Вот он на ценностном уровне действовал, и я что-то не слышал от него, чтобы он говорил о правах человека. А коль скоро мы о них говорим, то при всех наших ценностных установках, которые мы отстаиваем, мы выступаем на политическом уровне. Политическое поле тоже не лишено ценностных установок. И мы отстаиваем эти ценности на политическом уровне. Ведь что такое права человека? Это свободы? Свобода — это политическая реальность. Свобода прежде всего бывает от чего-то — от злоупотребления властью, от насилия, от произвола, от беззакония, от избыточной власти вообще.

Сергей Лукашевский: Спасибо. Слово передается Владимиру Николаевичу Лысенко.

Владимир Лысенко, член политсовета Республиканской партии России: Уважаемые коллеги, я без оптимизма смотрю в ближайшее и среднесрочное будущее нашей страны и полагаю, что до 2012 года маловероятны какие-то серьезные позитивные перемены. Хотя у нас могут произойти серьезные перемены к худшему. Я имею в виду националистическую составляющую нашей политики, которая очень быстро усиливается, от года к году становится все более наглой и действительно вызывает очень серьезные опасения. Если власть воспользуется этой силой, то вот тогда ситуация действительно будет трагической.

Мы были в оппозиции нынешнему режиму и остаемся до сих пор. Однако если говорить с политологической точки зрения, сегодня в России мягкий авторитарный режим. Именно мягкий, достаточно приличный, никого не расстреливают, нет массовых арестов (кроме Михаила Борисовича Ходорковского), каких-то других преследований за убеждения. Поэтому с точки зрения Запада, по сравнению с другими странами-монстрами (Сомали, Пакистан, Иран, Белоруссия), мы выглядим более или менее ничего...

В общем-то, на Западе время от времени критикуют Россию, но нельзя сказать, что все объединились и действительно высказали Путину претензии за его сползание к авторитаризму. Наоборот, в следующем году он будет возглавлять «восьмерку» ведущих держав, а это высшее доверие лидеров крупнейших мировых государств к нашему президенту. Поэтому я хотел бы подчеркнуть: режим действует с помощью двух механизмов.

Первый — это «вертикаль власти», которая может быть плоха для проведения реформ, но очень хороша для того, чтобы всех строить. Я имею в виду и президента, и полпредов, и губернаторов, и мэров, которых сейчас будут назначать в большинстве субъектов федерации, и силовые структуры, которые уже полностью сконцентрированы на этой задаче. У них это явно лучше получается, чем борьба с терроризмом. Поэтому я думаю, что в этом отношении больших сбоев не будет.

Второй механизм — это виртуальная политика и то, что мы называем медиакратией. Не нужно закрывать московские газеты, их читает узкий круг политической элиты Москвы и ряда крупных мегаполисов. А провинция на 95 процентов смотрит телевизор, потому что московские газеты до провинции в принципе-то не доходят, а по телевизору каждый день на экране одно и то же — Владимир Владимирович. То собачку погладит, то лошадку пони приютит и еще кого-то приласкает, то поговорит с кем-то по душам, то съездит в детский дом — подранков проведать...

А народ в большинстве своем президента любит, и как бы мы за этим столом ни относились к Владимиру Владимировичу, факт остается фактом: число граждан, желающих, чтобы Путин не улетал в 2008 году, как тучка из мультика, а оставался и на следующий срок, велико. Не потому, что им так подсказывают из Кремля, а на самом деле — у нас народ привык еще со сталинских времен, что отца родного надо обязательно оставлять, если он хорошо правит народом. Поэтому я не исключаю, что у нас это движение будет и дальше расти.

Я только что прилетел с Дальнего Востока, где мы встречались в том числе и с депутатами краевой думы Приморья. Там у них один чудак, депутат чеченской национальности, выступил с инициативой проголосовать за то, чтобы Путина переизбрать на третий срок. Они его мягко пытались отговорить, но он настоял. Он один проголосовал за то, чтобы Путин переизбрался на третий срок и чтобы для этого была изменена Конституция. Все остальные 29 депутатов по этому поводу не голосовали вовсе. Так что политическая элита России от Москвы до самых до окраин хорошо понимает, что к чему и зачем.

А Кремль методически продолжает ослаблять партийную систему России, подыгрывая антипартийным настроениям большинства граждан.

И делает все очень грамотно: ввел в партии вместо 10 тысяч членов 50 тысяч. И я думаю, что на 1 января 2006 года из демократических партий на политической арене останется не более пяти, остальные умрут под кремлевский оркестр. Это СПС, «Яблоко», Республиканская партия, Партия развития предпринимательства Ивана Грачева. Но и им будет крайне тяжело преодолевать многочисленные преграды, которые Кремль и ВЦИК соорудили на пути в российский парламент.

Назову основные. Кремль сейчас загнал в «партию власти» 65 губернаторов, то есть две трети их состава. И все они станут на парламентских выборах «паровозами», которые потащат единокороссов в Госдуму.

Крайне тяжелым не только для республиканцев стало решение ЦИК о том, что каждые три месяца теперь нужно сдавать денежные отчеты, и не только в центре, но и в регионах, чего раньше никогда не было. При этом нужно конкретно указывать фамилию, место работы спонсора, который дал вам эти деньги. Сейчас партии, прежде всего оппозиционные, не афишируют своих спонсоров, зная, что подставят своих единомышленников. Да и сами спонсоры один за другим отказываются работать, опасаясь разделить участь Ходорковского.

Во всем мире крупный бизнес всегда финансирует оппозицию. Сейчас в нашей стране ситуация в этом отношении резко ухудшается, а без денег ни одна серьезная партия в России работать не сможет. Кроме разве что КПРФ, где старый электорат еще держится... А вот рассказы «Яблока», что они существуют чуть ли не на добровольные пожертвования граждан, малоубедительны.

Единственное положительное, что сделал Центр за эти пять лет, так это то, что он перевел выборы в регионах на смешанную систему, когда половина депутатов проходит в областное законодательное собрание от партий, а вторая половина идет от одномандатных округов. Но и здесь не без бочки дегтя: при помощи мощнейшего административного ресурса более чем в 70 субъектах федерации победила «Единая Россия».

И когда на выборах в Томскую городскую думу победила Партия пенсионеров, это был шок для Кремля. Тут же последовали репрессии, и наш самый гуманный в мире суд забрал эту партию у Гартунга и отдал в руки Кремля. Хотя Партия пенсионеров была тише воды, ниже травы: и Путина поддерживала, и на власть не «наезжала». Но она нарушила «кремлевские» правила игры: играй-играй, да не забывай, кто в стране хозяин!

Таким образом, любая попытка покушения на монополию нынешних властей преследуется очень жестко, и при помощи созданной машины тихого, бескровного подавления Кремль все больше концентрирует всю власть в своих руках.

Никакого разделения властей в стране по существу уже нет, только редкие очаги сопротивления и порядочности. Поэтому и парламентская, и судебная ветви власти сегодня уже полностью находятся под исполнительной властью, поэтому, конечно, добиваться правды с каждым разом становится все сложнее и сложнее.

Главная задача наших демократических партий — это обновление и объединение к следующим парламентским выборам. Вы, наверное, слышали, что вчера Республиканская партия и Партия солдатских матерей заявили о слиянии в единую политическую партию на базе республиканцев. Комитет солдатских матерей остается, но у них еще параллельно была и партия, которую они в последний год-полтора тоже стали собирать, и сейчас они приняли такое историческое решение. Пожалуй, это первое серьезное слияние за последние годы существования наших демократических партий. Сейчас идут переговоры с Ириной Муцуовой Хакамадой на предмет такого же объединения. Я полагаю, что если этот процесс все-таки начнет сдвигаться с мертвой точки (я имею в виду необходимость объединения всех демократических сил), то, возможно, к 2007 году все-таки мы будем иметь свою фракцию в Госдуме.

Сейчас идет эксперимент перед выборами в Московскую городскую думу — СПС и «Яблоко» создали блок, хотя мы хотели бы получить более широкую коалицию с участием и других партий. Единственное, что не очень симпатично, так это то, что республиканцы предлагали идти без административного ресурса на выборы в Московскую городскую думу, а «Яблоко» и СПС фактически пошли на выборы при поддержке московской власти. И мы долго обсуждали, почему именно эти два кандидата пошли от этих партий, а не другие, более сильные (к примеру, Дмитрий Катаев), известные и критически относящиеся к патерналистскому режиму мэра Лужкова. РПР предлагала, чтобы во главе демократического списка в Мосгордуму шли лидеры демократов: Ирина Хакамада, Владимир Рыжков, Никита Белых, Григорий Явлинский, — тогда для страны это действительно было бы серьезное политическое событие. Но наши коллеги из СПС и «Яблока» в последний момент все сделали по-другому.

Я думаю, Сергей Митрохин наверняка расскажет подробнее, как все было на самом деле. Сегодня слабое утешение только в одном: впервые две старые демократические партии сумели договориться о коалиции и пойти на выборы вместе. Это хороший знак после ругани между «Яблоком» и СПС в последнее десятилетие. Я думаю, что это достаточно серьезный прецедент, хорошо бы не последний.

Я хотел также сказать, что завтра будет отмечаться пятнадцатилетие движения «Демократическая Россия». Я думаю, это был самый удачный

политический проект демократов за все 15 лет существования наших политических партий и общественного движения в целом. Поэтому я призываю вас не забыть об этой дате и в регионах, поскольку тогда в «Демократическую Россию» вошли и республиканцы, и многие другие политические партии и общественные организации. «Демократическая Россия» тогда — это Гражданский конгресс сегодня. Но, конечно, возможностей у «ДемРоссии» тогда было больше, потому что нас поддерживала почти вся страна. Сегодня, к сожалению, мы такой поддержки не имеем, и поэтому, несмотря на усилия лидеров Гражданского конгресса, качественного перелома в стране и демократическом движении за время его существования не произошло. Я понимаю, что реальных рычагов и способов изменить ситуацию даже у такой достаточно авторитетной и многополярной организации, куда вошли и демократы, на сегодняшний день не хватает, и все-таки мы все не смогли сделать серьезный шаг к свободе, остановить «Наших», национал-патриотов и прочие кремлевские проекты, которые неумолимо тянут страну в жесткий авторитарный режим.

К сожалению, Гражданский конгресс не всегда был виден и активен. Но ничего лучше этой организации у нас сегодня нет: надо всячески ей помогать, стараться вместе с ней усиливать демократическую составляющую в нашем обществе и двигаться вперед.

Не могу не сказать несколько слов о том, как нас сильно подвели наши украинские и грузинские друзья. Мы уже почти договорились провести в конце года конгресс демократических партий постсоветского пространства, как на Украине начался скандал и раскол в руководстве страны. Как же наша власть обрадовалась: лучшего подарка Путину, чем скандал между демократами на Украине, и придумать было трудно!

Грузия у меня, к сожалению, вызывает еще меньше оптимизма. То, что там происходит, у меня не ассоциируется с демократией, и я полагаю, что Саакашвили ближе к Жириновскому, чем к истинным демократическим ценностям.

Сегодня «оранжевые революции» нам не грозят. И хотя наша власть их жутко боится, создает на всякий случай всевозможные штурмовые отряды, я полагаю, что на фоне того, что произошло в соседних государствах, для России резко ухудшается общая обстановка и маловероятно, чтобы мы могли серьезно изменить ситуацию.

Вы, наверное, знаете, что Путин придумал еще одну очень интересную вещь: в своем президентском послании 2005 года он решил как бы похвастаться демократизмом и заявил, что теперь в регионах партия, победившая на региональных выборах, сможет своего лидера сделать губернатором. Ну, мы, наивные, обрадовались, что переходим к парламентс-

кой системе в регионах, как в Германии и в большинстве европейских стран. Да не тут-то было: царь как даровал на словах свободу, так в нужный для него момент ее и отобрал. Осенью он внес в Думу закон, где все перевернул с ног на голову. По новому законопроекту Путина, партия, победившая на региональных выборах, не делает своего лидера губернатором, как обещал президент, а представляет как одного из кандидатов. Остальных находит полпред президента. А Путин будет сидеть и думать: «А вот кого мне из этой пятерки назначить». То есть получается, что партия, реально получившая поддержку большинства населения партия в Москве или другом регионе и имеющая право на лидерство, полностью зависит от решения главы государства. На одном из выступлений я даже посоветовал Путину сделать Шрёдера советником не по Газпрому, а по выборам. Он бы Путину рассказал, что в Германии-то совершенно другая парламентская система. Ну и, наконец, прогноз: что будет дальше? Мы все гадаем, что будет с Путиным, куда он денется, какую должность займет. У меня ощущение, что сейчас проводится план партизации государственной машины России: «Единая Россия» фактически получает ключевые возможности и на региональных, и на федеральных выборах. И в этих условиях Путин, становясь во главе «Единой России», через эту машину фактически будет пропускать все кадровые назначения в нашем государстве, начиная от президента и кончая руководителем «Единой России», регионов и всего остального. И при такой системе Путин теоретически может приблизиться к миссии Дэн Сяопина в Китае. Официально он не будет занимать никакой должности, но фактически мы вернемся к Советскому Союзу, где КПСС и была реальной властью.

Конечно, это не означает, что мы не должны активно отстаивать демократические идеалы, что мы не должны сотрудничать с нашими белорусскими друзьями. Но ведь у их лидера в Белоруссии рейтинг сейчас всего три процента. А у наших демократических лидеров? Я думаю, что если даже сейчас в Белоруссии дали бы свободу, демократы все равно не набрали бы слишком много. Это одна из наших главных проблем — у нас сегодня нет лидера, который мог бы выиграть у Путина на следующих выборах. На этом я хотел закончить свое выступление. Жду ваших вопросов.

Сергей Лукашевский: Вот Вы говорите, что, возможно, в следующем электоральном цикле у объединенной демократической партии будет фракция в Государственной Думе. Что они смогут сделать в условиях управляемой путинской демократии, которая у нас есть сейчас? Для чего нужна эта фракция?

Владимир Лысенко: Ну, в предыдущих думах «Яблоко» и СПС уже были в меньшинстве, когда Владимир Владимирович был у власти в первый срок. Я думаю, что публично существующая альтернатива всегда играет достаточно важную роль. Хотя Вы правы в том отношении, что это будет полуопозиция. Сегодня уже говорили об СПС; Анатолий Борисович как руководитель крупнейшей корпорации не может быть в оппозиции к существующему режиму. Я думаю, что эта проблема действительно существует, и пока в России не будет последовательной политической демократической оппозиции, пока Кремль будет всячески раскалывать ее, вбрасывать всевозможные провокации, пытаться столкнуть демократические партии между собой (что, по-моему, он блестяще сейчас и делает), я думаю, что до тех пор проблема действительно будет оставаться нерешенной.

Сергей Митрохин: Какую партию будет поддерживать Республиканская партия на выборах в Мосгордуму, и если это случится, то когда? В какой момент?

Владимир Лысенко: Мы думаем над этим вопросом. Я сегодня обозначил плюсы и минусы существующего варианта. Я лично считаю, что если выиграет блок СПС и «Яблока», то, в принципе, это будет хорошо. Но у нас в партии коллегиальное руководство, и у нас есть и другие точки зрения.

Дмитрий Потехин: Я полностью беру на себя ответственность за украинский бардак и его влияние на события в России; я, конечно, не думал, что Украина настолько влияет на развитие гражданского общества в России. Тем не менее: не кажется ли Вам, что тезис о страшной угрозе национализма в случае начала активных гражданских действий в России работает на демобилизацию активности не только политической оппозиции в России и препятствует развитию гражданского активизма в среде собственно правозащитных организаций?

И второй вопрос: что Вы считаете более перспективным: дрейф общественных российских правозащитных организаций в направлении организаций прямого действия с соответствующими методами работы, близкими, как мне кажется, партийным структурам, либо встречное движение политических партий, которые бы могли перенять много полезного у правозащитных организаций и попытаться начать говорить с аудиторией на языке, близком аудитории, но не в том понимании, о котором говорил господин Надеждин? Спасибо.

Сергей Лукашевский: Кстати, вчера Борис Дубин из Левада-центра говорил, что согласно его интерпретации данных социологических опросов, националисты как независимая политическая сила едва ли могут сейчас прийти к власти и стать достаточно популярными. Как Вы это прокомментируете?

Владимир Лысенко: По опросам общественного мнения, более 50 процентов наших граждан поддерживают лозунг «Россия для русских», и во многих регионах этот процент доходит даже до 70–75. Но это — на уровне обыденного сознания. Бесспорно, большинство этих людей не объединено ни в какую организацию, просто в России, если власти надо спровоцировать свое усиление, как правило, используются националистические идеи, создаются «черные сотни», устраиваются погромы.

Естественно, титульное население всегда этому радуется: давно пора выгнать из Москвы к черту всех, и тогда мы будем хорошо жить, они нас объедают. Поэтому то, что сейчас происходит в Воронеже и в ряде других регионов на юге России, показывает, что эта проблема реально существует. Сегодня власть от нее дистанцируется. Основные проводники этой идеи — Жириновский, Рогозин — тоже пытаются использовать эту идею пока достаточно мягко, не давя полностью на педаль газа, понимая, что в их исполнении все это Кремль, скорее всего, не поддержит. Но в то же время я абсолютно не исключаю такого варианта, в дальнейшем это может стать одним из запасных вариантов для существующей власти, если она будет терять свою поддержку на социальном фронте. Хотя для России это очень опасная игра, которая действительно может закончиться ее распадом.

На Дальнем Востоке народ очень обеспокоен тем, что китайцев становится больше, чем местных жителей. В последний приезд нас спрашивали, как мы там, в Москве собираемся помогать им решать эту проблему. Я сказал, что ждать того, что федеральный центр начнет принимать супермеры, нет смысла, — сегодня нет такой возможности и желания. Мне на одном международном диспуте понравилась идея, высказанная Федором Шеловым-Коведяевым: нужен договор России, США и Японии, и надо не проводить военные маневры с Индией или Китаем, а нужно создавать этот тройственный союз, которому Китай сегодня не готов противостоять. Хотя я думаю, что китайские аппетиты в отношении наших соседних территорий будут расти, и удержать их можно только какими-то серьезными геополитическими мерами, а экономически в ближайшее время мы не сможем запустить все это. Очень далеко, дорого, а власть наша на серьезные геополитические шаги не способна.

Что касается правозащитного движения и политиков, у нас был опыт взаимодействия в Благовещенске, в Башкирии, потом в Тверской области, в Бежецке, где были факты избиения граждан. Туда выезжали вместе с правозащитниками и политики, я, в частности, участвовал в этих поездках. Наше совместное давление на Госнаркоконтроль и целый ряд других структур показывает, что совместность действий усиливает возможность защищать права человека, и я думаю, что, несмотря на различные политические функции, это надо делать.

В то же время мы сегодня исчерпали свою демократическую риторику. Население сегодня уже во многом индифферентно к демократическому строю, и эта ценность теперь в нижней части таблицы ценностей, которые признаются сегодня в нашем обществе. Поэтому сегодня надо работать над тем, что волнует население.

Скажем, наша партия предложила вообще не повышать тарифы в следующем году, поскольку монополисты фактически заплатили сегодня за «Сибнефть», в том числе миллиард на обслуживание всей той суммы, которую они и хотят получить с граждан за следующий финансовый год. Поэтому сегодня партия вынуждена уходить в «социалку», уходить в экономику, и только на этой стезе реально можно получить поддержку наших избирателей.

Получить же поддержку только благодаря нашим традиционным лозунгам, с которыми мы выступали с «Демократической Россией» в 90-е годы и были на коне, сегодня нельзя, потому что время ушло. Мы уходим в другую политическую нишу, бесспорно, сохраняя демократическое поле, в том числе и с коммунистами уже договорились, что мы во всем расходимся, но демократия должна остаться: если не будет демократии, то не будет партий, не будет конкуренции, и наша страна снова вернется в старые времена. Так что эти договоренности выполняются. Пока, к сожалению, режим намного сильнее, чем демократические силы, и при помощи средств массовой информации, прежде всего телевидения, блестяще подобранной мощной команды Славы Суркова, который занимается медиакратией, очень талантливо настраивает население на нужную волну.

А мы не имеем средств массовой информации (вы знаете, что, например, Рыжков и целый ряд других лидеров Демпартии сегодня находятся в «черном списке» на наших телевизионных каналах). Сейчас забирают REN-TV, которое было нашим телевидением. Сергей Марков писал, что телевидение в России — это атомная бомба; кто же атомную бомбу даст демократам, она, конечно, должна быть у президента. У президента два чемоданчика, один от настоящей атомной бомбы, другой — от телевидения, и президент понимает, что пока телевидение в его руках, ему не о чем

особенно волноваться. Если не наделать совсем уж глупостей в «социалке» и в экономике, можно и дальше, при помощи преемника, царствовать после 2008 года еще как минимум четыре года.

Сергей Лукашевский: Слово Сергею Сергеевичу Митрохину.

Сергей Митрохин, заместитель председателя партии «Яблоко»: Во-первых, я хотел бы поддержать господина Левинсона в том, что касается старинного спора между политиками и правозащитниками. Мне кажется, он совершенно правильно говорил, и я бы хотел просто развить его мысль. Если вы живете в правовом государстве и являетесь правозащитником, то, наверное, вы можете говорить, что вы вне политики, а если вы правозащитник и живете в неправовом государстве, то вы по определению являетесь политиком, потому что вы выступаете за изменение этой системы, а любой человек, который выступает за изменение политической системы, является политиком. Мне кажется это совершенно очевидным, и этот старинный спор, по крайней мере в нынешних условиях России, уже давно должен быть закончен.

Другое дело, что у нас остается некоторая брезгливость по отношению к политике и стереотип, что политика — это грязное дело, и такой наморщенный нос при этом: вот эти занимаются политикой, а я занимаюсь более высокими материями. И отсюда некая нарочитая политическая абстиненция у большого количества людей, которые могли бы внести серьезный вклад в развитие страны в том направлении, которое они считают правильным. Но в силу этой абстиненции они этого сделать не могут. Мне кажется, что это одна из причин, по которой демократическое движение сегодня находится в таком кризисе.

Чем демократически настроенные люди отличаются от коммунистов? Коммунисты — если они мыслят по-коммунистически, они и действуют соответствующим образом — сразу переходят к прямому действию и не заводят споры о том, а есть ли смычка у наших организаций с организациями прямого действия. У них такого гамлетовского раздвоения личности нет, а у демократической общественности оно есть и очень сильно развито: а ну как я замараю себя, если вдруг схожу на митинг, на выборы. Мне кажется, что это одна из причин того, что мы имеем сегодня.

Конечно, я не могу не отреагировать на некоторые тезисы Владимира Лысенко. Тут тоже можно продолжить. К примеру, он долго сокрушался, что демократы не объединяются и что это плохо. И многие представители его партии это раньше делали. Но обратимся к конкретной ситуации — выборы в Московскую думу. Создан единый демократический спи-

сок: там присутствуют СПС, «Яблоко», Партия зеленых, Партия солдатских матерей. Это первый случай, когда в стране, в том числе и на региональных выборах, создан действительно единый список демократических сил. И тут опять начинаются рассуждения: у них не те люди стоят в главе списка, поэтому мы не знаем, будем их поддерживать или нет. Извините, а как при таких настроениях говорить о том, что вообще нужно объединяться, консолидировать усилия и так далее?

Я понимаю, что у кого-то есть обида, хотя надо сказать, что всех звали, обращались и публично, и кулуарно, приглашали в этот список. Но так получилось, что не все сели в этот вагон, который прицеплен к поезду под названием «Выборы». Но это все-таки, извините, региональные выборы, одни из восьмидесяти девяти, которые должны пройти в ближайшее время. Неужели из этого нельзя сделать вывод: если вы заявляете о том, что все должны объединиться и идти на штурм Кремля, на штурм администрации президента, то вы должны сами что-то делать и демонстрировать готовность это делать. Но этой готовности мы не видим. Мы видим сплошные обиды в выступлениях в СМИ, буквально, почти открытым текстом говорится: «Нас туда не взяли, поэтому нам это не нравится». Начинаются всякие выдумки, что кто-то договорился с мэрией, — хотя всякий, кто разбирается в реальной политике в Москве, должен знать простейшую истину: с мэрией договориться невозможно ни о чем. Потому что это люди, которые «кинут» абсолютно любого, кто с ними договаривается, в любой момент. И строить на этом какую-то политику абсолютно бессмысленно.

Но миф, что мы договорились с Лужковым о том, что он нас проведет в Думу, сейчас удобен для того, чтобы сказать: «Ну вот, они вот такие плохие, они с властью связаны». Ни малейших оснований для таких домыслов быть не может, их просто нет потому, что не такова природа политики в Москве.

Что касается нашего списка. Мы выслушали много обвинений в том, почему у нас не пошел Явлинский вместе с Хакамадой, с Белых и так далее. Мы отвечаем очень просто: мы не хотим обманывать избирателей, мы четко с самого начала заявили, еще когда мы выступали с иском в Верховном суде, что категорически не согласны с системой «паровозов», когда человек идет в парламент любого уровня, заведомо зная, что он там не будет работать, что он протащит за собой серую массу, которая придет вместо него и там усядется. Сто раз это сказали. И что, мы сейчас должны изменить тому, что мы говорили в Верховном суде, в высшей судебной инстанции и сказать Явлинскому: «Нет, ты все-таки возглавляй список, а потом...»? Ну, а потом нам предлагается два варианта: либо поступить как все, как Лужков, как сейчас поступят коммунисты, Мельников, как поступит Жириновский —

сложить мандат, и вместо тебя придет неизвестно кто, за которого не голосовали. Или так, чтобы все-таки как-то «отмазаться» от общественного мнения: остаться там якобы работать, сохранить мандат, но при этом ничего в думе не делать, потому что у человека есть другие задачи.

Совершенно очевидно, что если даже и Явлинский, и Хакамада, и Белых сохраняют мандат и сделают вид, что они работают в городской думе, то они будут заниматься совершенно другими вещами. Так зачем же мы будем обманывать избирателя, уподобляясь «Единой России» и всем остальным партиям? Я так и не получил ответа на этот вопрос, но нам продолжают твердить: «Нет, вы должны были поставить Явлинского, вот вы сволочи, вы не поставили Явлинского, вот вы трусили, вот Явлинский трусил, он отсиживается в окопах». Ну, это уже какая-то двойная мораль. Вот Владимир Лысенко сам себе противоречил сейчас: он сначала сказал, что не надо использовать «паровозы», а потом сказал — нет, демократические «паровозы» должны были пойти во главе московского списка. Логика не видно — мне, по крайней мере, она непонятна.

Да, мы сознательно пошли на то, чтобы во главе списка встали именно эти люди — это депутаты Московской городской думы, которые имели определенный рейтинг доверия, прошли через несколько выборов в Москве, которые тоже являются москвичами, что немаловажно. Потому что когда некоторые партии типа «Родины» кричат «Москва для москвичей», стоит посмотреть, кто у них в списке. И вы увидите, что во главе списка «Родины» нет ни одного коренного москвича. И это немаловажно. К примеру, Белых — не москвич, он даже года не живет в Москве. И мы не можем его призвать и насильно навязать москвичам. Кстати, проходил опрос на «Эхе Москвы» — я думаю, его заказал СПС. Там на голосование поставили вопрос: «Вы за кого во главе списка? За Белых или за Катаева?». Почему так поставлен вопрос? Потому что мы сказали: «Мы хотим Катаева», а СПС нам сказала: «Мы хотим Белых». 90 процентов слушателей «Эха Москвы» проголосовали за Катаева во главе списка. Это москвичи прекрасно понимают. Демократический электорат — очень умный, и пытаться ему втирать очки при помощи таких комбинаций, как лидер во главе списка в органы власти субъекта федерации, это дело заведомо провальное. Мы этим заниматься не стали.

Что касается наших дальнейших перспектив. Да, мы на этих выборах в некотором смысле играем ва-банк, от результата выборов будет зависеть достаточно много, поэтому мы рассчитываем на понимание, рассчитываем на поддержку — в том числе и тех партий, которые в этот поезд сесть не успели — и отталкиваемся от того, что они апеллировали к тем ценностям, к которым сегодня апеллируем мы.

Теперь о том, что должна происходить консолидация. Я вчера публично приветствовал процесс объединения Республиканской партии и Партии солдатских матерей, так же как я приветствовал в свое время процесс объединения зеленых. Объединение — это всегда позитивный процесс, мы же рассчитываем на то, что будут поддержаны и наши формулы консолидации. А если нет, то вот и выяснится, кто на самом деле выступает за объединение, а кто против него.

Анатолий Рекант: Скажите, пожалуйста, почему Вы считаете, что, если выборы идут по партийным спискам, (что, очевидно, правильно при каких-то условиях), то и голосование в Думе должно быть партийным? Если именно партия берет на себя ответственность — она консолидированно и голосует. Если же мы голосуем за личности, тогда действует совсем другой принцип.

Сергей Митрохин: Вы совершенно правы. Кстати, здесь находится Григорий Точкин, сотрудник «Панорамы», который отслеживает все голосования всех партий, всех фракций на протяжении всей истории Государственной Думы с 1993 года. Вот, он может подтвердить, что фракция «Яблоко» практически всегда голосовала консолидированно. Да, есть вопросы, по которым мнения расходятся, но здесь наступает момент истины. Если это ключевое голосование, например, голосование по бюджету или по отставке, по вотуму недоверия правительству или по каким-то другим действительно важным политическим вопросам, то здесь голосование с противоположным знаком влечет за собой последствия вплоть до исключения из фракции.

Лев Левинсон: Сергей Сергеевич, сегодня Андрей Бузин нам много рассказал о том, как устроено современное избирательное законодательство, и мы все знаем, да и Вы на собственном опыте недавно убедились, как проходят выборы. При условиях, когда честные выборы под вопросом, когда технологически столько всего можно сделать (сейчас не буду перечислять, чтобы не отнимать времени), что адекватность волеизъявления в высшей степени сомнительна, а плюс к тому, скажем, если список «Яблока» или список КПРФ получает 8–9 процентов, то эти 8–9 процентов идут спокойненько в «Единую Россию». Оправдано ли вообще участие в выборах при таких условиях и не правильней ли, коль скоро избирательное законодательство извращено самым некрасивым образом, идти по пути народных фронтов — нечто вроде того, что сейчас предлагает Каспаров?

Сергей Митрохин: Это не только Каспаров сейчас предлагает; с идеей отказа от участия в выборах выступает Лимонов. Анпилов в последнее время выступает с идеей о проведении альтернативных выборов.

Но, на мой взгляд, все это шаг в какую-то дикую маргинальщину. Все эти идеи неучастия ведут к тому, что вы моментально маргинализуетесь, и никто не обращает на вас внимания, начиная с тех, кому вы хотите таким образом адресовать свой протест. Они не являются благодарными реципиентами данного мессиджа. Если вы не участвуете в выборах, не пользуетесь возможностями, которые предоставляет это участие, вы до них и достучаться не можете. Единственный способ заявить о том, что выборы нечестные, — это в них участвовать и доказать, что с вами поступили нечестно. А по-другому, стоя в стороне и говоря «Вот, они там друг с другом соревновались, но вот этим там присудили больше очков, а этим меньше»... Никому эти разговоры интересны не будут. Здесь политика как искусство возможного. И если возможно чего-то добиться гораздо больше, участвуя в выборах, нежели в них не участвуя, — значит, участвовать надо и руководствоваться здесь надо пословицей «Глаза боятся, руки делают».

Мы сейчас пытаемся на московских выборах каким-то образом решить эту проблему. Мы создали координационный совет по контролю за использованием административного ресурса, в который вошли несколько партий: «Яблоко», СПС, КПРФ, Партия пенсионеров. Начало положено; присоединилась, кстати, Республиканская партия, и за это ей спасибо. Это реальная структура, мы ее создали не для пиара, как эти многочисленные «честные выборы», «чистые выборы», в которых участвует «Единая Россия», (сейчас вот «Выборы-2005», главная цель которых заключается просто в том, чтобы сказать, что выборы честные). Мы создали действительно работающую структуру, которая требует определенных финансов, мы собрали серьезные финансы с каждой партии, которая в этом участвует, на равных. Будем пытаться объединить людские ресурсы, наблюдателей, юридические ресурсы уже сейчас объединяются — работа идет. Мобилизовать и политические партии, и гражданское общество на обеспечение честных выборов невозможно, не участвуя в этих выборах. Тогда это будут абстрактные наблюдатели и научные конференции на тему «Почему в России нечестные выборы». Это тоже правильно и хорошо, но результата это не дает.

Григорий Белонучкин: У меня вопрос: для чего создаются такие организации, как «Оборона» и «Да», и выполняют ли они успешно свои функции?

Сергей Митрохин: Мы несем ответственность только за «Оборону», по поводу «Да» я ничего не могу сказать. «Оборона» — это проект самореализации политизированной демократической молодежи, которой недостаточно партийного поприща, а хочется еще чего-то, где они себя будут чувствовать более самостоятельными, как молодежь обычно этого хочет. Мы, в общем, ни в чем их не стесняем, помогаем им разными способами. Естественно, есть какая-то общеполитическая рамка, но она не является узкопартийной, потому что в «Оборону» вовлекаются и представители разных партий (и не только «Яблока» и СПС), и беспартийная молодежь. Ну, в основном, конечно, сейчас это движение сугубо протестного характера, то есть это организация стихийного протеста молодежи, попытка его мобилизовать, направить в какое-то политически значимое русло.

Сергей Лукашеский: Спасибо, давайте мы сейчас все-таки перейдем к следующему выступлению.

Игорь Сажин, председатель правозащитной комиссии «Мемориал» республики Коми: Я сразу должен сказать о том, что у меня есть определенные взгляды на политику и они, к сожалению, не сходятся с взглядами тех, кто здесь перед этим выступал. Я все-таки в большей степени анархист, то есть человек, который считает, что есть то политическое поле, которое власти готовы уступить обществу, и данное поле общество должно просто забирать в свои руки, постепенно на нем организовываться. В любой демократии были пики демократические, и были пики антидемократические. Возьмите США, Великобританию, возьмите любую демократию — и вы получите как раз те самые волны. Мы сейчас находимся на пике падения демократии. И это, пожалуй, замечательный пик, потому что в этой яме можно очень хорошо подготавливаться, хорошо, серьезно работать. Можно оттачивать те механизмы, которые будут применяться, когда демократия пойдет на подъем. Поэтому рассматривать происходящее как катастрофу и говорить: «Давайте перейдем к активным политическим действиям, выхватим шашки и будем рубиться», — это уже другое действие, все-таки я не воспринимаю его как серьезное.

Что же имеется в виду под подготовкой? Я буду сейчас приводить примеры того, как мы это реализовывали у нас в республике. Первое: безусловно, должны возникнуть поля демократических обсуждений, некие точки, где люди сходятся и говорят. Я приведу простой пример — три года назад у нас в республике была создана Общественная палата. О том, что в Российской Федерации будет создана Общественная палата, мы тогда не слыхали. Палата у нас создалась сама по себе, и мы, общественные орга-

низации, ее сами склепали. Туда были допущены политические партии, которые себя практически не проявили и занимают там весьма пассивную позицию, а вот общественные организации очень хорошо действуют. И это было то самое поле, на котором можно было работать, на котором можно было обсуждать, на которое можно было впускать те или иные стороны, можно было делать заявления и тому подобное.

А одно из порождений Общественной палаты совместно с несколькими структурами — это дискуссионный клуб, который был создан летом этого года. Дискуссионный клуб работает на нейтральной территории (один из бизнесменов пускает нас в свой развлекательный клуб), и мы там один час примерно два раза в месяц обсуждаем очень острые проблемы.

Например, мы обсуждали проблему выборности/невыборности губернаторов, проблему муниципалитетов и муниципальных выборов. Вот это, по сути, и есть и оттачивание механизмов, и собственная подготовка, и создание демократии. И самое интересное, что туда охотно идут и политики, и общественники. Но там нет ни одного представителя политической партии в числе организаторов. И мы задаемся вопросом: «Чего хочет политическая партия?» Пропиариться она хочет — электоральные действия совершить, больше ничем она не занимается. Мы ей даем этот пиар, потому что стараемся привлечь в Палату журналистов, и задаем острые вопросы, которые политическим партиям были бы интересны. Мы сначала боялись, что журналисты не станут приходить, но они пришли.

Самое последнее событие — две дискуссии, после одной из которых лидер «Яблока» был избит вечером двоими неизвестными в подъезде. Почему-то все связали это с нашим дискуссионным клубом. И вот после этого журналисты просто валят на этот дискуссионный клуб и отслеживают ситуацию. Но само по себе создание полупиаровского, полудискуссионного поля, где можно говорить, — это лишь один из институтов, причающих к демократии.

Следующее. Мы хотим сделать элитарный дискуссионный клуб, не открытый для зрителей и СМИ, куда бы мы приглашали нескольких экспертов. Сегодня круглый стол мне дал очень хорошую идею: каждый у нас в городе Сыктывкаре и в республике куда-то ездит — на какие-то свои «яблочные», республиканские тусовки, тусовки СПС, где говорят интересные вещи.

Ну вот, к примеру, сегодняшний семинар: я здесь посидел, и на мне это все закончилось. Я приехал в Сыктывкар и такой умный там хожу. И вот у меня возникла идея предложить коллегам: а давайте, если мы знаем, что человек куда-то съездил, мы потом его пригласим в клуб и попросим: «Ну-ка, расскажи». И после того, как он высказался, начнем обсуждение,

потом мы это все зафиксируем, расшифруем и предложим СМИ. А СМИ, между прочим, с интересом прислушиваются к различной аргументации. Вот вам, пожалуйста — еще один институт.

Это как раз те институты, которые потихоньку научат нас публичной деятельности, публичному обсуждению, то есть тому, чего у нас, собственно, нет. На сегодняшний момент есть активная электоральная борьба партий, на которую практически никто не смотрит, потому что это популистская борьба. Вот как вчера выступал кто-то и очень хорошо сказал «у нас либо “Единая Россия”, либо популисты». Все. Чем еще занимается партия в регионе, кроме выборов? Она организует каналы влияния на губернатора. Потому что самый главный человек в регионе — это губернатор. И они создают эти самые каналы изо всех сил, больше они ничем не занимаются.

А проблема на самом-то деле очень проста: «Милые партии, давайте совместно создавать институты демократии». Но получается, что когда мы обращаемся к представителям партий и говорим: «Придите, поговорите», то они прежде всего нам задают пиаровские вопросы типа: «А будут ли СМИ?» Да не будет СМИ, приди, поговори просто, ну давайте демократию-то вместе строить.

Я приведу еще один пример и подведу итог. Мы стали создавать еще один институт. Мы решили собрать все обиженные религиозные общины: протестантов, мусульман, иудеев, старообрядцев и Русскую православную церковь за рубежом, жутко антисемитски настроенную. И сидят они за одним столом, потому что обижены Московской патриархией. И мы с ними ухитрились выстроить эту систему — периодически собираться и просто обговаривать все. Это тоже институты демократии, это та самая демократия, которая реально устанавливается на местах, это самый низкий уровень, но это та самая основа.

Или, например, мы выступили с инициативой больше влиять на местный бюджет. В частности, речь о том, чтобы в нем больше внимания уделялось медицинским учреждениям. Мы обратились к представителям Общественной палаты с предложением провести исследование медицинских учреждений. Правозащитная комиссия «Мемориал» даже подготовила инструментарий для проведения такой проверки. В результате знаете, кто проверил? Ветеранская организация бывших воинов-афганцев проверила свои медицинские учреждения, наша правозащитная комиссия и «Красный крест» — все. Ни одна партия даже не попыталась помочь.

Их же региональный бюджет не интересует, их интересуют битвы более высокие, они не хотят учиться на региональных бюджетах.

И в завершение могу еще раз сказать, что чтобы продвигать демократию на местах, мы можем создавать демократические, публичные, долговременные институты — на местах же. И тут очень важный момент — это все-таки деньги: понятно, что на западные деньги долговременные институты не создашь, грант закончился — долговременный институт сдох, это однозначно.

Но, например, наш дискуссионный клуб поддерживает предприниматель, который нас пускает. Это очень важное завоевание. Если власть его стукнет, скажет «выгони их», то это будет катастрофа, и такая угроза есть. Но сейчас он нас пускает, и мы там дискутируем, и говорим острые вещи. И вы никогда не поверите, где собирается наш религиозный совет. Он собирается в общественной приемной главы республики. Дело в том, что они сами, оказывается, в этом заинтересованы. Их уже «задолбало» наличие рядом Русской православной церкви, которая постоянно дает им подзатыльники и напоминает о том, что «мы православные».

И здесь я отвечаю господину Митрохину, который в самом начале сказал очень важную вещь: «Вы же, ребята, все равно в политике, так давайте серьезно политикой заниматься — в партиях». Для меня, по крайней мере, это прозвучало именно так. Я могу сказать только одно: уважаемые представители партий, вам все равно нужны будут профессиональные посредники. Когда мы собирали религиозные организации, когда у нас собирали дискуссионный клуб, первые наши действия вызывали недоверие, а сейчас к нам идут люди. И мы уже начинаем заниматься этим профессионально. У нас, к примеру, колоссальный опыт работы с «религиозниками» — не должно быть ни одного скандала, связанного с нашим религиозным советом. Ни в коем случае! Вот если соберутся партии, скандалы будут на руку, а если религиозные организации — упаси Господи!

Поймите, есть правозащитники — профессиональные посредники, уважайте их и не зовите их в политические партии. Не пойдем, будем заниматься профессиональным посредничеством, чтобы было в обществе, к кому прийти, с кем пообщаться и у кого найти поле для демократического публичного общения, которое является основой для демократии.

Анатолий Рекант: Скажите, пожалуйста, на каких основах создана ваша Общественная палата, что она может, чего не может?

Игорь Сажин: Она ничего не может, если сама ничего не сделает. В нашем Государственном совете, законодательном органе республики, есть несколько депутатов, которые нас понимают и разделяют наши взгляды. Эти депутаты помогают получать кое-какие документы из Госсовета, в

частности проекты, и проводить наши взгляды, например, устраивать в рамках своей депутатской деятельности какие-то слушания.

Мы не можем ничего, пока мы сами себя каким-то образом не утвердим. Когда после принятия 122-го закона на улицы вышли толпы, наша Общественная палата сделала жесточайшее заявление, но не по поводу 122-го закона, а по поводу того, как он продвигался в регионы. Мы сказали: это сволочизм, когда за два дня до принятия регионального закона, поддерживающего 122-й закон, общественности выдают проект. Мы просто сказали: «Вы издеваетесь над нами».

И знаете, как отреагировали на это наш глава республики и его администрация? Они тут же создали дополнительную организацию, «Общественную консультацию», которая тут же занялась работой. Но она просуществовала всего полгода.

Анатолий Рекант: И второй вопрос: здесь прозвучало, что в регионах весьма сильна центробежная сила. Что собой представляет эта центробежность? Мне кажется, она сильна именно в верхах власти в этих регионах, а подавляющее большинство населения как раз больше смотрит на Москву, что Москва поможет. Так ли это?

Игорь Сажин: К сожалению, это одна из важных проблем. Я, например, не согласен с Митрохиным в отношении того, что именно Сурков создал мощную систему. У наших граждан весьма сильна сакрализация власти. Если бы эта сакрализация была убрана (что невозможно), то телевидение не играло бы абсолютно никакой роли.

Я хотел привести еще один пример, чтобы все-таки появился какой-то оптимизм. У нас полтора года назад один предприниматель создал независимую газету. Сейчас эта газета — самая влиятельная в республике, туда перешли самые лучшие журналисты. Я специально пришел к этому предпринимателю и спросил: «Зачем ты ее создал, у тебя политический заказ есть?», а он мне сказал: «Ты знаешь, мне хотелось создать газету, за которую не было бы стыдно». Представляете? Сидит человек с такой колоссальной гражданской позицией — «чтобы не было стыдно».

И действительно, ребята делают серьезные аналитические материалы. Я все время пробиваюсь к журналистам с какими-то своими бредовыми идеями. Я вижу, как они профессионально отсеивают это, насколько ребята серьезно, профессионально работают. Но они с легкостью взяли материал о том, как в Воркуте избили ребят из «Мемориала». Почему? Они сказали: «Вот четко видно, что есть все нарушения». С легкостью взяли материал по поводу убийства в Воркуте правозащитницы. Это по-

казывает, что есть люди с гражданской позицией. Ими надо пользоваться, надо уметь работать, не обязательно затягивать в партии. Спасибо.

Сергей Лукашевский: Спасибо. И в завершение — Людмила Михайловна Алексеева. Тут много говорилось про то, что у нас все развивается по синусоиде, а вот Людмила Михайловна — как раз человек, который как активный общественный деятель переживает не первое падение этой синусоиды. В связи с этим хотелось бы услышать ее мнение о том, что можно делать, а чего нельзя.

Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы: Быть старше вас это не значит быть умнее вас. Я должна сказать, что одна из моих синусоид началась с того, что я познакомилась с «Панорамой» и удивилась тому, какие они были молодые и умные, я помню, какая я дура была в их возрасте. А сейчас, если по синусоиде — еще одна организация присоединилась к «Сове» и «Панораме» — «Демос», и тоже такие молодые и такие умные. Так что с синусоидами у нас все в порядке.

Но я про другое хотела сказать. Вы знаете, я слушала здесь выступления людей, принадлежащих к третьему сектору, и из политических партий. И вот по собственной реакции я понимаю (не только умом, всем своим существом), что третий сектор — это одно, а политические партии — другое. Не то что между ними совсем непроходимая грань, но это другое. И я все-таки в третьем секторе.

Нет, конечно, правозащитные организации — разные, но все-таки я достаточно имела дела, я бы сказала, с самыми сильными, самыми влиятельными в регионах правозащитными организациями, и я уверена, что они разделяют мое убеждение, что правозащитные организации — это не политические организации. И нам противопоказано быть таковыми, мы потеряем себя в таком случае, не только свой шарм, но и свои возможности. Почему?

Во-первых, потому что если вы расспросите о политической принадлежности людей из правозащитных организаций, окажется, что многие из них ни к какой партии не принадлежат, но многие имеют партийную принадлежность, более того, они люди из разных партий. И если мы начнем себя политически позиционировать, примкнув к какой-либо партии или создав новую, формируя какую-то особенную политическую идеологию, мы просто перессоримся и даже потеряем самых активных членов организаций.

Конечно, даже те, кто не участвует в политических организациях, за редким исключением, как граждане этой страны имеют политическую

позицию. И я не встречала среди правозащитников людей, которые голосуют, скажем, за КПРФ или ЛДПР. Не встречала не потому, что их не пускают в правозащитные организации, а потому, что люди с такими убеждениями в правозащитную организацию сами не придут. Конечно, мы все голосуем за какие-то партии, но еще раз говорю, что это все — демократические партии. Вот я принципиально не вхожу ни в одну политическую партию, хотя не скрывала, что голосую за СПС. Но я никогда не войду ни в какую партию именно потому, что для правозащитного сообщества я как бабушка, что ли, и они считаются с моим мнением, и если я войду в какую-то партию, это будет какой-то политический крен.

Конечно, у меня есть политические убеждения. Например, я не встаю, когда играют этот наш большевистский гимн, и это, наверное, проявление моей политической позиции, но не как правозащитника, а как гражданина.

А правозащитная деятельность — деятельность неполитическая, но очень трудно провести границу, что именно является правозащитной деятельностью, а что уже не является. Я вот совсем недавно встала перед такой проблемой. Я узнала, что Россия находится на первом месте в мире по скорости распространения СПИДа. И меня это привело в ужас. Почему у нас такая скорость? Это просто грозит тем, что через несколько лет начнется повальное вымирание молодежи. Без преувеличения. Но выступает президент и говорит, что у нас нет эпидемии. То есть наши власти этим заниматься не будут. Просвещать население, как не заразиться СПИдом, с одной стороны, и просвещать население, что ВИЧ-инфицированные не опасны, если соблюдать элементарные правила, и что не надо делать из этих людей изгоев — с другой, это не правозащитное дело, это просветительская работа. Но в то же время я думаю, что если все будут говорить, что это не мое дело, люди-то вымирать будут, и рассчитывать на чиновников мы не можем, потому что мы знаем, какие у нас чиновники. Я разговаривала в октябре с нашими партнерами из регионов и, по-моему, нашла выход. Это не правозащитное дело, но у нас есть ресурс, через который мы можем это дело поднять, и поэтому давайте этим займемся, потому что рассчитывать на чиновников невозможно. Достаем деньги и начинаем этим делом заниматься.

Так что я скорее думаю, что если уж и расширять свою деятельность, то не в политическую сферу, а в сферу просветительскую — где мы людям очень нужны. Но это совсем не значит, что правозащитники уходят от политики, от политических партий. Социально-экономические, гражданские и политические права существуют у каждого человека. И политические права не менее важны. С точки зрения политических партий они,

наверное, самые главные, а с нашей точки зрения они такие же важные, как социальные, экономические права. Хотя, я думаю, что не входящие ни в какие политические партии наши сограждане думают, что самые главные права — это социально-экономические. А мы должны всем этим заниматься.

Если говорить о политических правах, то (поскольку всем на свете мы заниматься не можем) мы должны делать то, на что не хватает политического сообщества. Мое твердое убеждение, что мы должны заниматься выборами. Потому что здесь затронуто самое массовое из политических прав. Это право, которым пользуется подавляющее большинство наших граждан, в отличие от всех остальных (скажем, от права на объединение в организации). К сожалению, очень маленькая часть нашего населения ощущает необходимость в использовании этого права.

Если мы не политики — а я утверждаю, что мы не политики, — это не значит, что мы не должны кооперироваться с политическими партиями. Должны. И то, что я согласилась быть сопредседателем Гражданского конгресса, причем не только согласилась, а стараюсь там работать по мере своих сил, подтверждает, что мы должны кооперироваться с политическими партиями, потому что Гражданский конгресс — это и есть попытка скооперироваться и объединить третий сектор с демократическими политическими партиями.

Но эта кооперация должна происходить, с моей точки зрения, на определенных условиях. Лишь в той мере мы кооперируемся с политической партией, в какой она защищает какое-то из прав граждан, становится на нашу правозащитную позицию.

Сейчас я голосую за СПС, а мы гораздо чаще кооперируемся с «Яблоком». Почему? Потому что программа «яблочников» на три четверти состоит из требований соблюдения прав граждан. В Гражданском конгрессе три сопредседателя. Если вы спросите у двух других сопредседателей, они, наверное, скажут вам иначе, зачем они заняли этот пост и чего они ждут от Гражданского конгресса. Каспаров, наверное, скажет, что надо выводить людей на улицы, Сатаров скажет, что надо противостоять диктатуре Путина, а моя цель, то, из-за чего я этим занимаюсь, — это чтобы все политические партии, которые в состоянии это делать, тратили свои силы не только на то, чтобы пройти во властные органы, но и на защиту прав человека. И вот в той мере и с такими партиями можно кооперироваться.

Например, когда мы в прошлом году пригласили на Гражданский конгресс коммунистов, нам высказано было большое «фи», а я уверена, что это было правильно: нам же не замуж за них выходить. Если коммунисты пригласят меня отмечать день рождения Сталина, я, конечно, не пойду

туда. Я отмечаю день смерти Сталина. Но если коммунисты выйдут и выведут своих сторонников на митинг протеста против нового закона о референдуме, я пойду вместе с ними, потому что я тоже против этого закона. И почему из-за того, что они коммунисты, с ними нельзя выходить? Их там много, и, глядишь, это поможет нам этот закон каким-то образом изменить.

Но и кооперируясь с политическими партиями, мы продолжаем сохранять свои методы политической активности. Да, выборы для нас очень важны. Но мы видим свою функцию на выборах не в том, чтобы поддерживать того или иного кандидата, пусть даже какой-то близкой нам партии, или, наоборот, выступить против кандидата, который нам не симпатичен. На выборах функции правозащитников — это контроль за соблюдением закона о выборах. И вот тут я согласна с Львом Семеновичем: у нас уже такой закон о выборах, что совсем не факт, что мы будем жестко стоять на страже всех его пунктов. Мы будем жестко стоять за то, чтобы при этих выборах было максимально учтено волеизъявление избирателей. Наше дело — просвещение избирателей, преследование нарушений законодательства, инициирование поправок в законодательство о выборах, протесты против ущемления прав избирателей. Опять же, это не значит, что мы одинаково относимся ко всем кандидатам. Правозащитники все-таки сочувствуют кандидатам от партий демократической направленности и просто порядочным людям, не принадлежащим ни к одной из партий, у нас и такие есть. Но сочувствовать кому-то из кандидатов, добиваться, чтобы кто-то из кандидатов победил в данном месте, или наоборот, не победил, — это мы можем не как правозащитники, а как избиратели. А как правозащитники мы должны следить за тем, чтобы выборы прошли честно.

И еще два замечания по поводу предыдущего выступления. Вы сказали, что мы сидим в нижней точке «синусоиды демократии», что у нас есть время для перегруппировки сил и так далее. Вы знаете, у меня ощущение, что мы не на самом дне этой ямы, что мы уже начали из нее потихонечку выкарабкиваться. Да, сверху ведут по нисходящей, чтобы мы вернулись к советской системе. Но по второму разу, как известно, получается не трагедия, а фарс. И настоящий, единственный фундамент для реального «выкарабкивания» — это то, что мы добрались до какого-то места в этой яме, где почва стала твердой, и мы уже не влезаем в нее дальше, а нам есть на что опереться. И есть первые шаги вверх.

Люди начинают как-то менять свое отношение даже не к власти, а к своим собственным возможностям, своему месту в мире. У меня это ощущение возникло в Благовещенске. Когда город побили, больше тысячи

человек, два человека попытались подать заявление в прокуратуру о том, что их избил. В прокуратуре эти заявления не приняли, и они решили — так тому и быть. И тут Пономарев и я свалились на них и провели городское собрание. Мы приехали и сказали — хотим провести городское собрание, хотим предложить вам свою помощь, чтобы наказать тех, кто вас незаконно избил, и добиться, чтобы этого не было в других городах. Сразу нашлось большое количество людей (в маленьком городке, где никогда ничего не было!), которые бегали и расклеивали наши листовки о проведении собрания. От мэрии ходили и эти листовки срывали, а эти люди вновь клеили.

Потом нам позвонила дама из Дома культуры и сказала, что пришли от мэра, сказали, что будет проверка электропроводки и света сегодня вечером не будет — чтобы собрания не было. Дама позвонила инкогнито, но позвонила. Благодаря этому мы успели пойти к мэру и выяснить ситуацию. Они предложили провести собрание в кинотеатре, но там маленькая площадь, кроме того, все автобусные маршруты в городе были сняты, чтобы люди не могли доехать, а из этого кинотеатра нам тоже кто-то позвонил и сказал, чтобы мы ни в коем случае не соглашались на кинотеатр, потому что с утра там половина мест занята и их люди репетируют, как надо против нас выступать. То есть, понимаете, город оказался полон людей, которые нам помогали. Поэтому я сказала мэру, что мы не пойдем в этот кинотеатр. Когда мы пришли в ДК, свет там был включен. И столько народу пришло, что стояли в коридорах, в общем, 500 человек после этого подали заявления, что их побили. После того, как мы уехали, там стали ходить по домам люди из начальства и говорить: они уехали, а вам-то с нами жить, заберите заявления. Осталось 340 заявлений, они пошли в суд, хотя им и угрожали, и с работы увольняли, и из техникумов исключали... Вот вам, пожалуйста, маленький городок. И у меня впечатление, что это не то, что мы попали на какой-то одинокий тлеющий костер, а просто у нас не хватает сил в каждом тлеющем костре высечь эту искру своим приездом. Люди этого еще не умеют сами. Но почва, по-моему, гораздо более готова, чем она была ранее.

Это идет какими-то волнами. В начале 90-х был подъем, но потом, конечно, от всего, что произошло в стране, люди увяли. А теперь немножко подкормились, немножко приспособились, и, по-моему, опять это идет. И это самое незаметное — то, что происходит внизу, — но зато и самое надежное, если эта почва будет твердеть.

У меня совсем маленькое замечание. Об Институте «Общественная экспертиза» и Абрамкине, который его ругает. Вы знаете, меня Абрамкин убедил, но не тем, что это дело Божье, а не человеческое. Мне не

понравилась процедура, которая принята там. Я согласна не со всеми инвективами, которые выдвигает «Общественная экспертиза», кого определять в мерзавцы, но получается, что вроде как мы все хором голосуем. Все-таки надо было, чтобы были персональные голосования. И поэтому я решила все-таки выйти из «Общественной экспертизы». Я не готова поддерживать каждое мнение этого, пусть даже очень достойного коллектива.

И я еще раз хочу сказать, и я на этом настаиваю: мы все-таки не политическая организация, мы — правозащитная организация.

Сергей Лукашевский: Спасибо большое, Людмила Михайловна. Пожалуйста, вопросы.

Алексей Пятковский: Вы, по-моему, единственный правозащитник, которого пригласили в Общественную палату?

Людмила Алексеева: Нет, меня не приглашали туда. Я сделала все от меня зависящее, чтобы меня не пригласили в Общественную палату...

Алексей Пятковский: Позвольте сразу вопрос... В любом случае мой вопрос касается вашего отношения к этому институту.

Людмила Алексеева: Я, как только услышала про эту Общественную палату, похолодела от ужаса, что меня туда пригласят и мне надо будет отказываться, потому что это неприлично — сидеть там. Ну, зачем мне обижать человека приглашающего? Поэтому я стала громко кричать, что я против Общественной палаты и никогда в жизни туда не войду. И меня, спасибо, туда не пригласили. Это, по-моему, очень правильное с моей стороны решение — заранее публично и громко предупредить о своем отношении к Общественной палате.

Григорий Белонучкин: Когда принимали закон о референдумах, в близких к правозащитникам партиях, СПС и «Яблоко», голосовали «за». Немцов мотивировал это голосование тем, что если состоится референдум, которого в тот момент добивалась КПРФ, то население, безусловно, проголосует «за» по вопросам, предлагаемым КПРФ, что будет означать восстановление советского социалистического строя с последующей гражданской войной. Учитывая эту аргументацию, как Вы все-таки относитесь к совместным с коммунистами действиям по «распечатыванию» процедуры референдума?

Людмила Алексеева: Я уже сказала, что отношусь хорошо, в этом мое отличие от политических деятелей. Я отстаиваю права человека, не думая, что наши люди используют свое право на какое-нибудь безобразие. Сначала надо отстоять право, а потом убеждать людей, чтобы они вели себя разумно.

Я должна сказать, что, несмотря на все причитания политических деятелей по поводу того, что, мол, если этому быдлу дать права, оно их используют этим благородным партиям во вред, до сих пор все голосования, которые были у нас, учитывая, насколько короток опыт политической жизни наших сограждан, показали, что люди совсем не глупо голосуют. Тут, конечно, надо делать поправки на то, что мы не знаем, какие на самом деле были результаты голосования. Но мне страшнее не делается. А во-вторых, ну, подумаешь, Немцов сказал, «Яблоко» сказал, я потому и не вхожу в эти партии, что хоть они и близки мне, но это совсем не значит, что я во всем их поддерживаю. Я высказываю свое отрицательное отношение. Меня возмущает даже не сам закон о референдуме, если хотите, а то, что обе эти партии за него проголосовали и оказались по нему же вне Думы. Это все равно, что сказать: «Давайте я куплю веревку, на которой меня повесят!»

Лев Левинсон: Людмила Михайловна полемизировала со мной по поводу того, что правозащитные организации не политические, но скорее — с интерпретацией моих слов Сергеем Сергеевичем Митрохиным. Я-то как раз хотел сказать (не знаю, насколько это получилось), что политические партии не должны приватизировать политическое пространство и что, не вступая ни в союз с ними, ни в сами партии и даже дистанцируясь от них, можно и нужно заниматься политической деятельностью. Я высказался в этом смысле, отнюдь не в партийном. И в этой связи Людмила Михайловна правильно говорит, что защита избирательных прав — это наше дело. Но если при таком избирательном законодательстве нашей задачей будет призвать граждан бойкотировать выборы, потому что эти выборы направлены на искажение их волеизъявления, разве не должны правозащитники это сделать?

Людмила Алексеева: Я не знаю, должны ли они отказываться от выборов. Среди тех действий, в которых правозащитники должны, с моей точки зрения, активно участвовать в связи с нашим избирательным правом, я перечислила и поправки в законодательство о выборах, и протесты против ущемления избирательных прав граждан. И вот здесь нынешнее законодательство старается закрыть все возможности реального волеизъявления избирателей, наш нынешний закон о выборах практически лишает нас избирательного права, это для меня совершенно очевидно.

И поэтому нужны и просвещение, и преследование за нарушения законодательства. Я еще раз повторю: для меня важна, собственно, не буква закона, а волеизъявление избирателей. И поскольку нынешнее избирательное право стесняет и даже сводит на нет это волеизъявление, конечно, я против этого закона. И один из примеров я привела — референдум ведь тоже относится к средствам нашего волеизъявления.

И теперь идет речь о том, что нас лишат еще одной возможности — уберут графу «против всех». При нынешнем избирательном спектре, если мне предложат идти на выборы — я не знаю, как поведут себя другие правозащитники, потому что мы никогда не склоняем наших коллег, как они будут голосовать, это дело индивидуальное, но про себя я могу сказать: если мне предложат на выбор, скажем, «Единую Россию» «Родину» и ЛДПР, то, конечно, я буду против всех. Что еще остается? А вот если «против всех» уберут, тогда я не знаю, что и делать. Потому что у меня есть принципиальная позиция: гражданин должен ходить на выборы. Я ведь и в советское время ходила на выборы. Только я вычеркивала единственного кандидата. Но я считала, что это мой выбор — пойти и вычеркнуть, а не просто сидеть дома и говорить, что я не пойду. Давайте не будем вперед забегать, когда нас совсем уж в угол загонят, но если будут убирать графу «против всех», надо против этого протестовать.

А сейчас первое, против чего я собираюсь протестовать (и уже предприняла кое-какие шаги), это против того, что поправками в законах не допускают наше участие в общественных организациях независимых общественных наблюдателей и что приглашение иностранных наблюдателей перешло к избирательным комиссиям (а мы знаем, кто формирует их мнение на местах). На этот счет я уже разговаривала с достаточным количеством членов президентского совета по правам человека и договорилась о том, что члены совета обращаются к президенту с такими словами: поскольку выборы 2007—2008 годов являются судьбоносными — ну, мы несчастный народ, у нас все выборы судьбоносные до сих пор, — то очень важно, чтобы они были легитимными в глазах граждан и в глазах окружающего мира. И вот эти два пункта очень мешают восприятию этих выборов как легитимных. Мы попросим президента выйти с поправками об отмене этих поправок. Я не уверена, что он согласится. Но у них столько возможностей фальсифицировать выборы, что может и согласиться. Может быть, это покажется убедительным. Если не покажется — что ж, будем искать другие варианты.

Реплика: Людмила Михайловна, Борис Борисович Надеждин выступал и охарактеризовал закон № 122 о монетизации льгот как высшее дос-

тижение законодательства. В этой связи сохраняются ли Ваши симпатии по отношению к СПС? Ведь есть явное противоречие между защитой социально-экономических прав и базовыми позициями СПС?

Людмила Алексеева: Еще раз повторю — я же не член СПС. Я до сих пор голосовала за СПС. Если вам интересно, я могу объяснить, что не потому, что их программа мне ближе, чем программа «яблочников», у меня есть по этому поводу чисто личные соображения. Я с глубоким уважением относилась к людям, которые решились взять на себя правление в то время, когда мы просто провалились бы без этого. К сожалению, то, что сейчас делает один из этих людей, Чубайс, меня очень глубоко огорчает; но, опять же, если ходить на выборы, то представляем такую картину: «Единая Россия», ЛДПР, «Родина», можно за «Яблоко», можно за СПС. Это уже ближе к выборам надо будет решать, кто из них больше меня огорчит к этому моменту. Конечно, не за первые три.

Александр Верховский: У меня вопрос противоположный тому, что задавал Лев. Если социально-экономические права ставятся так высоко, а с другой стороны, мы говорим, что правозащитная деятельность является политической в смысле публичного звучания, действий и деклараций, то выступления в пользу социальных прав в политическом смысле автоматически приводит к тому, что правозащитники или демократические политические организации, выступающие в поддержку этой группы прав, выступают бок о бок с КПРФ, «Родиной», лимоновцами и так далее. При чем «бок о бок» — в самом прямом смысле, вот так рядом и стоят и тем самым друг друга поддерживают.

Я понимаю аргументацию, что ради хорошего дела можно и рядом с коммунистами постоять, но с другой стороны, существуют же некоторые пределы. Например, ни одна правозащитная организация не вышла все-таки митинговать вместе с Движением против нелегальной иммиграции рядом с судом по делу Иванниковой, хотя случай, вроде бы чистый, но никто не хотел рядом с ДПНИ стоять. Где проходят границы? С кем нельзя стоять рядом ради правозащитных идеалов, а с кем можно?

Скажу даже несколько острее. Известно, какие деятели есть во фракции «Родина» — они, в общем, ничем от ДПНИ не отличаются. Вот с ними-то, на практике получается, стоять можно? Дайте, пожалуйста, свой комментарий.

Людмила Алексеева: Именно потому, что я не политик, мне очень трудно это прокомментировать. Пожалуй, можно теоретически предста-

вить себе, что из популистских соображений, скажем, ЛДПР или «Родина» защищают какое-то право, которое нам тоже дорого. Но мне очень трудно ответить, в каком случае как будут люди решать.

Во-первых, может быть, какие-то правозащитные организации будут с ними сотрудничать, и это совсем не значит, что мы их после этого отринем. Мы пожмем плечами, удивимся, будем расспрашивать их, но все-таки будем работать с ними вместе, если это наши коллеги. Скорее всего, здесь не только политические соображения, а этические, и они позволяют определить эту грань, что совсем не удивительно. Потому что, если вспомнить советский период правозащитного движения, то мы очень яростно отбивались от того, что мы выступаем из политических соображений. Мы все время говорили, что наши стимулы — этические. И я могу подтвердить это хоть на Страшном суде, как бы это ни выглядело со стороны для подавляющего большинства.

Из-за того, что поле возможностей для протестных выступлений было очень мало, к нашему движению примыкали такие люди, которые на самом деле являлись политиками, и если бы в советское время было возможно политическое движение, они бы и шли в политические партии. Буковский, Красин, я их знаю лично, они родились быть политиками, и только тяжелая судьба советского времени закинула их в правозащитное движение. Но если говорить обо всех правозащитниках, и обо мне в том числе — соображения были этические, а не политические. Я очень хорошо помню разговор на этот счет с моим младшим сыном, который, будучи десятиклассником, сказал мне: «Вот ты — антисоветчица». Я говорю: «Нет». «Но ты же против советской власти?». Я говорю: «Нет. Потому что я требую от этой власти, чтобы она с уважением относилась к своим гражданам, чтобы соблюдались права человека». А он говорит, что эта власть не может соблюдать права человека, потому что она тогда рухнет. Ну и пусть, говорю, но я не пойду на баррикады бороться с этой властью. И в этом есть смысл. Я действительно не билась против советской власти, я хотела, чтобы та власть, которая у нас есть, с уважением относилась к правам человека. Я так же и к этой власти отношусь. Пускай сидит Путин, если он в состоянии защитить права человека! А если не в состоянии, тогда мы будем выступать против — в тех случаях, когда они нарушают права человека. И это действительно этический стимул, а не политический.

Сергей Лукашевский: На этом мы завершаем наш семинар. Большое спасибо всем участникам.